Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТ
Отдел ЦК РКП (б.) по изучению истории Октябрьской революции и РКП (б.)

В. П. АНТОНОВ-САРАТОВСКИЙ

ПОД СТЯГОМ ПРОЛЕТАРСКОЙ БОРЬБЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1925

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТ

ОТДЕЛ ЦК РКП (Б.) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РКП (Б.)

В. П. АНТОНОВ-САРАТОВСКИЙ

ПОД СТЯГОМ ПРОЛЕТАРСКОЙ БОРЬБЫ

ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О РАБОТЕ В САРАТОВЕ ЗА ВРЕМЯ С 1915 г. ДО 1918 г.

ТОМ ПЕРВЫЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА ★ 1925 ★ ЛЕНИНГРАД

Гиз. № 9378. Главлит. № 34913. Напеч. 6.000 экз.

1-я Образцовая типография Госиздата. Москва, Пятницкая, 71.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложения к первой части

Статьи из Саратовской «Нашей Газеты» (1915 г.).

Приложения ко второй части

Приложения к третьей части

ИЛЛЮСТРАЦИИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ И ПОДГОТОВКИ РЕВОЛЮЦИИ

1. НАЧАЛО ВОЙНЫ

В Саратов я приехал в июле 1914 г., вскоре после об'явления войны. Пробираясь с пристани к себе на квартиру, я увидел значительную манифестацию, с хоругвями, трехцветными флагами и портретами царя и цариц. У памятника Александру II манифестация образовала митинг, на котором с большим под'емом выступали местные черносотенцы. Копируя князя Пожарского, выступала местная монархическая знаменитость — старьевщик Уваров. Толпа кричала «ура» и пела: «боже, царя храни».

Всюду были расклеены манифест, приказ о мобилизации и еще какие-то воззвания. На Немецкой улице, около редакций «Саратовского Вестника» и «Саратовского Листка» стояли толпы публики, с нетерпением ожидавшие новых телеграмм.

— «Война... война...» — слышалось на каждом перекрестке.

. . . .

Необходимо было определить свое отношение к войне.

Перечитав газеты и журналы за время моих скитаний и проделав большую внутреннюю работу, я, наконец, пришел к заключению, что для революционного с.-д. должна остаться та же позиция «пораженчества», которой мы придерживались во время русско-японской войны. Ленский расстрел, рост после него революционного движения рабочих, июльские столкновения в Питере перед началом войны приводили меня к заключению, что новое поражение самодержавия в войне развяжет руки революции и даст еще более сильную ударную волну, чем это имело место в 1905 году.

Пораженчество давало мне твердую и активную линию поведения, но оно же создало мне в Саратове в первые месяцы тяжелую изоляцию. Кроме рабочего с.-д. Ананьева и эсера А. Минина, все остальные работники большевистского, меньшевистского и эс-эровского направления не разделяли пораженческой позиции.

Более того, за исключением П. А. Лебедева, который не высказывался ни в ту, ни в другую сторону, они были определенными оборонцами. Куда ни сунешься — везде Козьмы Минины и Пожарские. Того гляди, из того или другого эс-эра, меньшевика и даже большевика выскочит Иван Сусанин. О либеральном «обществе» и говорить нечего! Оно выступало с патриотическими речами и статьями, организовывало патриотические общества и комитеты, слало верноподданнические телеграммы и адреса, патриотически обмеривало и обвешивало в магазинах и на рынках, взывало к патриотизму рабочих, выжимая из них прибавочный труд, устраивало среди них разные сборы и прочее и т. п. У присяжного поверенного Ровинского, сына известного сенатора и отчаянного националиста, даже в уборной висело отпечатанное обращение патриотического характера. Наша печать была разгромлена. Связи с питерской и московской организациями — сорваны. Приходилось питаться информацией «Речи», «Русских Ведомостей» и «Русского Слова».

Пока со страниц этих газет раздавался марш Мальбрука от имени разномастных буржуазных и феодальных групп, еще можно было терпеть. Можно сказать, что для меня он имел положительное значение. Вспоминая и сравнивая отношения буржуазных групп во время японской войны, когда они отдавали «пораженческим душком», с современным,—я лишь еще больше укреплялся в той мысли, что третьеиюньский режим создал выгодный для буржуазии симбиоз с самодержавием, и что она представляет сплошную реакционную массу, идущую против рабочего класса и революции.

Иное дело, когда газеты стали информировать о позиции социалистических лидеров и социал-демократических партий. Как булыжником по голове били: голосование 4 августа германской с.-д. фракции, позиция Зюдекума, Адлера, Геда, французской социалистической партии, профессиональных организаций и их лидеров, письма Кропоткина, статья непримиримого антимилитариста Эрве с лозунгом: «Да здравствует царь!», интервью с Вандервельде, Бурцевым, Рубановичем. Выступления Плеханова, Алексинского, Аксельрода за оборону воспринимались как несчастье. В возбужденном состоянии я ранним утром бежал на вокзал, чтобы скорее, как можно скорее получить новые газеты, и лихорадочно выискивал хоть какой-нибудь намек, хоть какое-нибудь ругательное слово в сторону «преступного» пораженчества. Ниче-

го. Наконец, катастрофа свалилась. Приехавший из Питера трудовик Бергман сообщил мне, что Ленин, подобно Плеханову, считает войну справедливой.

Переломив себя, я стал выспрашивать его: откуда это он знает, кто сказал, где и при какой обстановке это ему сказано, не видел ли он печатных произведений Ленина. Несколько сконфуженный моим тоном, он искренно рассказал мне, что был у Керенского, к тому пришел кто-то из с.-д. фракции (меньшевиков) и в разговоре упомянул про позицию Ленина.

Соврали Бергману или нет? Хорошо, если соврали. А если верно? Значит, ты ни черта не понимаешь в происходящем. Никому не желаю пережить то, что переживал тогда я. Что же, проверим себя еще раз, — сказал я себе и приступил к ревизии. План работы был приблизительно такой: 1) отношение к войнам Маркса и Энгельса, 2) отношение к войнам I и II Интернационалов, включая Базельский конгресс, 3) отношение к современной войне социалистических партий, 4) о патриотизме и защите отечества, 5) причины европейской войны, 6) причины разноголосицы в стане социализма.

После основательного изучения литературы [1]) я снова вернулся к первоначальному взгляду, однако более осложненному. Я мыслил так: капитализм вступил в новую фазу своего развития — в фазу финансового капитала. Основной чертой этой фазы является стремление капитала выйти из национальных рамок и создать капиталистический интернационал. Так как стремление к разрыву национальных рамок, происходящее в форме гигантской конкуренции трестов, не может происходить в мирной обстановке, органическим путем, а по преимуществу путем захватов, то неизбежно новая фаза ведет к империалистической политике,

---

[1]) Какой материал я имел под рукой? Это были: 1) несколько статей об отношении Маркса к войне из «Просвещения», 2) меньшевистский сборник статей из «Искры», 3) Гуго—«Справочная книга социалиста», 4) Иекк—«Интернационал», 5) отчеты и речи на интернациональных конгрессах, 6) резолюции Базельского конгресса, 7) сборник статей о патриотизме, 8) Ярошенко—«Международные тенденции в с.-д.», 9) Меринг—«История германской с.-д.», 10) вырезки о позиции социалистов из текущей литературы и газет, 11) Парвус — «Колониальная политика», 12) Гильфердинг—«Финансовый капитал», 13) М. Павлович—«Великие железнодорожные и морские пути будущего», 14) книжка т. Троцкого со статьей о социалистической революции в России, 15) Сеньобос—«История Европы» (часть приложений) и 16) ежегодники газеты «Речь».

к захватным войнам. «Великая война» и есть первая попытка разрешить мечом противоречие между национальными формами существования финансового капитала и его необходимой тенденцией к интернациональному или наднациональному единству. Маркс в «Коммунистическом Манифесте» предвидел эту тенденцию капитала. Базельский конгресс предвидел империалистическую, мировую войну. Если такова мировая экономическая и политическая ситуация, а она именно такова, то всякие разговоры о «виновниках войны», в приложении к тому или другому воюющему государству, представляют нелепость; виновник — новая стадия капитализма. Тот, кто допустил с «виновником» ошибку, тот логически должен был принять «защиту отечества», национальное единение всех классов, т.-е. оборонческую позицию.

Какова же должна быть настоящая, соответствующая об'ективным обстоятельствам политика пролетариата и его партии? Пролетариат должен был принять все меры вплоть до революции к недопущению империалистической войны. Не сумев этого сделать перед войной, пролетариат в процессе войны должен стремиться к ее ликвидации, борясь не на живот, а на смерть с своей национальной буржуазией. Тактика революционного пораженчества должна быть усвоена мировым пролетариатом, ибо только она может ликвидировать войну и доставить крупнейшие завоевания на пути к социализму. И если столь обязательна эта позиция для международного пролетарского движения, то для российского она имеет абсолютное значение. Для России необходимо войну перевести в революцию. Многого нехватало в этом взгляде, но недостаток реального (а не книжного, который все-таки имелся) европейского опыта и «злоба дня» российской действительности в первое время совершенно затушевывали все пробелы. Вернее, их не было заметно. Как бы то ни было, я торжествовал. Моя инстинктивная ненависть к войне получила, как мне казалось, достаточное теоретическое обоснование. Я снова нашел себя.

Однако вопрос о том, какова точка зрения Ленина, по-прежнему остро волновал меня, и в ноябре 1914 г. я укатил в Москву, на разведку. Здесь, на явке, я имел информацию от женщины-большевички, похожей на Яковлеву, и какого-то рабочего. Они мне рассказали, что до войны положение налаживалось, издавалась газета «Наш Путь», что вокруг нее стала завязываться нелегальная организация, но с закрытием газеты, арестом ее вдохновителей и разразившейся войной все пошло на смарку. Рабочий

говорил о том, что общая масса рабочих стоит за оборону и только отдельные, не связанные друг с другом и не пользующиеся влиянием группки рабочих придерживаются, да и то крайне неуверенно, пораженчества. На мой вопрос — сколько он знает таких группок — он ответил: «Знаю одну в четыре человека, одну в два и одну, самую большую (на Пресне), в семь человек». — Знаете ли как смотрит ЦК, т. Ленин, на войну? — спросил я. — «Слух есть, что т. Ленин — ярый пораженец». У меня отлегло от сердца. И что характерно: не появилось ни одной мысли сомнения.

Уезжал я из Москвы с ничтожным материалом. Общее впечатление было таково, что оставшиеся партийцы ждут директив и находятся в прострации. Попытка узнать, что делается у меньшевиков, не удалась, так как А. М. Никитин отказался меня принять, на том-де основании, что его и без того стерегут шпики.

Вернувшись в Саратов, я стал понемножку пропагандировать свою точку зрения. Устроил несколько собраний. Увы! — безрезультатно. На одном собрании (в составе Архангельского, Тихорского, Стечкина и кого-то еще) дело дошло до шумной ссоры.

Предложение Лебедеву и Миллеру организовать газету тоже не прошло. Оба эти большевика считали газету несвоевременной затеей. Они тоже чего-то выжидали. На минуту я был обрадован приездом из ссылки С. К. Минина. Но через несколько часов беседы я увидел, что Сергей еще колеблется. Он больше слушал, как мы с его двоюродным братом развиваем свои взгляды и как спорим с аргументацией оборонцев. Втянуть его в беседу таким образом, чтобы он ясно формулировал свое понимание событий, не удалось. Вскоре он уехал в Царицын.

Тем временем волна шовинизма все усиливалась. А. А. Минин, не найдя себе почвы в народнических кругах, ушел в академическую работу по изучению философии, а затем уехал в Питер. Я не мог уйти от жизни. От интеллигенции я решил перейти к рабочим. К тому же, в эту сторону толкнул меня один яркий случай.

Русские войска заняли Перемышль. Этот факт вызвал взрыв патриотического энтузиазма. В городе началась вакханалия манифестаций. Мимо нашей квартиры проходила какая-то манифестация. Я подошел к окну и отшатнулся: под трехцветным знаменем, с портретом царя, шли рабочие местных ж.-д. мастерских. Шла молодежь, шли старики, видавшие виды, славно боровшиеся с царизмом в 1905 году. Мои железнодорожники! Мерзавцы! Я скре-

жетал зубами, бесновался и обливал руганью рабочих, которые за двумя стеклянными рамами и со второго этажа, конечно, слышать меня не могли. Но потом я напал на самого себя. Какое ты имеешь право так ругать рабочих? Что они поддались ядовитым испарениям шовинизма? А что ты сделал для того, чтобы они поняли окружающую действительность? Ты занимался словопрениями с интеллигенцией и думал, что этого достаточно? За дело!

Через несколько дней после этого случая ко мне зашел Ананьев. Я рассказал ему о своих переживаниях и настаивал на необходимости реагировать прокламацией на усиливающийся шовинизм даже в рабочей массе. Он согласился и стал раздобывать гектограф. Я должен был написать прокламацию, он — отпечатать. Однако вскоре выяснилось, что нигде, с соблюдением конспирации, он своей задачи выполнить не может. Тогда я решил печатать у себя в квартире.

Ананьев принес ленту, чернила, и мы засели за работу. К вечеру 200 экземпляров прокламации были готовы. Ананьев часть взял в этот же день для распространения, а потом пришел за второй частью. Он с большим воодушевлением рассказал, что распространение идет довольно удачно: в уборных ж.-д. мастерских, у Гантке, Беринга и Шумилина прокламации не только расклеены, но сложены пачками. Рабочие читают с интересом, а некоторые даже с собой уносят боевые листочки. В этой прокламации я характеризовал войну, как империалистическую бойню, в которой пролетарии приносят неисчислимые жертвы на укрепление власти капитала. Отмечая ложь призыва к защите отечества, я развертывал захватнические цели царизма и призывал к революции. «Долой войну! Долой самодержавие! Да здравствует революция! Да здравствует РСДРП! Да здравствует социализм!» заканчивалась прокламация. Некоторое время мы обсуждали, от имени кого выпустить эту прокламацию. Наконец, решили: прокламация имела подпись: «Саратовский комитет РСДРП». Мы сочли возможным дать подпись несуществующей организации с последующей ответственностью перед первым организованным комитетом. Это было дерзостью, но мы твердо были убеждены в правоте нашей линии и в том, что будущий комитет не откажется от нашей прокламации.

Удача еще более окрылила меня и укрепила в убеждении перенести работу в массы. Но как это сделать, тем более, что Ананьев куда-то, не известив меня, исчез.

Случай вскоре подвернулся, но он был довольно жалким и не сулил ближайших достижений. Во всех участках города были организованы попечительства, на обязанности которых лежало установление нуждаемости семей призванных на войну. В соответствии с отзывами членов попечительства назначались выдачи. В одно из таких попечительств с некоторым омерзением вошел и я. При обследованиях я насмотрелся на нужду и ее ужасы. О, если бы знали кормильцы этих семей, героически дравшиеся за «престол отечества», в каком невыносимо тяжком положении будут их близкие. А помощь? Больше получала семья административно высланного политического, чем отправленного с крестом, попом, патриотическими напутствиями и музыкой «русского христолюбивого воина». Какое это гнусное дело — благотворительность! Так и казалось, что отсчитываемые нами рубли и копейки вымазаны в крови.

Обходя квартиры, комнаты и углы, я впервые увидел, что патриотизм — уж не такая всеоб'емлющая стихия, что в нем пробивается с каждым днем брешь и нарастает недовольство и ненависть. Я, конечно, где позволяла обстановка, углублял это недовольство. Так как в моем попечительстве работали «демократы», трудовики и просто добрые обыватели, то я попробовал поднять вопрос о том, что, по мере развития войны, ее последствия не могут быть обеспечены попечительством, что не пора ли организовать при городском самоуправлении биржу труда? Она, мол, даст работу тем, кто остается вне поля деятельности попечительства, а равно и тем, нужда которых особенно велика, и выдача пособия которым даже в максимальной мере недостаточна. Эту мысль поддержал трудовик Медведев, а затем и все попечительство. Однако мой проект был забракован, а принят проект Медведева.

Последний через Н. Петрова внес вопрос в думу, которая его еще более смяла, превратив «биржу» в особое попечительство при городской исполнительной комиссии по оказанию помощи семьям запасных. В это «попечительство» председателем был назначен Медведев, товарищем председателя — я. Работа по организации началась. Больничные кассы вынуждены были обращаться к «бирже», и здесь-то я установил с ними связи. В это время в Саратове было ни больше ни меньше, как 16 касс, из которых некоторые представляли очень жалкие учреждения, не имевшие ни сил, ни средств. Только в особо исключительных случаях соби-

ралась нелегально деловая комиссия в составе представителей более или менее крупных касс. Иного об'единения не было. Через биржевые связи я проник сперва в больничную кассу печатников, потом металлистов, деревообделочников и т. д. Всюду я находил рабочих с революционным прошлым (Егоров, Ткачев, Гордов, Ефремов, Галактионов, Синайский, Бусыгин, Мамаев и др.), но все они как-то потускнели и вели так называемую «деловую работу» в правлениях касс. Раскрыть перед ними свои сокровенные мысли, это значит — спугнуть их: поэтому я принял тоже деловой вид и стал «советчиком» во всей «больничной вермишели». Вскоре я сделался им необходимым и, учтя это, стал ставить перед ними более широкие деловые задачи.

На об'единенном заседании представителей нескольких касс я сделал доклад о ценности единой больничной кассы. Этот доклад их заинтересовал, и мы образовали особую исполнительную комиссию по об'единению касс. Я выработал проект этого об'единения. Параллельно с этим я поднял вопрос о том, что пора восстанавливать профессиональные союзы. Эта мысль также не вызвала возражений, тем более, что влияние войны сказывалось все сильнее и сильнее: безработица росла, хозяева сокращали заработную плату, а дороговизна все больнее била по рядовому рабочему.

Работники правлений касс взялись за подготовку рабочего мнения на фабриках и заводах по вопросу об организации профсоюзов. Началась раскачка.

Первым организовался профсоюз «Иглы». На первом же заседании правления союза я столкнулся с несколькими новыми рабочими, из которых С. В. Борисов, М. П. Артемьева, В. М. Корнеева, Г. Д. Курулов, Саратов и, кажется, Лосев были в той или другой степени или нелегальными или поднадзорными, прибывшими недавно из других городов.

При обсуждении плана работ союза я впервые коснулся своего взгляда на войну и нашел в вышеуказанных товарищах довольно горячий отзыв. Однако все еще мы говорили друг с другом осторожно — обиняком. Как результат моих предположений, было решено прежде всего поставить широко просветительную работу.

После этого т. Борисов стал приходить ко мне на квартиру по делам союза. Ознакомившись друг с другом, мы стали намечать дальнейшую работу в массах, при чем я посвятил его в свой

план: связать все больничные кассы в единый коллектив, этот коллектив связать с биржей труда, профессиональными союзами, просветительными и кооперативными организациями и на почве этой организационной связи из подходящих элементов создать подпольную организацию нашей партии, которая бы и руководила при помощи всех, связанных между собой, организаций и сети своих ячеек с массовым движением саратовских рабочих.

Борисов согласился, что при современной ситуации, при отчаянном безлюдьи иного пути нет. Я указал Борисову, что для широкой постановки просветительной работы необходимо иметь какое-нибудь общество, вроде тех, которые были в свое время в Питере и Москве.

Так как в Саратове еще с 1912 г. существовало либерально-просветительное общество «Маяк», в котором, как я уже упоминал, мне приходилось читать лекции, то я обратил внимание Борисова на него. В правлении общества, на-ряду с кадетом Поляком и н.-с-ом Исуповым, каким-то отставным полковником, эсерами Канавиным и Леонтьевым, были и наши т.т. — А. М. Лежава и П. А. Лебедев. Аудитория общества состояла из мелко-буржуазных элементов. Я считал необходимым на первых порах влить в состав общества активную группу рабочих, которые бы привлекали в общество рабочую публику и, усиливаясь количественно, смогли бы в определенную удобную минуту овладеть всем обществом и стать во главе его в качестве членов правления. Борисов обещал сколотить из членов своего союза активную группу человек в 20, а я решил переговорить о нашем плане с П. А. Лебедевым и Лежавой. Однажды, после общего собрания «Маяка», на котором наши активники, недовольные лекцией по истории какой-то учительницы, выступили с резкой критикой всей линии работы общества, я поставил перед Поляком, Лежавой и Лебедевым вопрос—не считают ли они необходимым: 1) орабочить их общество и 2) пересмотреть его просветительную программу в сторону постановки лекций и бесед на злободневные темы? Поляк просто пришел в ужас от моего предложения и тотчас же ушел. Лежава и Лебедев решительно заявили, что они эту попытку считают безусловно несвоевременной и даже легкомысленной, с точки зрения полицейских условий.

— Вы погубите последнюю просветительную организацию, — воскликнул Лежава, — вы утопист, переоценивающий рост революционных настроений. Помогать мы вам не станем.

— Тогда я и без вас обойдусь. Мы вас просто вытряхнем и заменим людьми, более соответствующими духу времени, — запальчиво ответил я.

Действительно, спустя некоторое время, мы с большими ссорами и скандалами принудили общество переизбрать правление и заполнили его нашими людьми. Во главе, для полиции, мы поставили проф. Какушкина, рыхлого и либерального обывателя, который почему-то, сверх моего ожидания, согласился принять столь «опасный» пост. С этого момента «Маяк» совершенно меняет и свой состав и свою программу работ: он делается просветительным обществом революционно-настроенных рабочих, но об этом после.

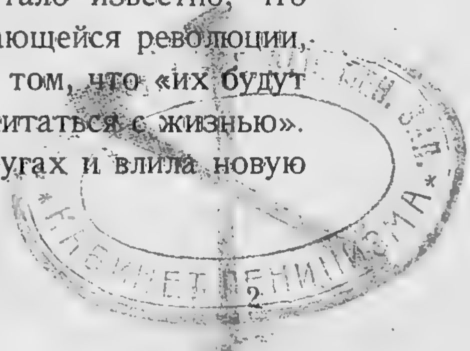
Оставалась кооперация. Ушедшие из «Маяка» народники начали разговоры о кооперации. Я тотчас же переговорил с ними и вошел в организационную комиссию. Там мы выработали устав и наметили кандидатов в члены правления. Так как я потребовал включения представителей рабочих в правление, то в кандидаты были включены рабочие — Плеханов и Мамаев. На собраниях больничных касс и профсоюзов мы провели агитацию за вступление в члены кооператива для максимального влияния рабочих на деятельность его. В связи с дороговизной рабочие отозвались довольно удовлетворительно. В культурно-просветительную комиссию вошли: С. И. Мицкевич и П. А. Лебедев. Таким образом к лету 1915 года почти весь план организации легальных рабочих учреждений и тесной их связи был выполнен.

Работая в гуще организованной массы, я зорко присматривался к активным рабочим, намечая людей для политической нелегальной работы. Поставить это дело было самой трудной задачей. Лишь двум рабочим я доверял абсолютно: Ивану Галактионову и Борисову. Остальные были или очень молоды, или забиты режимом, или еще не прощупаны. Опасения же провокации были очень велики. Да и вообще создать антивоенное политическое ядро с единой мыслью и волей в первое время было задачей почти бесплодной: нужно было ждать под'ема рабочего движения, проблески которого я уже улавливал, как камертон, это — с одной стороны, а с другой, — повести упорную работу по воспитанию более или менее надежной группы. За разрешением этой задачи застал меня Г. И. Оппоков (Ломов), вернувшийся из архангельской административной ссылки.

Целых восемь лет отделяли нас от последней встречи. Из юнца печоринского типа, с нахмуренными исподлобья мрачными глазами и независимо сложенными на груди руками, от всей фигуры которого за версту дышало заговором и ррреволюционностью, он превратился в опытного, энергичного конспиратора и прекрасного популяризатора. Обрадованные встречей, мы быстро сговорились по основным вопросам, при чем оказалось, что у нас почти нет разногласий. Это было великолепно. Я получил новый запас энергии. Еще бы: теперь нас четверо! Рассказав, какую кашу заварил и как она недурно варится, я сообщил ему о своих неудачах с нашей интеллигенцией. «Ты их знаешь, — говорил я, — все это старые, испытанные, хорошие ребята; но долгое пребывание в интеллигентской среде, отрыв от масс создали у них какой-то дурацкий уклон. Они не видят перспективы, не доверяют рабочему движению, путаются с войной и... сидят как кроты в норах. Хоть бы организовать их для газеты. Ведь она нужна до-зарезу. Попробуй-ка». Оппоков принял на себя эту миссию и повел с ними «индивидуальные беседы».

Вскоре я ввел Оппокова в профсоюзы и «Маяк». Он хотел работать со мною бок-о-бок во всех сферах массового движения. Мы стали лихорадочно работать. И как работали! Летели! Чувствуя за собой массу, стали наглеть с каждым днем... На общих собраниях больничных касс, профсоюзов, биржи труда, в «Маяке» и т. д. мы выступали с критикой оборончества, против войны и правительства, за организацию масс для революции.

Каждое из этих собраний превращалось, в сущности, в политический митинг. Полиция, присутствовавшая на этих собраниях, не знала, что предпринять. Сплошь и рядом она пыталась полемизировать с нами тут же на собрании, но из этого выходил для нее один конфуз. Дело дошло до того, что обычно посылавшийся на наши собрания помощник пристава не выдержал и... застрелился. Потом через буржуазные круги нам стало известно, что он оставил письмо, в котором писал о надвигающейся революции, о своей неприспособленности к новой жизни, о том, что «их будут душить как собак» и что «лучше заранее рассчитаться с жизнью». Весть об этом быстро разнеслась в рабочих кругах и влила новую струю уверенности в массы.

2. «НАША ГАЗЕТА»

К весне приехали в Саратов В. П. Ногин и М. С. Александров (Ольминский-«Галерка»); последний поселился у своего родственника — Лежавы. Они первые привезли нам перепечатки из зарубежного «Социал-Демократа». Почти восемь месяцев войны мы точно не знали линии нашего ЦК. Да и полученные перепечатки оставляли сотню вопросов неясными и неразрешенными. Лишь одно было несомненно, что мы имели линию, похожую на линию руководящего центра. И то хорошо. Как никак, а мы, можно сказать, до сотворения мира своим умом дошли. Это дало нам еще больше самоуверенности. Жорж, несмотря на то, что я чуть ли не каждую встречу уговаривал быть осторожнее с вербовкой в нелегальный центр, в один из прекрасных дней мая (1915 г.) позвал меня на «учредительное собрание». Собрание состоялось на горке близ Громовского сада. В состав его входили: Жорж (Оппоков), я, И. Галактионов, В. Любимов (впоследствии оказался провокатором), Борисов, Курулов и еще кто-то. Таким образом «здание было увенчано»; политический руководящий центр создан. Кроме того, Жорж взялся вести кружок, по преимуществу учащейся молодежи. Вскоре выяснилось, что, вместо кружков, гораздо целесообразнее вести широкую пропагандистскую работу в «Маяке», который к тому же стал штаб-квартирой нелегального руководящего центра. «Маяк» и Саратовский комитет РСДРП были синонимами.

С лета мы развернули в «Маяке» довольно крупную лекционную кампанию на злободневные темы. Читались. примерно, следующие лекции: история социальных учений, кризис идеи народного суверенитета, критика брошюры Плеханова о войне, о новой фазе капитализма и др. (мною); об империализме, о вопросах империализма по книге Павловича «О великих ж.-д. и водных путях», об аграрном вопросе в связи с результатами столыпинской реформы и др. (Оппоков); о новой Европе (С. Вольский); о страховании рабочих (кажется, Лебедев); о судьбах еврейства в России (О. Перельман); о германской с.-д. и народничестве (Мейеров) и др.; кроме того, ставились лекции по истории, литературе и естествознанию. Лекции по общественным вопросам, какой бы заголовок ни носили, всегда имели своим содержанием «злобу дня» и подвергались длительному и горячему обсуждению. В этих обсуждениях и эпизодических беседах, пожалуй, было больше

политического воспитания, чем в самих лекциях. И еще больше— в частных товарищеских беседах, своего рода летучих кружках, образовавшихся из того постоянного кадра рабочих, который после работы обязательно забегал в «Маяк» почитать газетку, новую книжку журнала или просто провести за «чайком» время. Все, что было сознательного, ищущего и недовольного в низах рабочей массы, перебывало в нашем обществе. О «Маяке» заговорили не только в губернии, но и в других местах. Потянулись рабочие, по преимуществу нелегальщики и административные, на Волгу, в Саратов, в «Маяк». Появились т.т. С. Я. Раппопорт, М. И. Хрынин, М. Розенштейн, Ю. К. Милонов, Иоффе и др. Милонова я вскоре устроил секретарем больничной кассы печатников.

Сергей Васильевич Борисов.

М. Розенштейн стал связующим звеном между нами и Романенко, представительницей Красного политического креста. Раппопорт стал секретарем «Маяка», а Хрынин вошел в нелегальный центр. К этому же времени раскачался П. Лебедев, вошедший в биржу труда, профессиональное движение и «Маяк». М. С. Ольминский также стал бывать на собраниях общества и принимать участие в беседах. В «Маяке» появился С. И. Мицкевич.

Наконец, в июле на квартире Лебедева состоялось собрание нашей интеллигенции. На собрании были: Лебедев, Ногин, Ольминский, Оппоков, Мицкевич, Андреев, И. Галактионов, Курулов и я. Мы с Оппоковым информировали собрание о состоянии рабочего движения в городе, о тех организационных формах, в которых оно протекает, о потребности в интеллигентных работниках и о необходимости реализовать мысль о создании своей газеты. Хотя в вопросах, которые задавались нам, слышался скепсис, — собрание решило поставить в первую очередь газету.

а затем усилить свою деятельность в «Маяке». Начало было заложено.

Для газеты нужно было на первый раз не менее 1.000 р., а мы все жили довольно бедно. Приходилось «подковывать» направо и налево. Недели через две нужная сумма была собрана, тем более, что, помимо сборов от сочувствующих, мне удалось получить, кажется, 250 р. от революционно настроенного Ивана Дворецкого, сына местного купца. Можно было начинать.

— А знаешь, о чем поговаривают наши литераторы? — спросил Жорж. — Они хотят, чтобы коллегия сотрудников была самостоятельной и определяла линию газеты.

— Значит, без хозяина. Ну, это им не пройдет,—вскипел я.

Мы созвали комитет и доложили о «злостных» намерениях наших друзей. Комитет поднялся на дыбы. Ни в каком случае! Партийному комитету должен подчинятся партийный орган. В противном случае — решительный разрыв. Отстаивать точку зрения комитета было поручено Курулову, И. Галактионову, Оппокову и мне. Мы решили не замазывать вопроса и, если они почему-либо его не поднимут, поднять самим, чтобы все точки над і были поставлены. Следующее собрание, с включением введенного в нашу среду Лебедевым самарца Кравченко и Югова [1]), состоялось на квартире у Мицкевича. Сообщив о материальных достижениях, мы предложили обсудить вопросы: 1) название газеты, 2) состав редакции, 3) о формальном редакторе.

По первому вопросу мнения разделились, при чем я, предлагавший продолжить традицию и окрестить газету «Саратовской Правдой», или «Вперед», или «Саратовский Пролетарий», остался в единственном числе. Было принято название: «Наша Газета», предложенное тов. Лебедевым. Острее встал второй вопрос. Было видно, что товарищи решили взять газету в свои руки. Застрельщиками этого решения выступили Лебедев и Ногин. Мы энергично заявили о постановлении комитета. После горячего спора, в котором мы выслушали ряд намеков на то, что именно мы хотим руководить ими, что еще неизвестно — какой такой есть комитет и есть ли он вообще, что мы — «утописты-фантазеры» и пр., они согласились с принципом подчинения комитету. Единственно, кто поддерживал нас, это Ольминский и Мицкевич.

---

[1]) Югов — ныне член ЦК меньшевиков и сотрудник «Социалистического Вестника».

Но едва ли они так сравнительно скоро согласились бы с нами, если бы Курулов «по-рабочему» не отругал их «за гнилую интеллигентщину». Редакция признана была в составе Лебедева, Оппокова и меня. Формальных редактора и издателя не нашлось. Мы от имени комитета взяли подыскание этих необходимых лиц на себя. В издатели комитет наметил С. Нацаренуса, в редакторы — С. Лазарева, которого через два номера пришлось заменить М. П. Артемьевой, работницей из профсоюза «Игла».

Между собой мы решили включить в редакцию тов. Ольминского, как уважаемого партийца и видного работника «Правды». Первое заседание редакции и состоялось у него на квартире. Несмотря на болезненное состояние, он принял живейшее участие в нашем общем деле. То мягко, с какой-то «герценовской» барственностью, то со стальными нотами в голосе, то с ядовитой, но всегда тонкой иронией беседовал он с нами и обогащал нас своим незаурядным опытом. Часто и помимо газеты мы забегали к нему посоветоваться по тому или другому вопросу революционной практики. На заседании мы прежде всего решили, в интересах сохранения газеты, подбирать материал таким образом, чтобы цензура не могла очень сильно придираться, т.-е. нужно было ставить дело так, чтобы весь номер говорил о нашем направлении, а не какая-нибудь отдельная статья. Статью от редакции поручили П. А. Лебедеву. Три статьи (две передовицы и одну на тему «Из-за чего шум») дал Ольминский. Ногин написал экономический фельетон «Застарелая болезнь». Я составил местную и иногороднюю рабочую хронику. Оппоков дал небольшую заметку о росте забастовок за границей во время войны. Вся тяжесть по составлению номеров, распределению материала, корректура, наблюдение за версткой и печатанием пала на меня с Жоржем. В дальнейших номерах изредка нам помогал в корректуре тов. Лебедев. Комитет и «маяковцы» ждали первого номера с необычайным волнением. По нескольку раз в день забегали они в типографию посмотреть, как идет работа. Когда же началось действительно печатание, группа рабочих во главе со Степановым дежурила до 4 ч. ночи; трясущимися от волнения руками ребята подхватывали еще влажные, пахнущие свежей краской листы, складывали на переломе и, запихнув за пазуху, с вороватым оглядом уходили в сероватые сумерки брезжущего утра.

Первый номер вышел в субботу 8 августа 1915 г. Знаменательный день: в России снова появилась большевистская

газета, легальное печатное слово впервые заговорило против войны — за революцию.

Мы чувствовали себя именинниками. Перечитали номер несколько раз; каждая корректурная опечатка, каждая неправильно поставленная запятая вызывали бурную досаду. С. И. Мицкевич, — этот великолепный экземпляр старого с.-д. интеллигента, мягкий, скромный до робости, кристальной души человек, — не мог усидеть дома. Теребя свою бородку, он несколько конфузливо каялся мне, что он почти не верил в успех дела, что, видно, что-то прорвалось в самодержавной шубе, и что он обязательно к следующему номеру даст свою статью. Комитет по поводу благополучного начала устроил даже нечто вроде вечеринки в «Маяке»: собралась своя компания за чаем с бутербродами. «А, каково! А! Вы только подумайте! Иду с нашей газетой мимо городового. На-ка вот, выкуси! Села против него на тумбу и стала читать вслух. Только покосился— и больше ничего!»—басовито хохотала В. Корнеева, старая партийная работница и член профсоюза «Игла». По обычаю, пенснэ танцовало на ее носу гопак и лохматая шевелюра моталась из стороны в сторону, проклиная, повидимому, судьбу за то, что она дала ей столь непоседливую голову.

Так оно и было. На нас пока покосились, — и больше ничего.

Газета вышла во-время. Гнет войны разрушал хозяйство страны. Предметы первой необходимости возросли даже в хлебном Саратове в три-четыре раза. Заработная плата отставала в той же пропорции. Новые и новые мобилизации угрожали все новым слоям населения. Начавшиеся поражения на фронте ставили вопрос о цене крови. На почве этих явлений и, в первую очередь, экономических, рабочий класс России начал глухо волноваться. Начались экономические забастовки в Питере, в Москве, Костроме, Туле, Иваново-Вознесенске, на Сормовских заводах и т. д. Правительство на это ответило жестокой репрессией. Снова отдан был приказ: «патронов не жалеть!». Полиция стала стрелять в стачечников. Полилась кровь рабочих в Костроме, Иваново-Вознесенске и других местах. Обыски и аресты приняли массовый характер, экономика переходила в политику. В то же время буржуазия, в лице думского прогрессивного блока, а затем разных с'ездов, фрондировала против правительства, требуя министров, облеченных общественным доверием. В своей борьбе она стремилась идеологически еще больше спутать рабочий класс, чем это ей удалось в начале войны. Нужен был орган, который мог бы дать

направление движению с точки зрения правильно понимаемых классовых интересов. Конечно, мы не претендовали на столь широкое влияние; мы надеялись лишь на узкий район Поволжья. Однако письма, которые стала получать наша редакция после первого же номера, показали, что, во-первых, наша газета более или менее удовлетворяет запросы сознательных рабочих, и что, во-вторых, она может пойти дальше тех рамок, на которые мы рассчитывали.

В качестве образца привожу несколько писем (напечатанных в газете): «Мы, группа столяров и паркетчиков Петрограда, горячо приветствуем «Нашу Газету» и тех товарищей, которые создали в такую трудную минуту необходимый светильник, дабы указать верный путь сбитому с дороги пролетариату России. Мы надеемся и глубоко верим, что голос саратовских товарищей услышит весь пролетариат России и поддержит морально и материально «Нашу Газету»; «политические ссыльные Астраханской губ. приветствуют орган рабочей демократии»; «политические ссыльные г. Нарыма с радостью приветствуют «Нашу Газету», как первый орган последовательной демократии, и выражают свою уверенность, что она и впредь будет твердо стоять на страже интересов рабочего класса»; группа приказчиков и рабочих г. Витебска писала: «Разразилась война и не стало рабочей прессы. В ее лице рабочий класс потерял защитника своих интересов, стойкого борца за правду, свободу мысли и лучшее будущее человечества. Уж много жертв пало в этой борьбе, много их падет еще, но свободное слово задушить невозможно. И вот снова зазвучал это голос, радостно отозвались ему. Среди темноты и мрака, нас окружающих, он ворвался к нам, как оживляющий луч солнца, и озарил и осветил нашу горемычную, подневольную жизнь... Пусть же мощно и гордо звучит голос правды, пусть ширится и крепнет наша рабочая печать, честно отражающая переживания и чаяния рабочего люда» и т. д.

«Почтовый ящик» дает некоторое (весьма неполное) представление о корреспондентских связях, например: «Енисейск. Муранову. Получили. Благодарны. Просим писать. Шлем свой привет». — «Самара. Корреспонденцию о порядках в тюрьме получили». — «Черный Яр. Кол-ву. Статьи получены». — «Петроградцам. Присылайте заводскую хронику, пишите о выб. кампании в военн.-промышл. ком.».—«Новгород. Р-ву. Отвечаем письмом».— «Одесса. Заводскому рабочему. Присылайте хронику по отдельным

предприятиям, как вы обещали» и т. д. Подписка рабочих коллективов и отдельных лиц шла из Москвы, Питера, Одессы, Харькова, Н.-Новгорода, Иваново-Вознесенска, Екатеринослава, Астрахани. Самары, Костромы, Ростова на-Дону, Тифлиса, Ташкента, Екатеринбурга, Енисейска, Минусинска, Иркутска, Казани, Витебска, Могилева, Царицына и др. городов России.

Повидимому, слух о газете дошел и до нашей зарубежной эмиграции, так как получился запрос из Женевы. С этим запросом произошел курьез. Заделав газету, Раппопорт пошел сдавать бандероль на почту. Почта ее не приняла. Я не поверил и пошел сам.

— Почему вы не принимаете заказную бандероль в Швейцарию? — спросил я приемщика. — «Потому, что война и связи прерваны», последовал ответ. — Но ведь вот же я получил открытку из Женевы. — «Это через Финляндию, там, может быть, и принимают, а у нас — нет».

Требования на газету росли с каждым днем, и мы должны были довести тираж с первоначальных 2.000 до 10.000 к моменту полицейской ликвидации. Со всех сторон текли пожертвования в фонд газеты, и мы даже помышляли об ежедневном издании (газета выходила раз в неделю); но всевидящее око правительства не выдержало света и в половине четвертого месяца (18 августа — 20 октября) затушило наш огонек. За период своего существования газета имела 10 №№, из которых два номера (7 и 10) были конфискованы, а другие выходили с довольно частыми цензурными пробелами. И седьмой и десятый номера были конфискованы за мои и оппоковские передовицы. Дело в том, что уже с третьего номера полицейская атмосфера над нами стала сгущаться: появились наблюдатели около типографии, и цензор все свирепее кромсал газету. Материал на цензуру относил обычно сам владелец типографии Б. Рабинович, юркий, трусливый и жадный суб'ект. Получив цензурованный четвертый номер, Рабинович пришел хмурый и раздраженный.

— Ох, связался я с вами, — стонал он, — того гляди, сядешь. Нынче цензор мне такого жару задал, что даже в пот ударило. «Когда, — кричит, — я освобожусь от этой сволочи? Что думают о себе ваши сумасшедшие социал-демократы?! Что, они меня за дурака считают! Сукины, — говорит, — дети!»

— А вы ему скажите в следующий раз, что и мы о нем того же мнения.

— Что вы, разве можно? — завертелся Рабинович. — Шугите. Ох, закроют у меня с вами типографию — куска лишусь. Не можете ли вы хоть прибавить за номер?

Чтобы заткнуть глотку, мы обещали прибавку, но для нас стало ясно, что дни наши «сочтены». А коли так, то умирать с музыкой! С каждым новым номером мы повышали резкость тона, давая для своей аудитории, в сущности, не передовицы, а прокламации. Как нас терпели до 10 номера, я прямо не понимаю. Быть может, правы были слухи из буржуазных кругов, что этим мы обязаны служебным интригам в охранке. Якобы мы стали выходить в тот удачный момент, когда старый начальник жандармского управления отзывался, а новый из Астрахани еще не приехал. Уходящий и решил «подложить свинью» новичку и не глушить нашу газету. «Замучившийся» с нами цензор, однако, не выдержал ведомственной марки и «преждевременно» ее прихлопнул.

Чем же привлекала к себе рабочего читателя наша газета? Каково было ее содержание?

В приложении к воспоминаниям я даю ряд статей из газеты, достаточно выпукло характеризующих ее содержание [1]); здесь же отмечу лишь основное. Прежде всего в газете была недурно поставлена рабочая корреспонденция с фабрик и заводов, не только местных, но и иногородних. Написанные понятным для рабочих языком, касающиеся самых жгучих вопросов того или другого предприятия, корреспонденции вызывали в массах большой интерес, фиксировали их внимание на отрицательных сторонах жизни, создавали убеждение в том, что в других городах рабочие находятся в одинаково с ними скверных условиях, и намечали методы борьбы. К рабочей корреспонденции примыкала информация о происходящем в стране рабочем движении, о забастовках, кровавых столкновениях, правительственных мероприятиях по ликвидации движения, о запросах в думе меньшевистской (наша была уже в Сибири) и трудовой фракций. Следующее место занимали статьи по экономическим вопросам и, в первую очередь, о дороговизне («Застарелая болезнь» и др. — В. Ногина, «К борьбе с дороговизной жизни» — И. Колосова). Затем шли кампании: 1) по организации профсоюзов, 2) по организации беженцев, 3) против вхождения рабочих в военно-промышленные комитеты («Рабочие и военн.-пром. комитеты» и пр. — М. Ольминского),

---

[1]) См. приложения (к 1-ой части) №№ 1—9.

4) за освобождение из ссылки фракции («Дума и амнистия» и пр.— мои), 5) против третьеиюньской думы и политики буржуазии («Ответственный момент», «В тот самый момент»—передовица от 8 августа, «Об ответственности», «В среде московской буржуазии», «Роспуск Думы», «Прошлое и настоящее», «Обход левого фланга», «Новый министр о рабочем вопросе» — М. Ольминского; передовица 18 августа, «Дума и амнистия», передовица от 11 сентября, передовица от 19 сентября, передовица от 29 сентября и др.—мои; «Черный блок», «Ставка бита», «Они спешат», вторая передовица 29 сентября и др. — Оппокова-Ломова); все эти статьи вскрывали контр-революционную сущность буржуазии и ее политические комбинации в тот период как по отношению к правительству, так и по отношению к рабочему классу; 6) против войны (каждая статья и даже каждая заметка выявляли свое отрицательное отношение к войне; кроме того, были даны: «Новые взгляды», «Самозванные прокуроры» — М. Ольминского; «Рабочая повинность», «Плеханов и война» — мои; «Цена войны», «Из прошлого» — Оппокова-Ломова; «Отношение германской с.-д. к войне» — С. Мицкевича; «Борьба за колонии» — В. Ногина); 7) за революцию; эта кампания велась, конечно, всем содержанием номеров газеты: специальных статей не могло быть по цензурным условиям; однако для характеристики этого типа кампании я приведу хотя бы две выписки из моих передовиц. Выясняя политический смысл состоявшихся 6 сентября всероссийских с'ездов земств и городов, я писал: «...страх перед демократическим движением превышал даже тот страх, который внушала деятельность «лиц, ведущих страну к гибели». Ворожея либерализма, Е. Трубецкой, сам участник с'езда и ярый защитник поклона направо, очень удачно выявил эту подоплеку с'ездов в знаменитой статье, озаглавленной: «К постановлениям московских с'ездов». Захлебываясь от восторга, он писал: «тот факт, что столь разнообразные политические группы сошлись в общем обращении, уже сам по себе доказывает, что в настоящее время в России нет революции. Если и были за последние дни революционные настроения, то теперь над этими настроениями одержана полная победа. Россия доказала, что она не хочет революции». Далее, умиляясь тем, что Гучков и Милюков «на подготовительном совещании сидели за одним столом», он продолжает: «ведь А. И. Гучков и П. Н. Милюков, как и все мы, за эти дни сошлись не только в общем отрицании революции, но и в общей борьбе против нее».

НАША ГАЗЕТА

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

№ 6.
Пятница, 18 сентября 1915 г.

Подписная цѣна съ доставкой на домъ:
На 1 мѣсяцъ . . . 20 коп.
„ 3 „ . . . 60 „
„ 6 „ . . . 1 руб.
„ 12 „ . . . 2 „

ОТДѢЛЬНЫЙ НОМЕРЪ 3 КОП.

Адресъ редакціи и конторы.
Саратовъ, уг. Вольской и Царицынской типографія Рабиновичъ.
Контора открыта ежедневно кромѣ праздниковъ отъ 12—2 ч. дня
Редакція . . . по вторникамъ и пятницамъ отъ 12—2 ч. дня

Объявленія принимаются:
Впереди текста [illegible] за строку петита, сзади текста 5 коп. за строку.

Слѣдующій №
выйдетъ
25-го сентября.

Саратовъ, 18 сентября.

6 сентября [illegible] съ [illegible] учительное для широкихъ слоевъ демократіи [illegible] земскихъ [illegible] торжественнѣйшій открытіе засѣданія двухъ всероссійскихъ съѣздовъ [illegible] Первый же день своихъ занятій оба съѣзда [illegible] ораторы [illegible] „опустить бороду, утк... въ Сибирь, що не [illegible]" [illegible] правительства [illegible] Думы [illegible] [illegible] въ Россіи есть революція. Если и были въ послѣдніе дни революціонныя настроенія, то теперь надъ этими настроеніями одержана полная побѣда [illegible] что она не хочетъ революціи". Дальше [illegible] что Гучковъ и Милюковъ „не подготовлены [illegible]"—они предложили—„Какъ А. И. Гучковъ и П. Н. Милюковъ [illegible] не только въ обществѣ отрицанія революціи, но и въ общей активной борьбѣ противъ нея". Комментарии излишни. Демократія не [illegible] контръ-революціонную [illegible] нашей буржуазіи теперь она еще болѣе укрѣпляется въ этомъ убѣжденіи [illegible] буржуазія „Рѣчи" говоритъ—я не хочу такого [illegible] и [illegible] что наличіе существуетъ, [illegible]

[illegible]

ОНИ СПѢШАТЪ.

[illegible]

Къ вопросу объ участіи рабочихъ въ Центральномъ В.-Промышленномъ Комитетѣ.

[illegible]

Комментарии излишни. Демократия, во главе с рабочим классом, и раньше знала контр-революционную природу нашей буржуазии; теперь она еще более укрепляется в этом убеждении, но она начинает укрепляться и в том убеждении, что, когда буржуазная «Россия» говорит: «я не хочу такого-то явления, я борюсь с таким-то явлением, я победила такое-то явление», — это значит, что явление существует, развивается и вызывает тревогу» (передовица от 19 сентября).

И еще: «Обставленные величайшей конспирацией, стали собираться с'езды, на которых вырабатываются планы борьбы с «вновь поднявшей голову гидрой революции». В общественной атмосфере снова запахло «террором справа» — погромами, боевыми дружинами и прочими «тактическими» приемами, столь любезными сердцу каждого махрового черносотенца еще со времен 17 октября 1905 года... Иное дело демократия во главе с рабочим классом. Поставленные в невозможные условия, обе эти силы, судя по целому ряду данных, не могут и не хотят дальше мириться с этими условиями. Зорко следя за командующими группами, учитывая все шаги мобилизации черных банд, они также, не покладая рук, работают над воссозданием и укреплением своих политических, профессиональных и иных организаций. И пусть не думают реакционные и либеральные круги, что им удастся обмануть и увлечь за собой рабочих и демократию. Массы слишком много выстрадали, слишком много продумали, чтобы попасться еще раз на удочку «общенациональных» призывов. В решительный момент, — а он не за горами, — пролетариат и демократия свою организованную силу и свои лозунги полного политического раскрепощения России резко и определенно противопоставят всем как погромным, так и ублюдочно-либеральным начинаниям» (передовица от 29 сентября).

Что касается специально антивоенных статей, то они носили главным образом негативный, критический характер, при чем это происходило не только и не столько по цензурным условиям, сколько по известной непродуманности всех выводов из социально-политической мировой кон'юнктуры того времени. Даже в самой оценке этой кон'юнктуры были некоторые довольно существенные оттенки. Так, напр., я и, повидимому, М. Ольминский находились под влиянием гильфердинговского «Финансового капитала», а Ломов и Ногин — под влиянием М. Павловича. Вопросы «мира», качества грядущей революции, роль партии в будущем

временном правительстве и т. п. рисовались нам или довольно смутно, или совсем не входили в поле нашего мышления. Мне помнится лишь одна беседа в декабре 1915 г., когда Ольминскому и Ломову я высказал мысль о том, что, повидимому, революция выйдет за пределы чисто буржуазной. Оба товарища заметили, что это предположение требует очень серьезного обдумывания. Да я и сам понимал, что высказанное мною предположение есть скорее интуиция, чем аргументированное мнение.

Теперь мне кажется, что мы, несмотря на принципиальное признание эпохи мирового империализма, не делали всех выводов потому, что на нас давили национальные формы рабочего движения и тем самым приковывали внимание лишь к основному тогда вопросу о сопротивлении войне и переводу ее в революцию. Практика русского движения брала верх над теорией движения международного. Идя впереди своей рабочей массы, мы в то же время росли вместе с нею. Это отражалось и в газете.

Как бы там ни было — мы сделали свое дело. Если оно было не столь велико для всей страны, то для местного оживления рабочих, для усиления темпа организации и формирования революционно-классового сознания оно имело безусловное значение [1]).

3. РОСТ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

К концу существования газеты местная рабочая масса была проникнута уверенным и боевым настроением. Рабочие организации стали выступать со своими требованиями, переплетая непосредственно экономические с политическими. Так, напр., проведена была кампания за изменение устава «биржи труда», причем рабочие, в знак протеста против отказа городского самоуправления реорганизовать биржу на началах выработанного мною положения, отказались участвовать в бирже, огласив следующее заявление:

«Ознакомившись из доклада правления попечительства под именем «Биржа Труда» с отношением городской исполнительной комиссии к вопросу о реорганизации попечительства на основах паритета, рабочая группа попечительства полагает, что,

---

[1]) На-ряду с газетой мы выпускали нелегально листовки и воззвания; известная карточка «Депутаты в ссылке», изображавшая в арестантских халатах «шестерку» и полученная от т. Г. И. Петровского, была нами отпечатана в 10.000 экземплярах и распространена по всей стране.

ввиду настоятельной необходимости учреждения при городском общественном управлении паритетной биржи труда, исполнительная комиссия не имела права отклонить обсуждение предложенного ей проекта и скрыться за ширмами юридического крючкотворства; что принятое ею решение просить думу выделить комиссию для выработки проекта биржи труда представляет ни больше ни меньше, как похороны насущного для нас, рабочих, вопроса; что решение передать в будущую комиссию проект паритетной биржи есть явно отрицательное к нему отношение, а тем самым отрицательное отношение к нашим нуждам и пожеланиям, при чем исполнительная комиссия не может сослаться на незнание желаний рабочих, — они были доведены до сведения комиссии; что своим распоряжением допустить запись так наз. беженцев, исполнительная комиссия не только допустила нелогичный шаг, но и оказала сомнительную услугу последним, так как современная организация попечительства «Биржи Труда» не имеет ни средств, ни сил предохранить «беженцев» от бесшабашной эксплоатации и оградить местных рабочих от невольного штрейкбрехерства голодных и растерявшихся людей. Благодаря этому шагу комиссии могут произойти столкновения, чреватые последствиями. Принимая все это во внимание, мы, представители рабочих организаций, не находим возможным участвовать в попечительстве «Биржи Труда» впредь до реорганизации его в настоящую биржу труда, на основах, изложенных в проекте, так бесцеремонно отвергнутом исполнительной комиссией».

Своим уходом и оглашенным протестом рабочие представители столкнули массу с цензовой думой и углубили между ними и ранее существовавший антагонизм; а с другой — подготовили минированную почву для кампании против дороговизны, которую мы провели через больничные кассы. В обоих случаях, кроме мобилизации массового недовольства, были достигнуты и некоторые реальные результаты. Проект устава «Биржи Труда» был в конечном счете принят; в связи с кампанией по дороговизне городским самоуправлением дана была «Обществу потребителей г. Саратова» некоторая материальная поддержка. Недурно также прошла кампания против военно-промышленных комитетов: все рабочие организации и собрания рабочих, созванные по этому вопросу, решительно высказались против вхождения и заявили в ряде резолюций свое полное несогласие помогать буржуазии «обделывать делишки на поте и крови обманутых трудовых масс».

Значительный интерес представляла кампания за организацию помощи «беженцам», т.-е. трудовым элементам, выкинутым войной из своих родных мест. Этой кампанией я рассчитывал убить двух зайцев: с одной стороны, связать пришлый рабочий элемент с местной массой и организациями, устранить между ними экономический антагонизм, а с другой — воспользоваться легальной формой оказания помощи беженцам и создать в одном органе об'единение всех рабочих организаций и представительств всех заводов и фабрик города. В последнем случае я мыслил некую подготовительную форму Совета Рабочих Депутатов. Все товарищи и даже комитет скептически смотрели на этот «опыт», однако предоставили мне возможность вести кампанию.

Вскоре я достиг положительных результатов: больничные кассы и профсоюзы решили взять дело помощи беженцам в свои руки; на собрании 25 августа была созвана рабочая комиссия, которая в первом заседании приняла предложенное мною воззвание: «Ко всем рабочим г. Саратова». «Товарищи, — говорилось в нем, — 5 августа с. г. состоялось собрание представителей почти всех местных рабочих организаций по вопросу об оказании помощи рабочим «беженцам» и о мерах самозащиты против ухудшения условий труда, вызванного наплывом последних. Собрание разрешило этот вопрос в положительном смысле и для организационной постановки сложного и ответственного дела помощи и самозащиты выбрало особую комиссию. Эта комиссия, с первых же шагов, — при обсуждении плана работы, — пришла к единогласному заключению, что более или менее успешное разрешение возложенной на нее задачи может быть только в том случае, если она прежде всего тесно спаяется со всем рабочим населением г. Саратова. Поэтому, доводя до всеобщего сведения о таком ее заключении, рабочая комиссия считает своим долгом настоятельно пригласить вас, товарищи, во-первых, немедленно созвать заводские и иные собрания, на которых обсудить следующие вопросы: а) вопрос о видах помощи товарищам-беженцам (напр., единовременный денежный сбор, процентное отчисление впредь до изменения обстоятельств, помощь одежная, пищевая, квартирная, лечебная, трудовая, нравственная и т. д.); б) вопрос о мерах самозащиты против ухудшения местных условий труда в связи с наплывом беженцев (напр., профессиональные общества, сверхурочные работы, рабочий день и т. д.); во-вторых, на этих же собраниях избрать особые заводские или иные комиссии для успешного

проведения принятых решений; в-третьих, выбрать от заводов, фабрик, мастерских, от цехов, отделов — и вообще, как будет возможно и удобно, — своих представителей в вышеозначенную комиссию. Будучи уверены, что вы, товарищи, отнесетесь серьезно к этому обращению, комиссия не может не высказать своего горячего пожелания, чтобы собрания или, во всяком случае, выборы состоялись в ближайшее время, то-есть до следующего очередного заседания рабочей комиссии, которое состоится 20 сентября в городской управе. Помните, товарищи, что каждый час вашего промедления задерживает деятельность рабочей комиссии и тем самым задерживает принятие действительных мер по борьбе с тяжкими условиями, в которых мы все очутились. С товарищеским приветом рабочая комиссия».

На это обращение рабочие отозвались. В состав комиссии вошло до 100 чел. представителей от фабрик, заводов, больничных касс и профсоюзов. Мною выработан был устав «общества» под заголовком «Совет саратовских рабочих по оказанию помощи беженцам». Однако администрация не утвердила устава, а через месяц совсем закрыла эту организацию. «Совет» ушел в подполье и продолжал собираться, создавая крепкую связь между участниками — рядовыми рабочими-представителями. В связи с положительными результатами кампании комитет партии признал прежнее свое отношение неправильным и принял широкое участие в дальнейшем ее развертывании. В частности, он поставил задачей овладеть беженцами-рабочими через «Маяк». В № 9 (от 13 октября) «Нашей Газеты» мы читаем следующее обращение «К беженцам-рабочим»:

«Товарищи! Тяжелые события, переживаемые страной, заставили вас покинуть родные места и переселиться в далекий, незнакомый вам город. Но и в Саратове, как и повсюду, живут такие же, как вы, труженики-рабочие, которые с теплым чувством готовы принять вас в свою среду. Переживаемые нами условия не дают возможности образоваться крупным и сильным рабочим организациям. Лишь с величайшим трудом пробивает себе путь русское рабочее движение; но все же кое-какие организации имеются и у нас в Саратове. Одной из таких организаций является общество внешкольного образования, саратовский «Маяк», где большинство членов — рабочие, и где голос рабочих, благодаря такому большинству, имеет решающее значение. Средства этого общества очень ограничены, так как помощи

оно почти ниоткуда не получает, но все же у него есть своя небольшая библиотека и своя читальня; оно устраивает чтения, лекции, ведет занятия по разным предметам. А главное — у него есть свое, хотя и небольшое, помещение, где рабочие могут сойтись по вечерам, встретиться со своими товарищами и за стаканом чая поговорить между собою обо всем, что их волнует в данную минуту. И для вас, рабочие-беженцы, не имеющих в чужом городе своего товарищеского очага, к которому вы привыкли у себя на родине, «Маяк» гостеприимно открывает свои двери. Для того, чтобы стать его членом, нужно лишь заручиться рекомендацией двух членов о-ва, а так как членов у нас около 300, то почти на каждом заводе и в каждой мастерской, где вы работаете или имеете знакомых, вы найдете наших членов. Членский взнос — 2 руб. в год, можно уплачивать по частям, а если вы не в состоянии сейчас платить, то о-во достанет средства уплатить за вас. О-во «Маяк» не знает различия национальностей, для него все рабочие — товарищи, на каком бы языке они ни говорили. Признавая за каждым право читать, учиться и говорить на своем родном языке, о-во, поскольку оно будет в силах, постарается устраивать на вашем языке лекции и собеседования, выпишет газеты и журналы, издающиеся на вашем языке, и вообще примет меры с вашей помощью хотя бы в отдаленной степени создать для вас условия, напоминающие вам дорогую родину. Совет о-ва «Маяк».

Это воззвание и агитация «маяковцев» привлекли наиболее активные и развитые элементы из беженцев, при чем притекали в «Маяк» не только рабочие, но и ремесленники, обычно призреваемые национальными буржуазными комитетами. Через них мы приобрели влияние почти на всю беженскую массу, и дело дошло до того, что, во-первых, некоторые группы беженцев сделали ряд удачных попыток к овладению своими комитетами и попечительствами (напр., еврейские, латышские), а, во-вторых, господа из этих организаций подняли кампанию против «Маяка», распространяя разные запугивающие слухи; последние, впрочем, имели ничтожное влияние. Вся эта работа привела к тесной спайке между беженцами и местными рабочими. Особенно трогало, между прочим, беженцев-рабочих то, что местные рабочие, сами полуголодные, брали на прокорм их детишек. И связь эта была настолько крепка, что все попытки местных заводчиков и фабрикантов превратить беженцев в штрейкбрехеров и создать жестокий антагонизм провалились с величайшим успехом. А им очень хотелось

вбить клин, ибо они тоже стали чувствовать приближение каких-то событий и, в первую очередь, забастовок.

Предчувствие их не обмануло. Приблизительно с сентября 1915 г. в городе стали возникать забастовки. Начали кампанию рабочие «Иглы», почему-то особенно революционно настроенные в тот период, не только в Саратове, но и по всей России. Их забастовка охватила почти все предприятия швейной промышленности. Затем выступили булочники и пекаря, печатники, рабочие костемольного завода, бондарной Шумилина, некоторых маслобойных и лесопильных заводов. Были «завирушки» у мельников, табачников, на заводах Беринга, Эрта, Гантке и Колесникова.

Глухо волновались рабочие Саратовского железнодорожного узла, в особенности мастерских. На этой канве наш комитет вышивал свои организационные узоры и достиг к концу 1915 г. того, что почти не было ни одного предприятия, где бы не было партийной ячейки. Самыми активными работниками нашей организации были: рабочие—С. В. Борисов, М. П. Артемьев, В. М. Корнеева, И. А. Галактионов, М. И. Хрынин, Саратов, М. Розенштейн, П. Т. Лосев, М. К. Савельев, Г. Д. Курулов, Степанов, В. Ф. Бабушкин, И. П. Ерасов, В. Ф. Букин, В. Погонялин, А. Тимофеев, Егоров, Ананьев, Ильинский, Муравлев, Михаил Большак и др.; нерабочие — М. Ольминский, Г. Оппоков, Ю. Милонов, С. Мицкевич, П. Лебедев, С. Раппопорт, Томас, Зирка, Н. Богданова, С. Уралов, М. Костерин, С. Нацаренус, С. Лазарев.

Котел закипал все сильнее.

4. ПАРТИЙНЫЕ ГРУППИРОВКИ (КРОМЕ БОЛЬШЕВИКОВ)

Попутно с нарастанием стихии революции и нашей кипучей организационной работой началось движение воды и в других социально-политических группировках. Их было семь. Поклонники Леонтьева, Каткова, Гурлянда, Победоносцева, Пуришкевича и Маркова 2-го — помещики, высшие чиновники, разбогатевшие скупщики краденого и т. п., об'единенные в «Союзе Михаила Архангела» под руководством помещиков Э. Исеева, Славина, Иконникова, Ознобишина, старьевщика Уварова и «Васьки Зубка». «Октябристы» и националисты — под руководством Гримма, Ровинского, Лызлова и Петрова. Правые к.-д. — под руководством Красникова, левые к.-д. — Никонова, Поляка, Арапова, Алмазова,

Каневского. Прогрессисты под руководством Масленникова; народные социалисты — Семенова, Николаева, Соколова, Максимовича и Исупова; трудовики — Керенского, Бергмана и Медведева. Эс-эры — под руководством Мясоедова, Мукосеева, Леонтьева, Кассандрова, Канавина, Мейерова и Платонова. Меньшевики группировались около В. Потоцкого, Югова, Конкордии Ежовой, С. О. Цедербаума и Топуридзе.

Первыми заворошились «михаило-архангельцы» или попросту — черносотенцы. Уже с первой половины 1915 г. они почуяли «чем пахнет» и стали развивать бешеную агитацию среди темных мещанских масс окраин города. Организованные ими специально для этого столовые и чайные превращались в черносотенные политические клубы. Играя на инстинктивном недовольстве масс войною, они подсказывали выход, который обеспечивал защищаемый ими режим от опасности; они говорили: «войну затеяли немцы; видя, что им не удается в рукопашном бою сломить русского царя и его православный народ, они через своих шпионов, жидов и революционеров хотят посеять в государстве смуту, рассорить царя с народом и, ослабив мощь России, сесть народу на шею, ввести свои немецкие порядки и свою веру». Отсюда — прямой лозунг: бей жидов, революционеров, шпионскую интеллигенцию, бей немцев. Немецкие погромы в Питере, Москве и др. городах разжигали страсти. В Саратове начались индивидуальные избиения. Однако, вследствие, с одной стороны, того, что в городе значительный процент жителей составляли немцы, что недалеко находились крупнейшие селения немецких колонистов, а погром их сопровождался бы вспышкой внутренней войны, не входившей в виды правительства, а с другой,— вследствие нашей интернационалистской агитации, уничтожавшей шовинизм и перекидывающей внимание именно на самодержавие — погром у «черных» не вышел. Впрочем, было достаточно того, что город находился долгое время под самым определенным черносотенным террором. Не раз возникали слухи, что на той или другой улице начался погром.

Особенную ненависть черные агитаторы питали к нам. В их органе (кажется, «Саратовском Знамени») Уваров писал: «До каких пор мы будем терпеть осиное гнездо, засевшее в «Маяке»? До каких пор мы позволим адвокатам Антонову и Оппокову сбивать честных рабочих?». Я даже получил письмо за подписью «черной руки» и с печатью с черепами (от руки), в котором гово-

рилось: «Приказываем перестать смутьянить и натравливать бессознательных на батюшку царя. Если ты (следует упоминание о «матери») не послушаешься, так знай: всевидящее око каморры черной руки подняло крещеный меч над твоей головой. Убьем!». Уваров на собраниях в чайной, на Пешем базаре, читал мою статью-протест против шовинистической травли немцев, помещенную в «Саратовском Вёстнике», и призывал «пощупать ребра у немецких наймитов». На эту травлю мы отвечали усилением нашей работы и даже решили портить кровь черной банде на ее же собраниях. Мы посылали на их собрания своих ребят, которые под личиной «людей из массы» ставили каверзные вопросы «братцам» и путали их карты. Незаменимым в этом отношении был Миша Розенштейн. Ему удавалось своими вопросами даже темную аудиторию чайных вырывать из-под влияния черных.

Нужно отдать им должное. Они были единственной организованной силой, противостоящей нам. Имея вожаков с сильным характером, опираясь на государственный аппарат самодержавия, они во всякую минуту были готовы выступить и утопить в крови не только рабочее или крестьянское восстание, но и всякое демонстративное выступление.

Все прочие группировки не имели этих выгодных качеств. Мелко- и даже средне-буржуазные группировки представляли довольно непрезентабельную картину удивительной дезорганизованности и бесхребетности [1]). Несмотря на существование партийных комитетов с протоколами и секретарями, они напоминали не политические организации, а какие-то мешки с картошкой. Так и казалось, что стоит прохудиться мешку, и картошка, механически в него насыпанная, также механически разлетится во все стороны. Среди их лидеров даже с большой натяжкой трудно

---

[1]) Кстати. Характерную оценку разным социальным группам дает в секретном докладе (от 15/IX 1916 г.) губернатору Аткарский уездный исправник (известный б. пристав) Зубков. Он пишет: «Никто из местных дворян за время войны не проявил особого патриотизма... равнодушие, укрывательство от воинской повинности... мелкие дрязги... торговый блок населения всю заботу возложил на законный грабеж населения вздуванием цен на предметы первой необходимости... Все труднее вести борьбу с «кулаками», скупщиками у крестьян по низким ценам хлеба, леса и земли. Самый крупный кулак—это «общественный деятель» И. Е. Усачев. Скупая с начала войны хлеб, лес, угодья, этот хищник с лицом библейского патриарха приобрел за два года войны громадный капитал. Выдавая себя где монархистом, где либералом и прогрессистом, Усачев не только своих зятьев и родствен-

было найти крупную волевую фигуру. По преимуществу это были бесхарактерные интеллигенты-резонеры, или просто обыватели, которым «положение» не позволяло не быть политиками. Адвокат и не политик, это — дурной тон в «приличном обществе». Наиболее способными из них были кадет Никонов, эсер Мясоедов и н.-с. Семенов. Никонов, осколок борьбы легального марксизма с нелегальным, ревизионист, струвеанец, некогда ведший внутреннее обозрение в питерском «Начале», был несомненно самым значительным умом местной кадетской группы. К описываемому периоду он растерял почти весь багаж своей молодости, доэволюционировался до цинического скептицизма и представлял печальную картину человека, в полном смысле «испепеленного». Амплуа защитника, плюс неприличный анекдот — вот, повидимому, два обстоятельства, которые давали ему «вкус к жизни». Мясоедов в ином стиле. Он тоже «эволюционист», но скачкообразный: от народничества он эволюционировал к прокуратуре, от прокуратуры — к адвокатуре и политической защите, от них — к трудовикам и от трудовиков — к эсерам, при чем, в зависимости от настроения, он колебался от непротивления злу — к террору. Настроением, повидимому, определялись и его стадии эволюции. Большой эрудит, он не умел пользоваться своими знаниями, и все его выступления базировались не на концентрации рациональных аргументов, а на концентрированном настроении. Как человек таковoго, он, конечно, не мог быть организатором и за все известное мне время оставался красивым резонером.

Еще более эмоциональным типом был Н. И. Семенов, один из могикан героического периода народничества. В борьбе с окружающей действительностью, перенеся вместе со своим поколением ряд поражений и разочарований, он выработал для себя иммуни-

---

ников до 7-го колена, но даже всех родственников своих приказчиков сумел устроить в тыл армии «по обороне» — на теплые места... Большинство духовенства, к сожалению, именуясь пастырями, в действительности являются для своих паств наемниками. Чрезмерно увлекаясь корыстолюбием, тщеславием, пьянством, тайным развратом и картами, духовенство в большинстве не снискало себе доверия и уважения среди крестьян... Неправильное понимание представителями учреждений своих обязанностей, их холодное и бессердечное отношение к крестьянским нуждам и быту, пороки, эгоизм, эксплоатация, а порою и глумление над крестьянами — безусловно, увеличивая число недовольных правительственной властью, сыграют в руку врагам нашего обожаемого монарха и России»... — Этот «фараон» недурно понимал обстановку предреволюционной эпохи.

нитет (не всегда спасавший) в виде чисто моральных заветов народничества. Ко всем явлениям он подходил с моральной оценкой и ко всему, что не подходило под нее, он относился с жестокой суровостью. Над ним иногда совершенно правильно подшучивали, называя ходячей кантовской максимой. Этот моральный критерий, конечно, не мог давать правильных об'ективных оценок и заводил его в такие дебри, из которых он никак не мог выбраться. В результате — потеря чувства действительности и болезненный разлад с собою. Мне вспоминается характерный случай, который имел место в 1915 г. Народник, яростный враг самодержавия в эпоху 1905 г., член I Госуд. Думы, подписавший известное «Выборгское воззвание» после ее разгона, Н. И. Семенов в эпоху империалистической войны не только морально оправдал участие в войне самодержавия, но дошел даже чуть ли не до признания трех китов официальной идеологии: самодержавия, православия и народности. В споре по поводу моей статьи, где я ратовал против создания второй черты оседлости для граждан немецкой национальности, он высказал мысль о необходимости поставить под надзор и зажать в ежовые рукавицы не только немцев, но и все прочие национальности, населяющие империю, ибо «все они, забыв великие жертвы великороссов, как иуды, мечтают о предательстве». Этот спор убил у меня окончательно теплившееся, по традиции, уважение к осколкам прошлого.

Таковы «туземные» вожаки. Следут упомянуть еще о двух наезжих, которые рассматривали Саратов как свою провинцию, или... как свой избирательный округ. Это — с.-д. Топуридзе и трудовик Керенский.

Меньшевик Топуридзе, этот жгучий брюнет, одетый всегда по последней парижской картинке, переполненный «самовлюбленностью» до краев своей мелкой натуры, всегда казался мне политическим карьеристом в духе Мильерана, Бриана и К°, но только без их калибра и смелости. Это чувствовали даже рабочие-меньшевики, которые с большими колебаниями шли за своим лидером и сплошь да рядом показывали ему зубы.

Керенский был несомненно и способнее и приличнее Топуридзе. Он нередко бывал в Саратове, а в описываемые годы — даже довольно часто. Это был типичный интеллигент-романтик, малограмотный диллетант и слабый оратор. Слушать его было мукой, в особенности тогда, когда он не подготовился к выступлению, или не имел перед глазами написанной речи или доклада.

На лице его отражалось напряжение, он задыхался, подыскивал слова, повторялся, путался в мыслях: одним словом — мученик на трибуне, которому хотелось помочь, подсказать провалившееся в памяти слово или напомнить оборвавшуюся мысль. Будучи искренним, он высказывал больше свои чувствования, чем мысли, при чем, как это бывает с истериками, начиная искренно, он в дальнейшем всегда впадал в ненормальное состояние, в истерический пафос, в актерскую игру, от которой за версту тянуло неправдоподобием и хлестаковщиной. Искренний актер, играющий на струнах собственной истерики: такова вкратце характеристика Керенского того времени. Частенько мы встречались у трудовика Бергмана, который в каждый приезд Керенского (Керенский обычно останавливался у него) вызывал меня на беседу «о центральных новостях». Здесь, в «семейной обстановке», где «никто не смотрел на лидера трудовой партии», было особенно удобно наблюдать Керенского. Болтливый, как сорока (для салонного кружка слов у него хватало), он перепрыгивал с темы на тему, судил о любом вопросе и всегда одинаково легковесно и легкомысленно; при сильном напоре противника, что называется, «сдавал», — подчеркивал свои столкновения с высшими чиновниками правительства, при чем в этих случаях звучала горделивость раба, возвысившего свой голос на господина. Ничего яркого. Тускло и серо до нудности. Если бы мне кто-нибудь сказал, что этот человек будет «первым министром революции», даже «диктатором», я бы его счел за сумасшедшего или злостного насмешника. Однажды я застал Керенского за чтением книжки Петрушевского «Восстание Уота Тайлера». «Вот истинный народный вождь», — воскликнул он, подавая мне книгу. А в другой раз, в беседе о вождях великой французской революции, он задумчиво обронил: «Мой идеал — Мирабо. Я считаю его выше и умнее Дантона и Робеспьера. Не будь Людовик таким идиотом, слушайся он Мирабо — революция пошла бы совсем иным путем» [1]).

Мне не раз потом вспоминался этот разговор в те моменты февральской революции, когда Керенский так заботливо относился к Николаю II. Он, повидимому, действительно пытался сыграть роль Мирабо, но так же неудачно, как и роль крестьянского революционного вождя. Единственно, что теперь меня интересует,

---

[1]) Едва-ли он был грамотен настолько, чтобы знать как следует гнусную роль Мирабо.

это вопрос: кто писал Керенскому его выходные речи? А впрочем, мир праху его.

Еще менее благополучно обстояло дело у группировок торговой и крупной буржуазии—октябристов, националистов и прогрессистов. Эти элементы не сумели выдвинуть из своей среды ни одного вожака. Они вынуждены были приобретать «идеологов» со стороны, из той же мещанской интеллигенции. Все эти Ровинские, Лызловы, Масленниковы и проч., бывшие ходатаями по делам буржуазии, в гражданском обиходе стали ходатаями и по делам политическим. Ну, а ходатай, это все-таки не сам доверитель. Лишь немногие, вроде Гримма, сочетали в себе обе эти стороны, но они не были достаточно авторитетны, чтобы около них сложились крепкие и политически боевые организации. Я думал об этом «несчастии» местной крупной буржуазии и не нашел иного об'яснения, как то, что эта буржуазия, выросши на черноземе сельско-хозяйственного района и транзитной торговли, не оформилась настолько, чтобы ярко выражать свою идеологию и политически действенно добиваться государственной власти.

Все эти «организации», составлявшие в начале войны безоговорочный ура-патриотический блок, стали постепенно видоизменять свои тактчиеские принципы. Октябристы и националисты заговорили о «дурных советчиках царя», об «освобождении царской семьи из плена авантюристов» и даже о дворцовом перевороте в интересах победоносной России. На кадетских совещаниях ставился вопрос о революции для победы над немцами. Меньшевики и эсеры толковали тоже о революции во имя обороны. В половине ноября 1915 г. по инициативе Керенского было созвано на квартире у к.-д. Алмазова межпартийное совещание. Мы тоже удостоились приглашения. Обсудив в комитете, мы решили послать представителя исключительно с информационной целью: узнать, что творится в буржуазном лагере. Представительство было возложено на меня. Я запоздал и пришел к тому моменту, когда Керенский заканчивал свою постановку вопроса. Осмотревшись, я увидел здесь: трудовиков — самого Керенского и Бергмана, к.-д.—Никонова, Алмазова, Красникова и Поляка, народных социалистов — Семенова, Максимовича и Исупова, эсеров — Мясоедова и Кассандрова. От меньшевиков был Андреев, от большевиков — я и, повидимому, лично приглашенный Лебедев. Из речи первого оратора — Никонова — я понял, что Керенский поставил два вопроса: 1) о надвигающейся революции и 2) о мобили-

зации сил местных организаций для работы на пользу революции. Никогда я не слышал такой какофонии взглядов.

После двухчасовой интеллигентской беседы, где каждый говорил, не слушая другого, перескакивая с вопроса на вопрос и разражаясь личными упреками друг против друга, собрание пришло к выводу, что хочешь не хочешь, а революция идет, что, в конце концов, это к лучшему, так как дальнейшее существование самодержавия погубит Россию и приведет ее не только к внутреннему распаду, но и к внешнему поражению.

Вопрос лишь в том, как развернется революция, не будет ли она так же разгромлена, как в 1905 г., или не превратится ли она за отсутствием организованности в простой стихийный бунт, в пугачевщину. Во всяком случае, каждая из представленных группировок считает своим гражданским долгом содействовать организации народных сил, но формы и способы этой организации требуют специального обсуждения, и представители в данный момент затрудняются что-либо сказать. Лишь один правый к.-д. Красников с бычачьим упрямством отвергал наличие революционного процесса, об'являя его «левой демагогией»; он никак не мог примириться с тем, что даже его единомышленники по партии так «легкомысленно спешат повторить иллюминацию 1905 года». Мы с Лебедевым молчали, с любопытством прислушиваясь к прениям. Керенский, у которого по лицу проходили то нервная судорога, то довольная улыбка, неожиданно оборвав разглагольствования, кажется, Бергмана, заметил: «Мы выслушали всех, но самого интересного мы не знаем; я бы попросил Владимира Павловича сообщить, что делается в рабочих массах и в организации, которую он представляет».

Этот неожиданный обрыв оратора и несколько повизгивающий голос Керенского подействовали на присутствующих как стакан воды на токующих глухарей. Наступило неловкое молчание.

Оговорившись, что присутствую на совещании лишь с информационной целью, я в получасовом обзоре сообщил наш взгляд на мировую и внутреннюю кон'юнктуру, дал характеристику местных рабочих настроений и закончил указанием, что наша организация, охватив все предприятия города, является бесспорным руководителем рабочих масс.

В частности, я отметил ощущаемый нами недостаток легальных организаций, где бы можно было в еще более широком масштабе формировать сознание масс. «Все присутствующие, — по-

шутил я, — хотят помогать революции. Было бы недурно, если бы вы, пользуясь связями с сильными мира сего, учредили ряд образовательных обществ, клубов и т. п., где нам можно было бы проводить широкую пропагандистскую и агитационную работу».

Повидимому, речь моя произвела на них не вполне приятное впечатление. Снова записался ряд ораторов. Керенский, чтобы устранить намечающийся бой, пригласил собрание не касаться больше принципиальных вопросов и закончить заседание практическими предложениями. Хозяин квартиры, член Госуд. Думы, добрейший и миролюбивейший Алмазов, любитель «контактов» и «соглашений», поддержал Керенского и добавил: «Мы, господа, сегодня впервые за долгое время собрались вместе и подсчитали наши силы. Нечего греха таить: за исключением большевиков, мы делали очень мало. Теперь нужно наверстать потерянное. Я думаю, что предложение В. П. Антонова намечает правильно первый шаг: нам надо организовать общественность, для чего форма просветительных обществ самая подходящая. Кроме того, господа, я думаю, что мы можем оказать, по старому примеру, материальную поддержку революционным организациям. Ведь так всегда бывало, — обратился он ко мне, — мы давали вам нож, а вы им действовали». — «Нам наплевать, — вспыхнул я, — откуда к нам попадет нож — мы его используем против врагов рабочего класса». Снова произошло замешательство, и Керенский, ссылаясь на позднее время, закрыл собрание.

Вскоре после этого совещания (в январе 1916 г.) либеральными группами было организовано «Общество народных университетов». Но, с другой стороны, кадетский «Саратовский Листок» стал покусывать, правда, довольно беззубо, нашу братию. Так, напр., в статье по поводу открытия указанного общества, фельетонист «Свой» так характеризовал мое выступление на открытии: «Стали выходить ораторы «за рабочего». Одного из них я совсем не понял. Он говорил о какой-то «братоубийственной» войне, между тем, как, насколько мне известно, мы с 19 июля 1914 г. ведем борьбу не с братьями, а с ошалелыми немцами. Были, правда, у нас «братушки», из-за которых сотня тысяч русских людей сложили головы на Балканах, но и те предали свою освободительницу за 30 сребренников. Братья же наши — воины, которые жаждут от нас не нытья, не пораженческого космополитизма, а деятельной помощи и бодрой веры в их правое дело и в их успех».

Меньшевики начали свою работу приблизительно с июля 1915 года. Они стали примазываться или к нашим больничным кассам, или профсоюзам, или к «Бирже Труда». Особенной настойчивостью отличались Конкордия Ежова и Кравченко. Ежову я просто возненавидел, ибо она буквально шла за мною по пятам. Дошло до того, что в больничной кассе печатников, где она успела затянуть в свои сети несколько старых рабочих с Гордовым во главе, мне пришлось устроить довольно крупный скандал.

Правление постановило не допускать на свои заседания Ежову, но потом я узнал, что она все-таки продолжала там свою работу, но так, чтобы я ее не мог видеть. Кравченко также пытался овладеть верхушками больничных касс, выступая с идеей секретариата и страховыми меньшевистскими, якобы «практическими», принципами. Как уже упоминалось, он и Югов, по милости наших слишком мягких товарищей, вошли даже в коллегию сотрудников «Нашей Газеты». Впрочем, не надолго. Как только они прочитали первые номера газеты и первые статьи против вхождения рабочих в военн.-пром. комитеты, так тотчас же потребовали от нас «изменения позиции». Мы, конечно, послали их «к чорту», и они вышли из состава сотрудников, написав длиннейшее письмо, которое мы по полицейским условиям напечатать не захотели. Через некоторое время, убедившись, что с нашим влиянием бороться бесполезно, они выехали в Самару и организовали там свою газету в лице ультра-оборонческого «Самарского Голоса», который стал несколько приличным лишь с момента сотрудничества Мартова.

Что касается эсеров, то они в этот период имели два кустарных кружка: один — рабочий, под руководством Декатовой, другой — студенческий, под руководством Мейерова [1]). Вся остальная масса эсерствующих представляла обывательскую пыль. Так организовались два фронта, которым в будущем предстояло столкнуться на арене революционной стихии.

5. РАБОТА БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Я упоминал, что к концу года мы имели свои ячейки почти во всех предприятиях города. Каждая такая ячейка представляла собственно кружок от 10 до 20 человек. Вначале они удовлетворялись руководством наших активных рабочих, но по мере даль-

---

[1]) Впоследствии Мейеров стал коммунистом и погиб.

нейшего развития стали требовать более компетентных пропагандистов, сохраняя прежних руководителей в качестве организаторов. Таким образом прежнее наше предположение, что мы сумеем всю пропагандистскую работу сосредоточить в «Маяке», оправдалось лишь отчасти. В значительной мере оказалось, что «Маяк» служил лишь крупным толкачом мысли. Рабочие, получив этот толчок, не удовлетворялись им и жаждали более или менее систематического социально-политического образования. Комитет стал перед кризисом интеллигентных сил в нашей организации. Пришлось производить спешную перегруппировку наличных интеллигентов и подыскивать новых. На наше счастье в Саратов были эвакуированы высшие учебные заведения Западного края. Студенчество (демократическая часть) сперва было настроено в унисон с общероссийским ура-патриотическим настроением, но потом постепенно стало от него отходить и просачиваться в рабочую аудиторию «Маяка». Из этих студентов-маяковцев была образована студенческая фракция, куда мы и пустили для работы С. И. Мицкевича. Через несколько месяцев у нас получился кадр студентов-пропагандистов, которых мы могли под надзором рабочих-организаторов направлять в кружки.

Я возился с железнодорожниками, табачниками и деревообделочниками. Отчаянная слежка, которая была установлена за мною, заставила меня со скрежетом зубовным отказаться от посещения кружков, дабы не провалить их. Кружок железнодорожников, состоящий из великолепных, боевых ребят, я передал т. Ю. К. Милонову [1]), деревообделочников — Томасу, а табачников — Борисову. Децентрализация пропагандистской работы заставила усилить в «Маяке» массовую агитацию и дискуссию. Дис-

---

[1]) В. Б. дает следующую картинку воспоминаний о работе жел.-дор. кружка: «По легкому морозцу пробираюсь на собрание. Оно назначено за полотном жел. дор., в квартире железнодорожного слесаря Васи Букина Маленькая хатка, где жил Вася, находится у подножия горы. Место почти безопасное, вдали от города.

«В жарко натопленной комнате душно. Кружок наш чуть-чуть размещается. Алеша за неимением стула растянулся на полу и голос его из табачного дыма слышен как отдаленное эхо. Сегодня разбираем разногласия между с.-д. большевиками и меньшевиками. Руководитель кружка т. Юрий (Милонов) всеми силами старается втолковать «на простом языке» разницу между большевиками и меньшевиками. Говорит о войне, о Плеханове, о втором с'езде, расколе.

«Сидеть жарко. Ложусь на пол рядом с Алешей. Алеша бубнит: «Чорт ее побери... всю эту политику. Слушаешь и... Плеханов, родоначальник с.-д.,

куссии на злободневные темы между нами, эсерами и меньшевиками достигали необычайной страстности и привлекали широкие круги рабочих. В месяц через «Маяк» стало проходить до 500 человек, что по местному масштабу и времени было неслыханным для просветительных обществ. Недостаток печатного слова, после ликвидации «Нашей Газеты», ощущался не только нами, но и всей рабочей массой крайне остро. Массовики не раз спрашивали наших ребят — скоро ли появится вновь газета? К сожалению, все попытки в этом отношении натыкались на враждебную стену самодержавной своры. В конце года, по инициативе перебравшегося к нам из Москвы В. П. Милютина, мы решили составить сборник, который бы давал представление о нашей интерна-

---

отец рабочего движения—и за войну».—«Да ведь он меньшевик».—«Что же, что меньшевик... меньшевик—не буржуй», возражает Алеша.

«Он вообще никак не мог помириться с мыслью о расколе и вообще о разных течениях. По его мнению, нужно бы пересечь всех «генералов», а всем партиям спеться в одно.—«Алеша,—смеясь кричали ему,—а кадетов тоже кладешь в общую кучу?».—«Кладу» — с азартом отвечал он.—«Они с тобой, чумазорылым, не пойдут, у них своя дорога».—«Не пойдут... башки долой им». Алешка сжимал кулаки и страшно таращил глаза. Публика разражалась веселым смехом, а Алеша еще больше сердился. Товарищ он был славный, хороший, крепко преданный делу освобождения рабочего класса.

«Споры затягиваются далеко за полночь. Юрий, откидывая со лба мешающие ему волосы, говорит увлекательно, интересно. В голове волнами ходят образы. Вопросы громоздятся один на другой. Хочется знать больше и больше. Хочется яркого живого дела, а ты... все сиди и слушай. Сговорившись на дворе, берем в атаку Юрия. Требуем настоящего дела. Осажденный, Юрий отбивается: «Нельзя так, товарищи. У вас было недавно большое, настоящее дело. Оно полупроиграно. Много жертв. Нам нужно собраться с силами, привлечь новых работников, подготовить массу».—«Кой чорт, массу готовить — она готова». Споры страстные. «Дела! Дела!» Но Юрий рубит: «комитет не разрешает»...

«По-двое, без папирос и махорки, выбираемся из хаты. В карманах есть «кое-что». Шагая, ведем беседу—для отвода глаз—о театре и всякой чепухе...

«А утром, как заревет «неугомонный», мчишься в мастерские. Сегодня много дела, много риска и... пахнет весною. Улучив минутку, где-нибудь за паровозом толкуешь братве: «Война нужна буржуям. Нужно не «боже царя храни» петь, а иную песнь, товарищи,—«долой царя».

«Улыбаются хмурые лица.

«— Это ты правильно. На кой чорт нам друг другу башки разбивать. Хучь он германец, а все же—рабочий.

«— Верно, ребята. Поняли. Приходите вечерком, потолкуем, да кое-что и почитаем.

«И шли ребята, и читали, и толковали, и шли в тюрьмы и в ссылки».

ционалистской трактовке основных вопросов момента. Работа по его составлению началась, и впоследствии он вышел с заголовком «Под старым знаменем». Мы в это время находились уже в ссылке. Этот сборник является и в своих сильных и в слабых сторонах характерным идеологическим документом того времени.

1916 год начался для нас при еще более благоприятных предзнаменованиях. Основная масса саратовского пролетариата, пятитысячный отряд железнодорожных рабочих узла, волновавшийся уже в прошлом году, забурлил как чугун. Последней каплей для недовольства послужил скачок цен за куль муки до 9 р. 50 к., что при среднем заработке в 30—35 р. в месяц угрожало форменным голодом.

Получив сведения о готовящемся взрыве, мы тотчас же созвали совещание из уполномоченных от цехов и служб, которое и состоялось в библиотечной комнате «Маяка». На этом совещании, для руководства которым комитет выделил меня и Оппокова, было выяснено общее положение, сила возможного сопротивления отдельных категорий, сформулированы требования и намечен стачечный комитет. Забастовка должна была начаться накануне 9 января — годовщины «кровавого воскресенья». Необходимо было экономику связать с политикой. По этому вопросу уполномоченные разошлись. Одни говорили, что политические лозунги и требования, с одной стороны, не привьются вследствие недостаточной подготовленности масс, а с другой, — даже могут отпугнуть от забастовки. Другие, в особенности горячие орлята-бунтари Ерасов и Бабушкин, и слышать об этом не хотели; по их мнению, политические требования будут «спичкой к пороху». Однако мы заявили, что забастовка должна начаться с пред'явления лишь экономических требований, что же касается политических, то они должны быть привнесены в дальнейшем, когда масса уже будет стоять и против администрации дороги и против жандармерии, которая, несомненно, вмешается в забастовку. Это заявление было принято, как окончательное решение собрания. Все разошлись в боевом настроении. Было ясно, что если поднимутся железнодорожники, то за ними потянутся рабочие и других предприятий; рисовалась всеобщая забастовка в день девятого января и — в эпоху войны. Лично я сравнивал это выступление с выступлением саратовских железнодорожников в 1905 г., когда они начали всероссийское движение железнодорожников и тем явились крупными предвозвестниками и толкачами революции. Если железно-

дорожники, — говорил я, — выступят такой же массой, как и тогда, это будет значить, что революция стучится в двери. Забастовка началась ранее намеченного срока — 5 января — и охватила рабочих не только мастерских при ст. Саратов, но и при ст. Князевка.

«Кто-то вышел, злобно ударил кувалдой по котлу паровоза и крикнул: «на канаву!» — вспоминает активный участник забастовки Бабушкин.

«Так началось. Бурлила Рудаковская бригада. Товарищи по бригаде побежали по другим цехам звать остальных на канаву. Черной густой лавой текут кузнецы в боковую дверь. Идут литейщики. Канава бурлит, клокочет. Ребятишки-ученики забрались на паровозы и уселись на них кучами, как воробьи. На под'емном кране говорит оратор. Говорит не плавно, не красиво, а буйно, страстно, порой бессвязно. Но его понимают все, понимают всеми фибрами души своей, и среди гула одобрения слышны только одни страстные жесткие выкрики: «Война разоряет, нам есть нечего, нас жмут... Товарищи! Доколе же терпеть будем? Хлеба. Дети... Работа ночами?.. — «Правильно...а...а»...

«Лезут, как лошади-битюги, жандармы. «Долой жандармов! Долой палачей!» Жандармов отнимают от импровизированной трибуны. Битюги упираются, лица их бледны, глаза злобны, мечутся и прыгают, длинные жесткие усы, как хвосты собак. «На улицу», несется крик. Двинулись плотной массой через токарную к выходу. «А-а-а. Провокаторы... бей!» Это увидели работающих токарей, не хотевших бросать работу. В них полетели гайки, ключи, свист и крики».

На следующий день мы послали в мастерские трех агитаторов—Ильинского (печатник), Томаса и М. Розенштейна. Их речи о войне и революции были приняты массой наилучшим образом.

Это всполошило жандармерию и администрацию дороги. Повсюду на территории узла были расклеены приказ № 136 егермейстера Трепова, в котором он призывал железнодорожников «к честному труду» и искоренению случаев «нарушения служебного долга», и об'явление Особого Комитета по охране Рязанско-Уральской жел. дороги следующего содержания:

«Ввиду самовольного прекращения работ рабочими мастерских, предлагается рабочим не позднее 14 сего января стать на работу в установленное время. Особый Комитет по Охране предупреждает, что все неявившиеся на работу будут уволены от службы,

и об'являет, что, на основ. п. 2 ст. 12 Высочайшего указа Правительствующему Сенату от 14 декабря 1905 г., уволенные от службы будут преданы Военному Суду и наказаны по законам военного времени, а все запасные нижние чины и ратники ополчения, кроме того, одновременно с увольнением будут призваны в ряды войск».

Приехавший на «канаву» жандармский полк. Балабанов[1]) разразился речью против врагов царя и народа, подбивающих рабочих на забастовки, и грозил всеми карами — земными и небесными. В ответ масса вскипела и жестоко его освистала. Тогда он переменил маневр и дал рабочим честное слово «царского слуги», что если рабочие станут на работу, то через три дня их требования будут удовлетворены полностью.

Для нас было ясно, что Балабанов стремится прекратить забастовку до девятого января, и усилили поэтому агитацию. Но, увы, столь заманчиво было обещание для изголодавшихся людей, что они согласились ждать, срывая тем самым политическое значение забастовки. День девятого января прошел без забастовки, рабочие работали, ожидая исполнения обещания. Конечно, оно выполнено не было, и 11 декабря (день срока) рабочие снова забастовали и уже в большем количестве. Не присоединились лишь машинисты, получавшие исключительно хорошее жалование. Они сознавались в своем «шкурничестве», но в то же время указывали, что если забастовка продлится несколько дней и ремонта не будет, то все равно движение станет. В ответ на забастовку посыпались репрессии. Арестовали Ильинского, арестовали еще десятка полтора активных рабочих, стали призывать военнообязанных. Начался террор, к 14 января сломивший забастовку. Вот как об этом писал тот же Бабушкин: «Третий день волнуется море забастовщиков и... утихает: забастовка почти сломлена. Сидим на верстаках. Канава пуста. Рядом со мной т. Ерасов, мрачный, молчаливый, часто берется рукой за горло. «Ваня, давай звать на канаву, неужели сорвалась забастовка?» — «От обиды горло сжимают спазмы. Не могу говорить: горло перехватило», — говорит Ерасов. Победителями ходят жандармы по цеху, предлагая начинать работу. Где-то звякнул удар молотка и испуганно замер. Пришел в другую бригаду, уговорился с Кирой Лихачевым: «Я пойду на канаву и буду громко стучать по доскам, а ты крикни:

---

[1]) Расстрелян в 1918 г.

«на канаву!». Иду громко по доскам. Доски гулко шлепают под ногами. Из темного угла Лихачев закричал: «на канаву!». И, как улей, канава снова забурлила, смяла жандармов, а тут пришли и другие цехи. Сердце радостно бьется: забастовка не сорвана. Говорит Ерасов. Кончил. Ораторов больше нет. Первый раз в жизни выступил я. Призываю к единению, к борьбе и продолжению забастовки. Говорю плохо, волнуюсь, но рад: море блуз шумит. Приехал начальник мастерских, жандармский ротмистр, грозят, уговаривают. «Долой! Правильно!» — раздается им в ответ. Выступил и говорит Володя Погонялин. Нервничает до крайности. Речь его превратилась в сплошной вопль о неправде, об обидах; не кончил и расплакался. Шум. Выкрики: «На улицу, на улицу!»...

«Тускло освещает лампа большой стол в читальне «Маяка». Понуро сидят за столом участники забастовки. Забастовка сорвана. Начались репрессии. Говорить не хочется, даже — искать причин неудачи. Слишком больно отозвалась неудача. Молчим. Пришел т. Томас, говорит о провале... Пришел еще товарищ и сообщил об арестах выступавших от партии ораторов не-железнодорожников».

Несмотря на неудачу, на то, что, как на зло, в забастовке интервал упал на девятое января, она имела крупнейшее значение в смысле революционизирования не только местных рабочих, но и всех остальных дорог. С нее определенно началось, как и в пятом году, революционное движение на всех дорогах империи. Репрессии вызвали непередаваемую злобу. Среди рабочих появилась жажда расправиться с особо ненавидимыми администраторами и жандармами. Пришлось напрячь всю энергию, чтобы направить русло ненависти в другую сторону и направить на усиление организации. В результате мы получили ряд ячеек по линии и в таких городах, как Покровск, Аткарск, Ртищево, Балашов и Петровск. Кроме того, усилилась выступательная тенденция: идея демонстрации снова появилась в воздухе.

Первая демонстрация за этот период была в декабре 1915 г. на похоронах члена с.-д. фракции II Гос. Думы т. Ломтатидзе. Еще в августе 1915 г. т. Ломтатидзе был прислан в Саратов, но об этом мы ничего не знали вплоть до письма, полученного редакцией «Нашей Газеты». В нем сообщалось следующее: «В настоящее время волею судеб в Саратов заброшен член с.-д. фракции Государственной Думы 2-го созыва В. Б. Ломтатидзе. Осужденный по делу с.-д. фракции на каторгу, он в течение 7 лет содержался

в разных отечественных тюрьмах. В результате у него развилась злая чахотка, настолько очевидная, что, даже при русских отношениях к с.-д. депутатам, не решились отправить его на поселение в Сибирь. Вместо того отправили в Астрахань и поместили в богадельню Приказа Общественного Призрения. Нечего и говорить, что астраханский климат и убийственные условия жизни в «богадельне» способствовали ускоренному развитию страшной болезни. Но охранители и тут не оставили в покое умирающего солдата демократии. Астраханской администрации показалось пребывание Ломтатидзе в Астрахани опасным для тишины и спокойствия астраханского общественного болота. Начались соответствующие донесения и представления, в результате каковых департамент полиции постановил выслать Ломтатидзе в Саратов и поместить его здесь в земскую богадельню. С первых чисел августа Ломтатидзе находится в Саратове. Как же встретил его город «добрых» демократов? Губернское земство, в распоряжении которого находится Ломтатидзе, отнеслось к нему более чем негостеприимно. В земском отделении народного здравия, куда направила Ломтатидзе полиция, его встретили хохотом, узнав, что он, член Думы, будет жить в земской богадельне... Его под конвоем немедленно отправили в убежище, где находятся другие земские «арестанты». Убежище это помещается... почти над самым Белоглинским оврагом, газы которого производят взрывы в прилегающих домах... комната находится над воротами, в ней, вероятно, будет очень холодно зимой, теперь же она всегда полна отвратительными запахами, несущимися с грязного двора, из оврага и отхожих мест... Но, главное, Ломтатидзе остается без всякой медицинской помощи... ибо в убежище, повидимому, никакого врача не полагается...».

Поместив это письмо, мы тотчас же сорганизовали несколько делегаций из рабочих, которые навестили т. Ломтатидзе, выспросили и вызнали по-пролетарски, что ему нужно. Был несколько раз и я у него. Первый раз он нас встретил несколько обиженно. Когда я стал говорить о необходимости поставить его в человеческие условия, которые бы дали ему возможность выздороветь, он с великою горечью прохрипел: «Поздно, нужно было товарищам хоть немножко подумать обо мне раньше... все забыли... теперь мне ничего не надо». Однако после дружеской беседы он отогрелся и выразил желание получить от нас необходимую для изучения момента литературу. Особенно его волновал вопрос об от-

ношении к войне. Он горячился, жестикулировал своими длинными худыми руками, стучал кулаком по столу и глаза его вспыхивали яркими огоньками необычайно страстного темперамента. Волнение ему было вредно, он начинал сильно и судорожно кашлять. Отплевывая в платок кровянистую слюну, он стыдливо говорил: «Извини, пожалуйста; это очень неприятно видеть». Сердце сжималось от жалости при виде этого умирающего кавказского орла и в то же время... большого ребенка. Уловив мою скорбную мысль, он как-то с'ежился и глухо сказал: «Смотришь? Видишь, что они со мною сделали?» — «Они жестоко ответят за это», — сжимая кулаки и стервенея, заметил я. И вдруг с ним произошла перемена. Он как-то похорошел, выпрямился и горячо воскликнул: «О, если бы дожить до победы! Хоть одну минуту! Потом... умереть». — «Джигит», — мелькнуло в сознании. — «Нет, поздно... не придет...» — ответил сам же себе и стал тусклым и вялым. Мы окружили его возможным вниманием и лаской. Особенно он был доволен участливым отношением рабочих.

Письмо в «Нашей Газете» наделало шум в «обществе». К Ломтатидзе стали приезжать, осматривать его помещение, предлагать перевести в другое, более приличное, учреждение, справляться — в чем он нуждается и обследовать его здоровье. «Зря надоедают», — жаловался он.

Этот человек гордо умирал на глазах замучившего его общества и отказывался принимать от него какую бы то ни было помощь. Лишь от нас, от рабочих, он принимал поддержку, да и то с большими уговорами. А ведь положение его было очень тяжелое: доходило до того, что он не имел достаточной смены белья. Мы сделали все, что могли, чтобы, с одной стороны, скрасить его существование, а с другой — вырвать из рук смерти. Я, Оппоков, Мицкевич, М. Васильев, Лебедев обращались ко всем влиятельным лицам с просьбой устроить его хотя бы в санатории, но повсюду получали ответ, вроде того, какой дал мне председатель губернской земской управы Гримм: «Сожалею, что ничего не могу сделать». Наш комитет даже обращался к фракции Чхеидзе, но оттуда не было получено ни привета, ни ответа. Естественно поэтому, что надломленный организм не смог выдержать перелома на весну. Ломтатидзе умер на руках у М. И. Васильева (Южина) в тот момент, когда солнце начало разбивать волжский лед.

Казалось ясным, что поскольку жизнь Ломтатидзе была сплошным служением революции и социализму, постольку и смерть

его должна быть использована для той же цели. Поэтому наш комитет решил устроить демонстративные похороны с привлечением рабочего класса. Однако мы встретили сильнейшее сопротивление со стороны меньшевиков, которые труп борца за рабочее дело считали своей собственностью. Они ни в каком случае не хотели допустить демонстрации. Дело уладилось при посредстве авторитета приехавшего на похороны члена меньшевистской фракции Гос. Думы Чхенкели. После отчаянных споров на квартире у М. И. Васильева Чхенкели склонился в нашу сторону. Однако и мы должны были сделать уступку: допустимость демонстрации признана была лишь в двух местах—у тюрьмы и на вокзале, куда должен был быть доставлен гроб для следования на Кавказ. Была избрана похоронная комиссия «на паритетных началах». С нашей стороны в нее входили Галактионов, Корнеева, Оппоков, я и кто-то еще.

Комиссия выработала порядок и план шествия. Процессия должна была собраться у часовни на Александровской ул. и стройными рядами по восьми человек следовать за гробом по Александровской, Немецкой (главная улица), Ильинской, Московской улицам — мимо тюрьмы — на вокзал. Так как в похоронах пожелали принять участие не только наши организации, но и либеральные, предполагалось большое количество венков, которые должны были нести на руках представители организаций. Взволнованная полиция потребовала от комиссии поручителей за порядок процессии, запретила несение венков, красных лент и изменила маршрут, заменив Немецкую улицу Константиновской (ныне Советская). В наших организациях и среди рабочих на заводах была произведена широкая подготовка. Мы твердо были убеждены в успехе и для большей солидности его настаивали на назначении процессии в ближайшее воскресенье, т.-е. в день, когда все рабочие свободны от работы. На это не согласились ни депутат, ни меньшевики, ни... полиция. Пришлось примириться с будним днем, но зато удалось оттянуть час начала процессии до обеденного рабочего перерыва. Накануне Ломтатидзе был помещен в часовенке, которая помещалась (о, ирония судьбы!) наискосок от жандармского управления. Белесоватые окна жандармского дома своими провалами, казалось, стерегли т. Ломтатидзе и после смерти. У гроба дежурили члены комиссии. С утра стали приносить венки, которые к вечеру одели красно-зелено-белым покрывалом не только гроб, но и значительную часть часовенки. Я помню 40—60 боль-

ших венков. С красными лентами и соответствующими надписями-лозунгами были венки от нас, профсоюзов, больничных касс, «Маяка», от рабочих различных заводов и мастерских, с.-д. фракций II и IV Гос. Дум (при чем последняя была представлена двумя венками: фракции Чхеидзе и фракции Петровского), от эсеров, трудовиков и т. д.

Выдался яркий, солнечный день. Наиболее нетерпеливая публика пришла чуть ли не в девять часов утра. К десяти набралось человек двести. Многие из наших нервничали и, опасаясь провала, уже начинали ворчать на неорганизованность, которую допустил-де комитет. Встретившийся Кравченко, приехавший из Самары на похороны, ядовито заметил мне: «Где же ваши хваленые пролетарии? Не с этой ли кучкой вы собирались устраивать демонстрацию! Больше полицейских, чем публики». — «Мы будем говорить с вами после похорон», — ответил я, присматриваясь к шныряющим в толпе шпикам.

К 12 ч. стали подходить наши рабочие отряды, а к часу улица перед часовней была запружена массой блузников—не менее четырех тысяч человек. Если теперь движение рабочих в колоннах стало обычным делом и не вызывает удивления, то тогда такое движение, свидетельствующее об организованности массовика, вызывало непередаваемое восхищение. Шли не праздничные рабочие, а люди, только что оставившие станки, неуспевшие смыть трудовую грязь с лиц, отказавшиеся от обеда, чтобы проводить замученного борца и заявить свой протест против самодержавной расправы. Несмотря на наши предупреждения, многие рабочие пришли с «подожками» довольно внушительного размера, с навернутыми на конце гайками. Думаю, что и у всей массы по карманам были рассованы гайки, ключи, болты, кастеты и т. п. «твердые» предметы на случай «сдачи». Прибывший полицеймейстер Дьяконов растерянно метался в толпе и приставал то к Чхенкели, то к Васильеву, то ко мне, добиваясь «честного слова революционера», что процессия не будет «безобразничать». Жирный, типичный «духанщик» Чхенкели поднимался на каблуках и голосом, преисполненным благородства, уверял Дьяконова в том, что он напрасно беспокоится: «Ничего «такого» произойти не может. Я сам в этом заинтересован», — многозначительно подчеркивал он.

«Господа, — восклицал Дьяконов, — я вам верю, но... меня же скрутят в бараний рог, если что... Чорт бы побрал астраханского

губернатора... Это что? — бросился он к строющейся процессии, где в это время ребята нацепляли красные ленты к венкам. — Я же говорил вам! Нельзя! Снять!» Окружившие его рабочие и делегаты либеральных организаций стали уговаривать Дьяконова, чтобы он не мешал развешивать ленты. — «Не могу. Я получил строжайший приказ не допускать». — Наконец, уступил, но с оговоркой: мол, потом, когда процессия пройдет половину пути.

«Гражданин Дьяконов, — подошел к нему я, — мною получены сведения, что черная сотня готовится напасть на процессию. Вы понимаете, чем это пахнет? Кроме того, зачем столько полиции? Нельзя ли, во избежание недоразумений, ее поставить вне поля зрения провожающих. Я опасаюсь провокации. И вам будет нехорошо, да и публике плохо».—«Никаких эксцессов я не допущу,— ответил он. — Полиция будет следить, чтобы посторонняя публика не мешала движению процессии». — «Мы благодарим за внимание, но последнего нам не нужно: у нас, как видите, имеется своя цепь, которая самым наилучшим образом сохранит стройность движения. Полиция может вызвать лишь раздражение». — «Хорошо. Вы не увидите ее, только, ради бога, г. Антонов, без скандалов. Вот мука-то!» И он снова, пыхтя и отдуваясь, покатил к процессии, которая двинулась за красным гробом.

Кто-то запел: «со святыми упокой»; кто-то поддержал, но на них зашумели, и пение оборвалось. Шли молча, в напряженном ожидании. Полиция скрылась, и только в разрезах поперечных улиц в качестве заставы появлялась конная группа донских казаков. Обходя процессию, я неприятно был поражен отсутствием железнодорожников. Попадались лишь отдельные товарищи из наиболее активных. В чем дело? Ведь накануне они хотели итти всеми мастерскими? Лишь после я узнал, что железнодорожники, в количестве почти двух тысяч, направились на Александровскую, но были задержаны заставой и направлены по Астраханской к вокзалу: там, мол, все равно встретитесь. Таким образом в проводах участвовало не менее 7—8 тысяч человек. Впереди процессии шел сам Дьяконов. Ряды запевал мы распределили в процессии таким манером, чтобы сразу же можно было захватить пением всю массу.

Не доходя несколько шагов до тюрьмы, где сидели политические, дан был сигнал, и процессия, как один человек, запела: «вы жертвою пали...». По условию, несшие гроб приостановились, ряды процессии повернулись лицом к тюремным корпусам. Из-за решетчатых окон стали показываться лица заключенных, руки,

махающие платками. Тюрьма огласилась возгласами: «Да здравствует свобода!». Мы отвечали криками и пением Интернационала. Раздался выстрел. Часовой стрелял по заключенным. Но это никого не испугало. Арестованные запели марсельезу, и слова боевого гимна неслись к нам навстречу.

Появившаяся полиция кинулась на процессию, но вследствие тесноты не могла ничего сделать. Мимо меня пробежал запыхавшийся Дьяконов, преследовавший быстро ковылявшего на костыле Лосева. Не поймав его, Дьяконов, весь багровый, орал благим матом: «Замолчать!.. Всех арестуем!». Тем временем гроб снова двинулся, а за ним и вся процессия. Дьяконов, окруженный нашей группой, никак не мог из нее вылезти и ругался на чем свет стоит. «Чего вы? Все уже кончено», — смеясь, говорили ему ребята, мешая выбраться на свободу. Успокоившись, он качал головою и бурчал: «Чувствовало мое сердце... подвели, канальи». Потом безнадежно махнул рукой и пошел снова, но уже рядом с процессией. К вокзальной площади надо было подходить мимо казарм. И вот мы увидели неожиданную картину: по обеим сторонам казарм и дальше полукругом на площади стояли цепи солдат, сверкающие штыками. «Чорт! Ловушка!» — мелькнуло, повидимому, у многих. Но никто не дрогнул, и процессия влилась в штыковое русло.

Я шел с Ольминским и Оппоковым. Вынырнувший откуда-то Лебедев иронически заметил, кивая на солдат: «Это что же — почетный караул выставили?» — «Как бы и нас всех этот караул не отправил к Ломтатидзе», — пошутил Оппоков.

Солдаты стояли сумрачные, точно на одно лицо, в котором нельзя было прочитать намерений. Инстинктивно процессия ускорила шаг и через несколько минут лавиной запрудила весь вокзал, перрон и пути, прилегающие к траурному вагону. Даже крыши составов покрылись густыми гроздьями людей. Полиция осталась позади и, так как блузники стояли теснейшей стеной, не могла пробиться на особо интересующие ее места. В залах вокзала начались митинги. В первом классе начал Оппоков, в третьем — я. У гроба, поставленного в вагон, говорили Чхенкели, Милонов, И. Галактионов, Розенштейн и еще кто-то. Настроение поднялось до экзальтации. Случись малейшая провокация, получилась бы кровавая схватка. К счастью, провокаторы не выступили.

На площади группками беседовали рабочие, расходясь по домам. Солдаты уже были сняты.

Вдруг с пением революционных песен повалила толпа с вокзала. Площадь снова забурлила. Образовался большой митинг, выкинут был красный флаг, принесенный железнодорожниками. Понеслись горячие речи агитаторов, поднятых товарищами на плечи. Началась демонстрация. Конечно, не преминули прискакать конные, которые приняли демонстрантов в нагайки. Кое-кто получил затрещины. Кое-кто отделался потерей картуза. Демонстративная процессия прошла удачно. Рабочие убедились, что выходить на улицу уже не так страшно. А боевые разговоры о демонстрации питали настроение масс не одну неделю.

На солдат процессия произвела сильное впечатление, и вскоре мы получили с ним связь. Это был асландусский полк, который, как оказалось, был выведен и поставлен цепью своим командиром для избежания нашей демонстрации перед казармами. Узнал ли он когда-нибудь, что его шаг привел лишь к выгодным для нас результатам? Дьяконов «за нераспорядительность» получил выговор. Меньшевики остались с носом. Я несколько дней досадовал, что мне не удалось поиздеваться над Кравченко: он, повидимому, покинул процессию с момента демонстрации перед тюрьмой и уехал в Самару.

На демонстрации мы (я, Оппоков, Курулов и Лебедев) были уже в качестве «обреченных». Незадолго перед тем у нас произведен был тщательный обыск. Начали с Лебедева. Так как он успел предупредить меня, а я — Оппокова и весь комитет, при обыске ничего «предосудительного» найдено не было. Арестованы мы не были. Это дало нам возможность сговориться, как держать себя при допросе. Был принят метод самого наглого запирательства. Лишь от знакомства друг с другом решили не отказываться. Так и было сделано.

— Да, кстати, — заявил я в конце допроса жандармскому ротмистру, — за мною поставлен очень неумный филер. Он меня раздражает. Куда я ни пойду, везде он мозолит глаза своей фигурой.

— Это вам кажется. Мы не делали никаких распоряжений.

— Я еще пока не страдаю идеей преследования. Но когда он мне, близорукому, мозолит глаза, когда он чуть ли не наступает на пятки, я решительно протестую. Если нужен за мной филер, поставьте более приличного.

— Хорошо. Я наведу справки; но мне кажется, что вы ошибаетесь...

Допрос показал нам, что жандармерия прекрасно осведомлена не только о наших партийных кличках («Пьер», «Ломов») и нелегальщиках (Зирка — незадолго перед тем арестованный), но и обо всей нашей работе. Без сомнения, нас кто-то выдавал, но кто? Мы терялись в догадках. Перебирая «маяковцев», я лишь одного находил подозрительным: эсера Платонова, который вызывал во мне инстинктивное недоброжелательство. «Шестое» чувство подпольщика — «чутье на шпика» — не обмануло; но об этом я узнал лишь после революции. Оказалось, что в «Маяке» было целых три крупных провокатора: эсер Платонов, выдавший, между прочим, в союзе с Азефом известного О. Минора в бытность его в Саратове; рабочие эсдеки — Любимов и Матюнин. Первый состоял членом нашего первого комитета, второй работал в «Маяке» и среди верхушек профессиональных союзов.

Участие наше в демонстрации ускорило дело. Из департамента полиции пришло постановление: Лебедева на пять лет, меня и Оппокова на три года каждого, Курулова на два года выслать в административном порядке в Восточную Сибирь. Лебедев возмущался «несправедливостью» и, шутя, говорил нам: «Чорт знает, что такое: ведь это вам следовало прибавить по два года». — «Другой раз будем заслуживать полностью», — смеялся я. Оппоков выразил согласие поделить лишки. Но—увы— это не зависело от нас. Постановление о нашей высылке взбудоражило «общество», в особенности адвокатуру. От Совета присяжных поверенных полетели телеграммы Керенскому, Чхенкели, Милюкову, Масленникову с протестами и требованиями отмены постановления. К саратовскому губернатору, Тверскому, были снаряжены делегации. Телеграммы и депутации добились лишь того, что мы не были отправлены по этапу, а должны были ехать на свой счет. Это было, конечно, хорошо, ибо отправленный в прошлом году по этапу С. К. Минин замучен был пересылкой до серьезной болезни.

В рабочих кругах наша высылка вызвала большое озлобление: стала назревать стихийная забастовка. Не желая срывать первомайское выступление, мы потребовали от комитета, чтобы он принял меры к недопущению стихийного взрыва. С большими усилиями удалось убедить комитет, и он согласился соединить протест против нашей высылки с «маевкой».

Накануне от'езда мы снова обсуждали вопрос: стоит ли ехать, не лучше ли удрать куда-нибудь и, перейдя на нелегальное

положение, продожать работу? Соблазн был большой, но та измотанность, которая получилась в результате двухлетней беспрерывной и невероятно трудной работы, слишком давала себя знать, — мы чувствовали себя физически разбитыми. Поколебавшись, мы решили ехать в ссылку «на отдых», но с определенными намерениями своевременно сбежать оттуда. Так как Лебедев околачивался в Питере, а Курулов, по утовору, должен был присоединиться к нам в Екатеринбурге, мы выехали вдвоем 23 апреля 1916 г.

На проводы стеклось человек 500. С прощальным приветом явились представители, не только рабочих, но радикальных и либеральных организаций. Женщины наделили нас цветами.

За десять минут до отхода парохода мы обратились к провожающим с небольшими речами. Оппоков произнес горячую, полную оптимизма речь. В свою очередь, я также подбавил кипятку, предсказывая скорое наступление революции. Издеваясь над трехлетним сроком высылки, я воскликнул: «Товарищи! не пройдет и года, как мы снова свидимся свободными гражданами в свободной стране». Мои слова были подхвачены громким «ура» и пением марсельезы. Началась демонстрация. Засвистели свистки полицейских, и вскоре на дебаркадер влетел отряд, который начал арестовывать ребят направо и налево. В момент потасовки, пароход отошел от пристани, и мы долго видели происходившую кутерьму и красные платки арестованных. Впоследствии из письма Раппопорта мы узнали, что из всей массы арестованных оставили в тюрьме до 40 человек, т.-е. почти всю рабочую головку нашей организации. Мы крайне досадовали на комитет за этот экспромт... Но что сделано, того не вернешь.

6. В ССЫЛКЕ (ИРКУТСКАЯ ГУБ.)

Чувство горечи охватило нас, когда Саратов скрылся с горизонта. Словно куски живого мяса от своего существа мы оставляли в нем. Перекинувшись несколькими словами, мы сумрачно забились в каюту и уткнулись носом в книги, но буквы прыгали в глазах, а мысль уходила в воспоминания недавнего прошлого...

Через два с половиною дня мы добрались до Самары, откуда путь наш лежал по железной дороге до Иркутска. В ожидании поезда мы побывали кое у кого из знакомой публики. В частности, наведали т. Бубнова («Химика»), который притулился в Самаре

после «стрекача» из Харькова. С оживлением он рассказал нам о написанных и выпущенных им прокламациях в Харькове, о провале тамошней организации и своем «пути» в Самару. Более вяло он поведал о местных делах, жаловался на меньшевистское засилье и недостаток в наших работниках. Кажется, в то время он был занят организацией защиты к предстоящему большевистскому процессу. Вялый, даже чудаковатый, скучный в обыденной обстановке, он преображался в живого, юркого и остроумного подпольщика на деле. На нас он произвел очень выгодное впечатление. И, уезжая из Самары, мы были довольны, что в местной рабочей жизни торчит такое бродило-изюминка...

Проскочив мимо классического столба «Россия — Азия», мы через неделю очутились в Иркутске. По пути мы беседовали с солдатами, ехавшими домой на побывку, читали книги и жадными глазами пили быстро бегущую красоту сибирской природы.

Иркутск на первых шагах нас встретил кучей дрянных домишек, безмерно прекрасной Ангарой, пьяным запахом цветущей лиственницы и... товарищеской внимательностью соратников в борьбе.

Мы поселились у хорошо знакомого Оппокову — ссыльного саратовского эсера Ржонсницкого, как будто сводного брата тоже сосланного сюда Роговского. Первые дни мы посвятили различным встречам и беседам. Сначала мы хотели посетить Церетели, отдыхавшего на курорте в Усольи, Войтинского, Соловьева, Архангельского, Рожкова и др. Но потом обозлились и отказались от посещений. Церетели и кой-кто еще разыгрывали из себя царьков колонии, — к ним, изволите ли видеть, без предупреждения и согласия являться не полагалось. Нам аудиенция была разрешена, но мы ее послали к чорту. Посещение же Войтинского показало нам общий тон и настроение «бывших влиятельных товарищей». Прежде всего он нам задал вопрос: «А скажите, когда по-вашему кончится война?». Это было так нелепо, так обывательски, что я даже опешил. «Как когда? Вы что спрашиваете, о сроке, что ли?» — «Ну, да». — «Извините меня, я на такие «метафизические» вопросы отвечать не могу. Поспрошайте тех, кто умеет гадать на бабушкиной гуще». О наших интернационалистических взглядах и слышать не хотели. Лишь двое оказались более или менее живыми людьми, способными задуматься над нашей позицией. Это—старый партиец, некогда работавший в Саратове, Стан-

чинский и эсер Ржонсницкий. Ни Церетели, ни Гоц в то время еще не были, хотя бы и худыми, интернационалистами. Рожков был в Чите, и до нас доходили слухи, что он как будто пораженец. Лишь впоследствии Церетели стал издавать журнал, в котором об'явил себя сторонником циммервальдцев. Гоц то же самое сделал в газете «Сибирь».

За время нашего пребывания у Ржонсницкого приходили для беседы Гоц, Веденяпин, Станчинский, якутянка Гедымин и еще кто-то из социал-демократов. Гоц больше всего интересовался фактическим состоянием рабочего движения. Нервный, впечатлительный, Станчинский после нескольких горячих споров склонился к нашей позиции, однако с оговоркой: «Все же мне не все еще ясно». Откровенно сказать, и нам было тоже не все ясно, но мы боролись за то, что понимали, с напряженной энергией. Большеголовый, бородатый, смахивающий на деревенского псаломщика, Веденяпин потирал «башку» своей могучей ладонью и говорил: «Не укладывается, чорт дери, надо поговорить со своими»,—и уходил пешком в Балаганок. В особенности меня раздражал Роговский. Если Ржонсницкий очень быстро согласился с нами, то Роговский, этот приглаженный, выутюженный господин, похожий на присяжного стряпчего или первого любовника, с необоснованным превосходством и насмешкой возражал нам с точки зрения ультра-крайнего оборонца. Мы плюнули на них и занялись устройством своих дел. Местная адвокатура, по инициативе адвокатуры саратовской, обратилась к генерал-губернатору Пильцу с просьбой оставить нас в Иркутске. Пильц ответил отказом и приказал отправить нас в 24 часа из Иркутска в с. Качуг, при чем нам пригрозили, что если мы не выедем «немедленно», то нас арестуют и отправят в «место назначения» по этапу. Жорж не хотел ехать без меня. Мы перешли на нелегалку и стали скрываться в квартире Гедымин. Нельзя сказать, чтобы это было очень веселое времяпрепровождение; мы не раз устраивали прорывы блокады, пробираясь в город или совершая экскурсии на Байкал и в другие пригородные местности.

Между прочим, я узнал, что на окраине, кажется, в детской больнице, работает Радус-Зенкович. Как не посмотреть «Полтора-Егора»? С разными предосторожностями я пробрался по адресу и действительно нашел его. Он значительно постарел; многолетняя каторга сделала его еще более сдержанным, но живого интереса к революционному движению не убила, как это я мог наблюдать

у многих поселенцев. С большим вниманием выслушал он мой рассказ о фактах нарастания революции, о борьбе взглядов и нашей позиции. Своего мнения он, однако, не выявил, ограничившись замечанием, что проблема крайне велика и требует пристальной разработки. Я не стал допытываться и перевел разговор на прошлое. Заиграли веселые огоньки воспоминаний. Добродушно улыбаясь, он при прощании заметил: «Вы остались таким же «флогистоном» [1]), каким были тогда». Так он окрестил меня во время совместной сидки в тюрьме. Мы простились, чтобы встретиться в Саратове в октябрьские дни.

За подпольное пребывание в Иркутске мы с Оппоковым посетили члена Государственной Думы, к удивлению, бельгийского коммерческого представителя Серебровского, который обещал поговорить с Пильцем о замене высылки в Качуг работой в геологической экспедиции к истокам р. Вилюя, под руководством Ржонсницкого и Зверева. Из этих обещаний, конечно, ничего не вышло. Во время беседы я обратил внимание на пачку дел по оскорблению величества.—«Много у вас таких дел?»—полюбопытствовал я.—«Знаете,—оживился Серебровский,—в нынешнем году их особенно много»,—и рассказал ряд анекдотов о том, как в ребро, печень и прочие части тела не только рабочий, но и сибирский крестьянин—«чалдон»—посылает царя, «мамашу», а в особенности «женку». Я в свое время этим вопросом интересовался, поскольку возможно, подсчитывал количество таких дел, проходящих Саратовскую судебную палату. Так, напр., в 1904 г. этих дел прошло 75, в 1905 г.—ничего [2]), в 1906 г.—110, в 1907 г.—150, в 1908 г.—50, в 1913 г.—до 200, в 1914 г.—39, в 1915 г.—98. «Чем больше этих дел,—заметил я,—тем больше признаков роста революции».—«Отчасти вы правы... лишь отчасти, — русский народ вообще любит ругаться», — отмахнулся Серебровский... Наконец, приехала Н. М., и мы, быстро собравшись, на «перекладных» отмахали трехсотверстный путь за неделю. Прибыв в назначенное село, мы зарегистрировались у начальства и поселились своею маленькой коммуной. Село Качуг, расположенное на р. Лене, ничем не отличается от других сибирских сел тракта. Население его, состоящее отчасти из потомков ссыльных, отчасти просто из ссыльных, занималось извозом и сплавом, при чем главную работу давало

---

[1]) Флогистон—душа огня.

[2]) Не было дел, но брань была бытовым явлением.

общество купца Громова, — поставщика грузов для Лензолота. Политические были представлены значительной группой. Они занимались ремеслом, нагрузкой и разгрузкой товаров на паузки и пароходы или служили в конторе и складах Громовской компании.

Незадолго до нашего приезда колония, вследствие обильных дрязг в ссылке, раскололась на две, что, конечно, подрывало авторитет политических среди населения. Мы, войдя в колонию «молодых», повели агитацию за об'единение и, наконец, добились того, что, за исключением пяти человек «непримиримых», все остальные снова образовали одну колонию. Наиболее яркими ребятами колонии были: «Дядя» — Лацис, «Старик» — С. И. Степанов, Стуков, Э. Альперович, Клаас (горбатый), Элла (ныне Егорова), Икмельд, Пук, С. Коссиор, И. Цивцивадзе, Арсеньев Павел, Белов, Евсеев, Казицкий, Пылаев, Петр Залуцкий, Андреев, А. А., В. Коврайский, сестры Белые, Кизильштейн, Жиделев (член Гос. Думы), Зеленский, анархист Марголин, максималист Хоменко, эсеры В. Трутовский, М. Самохвалов и др. В большинстве эти товарищи, подобно нам, занесены были в ссылку надвигающейся волной революции, дышали ярким оптимизмом, неизжитой энергией и глубоким интересом к проблемам революции. Однако в последнем отношении царил невероятный хаос и чувствовалась необходимость внести в эту мятущуюся и ищущую среду резкую постановку вопросов, которая бы могла концентрировать внимание и систематизировать соответствующую проработку. Так как мы более продумали вопросы, то об'ективно эта обязанность падала на нас.

Отдохнув и осмотревшись, мы начали подготовку к докладам; высылка нас за 10 верст от Качуга, в деревню Большие Голы, несколько задержала эту работу. Лишь в конце лета Оппоков первый открыл кампанию. Ярко, упрощенно, с обычным для него под'емом, он сделал ряд докладов, из которых помню: 1) обзор книжки Суханова «Наши левые группы и война», 2) торговые договоры и их значение в войне, 3) изменения в сельском хозяйстве и соотношение классов в результате столыпинской реформы и еще что-то о росте цен на сел.-хоз. продукты. Доклады собирали почти всю колонию и сопровождались горячей дискуссией, вызывавшей движение мысли и охоту к основательной проработке спорных положений. Стали образовываться кружки, в которых началось напряженное изучение хотя и скудной, но необходимой для уразумения проблемы литературы. Обосновывая неизбеж-

ность революции в России, мы, однако, первое время воздерживались от постановки проблем международного значения. Каждый из нас чувствовал и понимал громадную ответственность постановки этой проблемы даже на простую дискуссию. Нужно было основательно все продумать, использовав в качестве пособия имеющийся литературный материал. А его, кстати сказать, было очень мало — несколько статей Майского и Гарденина (Чернова) в «Современнике», несколько описательных статей из «Русского Богатства», одна или две статьи Иорданского в «Современном Мире», тенденциозно информирующих о Циммервальдской и Кинтальской конференциях, резолюции этих конференций, несколько разрозненных номеров «Самарского Голоса», какой-то американской анархической газеты, вроде «Свободный Труд», и, наконец, кое-какие заметки в Горьковской «Летописи» и в «Торгово-Промышленной Газете».

В процессе работы у нас возникли с Оппоковым разногласия. Он, по самой психологической конструкции, был склонен к максимализму в теории. Быстро схватывая крайнюю позицию в теории или тактических построениях, он в дальнейшем был во власти логики, отметая все факты, не укладывающиеся в его концепцию. Я был более консервативен. Каждую новую идею я осматривал, ощупывал и обмозговывал с известной осторожностью. Оппоков говорил: «По-твоему, противоречат факты — тем хуже для фактов». Я возражал: «Семь раз отмерь, — один раз отрежь».

В результате, приблизительно ко второй половине октября, появились наши доклады, освещающие вопросы с двух точек зрения, но в пределах одного направления. Взяв за основу единственно нам известное положение левой Циммервальда о превращении империалистической войны в социалистическую революцию, Оппоков дал приблизительно такие тезисы: 1) капитализм, достигнув наивысшей фазы своего развития, — фазы финансового капитала, — не в силах овладеть возмущением производительных сил, переросших рамки капиталистического общества; 2) империалистическая война, свидетельствующая о крахе капитализма, затеяна магнатами капитала в целях задержания родов социалистического общества; 3) европейская война, которая, несомненно, осложнится войной Америки с Японией, об'ективно ведет к гибели капитализма; 4) могильщик капитализма—пролетариат—об'ективно толкается в русло социалистической революции и прежде всего в самой развитой Германии; 5) поэтому для интернациональных

с.-д. обязательна организация пролетарских масс вокруг лозунга превращения войны в «немедленную социалистическую революцию»; 6) из этого лозунга вытекает необходимость ликвидации программы-минимум; 7) в России назревающая революция, несомненно, будет буржуазной, но, при победе социалистической революции на Западе, пролетариат России сможет буржуазную революцию превратить в социалистическую [1]).

Мой доклад основывался на следующих положениях: 1) Капитализм вступил в высшую фазу своего развития—в фазу финансового капитала, однако эта фаза еще не находится в конце своего развития. 2) Империалистическая война является результатом столкновения финансового капитала в национальных рамках. Она не является последней в эпохе, а лишь первой. 3) Об'ективные предпосылки социализма ускорили свой темп, но не настолько, чтобы борьбу за немедленный социализм ставить в порядок дня, как агитационно-директивную задачу. 4) Хотя суб'ективные предпосылки и изменяются под влиянием войны, но тоже не настолько быстро, чтобы вышеуказанная агитационная задача имела «мировой успех» сегодняшнего дня. Отсюда лозунг превращения империалистической войны в мировую социалистическую революцию, как боевая задача дня, не жизненен. Как пропагандистский лозунг, рассчитанный на эпоху, он, конечно, верен. 5) Мировой пролетариат об'ективно толкается не на немедленную социалистическую революцию, а на революцию «демократическую», не исключающую захвата восставшим классом государственной власти, что не ведет еще обязательно к введению социалистического общества. 6) В России надвигающаяся революция будет совершаться пролетариатом и крестьянством; вполне возможно революционное пролетарское правительство, наподобие Коммуны 1871 г. 7) В соответствии с этим ликвидация программы-минимум преждевременна, но изменение отдельных устаревших требований и включение некоторых требований Коммунистического Манифеста необходимы. 8) В целях успешной борьбы за социализм должна быть организована единая партия мирового пролетариата.

Этот доклад был изложен в виде статьи для легальной печати под заголовком «Проклятые вопросы современности». Отдельные клочки этой статьи у меня сохранились, и так как они имеют

---

[1]) Эти тезисы я записал во время доклада; но в пылу полемики всегда возможны некоторые неточностп.

некоторый интерес для истории развития нашей идеологии, отражая одновременно и правильную и ошибочную постановку вопросов, я привожу их полностью.

«Идейный кризис, — писал я, — внесенный войной в ряды сознательного, организованного под знаменем ортодоксального марксизма пролетариата, не может считаться уже изжитым в достаточной степени. Больше того. Факты повседневной социально-политической жизни свидетельствуют о том, что по мере развития военной драмы он принимает все более запутанные формы. Может показаться, что кризис уже локализован, что он теперь идет только по количественной линии двух, резко выявившихся за время войны течений: с одной стороны, приявших «политическое отечество», «оборону» и «межклассовое перемирие» — национал-социалистов, с другой — решительно отвергших всю эту шовинистическую триаду во имя классовой солидарности рабочих всего мира — социалистов-интернационалистов, мы бы сказали, — коммунистов [1]). Однако подобное представление было бы неправильным, затушевывающим действительное положение вещей. Оно же таково, что если мы спустимся с высоты официальных заявлений в самую кузницу идеологий, в гущу жизни обоих течений, то перед нами откроется картина не стройно законченной и ясно разработанной системы взглядов, но необыкновенный их хаос. В судорожно свертывающемся и развертывающемся клубке идеологических построений мы наблюдаем и там и тут целую гамму взглядов, начиная с самых заскорузло-консервативных и кончая крайними, шагающими в семимильных сапогах. В данный момент нас не интересует идейная неразбериха у защитников «защиты». Разбор их положений, после той обстоятельной критики, которая была выполнена противниками и самой жизнью, — занятие довольно скучное. Иное дело — течение социал-интернационалистское. Хотя мы и в нем видим смешение языков, но напряженная переоценка ценностей, энергичное искание новых форм и оценок явлений говорят нам о том, что вся эта колоссальная работа не пропадет даром, что течение это имеет за собою большое и многозначительное будущее. Отдавая свои симпатии этому течению, мы и попытаемся, поскольку позволяют условия, во-

---

[1]) Курсив статьи.

первых, разобраться в нем, а во-вторых, наметить свою точку зрения на происходящие социальные процессы. Прежде всего поставим вопрос о том, что в настоящее время представляет наше движение в социально-политическом смысле, в чем его жизненная сила и где грань его организационного «бытия»? Чтобы ответить на это, нужно выяснить: 1) условия, при которых возникло движение, 2) его основную задачу, 3) политическую физиономию и тактику большинства на с'ездах в Циммервальде и Кинтале.

«Если мы возвратимся к началу войны, если вспомним, как большинство национальных партийных организаций приняло войну в форме обороны, если вспомним взрыв шовинизма в социалистических рядах и ту солидаризацию не только темных, но и значительных кадров сознательных рабочих с своими историческими врагами, — для нас станет ясен источник нашего движения. Это была реакция на забвение всего классового опыта рабочего движения. Реакция должна была появиться прежде всего там, где об'ективные условия менее всего способствовали укреплению иллюзии «фатерлянда». И действительно, первая «оппозиция» появилась в России, при чем здесь она сразу носила массовый характер. Затем начинает наблюдаться та же «оппозиция» (порой чуть ли не индивидуальная) и в других воюющих и невоюющих странах.

«По мере продолжения войны и усиления связанных с нею всевозможных тягот, «оппозиция» и там начинает расти и превращаться в массовое движение. Для своего оформления движение нуждалось в соответствующем органе. А так как социалистическое «большинство» решительными мерами подавляло оппозиционное «меньшинство» и так как о созыве Интернационала при таком настроении нечего было и думать, то оппозиция и создала самочинным порядком свою организацию на с'ездах в Циммервальде и Кинтале. Какова же была основная задача собиравшихся на этих с'ездах? Из официальных документов видно, что задача эта сводилась к борьбе за мир на почве восстановленной по всему фронту классовой борьбы. С'езды самым решительным образом заявили, что между пролетариатом и буржуазией не может быть ни священного, ни полусвященного, ни просто мира; что классовая борьба

международного пролетариата и ее выражение — рабочая солидарность — есть незыблемое основание, на котором может и должна строиться внутренняя и внешняя его политика. Важно, конечно, было не то, что «вообще» повторили азбуку рабочего движения, важно то, что она была подтверждена как раз в тот момент, когда казалось, что вот еще немного и славное знамя международного пролетариата в рабской покорности склонится перед знаменами своих антагонистов. Они спасли от позора это знамя, они снова торжественно подняли его над миром. В этом—их колоссальное социально-политическое значение, в этом — их живая сила. Но если собравшиеся в Циммервальд-Кинтале сошлись на указанном повторении и подтверждении старых заветов марксизма, то сошлись ли они в оценке тех изменений в экономической и социальной структуре современного капиталистического общества, которые обнаружены войной? Сошлись ли они на новой ориентировке в социалистической политике? Едва ли утвердительный ответ будет утверждать истину. Уже самый состав с'ездов вызывает в этом отношении большое раздумье. В самом деле: и в Циммервальде и в Кинтале мы сталкиваемся с людьми, не только по-разному оценивающими настоящее и будущее в рамках «ортодоксии», но мы видим там ревизионистов, интегралистов, своеобразных английских «марксистов» и даже французских и американских анархо-синдикалистов. Неужели же все эти чуждые по миропониманию люди вдрут стали одногласными, стали подходить к оценке явлений с масштабом марксистского метода? неужели они так удивительно переучились? Сомнительно!.. Обстоятельства сложились так, что в одну телегу впрягли коня и трепетную лань. До поры до времени это возможно, но не нужно быть пророком, чтобы отметить ту грань, за которой окончится это сожительство. После войны, или еще во время войны, но как только станет возможным правильно воссоздать Интернационал — песенка Циммервальд-Кинталя будет спета. Во всяком случае, все те, которые в исключительный момент войны об'единились с марксистами-интернационалистами в агитации за мир,

снова отколются, как только им позволят условия...» (1-й отрывок).

«Что в том, — скажут нам, — что «сегодня» еще не дает ответа на ряд вопросов? Экономическая, социальная и политическая обстановка под влиянием войны так быстро меняется, что, быть может, «завтра» мы будем иметь все то, чего вы не находите «сегодня». Слов нет, — война способствует многому. Мы видим, как быстро растет концентрация и централизация производства и обмена, как усиливается влияние финансового капитала на структуру общества; мы видим, как начинает происходить спайка некоторых, дотоле враждовавших групп промышленников; наконец, мы видим, в каких необыкновенных размерах происходит пролетаризация, как под влиянием дороговизны и экономической политики господствующих классов падает реальная заработная плата и вообще ухудшается положение рабочего класса. Одним словом, мы видим, что темп всех основных тенденций капиталистического общества ускорился до чрезвычайности. Это — факт огромнейшей важности. Вместе с общим пониманием новой фазы он дает несомненное право утверждать, что «новое общество, построенное на совершенно иных принципиальных основаниях», начинает принимать вполне реальные очертания. Из той почти что заоблачной дали, куда его суб'ективно отодвинули ревизионисты и даже в некоторой степени ортодоксы, оно возвращается и входит в сокращенную временем и условиями историческую перспективу. Но все-таки, входя в более близкую перспективу, оно все же не ставится в «порядок дня», понимая это выражение в буквальном смысле. И надеяться, что именно эта война «по щучьему веленью — по нашему хотенью» создаст такую «постановку», значит верить в чудеса, до которых марксисты уже не такие большие охотники. Сама ускоренность темпа развития, при учете всей социально-экономической обстановки, говорит за то, что долог еще путь, долга еще борьба и далеко... до конечного штурма.

«Некоторые говорят: «пролетариат не может дожидаться в роли пассивного зрителя того момента, когда все результаты империалистической эпохи проявятся в полной мере». Эта фраза может

иметь двоякий смысл: или тот, что пролетариат раньше не боролся за свою конечную цель и только теперь не может ждать, или тот, что он не может ждать, когда создадутся предпосылки для его победы. Но первое вообще неверно, так как рабочий класс с самого своего появления на исторической арене боролся за эту конечную цель и в этом смысле «не хотел ждать»; второе тоже неверно. Факты современности красноречиво показывают, что он не только может ждать, но моментами забывает свои цели и путает их с целями чуждых и враждебных ему социальных образований. Но даже если бы случилось такое невероятное событие, то на «не могу ждать» пришлось бы ответить «подожди!». Здесь должно происходить то же самое, что происходит иногда при атаках: некоторые части рвутся в бой, но их удерживают в интересах общего полевого плана. Действовать иначе — значит итти и вести не от «поражения к победе», а от «поражения — к поражению». Порой сознавая, что быть в положении крыловской синицы дело неблагородное, что призывать к мировому акту немедленной реализации «идеала» — значит слишком потерять чувство действительности, пытаются сузить его размах, так сказать, территориально. Говорят: для Европы — да; для Востока — нет. А если следовать Гильфердингу, то придется и еще больше сузить. Ведь он определенно указывает, что новая фаза не везде одинаково развита, что выше всех в этом отношении стоит лишь Германия. Следовательно, решительный лозунг может быть принят, по преимуществу, германским пролетариатом. Так как это, при сложившейся межгосударственной ситуации, звучит несколько неловко, то снова обращаются к войне. Она, мол, уравняет. А если не уравняет? С каких пор мы превратились в таких гадалок?...» (2-ой отрывок).

«Даже захват юридического суверинитета пролетариатом в том или другом государстве еще не гарантирует немедленного введения «нового общества» (3-й отрывок).

«В своих интересах он (пролетариат) должен будет учесть опыт, вынесенный из этой войны. Прежде всего война показала, к каким вреднейшим результатам приводит подмеченное еще Марксом опоздание сознания от экономического развития. Поэтому максимальная пропаганда известных идей является самой

неотложной и насущной задачей. Сознание солидарности должно быть укреплено в сознании пролетариата всеми мерами и таким образом, чтобы никакое буржуазное влияние не могло его поколебать. А для этого, помимо прочего, явится, вероятно, необходимость в ревизии организационных принципов, на которых доселе строились различные «национальные» рабочие партии. В соответствии с отмеченной тенденцией к единой мировой партии буржуазии должна быть организована и единая партия мирового пролетариата. Так как «опаздывание сознания» наблюдается особенно сильно в тех нейтральных организациях рабочего класса, которые ведают и обслуживают его повседневные, узкие профессиональные, потребительские и т. д. интересы, так как за последними он теряет историческую задачу и «из-за деревьев не видит леса», то становится необходимым, чтобы принцип нейтральности был отброшен и чтобы партия пролетариата сконцентрировала под своей гегемонией все формы движения. Рабочий Интернационал должен быть единым в своей организации. Далее, в связи с изменившимися условиями придется чаще апеллировать к «идеалу». Однако это не исключает программы-минимум, так сказать, с принципиальной стороны. Пока будет существовать исторический «интервал» — будет существовать и она. Конечно, она должна быть пересмотрена. Некоторые ее требования, не устарев по существу, устарели по форме; некоторые устарели и по форме и по существу. Не вдаваясь сейчас в детали, мы для иллюстрации своей мысли приведем только два примера. Возьмем хотя бы восьмичасовой рабочий день. Почему эта «восьмерка» должна сохраняться в программе? Неужели только потому, что несколько десятилетий тому назад английские рабочие сложили свою знаменитую песенку «восемь часов труда, восемь — развлечения, восемь — сна». Программа не архив и не хранилище музейных редкостей. Технический прогресс сделал с того времени гигантские шаги, война толкнула его еще дальше вперед. Это — во-первых. А во-вторых, восьмичасовой рабочий день был введен во многих отраслях производства, транспорта и торговли. Больше того, есть уже слои пролетариата, работающие только по шести часов. Если же мы еще вспомним, что на рабочих надвигается «тейлоризм» и... быстро увеличивающаяся за счет женского и детского

труда емкость рабочего рынка, то для нас станет ясна необходимость в более низкой цифре рабочих часов. Это — из первой категории.

«Из второй мы возьмем требование милиции. Современная война самым определенным образом выяснила, что если магнаты капитала захотят решать свои споры из-за конкуренции при помощи штыка и пулемета, то такая милиция не может помешать «вторжению». Скорее она, как военная организация, находящаяся в руках буржуазии, будет служить оплотом не «обороны», а «нападения», не говоря уже о том, что она, не хуже иной военной организации, разрушает социальные инстинкты и является «внутренним охранным войском». Опасность внутренних и внешних нападений может быть ослаблена не организацией милиции, а предоставлением всему народу права ношения оружия. Недаром это право, предоставленное французскому народу в конце XVIII столетия, так быстро было зачеркнуто господами положения. Кроме этих двух категорий требований назревает и третья: в минимум должны будут войти некоторые пункты из известного манифеста 1848 года. Наконец, вопрос об отношении к милитаризму и империализму должен принять самую решительную и недвусмысленную постановку. Теперь уже недостаточно «описательных» резолюций, которыми тешил себя II Интернационал. Теперь на случай войны пролетариат должен иметь вполне разработанный и единообразный план действий. В противном случае, при новой войне, ему грозит еще более грозный удар, чем даже настоящий. Борьба с империалистической политикой станет одной из самых важных задач в предстоящую эпоху» (4-й отрывок).

«...Из анализа современных отношений получается впечатление, что на-ряду с силами «порядка» растут силы-антиподы». В Германии, напр., мы наблюдаем рост революционных сил, в слагаемых которых находится не только пролетариат, но и некоторые буржуазные группы. Роковые последствия военной авантюры начинают толкать и широкие слои демократии к разрешению той же проблемы, в которой так настоятельно заинтересован пролетариат. Все это приводит к убеждению, что единственно актуальным лозунгом момента является «перевод» войны не в борьбу за немедленное введение «царства труда», а

в борьбу за максимальную демократизацию правовых условий, возведенную в мировой масштаб» (5-й отрывок).

Этот доклад-статья был послан мною М. С. Ольминскому 22 октября 1916 г. и послужил предлогом для интересного обмена письмами. В первом из них Михаил Степанович, сообщая, что статья не может быть напечатана по полицейским условиям, предлагал ее соответствующим образом переработать, а также отмечал резкость в выражениях по отношению к «крайним левым». «У них так много врагов, что делается больно, когда резко критикуют и свои», — писал старик. Затем он делал ряд замечаний, из которых было видно, что сам он переживает период тяжких исканий. В ответе, указав на то, что, развенчивая в некотором отношении левых, я в то же время «увенчиваю их так, как, кажется, никто в изданной литературе», что мне кажется «я был достаточно к ним бережным», я коснулся всех затронутых вопросов как частного, так и общего характера, приноравливая форму на случай перлюстрации. Это письмо было опубликовано М. С. Ольминским в № 4 «Пролетарской Революции» за 1922 год[1]). В предисловии к письму М. С. Ольминский говорит о моей непримиримости к проповеди «октября». Вот тут-то и заключается некоторый курьез. Насколько я помню, Жорж Оппоков был сторонником октября, если под ним понимать «пре-

[1]) Между прочим, касаясь проблемы «демократичности и антидемократичности финансового капитала», я писал в этом письме следующее: «Вы склонны понимать демократизацию, как «потерю влияния растущим ф. кап.». Вы даже спрашиваете—неужели я столь наивен, что ожидаю добровольного отказа ф. к. от тех приобретений, какие он сделал за время войны в политической сфере—и предлагаете посмотреть, что сталось с демократизмом во Франции, Англии. Схема Вашей мысли такова: раз ф. к. антидемократичен в сфере экономики, он таков же и в сфере политической... Прежде всего я останавливаюсь в недоумении по поводу «добровольной уступки». Вы как будто думаете, что я рассчитываю на них. Но где это Вы нашли у меня? Ведь у нас стало трюизмом, что всякая «уступка», имеющая вид «добровольной», на самом деле является всегда вынужденной... Что же касается антидемократической сущности ф. к., то и общие соображения и указания современности убеждают меня в том, что эта сущность не помешает ему, в случае необходимости, «примириться» с демократизацией. Ведь если капитализм старого типа, разобщенный более дробными частной собственностью и конкуренцией, не очень-то беспокоился за демократизацию, а порой и сам выступал за нее, то финансовый олигарх, которому концентрация и централизация принесли и «концентрацию» сознания, обла-

вращение войны в социалистическую революцию» именно в Европе. Революцию в России он мыслил как буржуазную, а переход власти к пролетариату—только в связи с европейской революцией. Я же, как это видно из вышеизложенного, для мировой ситуации предлагал период демократических революций, не исключавших захвата пролетариатом власти; для России же я, как раз в противовес Жоржу, предполагал рабоче-крестьянскую революцию и захват пролетариатом власти наподобие Парижской Коммуны. Недаром на «другой день» после февральской революции я на пути в Иркутск еще из Бояндая послал две телеграммы: 1) Керенскому: «Привет. Помните Коммуну 71 г.» и 2) Саратовскому Совету Рабочих Депутатов: «Шлю горячий привет саратовскому революционному пролетариату. Помните, товарищи, Коммуну. Держитесь за нее» [1]).

К характеристике тогдашних моих взглядов можно прибавить еще один черновик письма-статьи, посланной мною на имя саратовского «Маяка», относящийся к тому же времени. «Рассказывают, — писал я, — что когда впервые католические миссионеры проникли в Китай, они были поражены, скандализованы одним «соблазнительным обстоятельством»: оказалось, что обря-

---

дающий колоссальными материальными ресурсами и обширным арсеналом мер психологического воздействия, еще менее может беспокоиться, что при демократизации он потеряет господство. Будучи по самой природе крайне эластичным и гибким, ф. к. не испугается и самой широкой демократизации: он приспособится и великолепно использует всякую политическую форму. Мы много говорим о правильно понятом интересе рабочего класса, но мы как-то забываем, что и буржуазия чем дальше, тем больше накопляет то же правильное понимание своих интересов. Главный же ее интерес, помимо получения прибавочной стоимости, эксплоатации, это — максимальное продление существования капиталистического общества... Повторяю: современный олигарх, это — не грубый и дикий эксплоататор-грабитель, полагающийся исключительно на силу штыков, это—тонкая бестия, приносящая с своим господством самые утонченные способы эксплоатации, ловко затушеванные ее формы, вносящий во все общество невиданный психический разврат; это—самый страшный тип эксплоататора, далеко оставляющий за собою все доселе известные типы».

[1]) По приезде в Саратов из ссылки я был «опрошен» В. П. Милютиным относительно того, о какой это «коммуне» я упоминал в телеграмме и что это значит. Тот же вопрос задавал мне Лебедев.

довая сторона местного буддийского богослужения очень и очень схожа с обрядовой стороной богослужения католического. Столь удивительное открытие испортило много крови бедным монахам; однако они скоро оправились и, об'яснив сходство «кознями дьявола», энергично повели борьбу против «мерзости врага рода человеческого». Этот анекдот как-то невольно вспоминается в связи с некоторыми своеобразными явлениями современной жизни. Так и кажется, что мы, марксисты, силою вещей поставлены почти в столь же неприятное положение, в каком находились когда-то эти монахи. Дело в следующем. Анализируя структуру капитализма, мы не только открыли законы его внутреннего развития, не только определили типические его черты, но и установили главнейшие основы или принципы грядущего общества. Напомню. Устранение частной собственности на средства производства, устранение анархии производства планомерной его регулировкой, устранение анархии обмена при помощи того же принципа, трудовая повинность, планомерная регулировка потребления, уничтожение классовой борьбы, наконец, уничтожение государства и замена его административно-хозяйственным органом,—вот те основы, на которых, по нашему мнению, будет организовано новое человеческое общежитие. При этом мы полагали, что современное общество, построенное на диаметрально противоположных началах, никогда не осмелится притронуться к вышеизложенным принципам, что усвоение даже некоторых из них повлечет немедленный крах капиталистического общества. И вдруг на наших глазах происходят внушающие раздумье «чудеса». Бесстрашной рукой буржуазия XX века использовывает наши принципы. Она проводит принцип планомерной регулировки производства, обмена и потребления, вводит трудовую повинность, и уже в порядке дня стоит вопрос о приспособлении государства к административно-хозяйственному управлению страной. Но, вводя эти чужие принципы, она сохраняет и основу своего господства: частную собственность на средства производства. И капитализм не рушится. Он принимает новую форму «государственного», а попросту — буржуазного «социализма». Итак, подобно миссионерам, мы узрели «схожесть обрядовых сторон», узрели, что некоторые принципы, считавшиеся неот'емлемой принадлежностью социализма пролетарского, оказались принадлежащими и социализму буржуазному. Конечно, для об'яснения этой «схожести» мы не станем тревожить столь высокопоставленную особу, как «дья-

вол», да к тому же у нас есть и более реальные способы об'яснения. Мы можем, напр., указать, что в современном капиталистическом обществе содержание принципов понимается по-разному, что «когда двое говорят об одном и том же — это не одно и то же»; можем иллюстрировать свою мысль на таких принципах, как свобода печати или трудовая повинность. Разница во взглядах на содержание первого принципа не требует об'яснений: каждый сознательный рабочий понимает ее очень хорошо.

«Что касается второго, то мы можем подчеркнуть: трудовая повинность пролетарского социализма основывается на свободной воле человека, проникнутого высоко развитым чувством социальности; в буржуазном социализме трудовая повинность опирается на уничтожение свободы, на насилие и имеет целью не социальность, а эксплоатацию. Однако подобные ответы, намечая разграничительную линию двух социализмов, не дают чеканно ясного отличия. А между тем, оно, по-моему, крайне необходимо, ибо всякая, даже малейшая неясность в этом вопросе грозит затемнить пролетарское сознание и может послужить опорой для буржуазных опытов массового обмана... В том, что дьявол, то бишь, просвещенный банкир, будет пытаться использовать «схожесть»,—нет никакого сомнения. Поэтому мы должны принять свои меры. Если раньше мы отказывались чертить подробный план хозяйственной и общественной организации — строя будущего, ограничиваясь провозглашением самых общих принципов, то теперь ограничиваться этим нельзя, не имеем права. Раньше мы не хотели быть утопистами в духе Фурье и К°, так как раньше не было достаточных социально-экономических оснований. Теперь же, когда ходом хозяйственной жизни даже буржуазия вынуждена обращаться к арсеналу коллективистических средств, дело меняется. Теперь не иметь плана — значит быть утопистом. Не забывая, что путь к «конечной цели» еще не так короток, как думают некоторые оптимисты, я призываю к немедленной работе по выработке своего плана будущей организации. Быть может, к моменту реализации он несколько устареет, но все же он может послужить для этого момента известным организационным средством; в ближайшее же время в деле отмежевания пролетарских целей и задач он явится могучим противодействием всяким попыткам затушевать классовые противоречия и отвлечь рабочие массы в русло «межклассового мира». К работе, друзья! Промедление—смерти подобно».

Эти доклады вызвали страстнейшую дискуссию в нашей колонии. «Качужане» и «головцы» ходили в метель и стужу друг к другу, чтобы «как следует поспорить». Вскоре завязались связи с «верхоленцами» и «манзурцами». Из Верхоленска приходил к нам В. Н. Максимовский, из Манзурки — С. П. Нацаренус, Сырцов, П. А. Лебедев, Шутко, Флеровский и еще кто-то. Жорж развивал кипучую деятельность. Он ездил с докладом в Верхоленск, Манзурку, не говоря о Качуге. Я страдал ревматическими болями и проделывать того же не мог. Наши Голы превратились в политический клуб. Дискуссия заставила задуматься и тех и других. Произошла перегруппировка кружков, и на первом месте в них стал «Финансовый капитал» Гильфердинга и «Капитал» К. Маркса. В результате, как мне кажется, «левые» несколько поправели, а «правые» — тоже несколько — полевели. Так разрабатывали проблемы важнейшего значения люди, лишенные обстоятельной зарубежной литературы, оторванные от культурно-политических центров нашего движения и заброшенные от них на тысячи верст—вглубь Восточной Сибири. Здесь выковался едва ли не первый железный батальон октябрьского полка нашей партии. Высокому кипению интеллектуальной жизни соответствовал и моральный уровень нашей колонии. У нас была удивительная товарищеская спайка. Того распада, мерзкой бестолковщины, которыми была переполнена ссылка с 1908 по 1910 г., не было и в помине. К нам приезжали из других колоний не только «накачаться новостями», «поспорить», но и просто «отдохнуть среди хороших ребят». Сколько было молодого озорства, неподдельного веселья и жизнерадостности, несмотря на общие тягостные условия. Невольно улыбаешься скользящим в памяти бытовым миниатюрам. Вот некоторые из них...

7. БЫТ ССЫЛКИ

Со страстью рыболова-любителя я высиживаю часами на берегу Лены за уженьем хариуза. Стоило одному начать, как тотчас же все решили ловить рыбу. Жорж организует рыболовную артель во главе с опытным Степановым. Исследуют «места», возятся с переметом, спорят до упаду, как и какие привязывать крючки. Ночуют при костре. Конечно, не спят. Возня, хохот, шипенье (не ори, рыбу, мол, спугнешь). На утро с предосторожностями вытаскивают перемет и возмущенно отцепляют какую-то сумасшедшую мелкую рыбешку. Досада, зубоскальство и смех.

«Ну вас с вашим переметом, — ворчит Лацис; он не любит «теории», он — практик. — Завтра возьму бредень и пойду на озеро». Жорж, конечно, не может допустить, чтобы «Дядя» слопал карасей в единственном числе. На завтра отправляются на озеро. Холодно. Никому не хочется лезть в студеную воду. Препираются. Наконец, Жорж с жестом решимости снимает с себя «отрезки» и «излишки», хватается за палку бредня и дрожа входит в воду. «Дядя», устыдившись своему «себе на уме», проделывает ту же операцию. Кто-то орет и бьет палками по прибрежной осоке и по воде, «пугая» рыбу. В результате — ведро, хотя и мелких, но золотистых (пальчики оближешь) карасей. Коммуна с жареным. Через некоторые время практичный «Дядя» уже ходит по домам с ведром и продает карасей по гривеннику за фунт. Вот уже когда в нем сидел хозяйственник!

. . . .

Перебравшись в Голы, Жорж поселился с С. Кассиором и И. Цивцивадзе. Бывало, идешь проведать «семью», узнать, что делает «муж» (Оппоков), «жена» (С. Кассиор) и их «ребенок» (И. Цивцивадзе). Еще на дворе начинает тебя душить дым. Входишь в избу—дым столбом. У стола с обедом сидит в позе умирающего Жорж. Кассиор сварливо копошится в каких-то угольках на сковороде. Цивцивадзе, прыская раскатистым смехом, подкладывает в печь дрова и хлопочет за мясом. «Что это у вас тут — коптильную устроили?»—«Это у нас Жорж сегодня дежурный... обед готовил... вы посмотрите, что это по-вашему? Думаете — угли для самовара? Нет. Это жа-ре-но-е-е»,—с непередаваемым юмором горошил Кассиор, остервенело тыкая вилкой в предательские чернячки. «Ну вас к чорту, — ворчал Жорж, — голова болит». Мрачный отзыв вызывает приступ общего хохота. Цивцивадзе покатывается со смеху и хлопает себя руками по бокам, забывая, что в одной руке у него кусок мяса... «Никогда больше не буду готовить», — дает зарок Жорж. Но через некоторое время встречаешь его гуляющим «с головной болью» по улице. «Опять готовил?» — «Опять», — безнадежно махал он рукою.

. . . .

«Станиславчик», «Кассиорчик» — парень с недюжинными способностями, со стороны характера он представлял забавную смесь украинского занозистого юмора, польской вспыльчивости и, пожалуй, добродушного вероломства. Однажды его, кажется, Павел Арсеньев затащил на чалдонскую «посиденку». На этих посиден-

ках обычно «девахи» садятся на скамьи и вкруг, а им на колени, по симпатии, засаживаются «парни». Кассиора и посадили к одной девахе на колени. Конфузясь, но, повидимому, не желая нарушать обычая, он сел, но тотчас же залился краской, как рак, вскочил и бросился бежать из круга. С хохотом его окружили плотным кольцом и не выпускали. Девахи затянули: «каравай, мой каравай, кого любишь — выбирай». «Убирайтесь к дьяволу», — шипел Кассиор, рвался из круга и как-то особенно юмористически прыгал на окружающую его цепь. Наконец, его отпустили. Вылетев, как бомба, он прикатил к себе в избу, заперся на задвижку, облегченно вздохнул. Долго потом мы подшучивали над ним, а он сердился и отшучивался едкими каламбурами.

. . . .

От Гол до Качуга 10 верст. Это расстояние часто мерят наши ребята. Наконец, приходит в голову «блестящая» мысль. «Зачем мы прем по длинному проселку? Давайте ходить напрямки, как птицы летают!» — «Да ведь напрямки — там топь, речушка Анга, переправы нет, придется переходить по-пояс в воде». — «Ничего. Зато четверть часа выиграем». — И стали ходить, как птицы летают. Настала осень, Анга подергивалась ледяной пленкой. Студеная вода сибирских рек стала еще студенее... «Чорт ее дери, прямо костенеешь от холода. Ну вас, ребята, — говоришь, — бросьте... ревматизм схватите». — «Эвва, ревматизм. Ничего подобного. Мы, как вылезем из воды, — айда — бежать. Через десять минут — как из бани». И продолжали ходить «для закалки».

. . . .

«Товарищи, будет заниматься «серьезными материями», идем в лес чай пить». — «Идем, идем». — И вся наша колонийка отправляется по извилистому берегу Лены в лесную чащу. Шутки, смех. Цивцивадзе и Элла не могут бежать так, как все: им обязательно нужно влезть в реку или забраться на вершину близлежащего «камня»-холма из ярко отсвечивающих силурийских отложений. Жорж дразнит меня мальками и пытается убить камнем тень мелькающей в воде рыбы. Когда это не удается, он при общем хохоте рассказывает про свои успехи в Архангельской ссылке. Изволите ли видеть, он там ловил навагу. «Нацепишь на крючок маленькую наважку и бросишь в воду. Ее тотчас же проглатывает навага побольше, эту — еще крупнее, — так через десять минут вытаскиваешь рыбы фунтов на пятнадцать». Казицкий собирает кусочки кварца и отыскивает «золото»; Степанов и Залуцкий

выбирают дубинки «потолще»... Наконец, место облюбовано. Загораются широкими языками пламени костры, и великолепный смолистый дым стелется по высокой траве, отгоняя клубы назойливой мошкары. На «козлах» варится чай. Цивцивадзе с неподражаемым искусством художника «божией милостью» приготовляет шашлык. В этом отношении он такой же уникум, как гоголевский Днепр — «нет ему равного в мире»...

Зарывшись в траву и полеживая «на пузе», я поглядываю на разбросавшихся в живописном беспорядке ребят. Вот группа запела революционные песни. Режиссирует Иннокентий Стуков. Нервный, с большим темпераментом и хорошим марксистским багажем, несколько сварливый бунтарь, о котором говорили: «где драка — там и Иннокентий», Стуков оживленно машет палочкой и подпевает сам. Остроконечная бороденка прыгает в такт с палочкой. Вот Кассиор и Цивцивадзе под руководством Н. М. танцуют венгерку, так как «надо же в социализм входить веселыми ногами». Вот меланхолический Глузман [1]) ухаживает за Наташей С., подругой Эллы Егоровой; та хохочет над ним и собирает огневые «жарки» и ирисы. Немного подальше наш «лекарь» Казицкий [2]), — бывший студент-медик, вдумчивый, быстрый, несмотря на свой «полный вес», поклонник спорта и любитель рукопожатий до вывиха, — то упражняется в поднимании тяжестей, то борется с Оппоковым. Он куда сильнее Жоржа, но тот ловчее его.

Слышатся поощрительные возгласы: «так... так его... бери тур де тетом... ага... ломай мост... стой... стой... бискайский галстух не полагается... пусти... ой... удушишь»...

Вон там, под щепотью берез беседуют двое наших гостей: В. Н. Максимовский и Флеровский. Первый — один из руководителей московской большевистской газеты «Наш Путь», второй — журналист. С обычным таинственным видом, юмористически подмигивая одним глазом и строя многозначительную гримасу, Владимир Николаевич что-то рассказывает своему собеседнику. Можно подумать, что речь идет о каком-то важном секрете, но стоит обратить внимание на лицо умирающего от смеха Флеровского, чтобы все стало ясно. Максимовский рассказывает один из многочисленных своих анекдотов. «Флеровский, ты чего тут

---

[1]) Убит белогвардейцами под Екатеринославом.

[2]) Казицкий в 1920 г. был убит бандитами во время его поездки из Винницы на Всеукраинскую партконференцию.

грохочешь?»—подходит к ним С. П. Нацаренус.—«Читали, какой он недавно закатил фельетон о сибирских делах? Вот человек, который в качестве очевидца, но сидя дома, может написать о том, что творится за сотни верст». — «Ну тебя», — добродушно бубнит Флеровский...

Глаза бегут дальше.

Вот Евсеев, рабочий, булочник, со всеми анархическими качествами этой профессии, да к тому же пензяк, танцует импровизированный танец «крокодила». Что за великолепные телодвижения! Куда там все босоножки и форрегеры, — в подметки не годятся... А вот здесь сибаритствует Петруха Залуцкий: талантливый, добродушно вспыльчивый и самолюбиво-упрямый рабочий-питерец. Подставив свое красивое лицо под солнечные лучи, он лениво разглядывает кудрявые облака. «Петруха, откуда ты спер такое «аристократическое» лицо? Рабочему такого не полагается. Тут, брат, что-то не ладно. Тут есть какая-то «тайна». Отвечай-ка?» Он довольно усмехается и рассказывает анекдоты из своего прошлого. Тем временем Павел Арсеньев, уживчивый, веселый и заботливый о товарищах туляк, как аист, шагает между ребятами; потом вспоминает, что мало сушняка для костров, и бежит его собирать. Тянет с собою Белова, но тот отмахивается, занятый своим делом. Отделившись от нас, он стоит на обрывистом берегу Лены и по жестам видно, что он что-то декламирует, — повидимому, свой стихотворный экспромт. Мальчик в трактире, печатник, сотрудник «Самарской Волны» и поэт — он держался с нами несколько замкнуто. Теперь кажется, что он чувствовал свою судьбу: разрыв с большевизмом и переход на ту сторону баррикады.

Чувствую на себе чей-то ласковый взгляд: лениво оборачиваю голову и встречаюсь глазами со взглядом С. И. Степанова. Старый ветеран партии, железный в борьбе и удивительно чуткий к товарищам, рабочий-туляк Сергей Иванович — он же «старик» и «отец» — смотрит на всех нас, как хороший хозяин на буйно взошедший в его огороде хрен. Подходит Володя Трутовский. «Товарищ Антонов, а вы неправы были прошлый раз... Мы, социалисты-революционеры, никогда...» — «Товарищи! — вопию я, — Трутовский опять меня душит своими эсерами... долой эсеров!» Ребята подхватывают, а насмешливое эхо несет по лесу исковерканное: «кро-о-о-й эсеров!». Он хочет рассердиться, но подошедшая жена утаскивает его танцовать. Кассиор бросает

пляс, шариком катится по траве, подпрыгивает, усаживается в хору, путает Стукова, и скоро слышен пронзительный теноришко запевалы: «як комарь та на муси ожэнывся». — «Чай готов!» — кричат Цивцивадзе и Арсеньев. Все собираются и с жадностью пьют «жареную воду»...

Солнце идет к закату, пронизывает все предметы перламутрово-радужными красками... и творит неповторяемую картину сибирского вечера.

Самодержавие! Ты думало нас сломить? А мы живы и полны энергии, как эти лучи, как эта бурливая река, как эта вечнозеленая растительность.

Ты умрешь, «мы будем живы!»

. . . .

Кроме занятий по самообразованию и разных выдумок для устранения однотонности ссылки, мы проделывали ряд деловых походов на охоту, по заготовке топлива, сбору кедровника и т. п. Погрузка на паузки и работа у крестьян давали также некоторое материальное подспорье. С крестьянами у нас установились самые хорошие отношения.

Сперва они нас даже несколько опасались. Как бы не «убили»! И не мудрено: поселенцы уголовные, образовав банды, не только вырезали целые улусы соседних бурятов, но и делали налеты на деревни. Однако вскоре крестьяне к нам присмотрелись, привыкли, удивлялись нашей «чудно́й» жизни, а когда мы стали им помогать в работе, прониклись к нам уважением. Любопытный это народ, не чета нашему российскому крестьянину с его лукаво-рабскими чертами — наследием крепостного права. Незнавший в поколениях крепостного права (наша деревня была основана четырьмя семействами более трехсот лет тому назад), привыкший к борьбе с сурово-жестокой природой, огрубевший и закалившийся, меткий стрелок-охотник и крупный хозяин (20 — 30 десятин, пять — шесть лошадей, десяток крупного и несколько десятков мелкого скота, приличный инвентарь — вот хозяйство среднего крестьянина), местный «чалдон» представлял тип независимого, самостоятельного и крепкого пионера, шаг за шагом отбивающего у тайги и степи их богатства. Царская администрация должна была с ними ладить. Иначе — откуда-то случайный выстрел и «ракло» уже торчит ногами из кочкарника.

Постоянное общение с бурятами создало забавнейшую бытовую смесь. Чалдоны, конечно, православные, буряты — фети-

шисты, еще молящиеся березе. Верования и тех и других перепутались. Бурят празднует христианские праздники и заходит после обязательного шинка так же обязательно в церковь, чтобы попоставить свечку «Николке» и попросить его о хорошем пути на белку или еще о чем-нибудь. Чалдон празднует бурятские праздники и со страхом и уважением относится к жертвенным деревьям, на которых буряты развешивают свои дары — шкуры баранов, лошадей и проч. Как-то раз я выстрелил в парящего орла. «Ты, паря, зря»—заметил мне с тревогой чалдон-охотник.—«А что?»— «Орел — птица вредная. Знаешь, скажем, летит она и уронит на тебя перо, али там кусок дерева... беспременно захвораешь. Убьешь ее... помереть можешь». — «Что за чепуха?!» — «Не чепуха, а правда. Вот тоже с лебедем, его никак нельзя убить, — бог накажет». Оказывается, у бурят орел считается воплощением злого духа, а лебедь — доброго. Убить орла значит рассердить шайтана; убить лебедя — поссориться с духом добрым. Больше того, если бурят видел, что кто-нибудь убил лебедя, он по обряду должен был во что бы то ни стало убить убийцу. Иначе добрый дух никогда не даст удачи. Так же думают чалдоны.

Чем-то стихийным, первобытным веяло от них. Много было крестьян, в особенности стариков, которые во всю свою жизнь ни разу не были в своем губернском городе — Иркутске. Городская культура приходила к ним в виде торговцев-коробейников, всяких проходимцев, уголовников и этапников, т.-е. с самой отрицательной стороны. Чалдон это чувствовал, ворчал на «культуртрегеров» этого типа, но... грязь по тракту текла широкой лавой и захлестывала близлежащие деревни. Поэтому наше облагораживающее влияние было воспринято, как влияние хороших, но каких-то особенных, «чудных» людей. По праздникам наши избы наполнялись крестьянами и крестьянками, приходящими «покалякать» и посмотреть, как мы живем. — «И чего это ты все пишешь? — удивлялись они. — Лучше лед ломать, чем писать». — «А вот напишу статью, расскажу свои мысли о том, как людям лучше жить, и пошлю в Россию. Там газеты напечатают. Люди будут читать и думать о лучших порядках, о том, как построить хорошую жизнь». — «Ишь ты! Неужто в Рассеи много грамотных?» — «Порядком». — «Да-да. Наших-то ребят тоже надо грамоте обучить. Вон они дела-то какие». И вдруг скачок мысли. «Да, вот о чем я хотел поспрошать: чевой-то у вас имена-то какие: Ерш (Жорж), Ела (Элла)... аль православных-то нехватило?» —

«Ну, вот еще: тебя зовут Степан, скажем, а сокращенно — я сам слышал «Тяпа»; его зовут Егор, а сокращенно будет Жорж». — «А-а, ну тогда так», — успокаивался допросчик.

За окнами хороводы водили «девахи». Звучала задорно чеканная «подгорная». А в ответ им на заливчатой гармошке отвечали парни...

Прошел 1916 год. Наступило пятое марта.

Кто-то нещадно забарабанил палкой в дверь. Крючок не выдержал и отлетел. Ввалились Павел Арсеньев и Цивцивадзе.

— Одевайтесь! Идем! — запыхавшись кричали они. — Большие новости.

— Что такое? В чем дело?

— Одевайтесь без разговора. Идем к нам... там узнаете.

Приходим в избу. Все в сборе. В центре внимания Стуков, пришедший из Качуга.

— В чем дело?

— Получена телеграмма, что в Питере началась революция.

Минутное молчание. Экстаз и бешеное «ура!». Потом снова молчание: каждый переживал известие.

— Может быть, это просто солдатский бунт? — заметил Жорж.

— Нет, это — революция, — отозвался я.

— А вдруг это... шутка? — бросил Цивцивадзе.

— Что? Да за такую шутку убить мало, — не сказал, а как-то просвирепел Жорж.

Он выразил общее наше настроение: такого шутника мы бы немедленно растащили по клочкам.

— Едем в Качуг! — «Стойте, давайте пожрем». — «К чорту! Не до еды».

И все лихорадочно кинулись к своим хозяевам за лошадьми. Через 20 минут в Качуг мчались розвальни.

Там шел дым коромыслом. Имелись уже сведения о том, что во главе революционного правительства стоит Родзянко. Я получил подтверждающую телеграмму от С. К. Мининой [1]).

---

[1]) С. К. Минина провожала, пользуясь вакатом, Н. М. и некоторое время жила с нами в Качуге; затем она уехала проведать своего брата С. К. Минина. Перед от'ездом мы уговорились, что, как только начнется революция, она известит нас телеграммой. Это она и выполнила.

— Товарищи! — вопиял Стуков. — Нам нечего здесь сидеть; нужно немедленно ехать в Питер и вырывать пролетариат из-под влияния буржуазии.

Вечером в волости состоялся митинг, где выступали представители всех партий. Эсеры решили остаться еще некоторое время на месте. Мы же на другой день собрались и выехали в Иркутск. Из эсеров к нам присоединились лишь Трутовский и Самохвалов. По дороге, в Бояндае, я послал вышеупомянутые телеграммы о коммуне.

Мы ехали творить революцию, творить коммуну.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В САРАТОВЕ

1. ИЗ ССЫЛКИ В САРАТОВ

«Революция... Самодержавие свергнуто... Ныне отпущаеши раба твоего», — почти что с религиозным экстазом произнес какой-то народник на качугском митинге. Когда мы ехали в Иркутск, я думал: какая глубокая разница в переживаниях двух поколений: старые революционеры восприняли революцию, как конец своей миссии, как «ныне отпущаеши», как абсолютное преображение жизни, а мы — иначе. Ну, понятно, что начавшаяся революция — радость, волнующая до внутренней дрожи, но... это — не конец... это — начало. Для нас это — трамплин, с которого мы должны будем прыгать дальше... в будущее. Поэтому мы, пожалуй, были не столько обрадованы, сколько озабочены.

На каждой станции мы прежде всего бежали на телеграф и атаковывали телеграфистов, но все новости были малосущественными и говорили больше о необходимости организации по городам, селам и деревням общественных исполнительных комитетов. В Манзурке мы застали тот же красно-веселый кавардак. Как и в Качуге, власти были уже арестованы, и на сходе шли горячие дебаты о том, кого выбирать в исп. комитет. Страсти между эсдеками и эсерами разгорались. В воздухе пахло чуть ли не дракой. Вынужденные долго носить печать молчания, ребята распустили все шлюзы и разошлись, как петухи. Я помню кучку пожилых крестьян, которые стояли в стороне. «Мы-ста, да вы-ста... нова жисть... а сами вроди плотников пьяных... один за матицу, а другой по матице... Эх, царя зря спихнули... как теперь без хозяина?.. пропадет народ»... Хмурость и недоверчивость.

— Вот тебе кусочек реакции, — указал я на них вышедшему из волости С. Нацаренусу и передал разговор.

— А, эти-то? Конечно. Это все местное кулачье. Чорт с ними — их немного.

...Чем ближе к Иркутску, тем острее росло наше нетерпение. Ямщики гнали лошадей, что называется, «на курьерских», но нам казалось, что мы движемся крайне медленно... Наконец, и город. Ничего особенного. Кое-где красные флаги, кое-где публики больше обыкновенного. На заборах — приказы и воззвания Исп. Комитета. Первое впечатление такое, будто город чего-то выжидает. Быстро расположившись в номерах, мы направились к знакомым, в Исп. Комитет, в Совет Раб. Депутатов и эвакуационную комиссию. Это было 9 марта.

Из тех разноречивых сведений и слухов, которые имелись в революционной среде (к тому же крайне недостаточных), я смог составить себе следующую картину: фактически революция совершена питерскими рабочими и солдатами, которые создали наподобие 1905 года свой революционный орган — Совет Депутатов; однако руководящие партии Совета — меньшевики и эсеры — не воспользовались выгодой положения, а передали власть комитету Гос. Думы, который в лице Родзянки сперва пытался быть сводней между царем и буржуазией, а когда эта миссия была ходом событий провалена — фактически «приял» власть и организовал Вр. Правительство. Страна и армия восприняли революцию, как само собою разумеющуюся необходимость. Вокруг нового правительства началась организация буржуазных сил, вокруг Совета — пролетарских и демократических. У Вр. Правительства было право без силы, у Совета — сила без «права». Правящие партии и в Совете и в Правительстве были за «оборону» и за коалицию. Наша партия, принимавшая активное участие в восстании, повидимому, упустила влияние на массу, и оно было перехвачено меньшевиками и эсерами. Каковы лозунги большевиков, никто не знал. С точки зрения взглядов и настроений, которые сложились у нас за предыдущие три года, картина была очень неприятная. Невольно вспоминались насмешки Каутского над Бернштейном, который больше всего на свете боялся «преждевременного перехода власти к партии пролетариата», рассматривая его как «несчастье».

В местной жизни революционные дела также обстояли неважно. Совет Рабочих Депутатов находился в процессе организации под политическим руководством «оборонцев». Общественный Исп. Комитет состоял из представителей буржуазных партий, меньшевиков и эсеров. Во главе его стоял И. Г. Церетели, который сразу забыл свой интернационализм и взял линию коалиции и обороны. Сами партийные группировки еще только скла-

дывались, и на общих собраниях велись ожесточенные дискуссии. Качужане, явившиеся на одно такое собрание, произвели эффект разрывающейся бомбы и попали, по видимости, под надзор местных властей.

На 10 марта, на площади перед военным собором, был назначен парад и присяга войск на верность новому правительству. Несмотря на то, что обстановка нас, качужан, разбросала по разным местам, мы пришли все к одному и тому же мнению: необходимо вести агитацию за срыв присяги; уж если присягать, то — Питерскому Совету Рабочих Депутатов. Слишком белыми нитками шита эта попытка Родзянок и Львовых подчинить себе армию. С утра наши группки повели агитацию. Мы собирали вокруг себя значительные митинги; против нас выступали меньшевики и эсеры, да не простые смертные, а каторжане, недавно освобожденные из Александровского централа. Это осложняло наше положение, но все же мы имели значительный успех у рабочих и солдат. Демонстрация вышла довольно импозантной; площадь набилась воинскими частями, рабочими и просто публикой до отказа. Не все только вышло так, как хотели организаторы. Некоторые части отказались все-таки присягать и быстро были уведены с торжества. Мы приветствовали эти части криками: «Да здравствует Совет Рабочих Депутатов! Долой Родзянку, Львова и Гучкова! Долой «гучковских молодцов!». Да здравствует революционная армия! Да здравствует мир между народами!».

— Тов. Антонов, — подлетел ко мне Роговский, исполняющий должность «революционного полицеймейстера», — вы скоро покинете Иркутск? — «Не беспокойтесь. Завтра».

— Очень рад. — «Я тоже».

Глаза наши встретились, и несомненно каждый прочитал в них одно и то же: негодование, граничащее с ненавистью.

В эвакуационной комиссии встретила меня Кроль, буржуазная дамочка, державшая до революции «социалистический салон». После ряда любезных вопросов и заверений, что нас отправят с первым же составом в Россию, она спросила: «Но как же вы это приехали? Ведь мы только позавчера отправили телеграмму о дарованной Александром Федоровичем амнистии».

— А вы что же думали, что мы будем дожидаться каких-либо формальных актов? Увы, мы не такие паиньки. Как только до нас докатился глухой отзвук колокола революции, мы тотчас же поспешили на его зов. — «Но ведь Александр Федорович...»

— Извиняюсь, нас освободил не Керенский, а революция рабочих и солдат!

11 марта мы выехали из Иркутска. Состав для «политических» был подан довольно приличный. Озаботились также снабдить нас продовольствием. В нашем вагоне разместились: Арсеньев, Белов, Власенко (кажется, из Екатеринослава) и еще кто-то из наших, группа меньшевиков и большевиков из Александровского централа, несколько эсеров с О. Минором и два-три анархиста. Часть нашей колонии уже уехала, а часть (в том числе Оппоков) задержалась в городе на некоторое время.

Путь до Саратова был сплошным триумфом. На каждой станции «поезд борцов за свободу» встречали местные организации, рабочие, крестьяне, солдаты, учащиеся, дети. Красные флаги, знамена с приветственными и боевыми «демократическими» лозунгами, приветственные речи, оркестровая марсельеза, стихи, цветы и разные продуктовые приношения.

В записной книжке у меня сохранился следующий набросок основных положений речи, произнесенной перед шахтерским митингом на ст. Черемхово (недалеко от Иркутска): 1) Основы капиталистического общества; 2) эксплоатация помещиками и буржуазией рабочих и крестьян (примеры); 3) конкуренция двух лавочников в фабричном поселке или на сельской улице; 4) образование трех мировых торговых домов под фирмами — Николай II и К°, Вильгельм и К°, Вильсон и К° и их борьба за господство над трудящимися всего мира; 5) война, кому она нужна; слепота трудящихся; жертвы войны; долой войну и да здравствует революция трудящихся во всем мире и мир между ними без грабежа и насилия; 6) наша революция; буржуазность Вр. Правительства; Советы Раб., Солд. и Кр. Депутатов; Советы должны следить за буржуазным правительством, чтобы оно не обмануло народ и не утопило трудовую революцию в крови, как это было в революцию 1848 г.; при малейшей измене оно должно быть свергнуто; нужно укреплять Советы и готовиться к дальнейшей борьбе с буржуазией; массы должны потребовать немедленного прекращения войны, земли крестьянам и улучшения экономического положения рабочим, немедленного созыва Учр. Собрания и обращения ко всем народам с предложением ликвидировать войну и свергнуть своих тиранов.

С некоторыми вариантами, но с тем же существом были и остальные речи (свыше ста!), которые мне пришлось сказать на протяжении сибирского пути. Приблизительно того же содержа-

ния речи говорились и др. нашими товарищами по колонии. Особенно ярким агитатором развернулся Павел Арсеньев. Обладая простотой и зычным голосом, он гремел над массой, как «труба архангела». В конце концов мы оба потеряли голос и свистели друг на друга, как удавы. Несмотря на это, мы оба чувствовали себя великолепно.

Зато другим пассажирам мы испортили не мало крови. Вся остальная ссыльная и каторжная братия, будучи «оборонческой», буквально не переносила наших выступлений. Некоторые из «александровцев», после ряда словесных драк, жестоко обидевшись и решив, что нас посадили вместе для «издевательства» над ними, перебрались даже в другой вагон. В особенности воевали с нами комиссар Иркутского Исп. Комитета, меньшевик Вайнштейн и эсер Минор. После первых же речей Вайнштейн заявил мне: «Тов. Антонов, вы не имеете права развращать наше население своими безответственными выступлениями». — «С каких это пор население стало вашим? Я полагаю, что оно столько же ваше, сколько и наше. Что касается «развращения» и «безответственности», то это просто чепуха на постном масле».

— Вы сеете подозрение к революционному правительству, вы зовете на борьбу, когда надо сосредоточить все внимание на строительстве, вы вносите дезорганизацию в ряды народа и армии своим возмутительным лозунгом — долой войну. И по-вашему все это чепуха! Помните, тов. Антонов, что я говорю сейчас с вами, как товарищ; если же вы будете продолжать, я пред'явлю к вам требование замолчать уже не как товарищ, а как представитель власти.

— Потрудитесь меня арестовать. Это будет с вашей стороны вполне естественно; вы будете выполнять свою обязанность, я — свою.

Однако арестовать меня он все же не решился и вплоть до Красноярска довольно неудачно полемизировал со мною на митингах.

С Минором мы встретились сперва очень мирно. Общие знакомые по Саратову, наличие у меня его последнего дела, полученного от одного из защитников в процессе, вызвали ряд воспоминаний и связанных с ними бесед. Он рассказывал о своей работе, о тяжких переживаниях одиночного заключения, об Орловском централе, где начальник хвастался тем, что, несмотря на поступление все новых и новых партий политических, количество его

сидельцев оставалось одинаковым; несчастные узники резали себе вены, вешались, отравлялись и умирали от избиений, а многие сходили с ума; говорил об Азефе, о том, что задолго до разоблачений Бурцева и Лопухина многим членам партии, и в том числе ему, деятельность Азефа внушала подозрения, но всегда Азеф находил горячего защитника в лице Чернова. О последнем Минор отзывался довольно недоброжелательно. Много шутливых анекдотов он рассказал о Брешковской, этой патентованной бабушке русской революции. В особенности были смешны те, где высмеивалась ее сентиментальная привычка к поцелуям и к наименованию всех «сынками» и «дочками». «Она и меня при встрече назвала сынком», — добродушно смеялся этот Мафусаил.

Врезалась мне в память наша беседа о терроре. Зашла речь о судьбе царской фамилии. Я высказал мысль, что, повидимому, революционным партиям, в интересах революции, придется не только предать ее суду, но и уничтожить.

— Нет, зачем же? — задумчиво возразил Минор, — время террора по отношению к ним миновало. Народ сбросил их с трона, обезвредил их и превратил едва ли не в самых жалких граждан страны. Пусть их прозябают.

— Если бы они ограничились прозябанием. Но они, во-первых, едва ли этим ограничатся, а во-вторых, им не позволят этого сделать остальные феодалы. Подобно Карлу и Людовику Капету, они должны будут, силою классовой логики, стать тем знаменем, вокруг которого организуется контр-революция. Зачем нам позволять организовываться врагам революции и нести кровавые жертвы? По-моему, Марат прав: лучше сотня голов аристократии, чем реки народной крови. Вот мы недавно говорили о Брешковской. Знаете, что ответил матерый слуга царизма Пильц Милашевскому, когда тот пришел просить его оставить Брешковскую на свободе в Иркутске?

— Нет, не знаю.

— Пильц ответил: «Брешковская — враждебное нам знамя и, как знамя, она должна находиться в футляре». Это — предметный урок для нас.

— Возможно. Но я все-таки не поднял бы руки за казнь.

Так говорил один из опаснейших для самодержавия террористов.

— Что сталось с ним, — удивлялся я, — откуда такой поворот в 45°, такое вегетарианство! — Лишь теперь, после опыта

гражданской войны, мне стало понятно это катастрофическое перерождение психики революционеров из мелко-буржуазной среды...

Мои речи перед массой нарушили нашу идиллию. Вначале он спорил со мною в вагоне, доказывая всю «ошибочность беспочвенного интернационализма», а затем стал спорить и на митингах. Было смешно и несколько больно видеть, как этот библейского вида старик, вне себя от волнения, потрясая длинной, седой бородой, сжимая кулаки, как бы для проклятия, кричал: «Граждане... товарищи... не верьте этому анархисту... этому безумцу... его идеи — гибель революции...» — и дальше обычные аргументы истрепанного оборончества.

В ответ из массы слышались суровые слова: «Не шуми, старик!.. тебе пора на лежанку...».

Мы стали врагами.

В Пензе в театре мы встретились с перегнавшими нас «качужанами» — Стуковым, Евсеевым и другими. Стуков весь кипел негодованием на задержку в пути (проходили эшелоны на фронт), «ибо эти сволочи, меньшевики и эсеры, совсем собьют с толку питерский и московский пролетариат»...

Заняв ложу, мы принялись разглядывать «революционную» публику. Дамы, декольтированные просто и в «три четверти спереди и три четверти сзади», мужчины во фраках, в смокингах, сюртуках, словно убежавшие с вывески «портного Федорова из Парижа», местная интеллигенция, широкие лысины, прически от куафера и толстые животы давили на сидения партера и лож. Лишь на самом верху царила «демократия» — пиджаки, блузы и косоворотки. Большинство публики было украшено красными розетками и галстухами. Кто-то из наших обратил на это внимание с кривой усмешкой: раньше просто заливали за галстух, а теперь будут заливать за красный галстух... Пошляки!

Пьеса Мережковского («Павел I»), по внешности революционная, а по существу тонкая монархическая пропаганда, облеченная в ореол мистицизма «третьего завета», привела меня в самое скверное расположение духа. Поэтому на приветствие, обращенное к нам артистами по окончании пьесы, я выступил с резким словом. Раскритиковав в пух и прах пьесу, указав на недопустимость монархической пропаганды в период революции, ликвидирующей монархизм, я призывал как можно скорее расковать театр и превратить его из слуги помещиков и буржуазии в слугу

борющегося пролетариата и крестьянства. Горячо аплодировала галерка, с недоумевающими лицами аплодировали артисты и молчал... партер.

— Если бы я знал, что вы — ленинцы, ни за что не стал бы вас принимать в Пензе! — налившись кровью, бранился с.-д., бывший член Думы Степанов. Мы хохотали. За ужином нас окружала «приличная» публика, которая, несмотря на свою хваленую воспитанность, держала себя крайне невоспитанно: она толклась около нас, как толкутся дикари около какой-нибудь диковинки, смотрела на нас, как на опасных зверей. Лишь изредка к нам подходили рабочие и солдаты, чтобы приветствовать и выразить нам полное сочувствие. Один солдат, громаднейшего роста, с кудлатой бородой и какими-то голубыми наивными глазами подсел к нашему столу и, хлопнув кувалдой-кулаком, сказал: «Спасибо, товарищи! впервой настоящую правду услышал». — «Это где же, здесь, что ли?» — «Нет, на вокзале». — «А, это другое дело. Тут так — пустяки; видишь, кто нас окружает». Он покосился на публику и, пренебрежительно циркнув на пол, коротко отрезал: «Де-ерьмо! Я и то мекаю, чего это они тут возятся с барами. Шли бы к нам. Ей-богу — веселее!»

На утро выехали дальше, при чем пензенские власти уже не заботились о нас, и мы были вынуждены устраиваться в вагонах с большими трудностями. В Ртищеве, не успев попрощаться с товарищами, я был взят в плен узнавшими меня железнодорожниками и должен был хрипеть на митинге. Поезд подошел набитым сверху донизу солдатами. С большими усилиями втиснувшись в вагон, мы были зажаты в клещи сгрудившимися пассажирами. У состава шел бой из-за мест. С злобными, одеревенелыми лицами, гнусно ругаясь, солдаты втискивались в вагоны; некоторые, сатанея до потери человеческого образа, разбивали зеркальные стекла и окровавленные лезли «рыбкой» на головы задыхающейся публики. Начались обмороки. Наконец, поезд тронулся, и по вагону пронесся скорее стон, чем вздох облегчения. Через 20 минут произошла чудесная утруска: все разместились, по крайней мере, так, что можно было дышать. Неистовство и ярость солдат сменились необычайным добродушием. Одни рассказывали о жизни в окопах, другие толковали о семейно-хозяйственных делах, а третьи просто зубоскалили, перебрасываясь грубоватыми, но полными ядреного юмора шутками. Кое-где, в общей массе, виднелись офицеры, но на них никто не обращал внимания.

Ко мне был притиснут офицер, ехавший на побывку после ранения. Мы разговорились о состоянии фронта, настроениях масс и пр. Выжимая каждое слово, с неподдельной скорбью, этот профессионал-военный говорил: «Кампания проиграна... десятки и сотни тысяч пошли псу под хвост... Тупоумие, бездарность и предательство нас погубили. Теперь все кончено. Фронт разваливается; с каждым днем солдаты бегут все больше и больше». — «У нас, в Казанском округе, — вмешался другой офицер, — больше 30% бежит из маршевых рот. На фронт приходят сотни, а то и десятки. Вот тут и воюй. Эх, жалко Россию!»

— Жалельщики, — метнул, прислушиваясь к нашей беседе, солдат, — а солдата, небось, не жалко. Хошь воевать — и воюй. С нас будет, — отвоевались. Дураков теперь мало осталось.

Мы подошли к Саратову.

Наш состав был встречен цепью охраны во главе с комендантом. Серое месиво из людей, шинелей, мешков и сундуков, со скрежетом вырвавшись из вагонов, забурлило на перроне, но быстро утихомирилось при виде молодцеватых ребят с ружьями в руках. С сознанием собственного достоинства каждый работник охраны командовал толпой, и та послушно текла в вокзал, изредка отплевывая бранчливые реплики. Нас внесло в зал первого класса. Здесь на самом видном месте красовалось алое знамя, на котором чеканились слова: «Да здравствует демократическая республика... Пролетарии... соединяйтесь!.. Рабочие и служащие ст. Саратов I».

— Товарищ Антонов, ты? А мы не чаяли тебя видеть; идем в комитет, — обступили меня рабочие.

— Здорово... ну, как вы тут... шуруете?

— И, брат, — таких делов настряпали... отдай все, да мало. У нас заправская республика: полицию, жандармов заарестовали. Самого Тверского (губернатора) на цугундер взяли. Пусть узнает кузькину мать. Допрежь он наших сажал, а теперь мы его!

— Совет организовали?

— Как же, организовали. В губернаторском доме орудует. Да что-то не ладится: партийные ссорятся. Сомнение через это в народе. Уговори ты их, чтобы не волынили.

Рассказы об аресте старой власти звучали необычайным благодушием и наивно-детским удовольствием. Момент взрыва ненависти прошел, и отходчивые пролетарские сердца прониклись великодушно-презрительным добродушием к своим исконным и свирепым врагам. Настроение медовых дней свободы еще не было омрачено.

Больше озабочивала «партийная волынка», «грызня», начавшая проникать в пролетарскую толщу и вызывавшая отпор с ее стороны.

. . . .

Повидимому, моя высылка отняла не один год жизни у моих стариков. Отец поседел совершенно. Голова матери покрылась частой серебряной сеткой. Встретили они меня, как вернувшегося с того света. Известное дело, в Сибирь угнали сына. Через несколько минут мы сидели за традиционным самоваром, и отец, обычно молчаливый, забрасывал меня вопросами и взволнованно говорил:

«Случилось это так неожиданно. Еще накануне я с грустью думал о том, что все твои предсказания насчет революции — плод неустоявшейся молодой крови. Думал о том, сколько еще придется тебе заплатить за это и что останется от тебя после расплаты. А на следующий день встал, попил чайку, пошел на работу и — на тебе, словно гром на ясном небе: в Петрограде восстание, царь отказался от власти, самодержавие пало. Сказка какая-то. Все с ума сошли и я вместе с ними. Бросил службу и опрометью побежал домой, забыл даже на трамвай сесть. Прибегаю. Жена встречает. Вижу по сияющим глазам — знает. Обнялись мы, расцеловались. «Слава тебе, господи, — молодежь гибнуть перестанет. Володя вернется», — говорит жена.

«Мы тут только почувствовали, как устали мы от старого порядка. Я как из подземелья вышел. Счастлив ты и ваше поколение. Тюрьма, крепость, ссылка — все нипочем вам. Вы знали и верили в победу. Вы бились и победили. А я... тысячи таких, как я, сами себя обрекли на тюрьму; после гибели друга [1]) и лучших людей нашего времени, я потерял надежду, запер свою правду в железную клетку и только изредка — «по праздникам» — вынимал ее и разглядывал: не с'ела ли моль. Эх, сын, тяжело было таскать одиночку в собственной душе. Но теперь все кончено — я свободен. Теперь я с тобой...».

2. САРАТОВ В ПЕРВЫЕ ДНИ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

На следующий день я был в нашем комитете, помещавшемся в то время на Никольской улице в доме б. губернского правления. Несмотря на то, что после переворота прошло около месяца,

---

[1]) Странден.

пустотой и какой-то унылостью веяло в довольно просторном помещении комитета. Среди наспех расставленных столов бесшумно скользила фигура Раппопорта, исполнявшего обязанность секретаря. Нередко заходили партийные рабочие. Внутренней, органической жизни еще не было видно; более того, казалось, что большое революционное дело проходит где-то вне местного руководящего парторгана. Постепенно собралась группа собеседников: С. Я. Раппопорт, М. И. Хрынин, Ваня Галактионов, Варвара Корнеева, Ф. Т. Муравлев, П. Т. Лосев, В. Н. Соколов, В. Ф. Букин, А. М. Марциновский и др. От них я узнал, как развертывались революционные события после нашей высылки.

После апрельского разгрома 1916 года наша организация сравнительно быстро оправилась, но не имела, однако, сил проявить себя в руководстве массовым движением столь интенсивно, как это было в предыдущие годы. Толчок к организации был дан не местными работниками, а вновь прибывшими «административниками» — К. И. Плаксиным, А. М. Марциновским, Р. Ю. Гульбисом и Т. Сапроновым. Они собрали распылившуюся и притулившуюся местную рабочую братию и создали снова комитет, названный ими «Инициативной группой». За семь месяцев комитет осторожно восстанавливал разорванные связи с заводами и распавшиеся ячейки. Таким образом к концу года он имел ряд кружков-ячеек в крупнейших предприятиях, а главное — в мастерских Рязано-Уральской жел. дор. Во всех этих кружках-ячейках шла, хотя и слабым темпом, пропагандистская работа; но главное их значение заключалось в организационной работе. «Маяк» по-прежнему оставался прикрытием для нелегального центра и пропагандистской школой, но уже в полупридушенном виде.

Попытки комитета привлечь нашу интеллигенцию к работе не достигли значительного успеха. М. С. Ольминский уехал в Москву, где принял участие в издании «Голоса Печатного Труда» [1]), а оставшиеся на месте отошли от нелегального центра, не дали в него ни одного человека и лишь изредка выступали с докладами в «Маяке». Один С. И. Мицкевич по-прежнему возился с учащейся молодежью, появлялся в «Маяке» и, кажется, даже писал прокламации. Активными работниками в этот период были: К. И. Плаксин, А. М. Марциновский, Р. Ю. Гульбис, Т. В. Сапронов, Воробьев, В. Ф. Букин, А. П. Алексеев, М. И. Хрынин, П. Т. Лосев,

---

[1]) См. статью Г. Лелевича в № 16 «Прол. рев.».

В. Корнеева и др. Всего в организацию входило пятьдесят с чем-то человек. Охранное отделение по-прежнему продолжало время от времени вырывать работников из организации и из рабочей массы. Последняя после удара, нанесенного железнодорожникам за январскую стачку, присмирела и не проявляла внешними выступлениями своего растущего недовольства и ненависти.

А между тем общее положение все более ухудшалось: экономический кризис начал сильно беспокоить местные правительственные и «общественные» органы. В заседании гор. думы 25 января (1917 г.) С. П. Красников говорил: «Рязано-Уральская жел. дор. испытывает теперь громадный недостаток в каменном угле». На городском продовольственном совещании К. Н. Гримм заявил, что в Саратов хлеб может быть доставлен только в том случае, если у железнодорожников не будет недостатка в угле... Запасов у дороги нет. У ней ежедневный расход угля 100 тысяч пудов, а запасов всего 200 тысяч пудов. «Ведь это грозит ужасным бедствием для края... Беда, господа, идет громадная». [1]).

А в заседании 21 февраля гор. голова докладывал думе: «Гор. управа пришла к заключению, что можно рекомендовать думе сделать постановление о раздаче муки по карточкам. В этом вопросе управа согласна с комиссией, но разошлась по вопросу о норме отпуска муки. Дело в следующем: теперь по удостоверениям полиции разбирается ежемесячно от 316 до 350 тысяч пудов пшеничной муки в месяц и от 14 до 22 тысяч пудов ржаной. В особом совещании неоднократно говорилось, что г. Саратов слишком много поедает муки. Как известно, еще осенью мы ходатайствовали об оставлении для Саратова на 2 месяца 700 тысяч пудов муки. В настоящее время опыт показал, что мы правильно тогда определили норму. Я указываю также на то, что при настоящей дороговизне, когда нет ни мяса, ни рыбы, ни пшена, население, издавна привыкшее к калачу, теперь только им и питается, и нельзя уменьшить его потребление. Когда я узнал, что пришла телеграмма от Грудистова об уменьшении нормы (с 30 фунтов до 15 фунт. на человека), я не мог остаться к этому равнодушным... Что касается министерской нормы в 15 фунт., то 10 фунт. из нее пойдет пекарям, а населению по 5 фунт.,—совсем как у немцев...». По поводу этого доклада гласный думы Крупянский разразился такой многозначительной репликой: «Теперь

---

[1]) «Известия Гор. Саратовской Думы», январь—июнь 1917 г.

к разрухе хлебной присоединилась и другая — железнодорожная. Мы не можем устранить этого бедствия. Бывают моменты, когда нужно думать только о спасении своего живота...».

К продовольственному и транспортному кризису присоединился и промышленный кризис: производство стало сокращаться, а вместе с тем до 5.000 человек из 20.000, искавших на «бирже труда» работы, никуда не могли устроиться и влачили невыносимо тяжелое существование. Материал для взрыва накоплялся ускоренным темпом; поэтому, когда пришли сведения о перевороте в Питере, вся рабочая масса (и не только она, но и вся обывательщина) горячо выступила на защиту «новой власти».

Наш комитет, получив сведения о событиях в Питере, созвал почти всю организацию, пригласил большевистскую интеллигенцию. На этом собрании было решено создать Совет Рабочих Депутатов, распределены предприятия между товарищами и выдвинуты представители в думу — последними были намечены: В. П. Милютин, М. И. Васильев, Степанов и еще кто-то. В тот же день, т.-е. 1 марта, в 8 часов вечера состоялось заседание соединенного собрания гор. думы и представителей обществ. учреждений и организаций. Протокол излагает содержание этого заседания следующим образом:

Зам. городского головы А. А. Яковлев. — Ни для кого не секрет, что совершились события чрезвычайной важности. В 2 ч. дня сегодня мною получена такая телеграмма «Городскому Голове. О времени доставления уведомите Временное Правление Временного Комитета Государственной Думы.

«Временный Комитет Членов Государственной Думы при тяжких условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка; сознавая всю ответственность принятого им решения, Комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового Правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием. Пред. Госуд. Думы М. Родзянко». (Громкие, продолжительные аплодисменты.)

Согласно приписке я тотчас же послал телеграмму с уведомлением о времени получения. В 5 час. было созвано совещание гласных. Согласно постановления этого совещания, в настоящее заседание приглашены представители общественных организаций. Если разрешите мне, то от имени настоящего соединенного заседания отправим телеграмму следующего содержания:

«Петроград, председателю Вр. Комитета Гос. Думы М. В. Родзянко. Саратовская Гор. Дума и представители общественных учреждений и организаций радостно приветствуют совершившееся событие, которого так страстно и напряженно ждала вся страна, и выражает свое восхищение армии за мощную поддержку Гос. Думы. Гор. Дума и население надеются, что Временное Правительство спасет отечество, приведенное на край гибели старой безответственной властью. Гор. Дума в союзе с живыми силами народа окажет с своей стороны помощь Вр. Правительству в деле водворения порядка, справедливого управления в стране и неослабной работы на армию для победы над врагом и ждет распоряжения правительства. Городской Голова». (Собрание единогласно принимает предложенную редакцию.)

... Я должен сказать, что на частном совещании гласных было постановлено обратиться к населению с воззванием. Частное совещание предположило также, что должна быть организована особая комиссия из представителей Думы и общественных организаций с целью держать население в курсе совершающихся событий.

М. И. Васильев (представитель от рабочих). — Граждане, я обращаюсь к вам от имени местных организованных рабочих и хочу высказать вам наш взгляд на совершающиеся события. Мы давно знали, что главным несчастием России является ее дезорганизация. Ее основным, самобытным устоем всегда являлся принцип: «эй, разойдись!». Если рабочие пытались организоваться, слышался крик: «эй, разойдись!». Если покупатели организуются в кооператив, слышится крик: «эй, разойдись!». И так во всем и всегда. Теперь перед нами стоит главная задача — организация. Организация на местах, организация партийная, организация всей России. Организованность необходима и для того, чтобы отвратить надвигающийся голод. На эту первую задачу мы должны указать правительству и настаивать, чтобы оно в своей работе обратилось по всей России ко всему народу, к той улице, на которую здесь указывал губернатор. Только она может спасти страну. Правительство для установления формы управления страной должно созвать Учр. Собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Я не говорю, конечно, что это должно быть сделано завтра. Перед правительством стоит много очередных задач, но необходимо заявить, что Вр. Правительство, чтобы стать постоянным, должно получить санкцию от всего населения, от всех граждан Великой России. Посылая приветствие Вр. Правительству, мы должны приветствовать также и геройский петроградский пролетариат, который свергнул старое правительство, и тех доблестных представителей армии, которые мужественно стали на сторону нового строя (аплодисменты). Я очень рад, что наше мнение, мнение саратовских

рабочих, находит себе такой отклик. Мой товарищ огласит сейчас ту резолюцию, которую мы предлагаем принять.

Скворцов (представитель больничной кассы) [1]) читает: «Собрание Городской Думы вместе с представителями общественных организаций на заседании 1 марта с. г. по получении извещения о свержении старого бюрократического правительства, приведшего страну на край гибели, и о создании нового Вр. Правительства постановляет:

1) Приветствовать Врем. Правительство, петроградскую демократию и мужественных представителей армии, совершивших великий исторический акт; 2) оказать Вр. Правительству всяческую поддержку в искоренении старой губительной системы и водворении нового общественного порядка, основанного на самодеятельности живых общественных сил; 3) с своей стороны собрание ждет, что Вр. Правительство освободит политических и религиозных пленников старого режима и немедленно приступит к организации страны путем созыва Учр. Собрания на основе всеобщего, прямого и тайного избирательного права».

Борнеман (представитель студенчества).—Студенчество всецело присоединяется к резолюции т.т. рабочих. Но позвольте мне огласить и нашу резолюцию, которую мы не предлагаем принять и которая сообщается только как выражение настроения студенчества (читает): «Саратовское об'единенное студенчество с радостью отдает свои знания и силы в распоряжение Вр. Правительства, ожидая от него об'явления амнистии заключенным борцам за свободу и немедленной отмены смертной казни. Студенчество признает, что новое Правительство должно приступить к повсеместному устранению представителей отжившего строя от несения обязанностей, учреждения народной милиции, осуществления гражданских свобод и скорейшего созыва Учр. Собрания. Студенчество».

Н. Н. Мясоедов. — Товарищи, граждане! Первый раз в жизни мне приходится защищать правительство. Но на-ряду с той радостью, которую испытываем все мы, мы не должны забывать горя нашей родины и наших братьев в армии и в тылу. Мы должны оказать ей поддержку, мы должны встать на защиту наших прав. Мое обращение относится не к рабочим, не к студентам, в помощи которых нет сомнения, оно относится к вам, г.г. гласные. Не бойтесь итти с теми, кто шел впереди и часто подвергался гонениям судьбы. Обратите внимание на то, что блок Гос. Думы первый встал во главе движения, встала вся Дума. Этот многозначительный факт должен убедить вас, что настало время полного обновления страны. И мне думается, что на-ряду с приветствием Гос. Думе, на-ряду с той резолюцией, которая принята рабочими, мы должны поставить вопрос — что делать нам здесь на

[1]) Меньшевик.

месте, чтобы не пережить второго 1905 г.? Теперь произошел захват власти, и он должен быть закреплен так, чтобы не было поворота назад. Это не значит, что я призываю к нарушению порядка. Напротив, мы должны итти за призывом Гос. Думы. Мы должны организоваться. Назовите, как угодно — комитет, комиссия, но она должна руководить жизнью. Я обращаю ваше внимание на то, что в Комитете Гос. Думы — Чхеидзе и Керенский, и это глубоко знаменательно. Это значит, что победили низы, иначе их не пустили бы в комитет (аплодисменты). Это есть громадная победа русского пролетариата, и с ней надо считаться. Я говорю это не для того, чтобы вас запугать. Я прошу вас отнестись к этому, как к нормальному факту. Вам нужно об'единиться со всеми и вместе продумать такой образ действий, который закрепил бы власть за народом. Нужно зорко следить за тем, чтобы не были нарушены права народа теми представителями старого режима, которые, конечно, сделают все, чтобы вернуть Россию назад (аплодисменты).

А. А. Никонов. — Мои слова, может быть, не встретят сочувствия, но я чувствую себя обязанным их сказать, ибо я думаю, что мы становимся на ту же плоскость, как и в 1905 г. Настоящий момент настолько серьезен, что в наших действиях мы должны руководиться прежде всего принципом целесообразности и не должны слишком замахиваться. Мне думается, что мы еще недостаточно осведомлены о том, что происходит. Исторические обстоятельства подняли Гос. Думу на необычайную высоту, и наше счастье, что Дума существует, ибо она — единственная организованная сила. Борьба не кончилась, и задача момента дать нравственный авторитет Вр. Правительству. Я протестую против утверждения Н. Н. Мясоедова, — Чхеидзе и Керенского давно звали, но они не шли. Исторический момент заставил их пойти со всеми, они пошли совместно для спасения страны, и у них, господа, нужно учиться политической мудрости.

В. П. Милютин.—Ни для кого не секрет—кем произведен переворот. В Петрограде — вооруженное восстание. В Москве, Харькове — всеобщая забастовка. Это поднялись низы, и только потому Гос. Дума решилась на этот великий шаг. Вы знаете также, что выступила армия. Она явилась в Гос. Думу и представила себя в распоряжение Вр. Правительства. Но, господа, мы переживаем такой момент, когда нужно дело. Страна на краю голода, и на нас теперь ложится громадная задача. Положение в области экономической — критическое, и туда мы должны направить все наши силы; старая власть уничтожена, мы должны создать новую, должны создать такую организацию, чтобы не было голода. Мы должны организоваться на местах и в первую очередь освободить пленников старого режима, провозгласить амнистию.

Степанов (представитель портных) произносит агитационную речь. Некоторые гласные и представители земства со словами: «Мы пришли на собрание, а не на митинг» покидают зал. Зам. городского головы несколько раз останавливает Степанова и, наконец, лишает его слова. Собрание закончилось принятием следующего воззвания:

«Граждане г. Саратова! Всем вам известно, что прежнее правительство вынуждено было сложить свои полномочия, и власть перешла в руки Вр. Комитета Гос. Думы под председательством М. В. Родзянко. Население Петрограда признало эту власть, избранную Гос. Думой. Только эта новая власть может вывести нас из того гибельного состояния, до которого довели Россию прежние министры. Вр. Комитет обратился к Саратовскому гор. голове с просьбой оказать поддержку новому правительству, чтобы общественная жизнь населения продолжала протекать в нормальных условиях. Необходимо, чтобы наши солдаты на фронте не терпели ни в чем недостатка, чтобы в тылу каждый мог продолжать свою работу на пользу всей страны. Призываем всех, без различия партий, национальностей, сословий, поддержать Вр. Правительство и содействовать ему в его великом ответственном деле — сохранить порядок и спокойствие в городе. Вчера вечером была созвана Гор. Дума с участием представителей общественных учреждений и организаций. По единодушному желанию всех присутствующих была послана приветственная телеграмма Вр. Правительству с выражением доверия и обещания принять все меры для внесения спокойствия и порядка среди населения. Граждане, от имени соединенного Саратовского Думского Собрания обращаемся к вам, уверенные, что вы, сознавая всю важность переживаемого нашей великой Родиной момента, сохраните спокойствие в своих личных и общественных делах и исполните свой долг перед Родиной, для спасения которой должны быть принесены в жертву и личные интересы и партийные счеты. Состав Вр. Правительства [1]) следующий: Родзянко, Чхеидзе, Шульгин, Милюков, Караулов, Коновалов, Дмитрюков, Ржевский, Шидловский, Некрасов, Львов».

2 марта вечером происходили два заседания. Одно — продолжение думского об организации местного органа власти и второе — в нижнем зале городской управы — первое заседание Саратовского Совета Раб. Депутатов. После долгих споров, в которых сказалась вся трусость наших цензовиков и либеральных «общественников», соединенное думское собрание постановило организовать Общественный Исп. Комитет, при чем каких-либо опреде-

[1]) Названные в воззвании лица входили в состав не Вр. Правительства, а Вр. Исп. Комитета Гос. Думы.

ленных функций ему не было указано. «Мы верим нашим избранникам, — говорил А. А. Токарский, — и пусть они действуют так, как считают нужным».

В состав комитета вошли: а) от думы — Б. Х. Медведев, А. Е. Романов, Ю. Ф. Крупянский, С. П. Красников, М. К. Скачков; б) от общественных организаций — А. А. Токарский, Н. И. Семенов, А. А. Никонов, Я. П. Андреев, М. П. Овчинников, Петров; в) от Совета Р. Д. — В. П. Милютин, М. И. Васильев, Н. Н. Мясоедов, Скворцов, Колесников.

Заседание Совета Рабочих Депутатов под председательством Скворцова (рабочего с завода «Сотрудник») носило митинговый характер. В организационном отношении оно закончилось избранием Исп. Комитета и председателя Совета и выборами представителей в Общ. Исп. Комитет. Председателем был избран В. П. Милютин, товарищами — М. И. Васильев и Скворцов. В момент, когда читались последние телеграммы и настроение депутатов достигло, казалось, наивысших пределов, в Совет явились первые солдаты, а затем пришел с 3-м пулеметным полком Володя Соколов, который в горячей речи 18-летнего энтузиаста отдал себя и полк в распоряжение «пролетариата и всего революционного народа». «После моей речи, которую я произнес в каком-то тумане, — рассказывает он, — Совет пришел в бешеный восторг. Этой минуты я никогда не забуду. Вся бестолковщина и путаница по организации революционных сил, установление связей с другими полками, трусость командиров и большинства офицеров, чуть было не арест в офицерском собрании и опасность столкновения между 3-м и 4-м пулеметными полками, все муки бессонных ночей, — все было забыто».

После Совета нужно было отдать дань приличия и явиться в думу. Там тоже поднялась овация, сменившая первоначальный испуг от пришедших солдат. Здесь же выступали Понтрягин и Диденко; последний под видом рядового солдата приветствовал думу от лица революционной армии.

Революционно-настроенная военная молодежь еще до прихода в думу образовала Военный Комитет (вернее, революционный комитет), в который вошли большевики: В. Н. Соколов, П. Г. Жебров, Воробьев, эсеры Диденко и Друшляков, «анархист» Понтрягин и нар.-соц. д-р Максимович. Так как Общ. Исп. Комитет никак не мог решиться на арест представителей старой власти, то В. Н. Соколов, захватив около роты солдат, отправился на свой

страх и риск на облаву. Прежде всего стали снимать и разоружать постовых; эта операция прошла почти безболезненно, так как городовые тотчас же, без сопротивления, сдавали оружие и без оглядки убегали по домам. Подошли к губернаторскому дому и арестовали губернатора, который, видимо, ожидал уже незваных гостей. Во дворе нашли казачью охрану, которая или спала или делала вид, что спит. Разоружив охрану и отпустив ее в казарму, отряд отправил губернатора в думу. Воодушевленные успехом, двинулись на захват жандармского управления. По дороге были спугнуты проскакавшей куда-то сотней казаков. Жандармского полковника застали спящим. После некоторой волокиты он оделся, благословил плачущих жену и взрослых дочерей и под караулом покинул здание. По дороге жаловался, что «молодые люди» обращаются с ним неподобающе, что они должны были бы его отправить на извозчике, а не подвергать насмешкам солдат. Солдаты, по преимуществу все бородачи, действительно трунили над «жандаром», но без злобы, и все опасения думских цензовиков, что «начавшаяся анархия повлечет кровавую расправу черни и солдат над правыми и виноватыми», не оправдались. Если «бескровность» февральской революции в Питере представляет в значительной мере либеральную легенду, то в Саратове она была действительно бескровной. На следующий день после переворота Военный (революционный) Комитет обратился с воззванием к населению, сообщая о предстоящем параде революционной армии на Московской площади и призывая рабочих и граждан на парад. Парад состоялся, при чем в нем принимали участие не только солдаты, но и рабочие. Военные знамена смешались с пролетарскими. Парад превратился в демонстрацию, произведшую огромное впечатление. Это была первая демонстрация «свободного народа», который не чувствовал никакой опасности и веселился и торжествовал, как веселятся и торжествуют люди, долго сидевшие в тюрьме и, наконец, выпущенные на волю. Попутно произошло торжество освобождения политических из тюрем. Встреча народа с освобожденными носила трогательный характер, и когда товарищи рассказывали об этом, слезы навертывались у них на глазах. Один из изможденных узников не перенес потрясения и через несколько дней угас на руках более крепких товарищей.

3 марта на месте «самочинного» Военного Комитета образовался новый, который представлял собственно Совет Солдатских Депутатов. В него входило до 150 депутатов от войсковых частей.

В состав первого избранного президиума входили: Понтрягин, Диденко, Неймиченко, Зайцев, Воробьев и Куликов. Следовательно, состав в подавляющем большинстве эсеровский [1]).

Таким образом в первую же неделю революции сложились три организации: 1) Общественный Исполн. Комитет с губ. комиссаром Н. И. Семеновым (если не считать «калифа на час» — пред. губ. земской управы К. Н. Гримма), 2) Совет Рабочих Депутатов с Исполкомом и Президиумом и 3) Военный Комитет с Президиумом. Через некоторое время к ним присоединилась четвертая революционная организация — Губернский Исполн. Комитет Крестьянских Депутатов.

3. САРАТОВСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РСДРП (б.)

На-ряду с возникновением и ростом массовых революционных органов началась организация легально-действующих партий. Наша организация медлила с выходом из подполья и первое время вела полулегальное существование. У меня даже сложилось мнение, что этой излишней осторожностью она проиграла во времени и значительно повредила себе. Она дала возможность другим партийным группировкам захватить в свои щупальцы ряд хороших, революционно-настроенных рабочих, представляющих «чистую доску» в политическом отношении. Как говорится: кто раньше поспел — тот и успел. Лишь тогда, когда победа стала вполне ясной, Комитет, — переизбранный 4 марта и имевший в своем составе: В. П. Милютина, Плаксина, М. И. Васильева, Хрынина, Долецкого (Фенигштейна), Марциновского и Раппопорта, — решил легализоваться. Выпущена была прокламация с призывом вступать в партию, издана и распространена «программа РСДРП» и началось устройство митингов. Первый торжественный народный митинг был устроен Комитетом в здании Общедоступного театра (ныне «Карла Маркса») 10 марта по следующей программе: 1) политическое положение, 2) организация пролетариата, 3) русская революция и армия, 4) приветствия. Докладчиками были: Милютин, Васильев, Спивак, С. И. Мицкевич; ораторами: Гончаров, Шорин, Зарницын (Зирко), Р. Цейтлин, В. Н. Соколов и др. Митинг прошел с большим под'емом и закончился демонстрацией с пением революционных песен. Помимо общенародных митингов, Комитет и его

[1]) Наказ этого Комитета—см. приложение № 1 (ко II части).

члены устраивали многочисленные митинги на фабриках и заводах, в мастерских и — по праздникам — на окраинах города.

С первых шагов стал ощущаться недостаток в своем печатном органе. Сколотив по копейкам нужную для издания газеты сумму, Комитет сумел 23 марта выпустить первый номер «Социал-Демократа», который открывался программной статьей тов. Милютина под заголовком «Наш Путь». Вот что он писал:

«Рушился старый строй. Распалась форма правления под напором живых общественных сил. Вылилось наружу то, что скоплялось целыми столетиями в глубинах народной жизни. Творцами переворота явился рабочий класс и революционная армия, состоящая из тех же рабочих и крестьян. Вот силы, совершившие революцию. Старая власть сдалась без сопротивления, она оказалась бессильной оказать даже сколько-нибудь серьезную попытку противодействия. Умерла так же позорно, как и жила. Всякая революция имеет две стороны: разрушительную и созидательную. Порыв революционных сил сносит стены отжившего режима, разбивает его оковы, стремится вырвать с корнем все, что так долго отравляло существование народа, уничтожить все обломки прошлого. Но вместе с тем революционные силы лихорадочно, поспешно, с напряжением стремятся сейчас же вместо разрушенного создать, организовать новые отношения, возвести новые постройки политической жизни, чтобы жизнь народа получила новые свободные формы. Венцом этой работы должно быть создание нового порядка управления страной. Разные силы принимают участие в этой работе, и каждая из них думает осуществить свои цели, свои задачи, удовлетворить свои интересы. Нужно помнить, что дело класса капиталистов и дело класса рабочих — всегда различны. Мы свергли старый политический строй, но старый экономический строй остался в полной силе. Рабочий

Михаил Иванович Васильев (Южин).

получил свободу организоваться, но он был и остается рабочим, т.-е. человеком, который, чтобы жить, должен продать свою рабочую силу капиталисту. Власть капитала остается. Борьба рабочего класса с капиталистами за свои интересы и за благо человечества неизбежна. Это нужно помнить. И вот, когда будет строиться новый политический строй страны, — нужно твердо знать, что мы должны укреплять наши классовые организации, что мы должны быть готовы к борьбе, если только не хотим, чтобы плодами нашей победы воспользовался капитализм. Социал-демократическая партия является передовым отрядом рабочего класса, ее программа, ее требования являются выражением интересов рабочих масс, каждое слово этой программы запечатлено борьбой рабочего класса, борьбой, которая тянется уже целыми десятилетиями. Наша очередная задача — сплотить все наши силы, укрепить наши организации, твердой рукой провести нашу программу в жизнь и в первую очередь наши основные требования: демократическую республику, 8-часовой рабочий день, конфискацию помещичьих земель.

Мы должны создать те условия, при которых наиболее широко и мощно развернем наши силы для непосредственной борьбы за нашу конечную цель — за благо всего человечества — за социализм. Но, товарищи, перед нами в этот великий исторический момент не только задачи наши национальные, но и международные, интернациональные. Рабочий класс России — лишь один из отрядов международной армии пролетариата. Сейчас кипит война, льется кровь народов, грохочут пушки, но, заглушая этот грохот, рабочий класс России должен громко крикнуть свой старый боевой клич: Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Пусть этот клич прокатится из страны в страну, пусть сплотятся рабочие массы в одну организацию — Новый Интернационал — и да увенчается успехом борьба социал-демократии за братство народов. Наши требования, нашу программу мы сможем провести в жизнь и более полно только при условии крепкой международной организации рабочих всех стран. Да здравствует Интернационал!».

На-ряду с этой передовицей была еще одна статья, имевшая для местной обстановки крупное значение, это — «Марксизм и европейская катастрофа» М. И. Васильева. Она являлась как бы водоразделом между прежними и новыми взглядами этого старого партийца-большевика. В частности, отмечая распад капитализма, Михаил Иванович писал: «Свободная конкуренция, свободная торговля — эти главнейшие устои старого капитализма — были почти аннулированы. Планомерное распределение важнейших обще-

ственно-необходимых продуктов ложится в основу нового государственного хозяйства. Беспощадно нарушается «неприкосновенный» принцип частной собственности. Старый капитализм явно впитывает в себя экономические принципы социализма. Нарождается новый «государственный капитализм» или «государственный социализм».

Ознакомившись по рассказам и документам с обстоятельствами и ходом революции в городе, я поставил вопрос о состоянии партийной организации в момент беседы. Оказалось, что она крайне слаба, не имеет организационных форм (еще не было ни одного широкого организационного собрания членов партии) и почти не влияет, как таковая, на советскую работу. Лишь отдельные ее члены (Милютин, Васильев), пользующиеся личным влиянием в Совете, делают партийную политику. Я считал, что неорганизованность партии является крупнейшей нашей бедой, и поэтому на ближайшем заседании Комитета указал на необходимость конструировать партию на основе планомерного устава.

Комитет с этим согласился и назначил первое организационное собрание 25 марта в главном зале гор. думы. На повестке дня были об'явлены: 1) современный политический момент, 2) отношение к войне, 3) организационные вопросы, 4) выборы Комитета. Особенно затруднял вопрос об организационном уставе. Так как у меня сохранился выработанный еще в прошлые подпольные времена устав, то Комитет, осведомленный об этом, поручил мне организационный доклад. На собрании присутствовало до 150 тов.; причем, вследствие того, что каждый пункт повестки дня очень детально и горячо обсуждался значительным количеством товарищей, заседание перенесло некоторые из вопросов («о войне» и «выборы комитета») на 31 марта. В результате обсуждения политического момента была принята следующая резолюция:

«Обсудив вопрос о современном политическом моменте, общее собрание членов Саратовской орган. РСДРП признает: 1) несмотря на то, что революция совершена рабочим классом и революционной армией, т.-е. теми же рабочими и крестьянами, власть формально передана в руки идеологов и представителей имущих классов; 2) в силу чего Вр. Правительство, состоящее из представителей буржуазии, не может разрешить всех вопросов и задач, созданных революцией; 3) до сих пор оно только под давлением революционных сил пролетариата и революционной демократической части армии, без собственной инициативы, ведет борьбу с остатками старого

строя и вводит самые необходимые изменения; 4) перед рабочим классом стоит громадная задача довести дело революции до конца. Он должен своей организованностью, силой, единством с революционной армией и крестьянством реализовать нашу программу-минимум; 5) в этой борьбе он встретит противодействие и должен готовиться дать отпор нарастающей реакции со стороны господствующих классов. Ввиду этого рабочий класс, организуясь самостоятельной классовой единицей, будет поддерживать лишь те начинания Вр. Правительства, которые согласны с его (пролетариата) требованиями, и должен готовиться к решительной борьбе с контр-революционными попытками, с какой бы стороны они ни исходили, и препятствиями развитию революции во всех проявлениях политической, социальной и экономической жизни».

При обсуждении резолюции я предлагал внести упоминание о том, что ходом революции пролетариат и крестьянство толкаются к захвату власти и организации Рабоче-Крестьянского Врем. Правительства на манер Парижской Коммуны 1871 года; на моей стороне оказались лишь Гончаров, Стипнек, отчасти Долецкий и, кажется, Марциновский. Резолюция о войне была по своему содержанию чем-то средним между резолюцией Петрогр. Комитета от 7 марта и резолюцией ответственных работников при Московском Комитете. Что касается моего доклада, то устав, вытекавший из него, был принят почти без поправок; вот он:

«Временный организационый устав Саратовской организации РСДРП.

1) Членом партии признается всякий, принимающий партийную программу, поддерживающий партию материальными средствами и входящий в какую-либо партийную организацию. 2) Низшей организационной ячейкой является заводское или цеховое собрание, которое избирает заводской комитет.

Примечание. Т.т. с.-д., не работающие в предприятиях, а являющиеся представителями интеллигентных или каких-либо других профессий, могут входить в одну из заводских организаций в качестве ее пропагандистов, или другого рода сотрудников на равных правах со всеми ее членами, или же организовать самостоятельные ячейки, которые наравне с заводскими организациями входят в состав местной партийной организации.

3) Весь город делится на пять районов: а) береговой — куда входят все мельницы, лесопилки, грузчики, судовые и вообще береговые рабочие; б) городской — куда входят портные, столяры, кузнецы, булочники, приказчики, типографские

рабочие, служащие, студенты и т. д.; в) фабрично-заводской — куда входят механические заводы, разные мастерские, фабрики и др. фабрично-заводские предприятия; г) железнодорожный — куда входят ж.-д. мастерские, депо, князевские мастерские, телеграфные мастерские, управление ж. д. и др.; д) военный — куда входят все войсковые части, находящиеся в городе. 4) В случае необходимости внутри района могут быть образованы подрайоны. 5) Районное собрание, состоящее из всех членов данного района, выбирает районный комитет. 6) Каждый районный комитет обладает самостоятельностью в решении вопросов, касающихся постановки работы в районе, пользуется правом издавать по вопросам района литературу и созывать (не реже четырех раз в месяц) районные собрания от своего имени и за своею ответственностью. 7) Высшей партийной инстанцией является общее собрание всех членов Саратовской организации, которое и выбирает главный исполнительный орган — Городской Комитет. 8) Городскому Комитету принадлежит идейное и организационное руководство всей местной организацией. 9) Состав Комитета определяется в 15 человек. 10) В числе 15 чел. Городского Комитета общее собрание всей парт. организации избирает пять ответственных городских организаторов, одного ответств. организатора — агрария, одного ответств. пропагандиста-агитатора, одного ответств. организатора милиции, одного ответств. литератора, а также по одному ответств. представителю от образующихся фракций (например, фракция в Сов. Раб. и Солд. Деп., фракция в продовольств. собрании, фракция в местном самоуправлении). 11) При Комитете состоят коллегии: пропагандистов и агитаторов; литераторов и др., обслуживающие парт. организации. 12) Не реже одного раза в месяц Комитет собирает общее собрание всех членов местной партийной организации и отдает ему отчет в своей работе и представляет денежный отчет; предлагает на обсуждение проект работы на предстоящий месяц и приблизительный проект сметы расходов.

П р и м е ч а н и е. По инициативе не менее 30 членов Городской Комитет обязан созвать экстренное общее собрание.

13) Все комитеты выбираются на три месяца».

Таким образом была заложена плановая организационная основа. Однако лишь 6 апреля было приступлено к организации районов. Ответственными организаторами были назначены Комитетом: по городскому району — т. Милютин и только что прибывший И. Мгеладзе (Вардин); по железнодорожному — я и временно вошедший к нам интернационалист Щедровицкий; по военному — В. Н. Соколов и В. П. Куликов; по заводскому—Долецкий (Фениг-

штейн) и Хрынин; по береговому — П. А. Лебедев, А. Марциновский и Вайнтруб. Редактором «Социал-Демократа» назначен М. Мгеладзе. Аграрная работа так и осталась без своего организатора.

После совещания настроение мое было отвратительным. Усугубил его еще больше В. П. Милютин. «Куда это вы хватили?» — с плохо скрытой усмешкой заметил он мне. — «Парижская Коммуна... «Социал-Демократ» (зарубежный. *В. А.)* и то до этого не договорился».

Заседание Совета, на котором я впервые выступил, произвело неизгладимое впечатление. Зал народной аудитории, в котором происходило заседание, был битком набит депутатами в рабочих блузах, косоворотках и солдатской одежде. На хорах ломилась публика; так и казалось, что хоры не выдержат, и произойдет обвал на головы разгоряченных депутатов. Несмотря на солнечный день и настежь открытые окна, зал утопал в табачном тумане. Шел вопрос об отношении к Временному Правительству. Страсти разгорелись. Ораторы не щадили друг друга и сплошь да рядом спор-схватка из принципиальной сферы переходил на личную почву. Масса депутатов тоже горячилась отчаянно, следя за выпадами «своих» ораторов. Удачные места из речей подчеркивались бурными аплодисментами и не менее бурными выражениями протеста со стороны оппозиции.

Выбрав минуту, я взял слово. Председатель заседания отрекомендовал меня депутатам как только что вернувшегося из ссылки. Собрание приняло меня очень горячо. Сотни глаз впились в старого знакомца, в то же время «нового человека» на трибуне. Что-то скажет? Охватило волнение. Овладев собой, я выступил против Вр. Правительства, напомнил собранию кровавую баню, которую устроила буржуазия французскому пролетариату сперва в 1848 г., а затем в 1871 г., указывал Совету, что в том и другом случае доверие к буржуазному правительству со стороны рабочих привело их к кровавому проигрышу, и что нам, имеющим этот опыт, не следует увлекаться романтикой первых дней свободы и иметь лишь горячее сердце; еще нужна неотуманенная голова. Нет, мы не можем доверять Вр. Правительству, не можем доверять Исп. Комитету буржуазии. Если мы оказались в первую минуту неспособными взять власть в свои руки, если мы ее отдали нашим классовым врагам — мы должны зорко следить за каждым шагом правительства, жать на него в интересах пролетариата, каждую его уступку расширять и углублять, делая исходным моментом для

дальнейшего наступления. Мы пока не говорим «долой Вр. Правительство», но мы твердо уверены, что это правительство разойдется с рабочим классом, с революционной армией, и нам придется во имя свободы, во имя интересов трудящегося народа образовать новое правительство из представителей пролетариата, солдат и крестьянской демократии. Речь повлияла на массу. Она некоторое время молчала, а затем разразилась шумными знаками одобрения.

Выступивший после меня лидер меньшевиков Майзель (Ирмин) со специальной целью ликвидировать вызванное мною настроение стал спекулировать именем Керенского; при чем, при каждом упоминании этого имени масса энергично аплодировала. Какая каша была тогда в головах массовиков! Они метались от одной партии к другой, балдели от бесконечного выслушивания бесконечных речей, на мозолистых ладонях пробивались лишние мозоли от хлопания и друзьям и врагам. Один знакомый рабочий, как раз после упомянутого заседания Совета, недоуменно формулировал свое состояние такой фразой: «Ей-ей, и башка болит и мозги раскарячились». Эта фраза как нельзя лучше характеризовала тогдашнее состояние не только Совета, но и всей рабоче-крестьянской массы. От этого «раскаряченного состояния мозгов» постепенно освобождали пролетарский инстинкт и факты жизни. Они били, как кувалдой, рассеивали туман в голове и наполняли ее заостренной, как сталь, прямолинейной и отчеканенной классовой мыслью — волей.

Как организатор железнодорожного района, я быстро об'единил имевшийся большевистский материал и создал район с районным комитетом. В него вошли: Агеев, Анфиногенов, В. Ф. Букин, Воронов, Дроздов, И. П. Ерасов (приехал в июле), Завгородний, П. Кох, Я. М. Карбмахер, Кощин, Кособоков, Максимов, Муравлев, Марциновский, А. Сергеев, А. А. Федоров, Черненков, Чистяков, Шульга и др. Вскоре вернулись из ссылки и вошли в район: С. Т. Ковылкин, В. Сергеев, Андрей Агеев, П. И. Лалов, Лалова, В. Бабушкин и др. Все эти рабочие с большим революционным или партийным стажем составили в высшей степени дружную семью. Каждый вопрос решался у нас сообща, какого-либо командования или попыток «верховодства» почти не было. Даже Степа (Ковылкин), несмотря на свой индивидуализм и властность, держался обычно вровень со всеми.

Район отражал общую массу и вследствие этого был тесно с нею связан, несмотря на то, что большевиков в ней было очень мало. Отдавая дань времени, она была в значительной степени революционно-беспартийной с уклоном в сторону меньшевизма.

4. ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ ЛЕТОМ 1917 г.

Вскоре строение организации усложнилось: появилась военная организация, студенческая, фракция Совета, фракция профессионалистов, членов гор. думы и т. д. Благодаря тому, что она наполнилась лучшими рабочими и солдатами, из которых значительный процент прошел большой революционный стаж, имела крупную группу старых подпольщиков и, пожалуй, редкую для провинции группу теоретически-образованных интеллигентов-старопартийцев, она живо откликалась на все события революции. Одним из первых вопросов, который вызвал горячие обсуждения, был вопрос об «об'единении» с иными с.-д. группировками как в обще-российском, так и местном масштабе. В то время, — и даже несколько раньше, когда наша организация легализовалась, — началось собирание меньшевиков. Они образовали свою группу во главе с Д. Топуридзе, Д. Чертковым, Л. Майзелем и Скворцовым (рабочий с завода «Сотрудник»). Сперва они (или вернее — их лидеры) собирались войти в нашу организацию, но ставили, в особенности Топуридзе и Скворцов, непременным условием избрание их в комитет. О каких-либо принципах они даже не заикались. Столь карьеристское условие получило, конечно, отпор. Однако на том основании, что «организация Топуридзе» успела захватить в свои тенета многих очень хороших рабочих, которых следует «вернуть» в нашу организацию, С. И. Мицкевич и др. требовали серьезного обсуждения вопроса о создании в Саратове одной с.-д. организации.

Когда тот же вопрос поднялся в Питере и в Москве перед апрельской конференцией нашей партии, оказалось настоятельно необходимым выявить свое принципиальное отношение. Вопрос был обсужден 19 апреля на общегородской конференции. В прениях принимал участие ряд товарищей, при чем каждый давал особый оттенок по существу общей мысли. В результате дискуссии была принята следующая резолюция:

«Обсудив вопрос об об'единении различных с.-д. течений, конференция Саратовской организации с.-д. большевиков при-

ходит к следующим выводам: 1) империалистическая война внесла глубокое расслоение среди социалистов всех стран. Во всей Зап. Европе вопрос об отношении к войне вырыл между социал-шовинистами и интернационалистами непроходимую пропасть. Через эту пропасть мост не может быть перекинут; 2) такой же процесс деления и расслоения имел место и в России. И здесь, как в Зап. Европе, выявили себя и вполне успели идейно оформиться два течения: социал-националистическое и интернационалистическое. Никакого единения между этими течениями быть не может; 3) зато возможно и необходимо точное организационное слияние всех течений, признающих и ведущих интернационалистическую политику, т.-е. отвергающих «гражданский мир», стоящих на почве непримиримой классовой борьбы, ведущих борьбу за немедленное окончание мировой войны. Конференция выражает твердую решимость добиться такого единения, несмотря на возможные разногласия по некоторым вопросам пролетарской тактики».

Эта линия не оказала влияния на местную обстановку: левое крыло «группы Топуридзе» не порвало с ней, а осталось внутри меньшевистской организации. Лишь впоследствии, в процессе событий, отдельные лица переходили к нам, но в целом они представляли организацию, враждебную нам [1]). В октябрьские дни обе организации дошли до баррикадного боя друг против друга. Приезд тов. Ленина в Питер и его «тезисы» произвели огромное впечатление как на верхушку, так и на низы нашей организации.

. . . .

С докладом выступил тов. И. Мгеладзе (Вардин), который, сделав анализ движущих сил революции и ее хода и отметив контр-революционную роль мелкой буржуазии, пришел к такому выводу: «Цели и задачи революции могли быть разрешены лишь при разрыве с капиталистами и при окончании войны. Но разрыва с капиталистами нет, война продолжается, и мы видим, что первая стадия революции закончена. Когда на Западе грянет буря революции, когда под влиянием этой революции снова раскроются двери тюрем, тогда и задачи нашей революции получат осуществление. А сейчас все наши силы, всю нашу энергию мы должны направить на дело партийного строительства. Будем ли мы работать открыто или снова нас загонят в подполье, перед нами одна обязанность — быть стойкими и верными бойцами международного социализма».

---

[1]) См. приложение № 3 (ко II части).

Я возражал ему: «Об'ективные условия — аграрный вопрос — делали, делают и будут делать нашу мелкую буржуазию революционной до тех пор, пока не будет разрешен аграрный вопрос, разрешен в той форме, которая наиболее отвечает ее интересам, т.-е. в форме отобрания в свою пользу всей помещичьей земли. Разрешен ли революцией этот вопрос? Конечно, нет! И поэтому опасаться, что мелкая буржуазия в настоящий момент может превратиться или уже превратилась в силу, идущую против революции, нет, как мне кажется, никаких оснований. Принимая во внимание, что рост контр-революции заставит мелкую буржуазию снова искать союза с пролетариатом, мы, как партия пролетариата, должны вести прежнюю политику. По вопросу о конструкции власти мы должны по-прежнему указывать, что только тогда, когда власть целиком перейдет в руки Советов, когда будет создано правительство исключительно из представителей революционной демократии, — только тогда можно будет ожидать решительных мер в деле скорейшего окончания войны, в деле упорядочения разваливающегося хозяйства, в деле осуществления великих задач революции. При чем мы должны настойчиво указывать, что предлагаемая нами конструкция власти должна быть создана как можно скорее, ибо настанет момент, когда и власть Советов уже ничего не сможет сделать».

В прениях, длившихся 2 дня, участвовали т.т. Фенигштейн (Долецкий), Раппопорт, Плаксин, Ковылкин, Лалов и др.

Разноязычному состоянию нашей организации положила конец сама партийная масса.

. . . .

На июльской общегородской конференции вопрос о пересмотре программы должен был развернуться в широкую дискуссию, вследствие проявленного к нему крупного интереса со стороны партийной массы; но он в значительной мере отодвинулся в сторону в связи с наступлением контр-революции после 3 — 5 июля. Разработка этого вопроса пала на меня, как на докладчика. Принятая единогласно моя резолюция гласила:

«Обсудив вопрос о пересмотре партийной программы и рассмотрев проекты изменений, Саратовская общегородская конференция находит: 1) глубокие социально-экономические изменения в структуре мирового капитализма, с одной стороны, и изменения, происходящие под влиянием революции в России,—с другой, повелительно диктуют партии пролетариата

пересмотреть свою программу и приспособить ее к новым условиям; 2) пересмотру подлежат обе части программы, как общая часть, так и минимум; 3) общая часть программы должна быть пересмотрена целиком, ибо отдельные поправки и добавления, нося чисто механический характер, не могут дать ясной картины процесса развития капитализма, вплоть до современного его состояния; динамический характер старой программы должен быть сохранен и в новой переработке; 4) всякие добавления, имеющие своим содержанием вопросы тактики и текущего момента, не должны иметь места в программе».

Самому горячему обсуждению на той же конференции подвергся вопрос о текущем моменте (см. доклад Вардина стр. 115), наступлении контр-революции, деле о «шпионаже» нашей партии и отказе тов. Ленина отдаться в руки властей. По вопросу о том, должен ли Ленин отдаться властям, почти все были единодушны. Когда кто-то из рабочих, бывших в качестве гостя на конференции, еще совершенно сырой и темный человек, выразил сомнение о Ленине — а может, и взаправду он того... изменщик? — начался невероятный скандал. Более того, когда старые подпольщики-рабочие Ковылкин и Лалов высказались в том смысле, что, по их мнению, т. Ленин не должен скрываться, «что долг революционной чести в такой момент—отдаться в руки власти», конференция как один человек стала «на защиту Ильича» и обрушилась на этих прекрасных товарищей [1]).

Корниловский мятеж, в лице Каледина, угрожавший Саратову ближайшей военной опасностью, снова взбудоражил всю организацию; на обсуждение был поставлен вопрос о Временном Правительстве. Организация нашла, что настал момент об'явить правительство контр-революционным и Саратовскую губернию—неподчи-

---

[1]) Тов Лебедев, излагая этот момент в своих воспоминаниях (№ 10 «Пролетарской Рев.» за 1922 г.), пишет: «Собралось нас нелегально 60—80 чел. ... Решили послать приветственную телеграмму т. Ленину с предложением не являться на суд, но даже и тут, в нашей среде, нашлись два товарища (я не стану называть их имена, щадя их), старые, испытанные, которые воздержались от голосования, считая обстоятельства дела не выясненными». Это запамятование: а) собрание было не нелегальным— это была конференция; б) указанные товарищи воздержались вовсе не по проводимым т. Лебедевым мотивам (на этот счет они были единого мнения со всеми), а по другим, которые я привел; в) скрывать их имена, «щадя их», нет основания, так как об этом инциденте все знают, да и не такая это вина, чтобы оставлять их под «намеком».

няющейся его власти. Резолюция, составленная мною в этом духе, была принята единогласно, а потом проведена через Совет и гарнизон. Эта резолюция (помещенная в последних до октябрьской революции №№ «Известий Саратовского Совета») знаменовала собою восстание против правительства. К сожалению, я не могу привести полного текста этой резолюции, за неимением ее под руками. Наконец, последним крупнейшим вопросом был вопрос о вооруженном восстании. Но этот вопрос подвергался обсуждению не на широких конференциях, а в тесном кругу наиответственнейших партработников. Вспышки крестьянских «беспорядков» — по существу восстаний — в губернии, накаленная атмосфера в пролетарских и солдатских массах города, знаменитые статьи Ильича — «Кризис назрел», «Письма к товарищам» в «Рабочем Пути»—убеждали нас в том, что настанет момент итти на штурм. Особенно остро почувствовалось веяние подготовки восстания на беседе у приехавшего из Питера Милютина. Он рассказывал о письме Ильича с требованием «начинать», о колебаниях в ЦК, первоначальном «провале» предложения т. Ленина, о его негодовании и, наконец, о том, что все же курс взят на восстание. Большинство собравшихся было настроено за Ильича — и Лебедев, и Плаксин, и М. Васильев. Последний обычным желчно-саркастическим тоном говорил о том, что в Саратове дело пройдет гладко, — куда этим дрянным людишкам, этой «мелочи» бороться с массой и нами?! Обо мне и говорить нечего. Я уже давно готовил свой район к восстанию [1]); железнодорожная масса была готова и давила на район, при чем это давление было настолько сильным, что районный комитет, видя, что общегородской комитет «топчется на одном месте», стал терять к нему уважение; отдельные, эмоциональные его члены, сделавшись подозрительными к комитету, начали держать себя анархично и недисциплинированно. Мой авторитет удерживал их от крупных столкновений с комитетом, но и я с беспокойством следил за настроением масс и видел, что вот-вот они пошлют нас к чорту и выступят самостоятельно.

Часто рядовые рабочие подходили ко мне и говорили шепотком: «как дела... скоро ли вы пошлете всю эту мездру... надоело ждать этого!». Во всяком случае, нам было обещано дать знать «о начале».

---

[1]) При районе организовался первый отряд Красной гвардии под начальством И. П. Ерасова.

Из этого обзора видно, что наша организация по крупнейшим вопросам не очень расходилась с нашими центрами и с значительным успехом разбиралась в сложнейшем переплете событий. Быстрый количественный рост нашей организации, которая с сотни человек при легализации через месяц увеличилась до *300*, к апрелю до *700* и к июльским дням до *3.500*, потребовал от нас ряда организационных мер. Во-первых, был изменен устав в сторону большего демократизма (по плану Фенигштейна-Долецкого), создана партийная школа (проект создания ее поручен был С. И. Мицкевичу), восстановлена была заглохшая деятельность «просветительного общества» «Маяк», образованы курсы при военной организации, которые с успехом проводил горячий агитатор Л. Коганович — тогда рядовой 7 роты, 92 пехотного полка, введена дисциплина во фракциях (для устранения имевших место случаев разнобойного голосования), установлена связь с организациями губернии, наконец, поставлен вопрос об области, для чего было выработано положение и созвано совещание (на нем, кажется, впервые я увидел т. Куйбышева, который в то время был членом исполкома Самарского Совета). Однако это совещание не имело решающего успеха — помешала «вечная» конкуренция между Саратовом и Самарой. Июльские события несколько смыли эту работу, но организация быстро оправилась, заработала с бешеной энергией, тем более, что этому помогало настроение масс, левевших не по дням, а по часам.

Обладая сильным кадром [1]), наша организация, помимо крупнейших агитационных и организационных кампаний, которые

---

[1]) Наиболее активными работниками были из нерабочих: В. П. Милютин, М. И. Васильев, П. А. Лебедев, С. И. Мицкевич, И. В. Мгеладзе (Вардин), Г. Я. Фенигштейн (Долецкий), Е. В. Косолапов, М. В. Смидович-Милютина, Н. М. マрхова, С. К. Минина, Е. Н. Богданова, Э. Р. Петерсон, Е. К. Романенко, З. И. Лебедева, Н. Гончаров, В. Н. Соколов, П. Г. Жебров, В. П. Куликов, Ходакова, С. Я. Раппопорт, Р. Ю. Гульбис, Н. М. Кизичев, А. Ф. Павлов, О. Генкин и др.; из рабочих—С. Т. Ковылкин (столяр), К. И. Плаксин (слесарь), А. М. Золин (пом. машиниста), Т. К. Чугунов (Иванов), Я. Я. Мизеркевич (литейщик), П. И. Лалов (модельщик), И. Т. Егоров (мельничный рабочий), Я. Ф. Стыпнек (паяльщик), И. А. Галактионов (слесарь), Н. И. Беляков (столяр), Т. И. Бусыгин (пом. крупчатника), Г. И. Бибикин (котельщик), В. Ф. Букин (слесарь), Е. Е. Целовальников (столяр), М. К. Савельев (слесарь), А. М. Соловьев (слесарь), А. П. Чибряков (слесарь), В. Корнеева (портниха), А. М. Марциновский (столяр), М. И. Хрынин (портной), А. Агеев (слесарь), В. Бабушкин (слесарь), Ф. Т. Муравлев (слесарь), И. П. Ерасов (слесарь), И. С. Новиков (грузчик), К. К. Иост (рядо-

были связаны с вышеприведенными вопросами, провела ряд кампаний второстепенного, но для местной жизни значительного характера. К последним я отношу: 1) агитацию против пьяных погромов, 2) против «займа свободы», 3) по выборам в гор. думу, 4) за организацию проф. союзов и их об'единение и т. п. Наиболее интересными из них были кампании против займа и по выборам в думу. Обстановка, в которой протекала первая кампания, была крайне тягостной. Нас травили все партии, дело доходило до избиений наших агитаторов. Бывали моменты, когда целые части солдат, науськанные эсерами, готовы были не только разгромить наши партийные учреждения, но растащить штыками «проклятых большевиков» в клочья. Мы вели кампанию в крайне враждебной среде и под угрозой кровавой расправы. Однако смелость и настойчивость наших работников увенчались значительным успехом. Нас стали слушать даже солдаты, и несомненно, что «заем» в Саратове не собрал сколько-нибудь значительной суммы.

Кампания по выборам в городскую думу имела для нас важнейшее значение. Мы не надеялись иметь большинства, но взвесить свои силы и, в конечном счете, иметь в думе свою компактную группу, могущую от нашего имени вмешиваться в муниципальную политику, — мы решили самым определенным образом. Все, что только было живого, активного и мало-мальски способного к кампании, мы бросили в дело. П. А. Лебедеву был поручен труд по выработке проекта нашей муниципальной программы, что он

вой), В. А. Филатов (столяр), П. Т. Лосев (картузник), М. И. Дроздов (слесарь), П. А. Алексеев (слесарь), И. Н. Лебедев (масленщик), С. С. Кособоков (слесарь), Л. Коганович (кустарь-сапожник), Н. И. Поляков (металл.), Н. М. Кубраков (кровельщик), Я. С. Атряхин (чернораб.), Л. А. Писчик (жестян.), Ш. И. Вайнтруб (красильщица), П. Ф. Генералов-Прокофьев (рабочий), Г. Л. Кабазенин (пом. круп.), А. С. Куклина (присл.), А. А. Черненков (слесарь), Л. С. Яковлев (слесарь), Я. М. Карбмахер (кузнец), С. П. Абрамов (слесарь), А. Ф. Парре (слесарь), П. В. Калинин (столяр), К. С. Сергеев (металлист), В. С. Сергеев (металлист), Тренин, И. И. Мичурин и др.

В. П. Милютин работал до апрельской общепартийной конференции, а затем бывал краткодневными наездами. М. И. Васильев и др. работали беспрерывно, кроме Фенигштейна, который уехал из Саратова после июльской общегородской конференции. Мгеладзе работал до октября и сравнительно незадолго до октябрьских дней выехал в Питер. Из этого списка видно, что большинство активных работников, в особенности из рабочих, были выдвинуты местным ж.-д. пролетариатом. Недаром всегда жаловались на «засилье» железнодорожников.

с честью и выполнил. Вообще на нем, как местном «сторожиле» и знатоке городских дел, лежала вся тяжесть организационной стороны кампании. Некоторые руководящие товарищи (вопреки моему мнению) стояли за общий список с меньшевиками и даже эсерами. Мол, «против буржуазии выступит единый фронт социалистической демократии». Эта точка зрения большинством представителей районов, за исключением железнодорожного, была принята.

Начались дипломатические переговоры. Эсеры, конечно, отказались, ибо имели за собою широкие мещанские и солдатские массы. А меньшевики тянули, обещали, вели таинственные переговоры направо и налево; когда же настал крайний срок для заявок списков, об'явили, что они блокируются не с нами, а с эсерами. Мгеладзе смачно выругал и тех и других, и мы выступили на борьбу со своим чистым списком, в котором не было «свадебного генерала» — Керенского, не было купцов, торговцев и нескольких дюжин «лиц свободных профессий», но зато, за малым исключением, красовались фамилии потомственных почетных пролетариев, из которых каждая была близка не только партийным товарищам, но и той или другой группе беспартийных рабочих и солдат.

В день выборов 9 июля фигурировало восемь номеров списков: № 1 — трудовиков и нар. соц., возглавляемый Н. И. Семеновым, А. С. Чумаевским и С. В. Аникиным; № 2 — к.-д. — К. А. Токарским, А. А. Никоновым и В. И. Алмазовым; № 3 — союза домовладельцев — А. М. Масленниковым; № 4 — блока меньшевиков, Бунда и эсеров — А. Ф. Керенским, Д. К. Чертковым и Д. А. Топуридзе; № 5 — «Единство» — Н. М. Архангельским, А. И. Гидони и Б. Х. Медведевым; № 6 — блока трех еврейских социал. партий (Поалей-Цион, с. с. и е. с.) — И. Г. Бейлиным; № 7 — сионистов — М. Е. Бронштейном, и, наконец, наш № 8.

Игра шла азартная. Борясь между собою, партии в то же время шли единым фронтом против нас. Удар, нанесенный нам в разгар кампании, в виде провокаторской организации дела о шпионаже наших вождей, был встречен противниками хором самого пакостного злорадства. Однако мы не сдавались. Тогда были выпущены солдаты и артиллеристы, бессознательные агенты, главным образом эсеров, которые, подвинченные до фанатизма своими Нейминченками и Понтрягиными, врывались в избирательные собрания, вырубали № 8 из наших плакатов, избивали наших агитаторов, сеяли клевету, пущенную правительством; рвали у избирателей

конверты, когда видели, что те вкладывают восьмой номер, — одним словом, шло сплошное бесчинство против нашей партии. Несмотря на такое безобразие, против которого мы могли бороться, увы! только идейными средствами, результаты выборов выразились в следующем виде: 1) меньшевики, Бунд и эсеры — 36.476 голосов; 2) большевики—7.182; 3) кадеты—6.654; 4) народ. соц. — 2.417; 5) домовладельцы — 1.558; 6) «Единство» — 1.117; 7) сионисты — 1.148; 8) Поалей-Цион и др. — 280. Мы, стало быть, стояли по числу голосов на втором месте и получили 13 мест в гор. думе. Эти 13 мест заняли — Васильев, Лебедев, Ковылкин, Плаксин, Мицкевич, Золин, Милютин, Мизеркевич, Чугунов, Романенко, Мгеладзе, Лалов и я. Железнодорожники дали самое большое количество голосов нашей партии, один лишь 4-й район дал 1.002 голоса.

Наша попытка ввести в управу одного или двух членов не удалась. Я решительно был, между прочим, против вхождения в управу, так как наши были бы там пленниками, на которых большинство вешало бы всех собак в случае неудачи. Положительное же значение — иметь своих информаторов слишком, по-моему, было дешевым. Противники наши оказались менее дальновидными, и, вначале обещав провести П. А. Лебедева, заменили его С. И. Мицкевичем, а при голосовании провалили и того и другого. Как бы там ни было, а мы достигли основного — учли групповые силы и вошли в думу достаточно сильной кучкой, от которой, при получившемся соотношении, моментами мог зависеть исход голосования по тому или другому вопросу, плюс новая трибуна, с которой мы могли популяризировать свои взгляды, используя все ошибки наших противников в муниципальном деле. Председателем думы был избран меньшевик Д. К. Чертков, городским головою — эсер Мукосеев.

5. НАША РАБОТА В СОВЕТЕ

Благодаря доминирующему положению железнодорожный район стал влиять и на общегородской комитет и на советскую нашу фракцию: куда ни сунешься — везде найдешь представителей железнодорожного района. Он буквально выпер меня сначала в общегородской комитет, а затем в Совет Депутатов. В процессе работы это произошло для меня как-то незаметно. Однажды я увидел себя одним из руководителей комитета и членом прези-

диума исполкома Совета. Здесь я стал присматриваться к организации Совета и его внутренней работе. Еще до моего приезда Совет Рабочих Депутатов слился с Военным Комитетом, несмотря на значительное сопротивление офицерства. Таким образом, образовался Совет Рабочих и Солдатских Депутатов с двумя секциями — военной и рабочей; обе секции имели президиумы, об'единяемые президиумом исполкома Совета. В политическом отношении Совет, по крайней мере первого созыва, представлял недифференцированную массу, настроенную крайне революционно по отношению к царизму, но в то же время пропитанную чувством революционного оборончества. Лишь со второго созыва [1]) началась дифференциация по партийности, в результате чего образовались фракции: большевиков-интернационалистов, 2) меньшевиков с подфракцией меньшевиков-интернационалистов, 3) социалистов-революционеров, 4) бундовцев, 5) поалей-ционистов, 6) «Единства», 7) трудовиков и, наконец, 8) — группа беспартийных, куда входили представители разного типа, начиная от черносотенцев, кадетов и кончая просто политически неоформившимися людьми. Кроме того, в военной секции, по инициативе эсеров, со второго созыва стала функционировать специфическая фракция под названием «Гарнизонного Совета Крестьянских Депутатов».

По мере врастания Совета в местную жизнь и врастания местной революционной жизни в Совет, при нем стали возникать отделы и комиссии: отдел труда с двумя комиссиями — санитарно-гигиенической и статистической; первая занималась обследованием предприятий с санитарно-гигиенической точки зрения, так сказать, зародыш инспекции труда, а вторая разрабатывала материалы о жизни и деятельности предприятий и профсоюзов [2]); отдел контроля и снабжения, который ведал снабжением сырьем, рабочей силой предприятий и борьбой с стремлением предпринимателей к закрытию предприятий; кроме того, были: конфликтная комиссия, финансовая и отдел продовольствия, коллектив секретарей профсоюзов и бюро фабзавкомов. Эти комиссии выполняли фукнции Совета профсоюзов. Агитационно-пропагандистская комиссия существовала на случай кампаний, проводимых от имени Совета. Что касается военной секции и ее президиума, то и она

---

[1]) В Совет второго призыва мы шли с особым наказом.

[2]) В особенности была важна работа по организации фабрично-заводских комитетов.

имела ряд отделов, начиная с транспортного и кончая отделом по охране складов оружия. Под ее началом находился начальник гарнизона. При президиуме секции происходили совещания полковых командиров [1]).

П. А. Лебедев в своих воспоминаниях говорит, что «мы были (в Совете) очень заняты, но чувствовалось, что вся эта работа какая-то никчемная». Это верно, но относится не ко всему февральскому периоду. Нужно говорить о Совете до корниловщины и после корниловщины. Первый период, по преимуществу агитационно-пропагандистский и элементарно-организационный, так сказать, накапливающий количественные изменения, требовал от нас колоссальной энергии, и того чувства, о котором Лебедев говорит, у нас не могло появиться. Каждое наше выступление в Совете или его органах имело внутреннюю необходимость и ощущалось как целесообразное. Иное дело после корниловщины, когда подходил к концу агитационный период, когда количество стало ускоренным темпом переходить в качество, когда масса была достаточно подготовлена, а Корнилов ее еще больше наэлектризировал,—тогда вся работа, катившаяся по меньшевистско-эсеровскому каналу, потеряла смысл, стала действительно какой-то «никчемной». На заседании исполкома мы до неприличия зевали от скуки: мелка и пуста была эсеро-меньшевистская «говорильня». Но, с другой стороны, мы натягивались, как стальные струны, как только представлялась возможность, хотя бы случайно, прорвать их плотину и сделать конкретный шаг в сторону об'ективного хода событий. А с сентября, когда был избран большевистский Совет, работа приняла с нашей стороны снова лихорадочно-боевой темп. С этого же момента стали обостряться всякие личные отношения, ибо тем и другим стало ясно, что надвигается грозный кризис. Несколько слов о личных отноше-

---

1) Крупную роль в президиуме играли: эсер Диденко, украинский эсер, артиллерийский офицер Неймиченко, эсер-максималист, офицер арт. Понтрягин, н.-с. доктор Максимович, эсер, солдат Зайцев (держал связь с эсеровским центром в Питере), большевик В. Н. Соколов—прапор. 3-го пулеметн. зап. полка, большевик П. Г. Жебров—прапорщик того же полка, большевик В. П. Куликов—рядовой, больш. Осипов и др. При исполкоме Совета была также коллегия, которая редактировала «Известия Сарат. Совета Раб. и Солд. Деп.». Сперва в этой газете руководящее положение занимали наши Милютин и Васильев, потом—меньшевики Майзель и Чертков, после них—Майзель и, кажется, А. А. Минин (эсер), перед октябрем—левый эсер, почти большевик, Струин.

ниях. Они складывались у разных товарищей по-различному, в зависимости от длительности связей, темперамента, большевистской устойчивости и т. п. У некоторых товарищей они были товарищески дружные к нашим противникам. Пока шла политическая дискуссия, они — противники, иногда враги; кончится дискуссия — хорошие приятели. И лишь к октябрю эти отношения испортились. У М. И. Васильева, в силу его прямолинейности и ядовитого полемического сарказма, которым он колотил по противникам без «зазрения совести», таких дружеских отношений сложиться не могло. Меньшевики и эсеры его прямо ненавидели. Когда председатель об'являл: слово принадлежит тов. Васильеву, в Совете начиналось движение: это меньшевики и эсеры готовились к очередному скандалу. Они не выдерживали саркастических батогов Михаила.

Все наши противники представляли тип, штампованный тип романтиков, политических Маниловых, эмоционалистов в высшей степени. Фразы о том, что мы все — социал-демократы, что мы совместно боролись, сидели в тюрьмах, гибли «в каторге и тундре», производили на них слезоточивое впечатление. Во имя этого и под влиянием этого они отклонялись от директив своих центров в нашу пользу. Вследствие же этого в моменты грозной, почти физической опасности (восстание Корнилова, поход Каледина) они вдруг начинали прижиматься к нам и снова путали карты своих центров. Кое-кто из эсеров был более устойчивым. Некоторые были настоящими «кряжами». Таков, напр., А. А. Минин, «абсолютно» не гибкий, мужиковатой складки, упорный до жестокости парень. По-моему, он представлял тип, вышедший из тех членов партии эсеров, которые в просторечии называются «крепкими мужиками».

Помню, как однажды и я обидел их самые «святые чувства». Дело было на заседании городской думы. По какому-то поводу развернулись прения о задачах революции. После ряда речей, в которых они нас упрекали за попытку разжечь «братоубийственную гражданскую войну», за «внесение раскола в ряды социализма», я ответил им пространным словом, которое закончил приблизительно так: «не мы, а вы своей политикой ввергаете страну в гражданскую войну. Вы своим подхалимством перед буржуазией раскололи демократию и ряды социализма. Настанет момент, когда рабочий класс выйдет из своих кварталов на грозную революцию. И это будет революция не прилизанная и приглаженная, вычитанная из книг, это будет революция, которая не станет

считаться ни с чем, а тем более с предателями социализма. Рукою за горло — коленом на грудь для победы революционного пролетариата». Последняя фраза, сказанная когда-то Лассалем, вызвала в наших противниках невероятный прилив обиды и бешенства. Целый месяц и печатно и устно они мне надоедали этой фразой. И, повидимому, она глубоко залегла в них, так как многие после этого стали заводить разговоры и с Васильевым, и с Лебедевым, и со мною о «печальных обстоятельствах будущего террора».

Я работал, как член бюро исполкома, в маленькой боковой комнатке губернаторского дома, где помещался исполком. Раз входит Майзель, садится напротив, некоторое время молчит, а потом как-то мягко и раздумчиво говорит: «Слушайте, тов. Антонов, скажите, неужели мы дойдем до казней друг друга?» — «Возможно», — не отрываясь от работы, буркнул я. — «Но ведь это ужасно, ужасно, подумать только, что вот ваша или моя голова покатится с эшафота!..» — «Ну, зачем же с эшафота, теперь проще — никкелевая пуля и — готово. Что это вы? Не с той ноги встали, что ли?» — «Нет... нет... я за последние дни не могу спать, сердце опять стало шалить. Слушайте, я считаю вас искренним человеком — скажите мне, ради бога, откуда у вас, большевиков, такая фанатическая, я бы сказал, маниакальная уверенность в правоте?» — «Не могу вам точно ответить — убеждены да и только. А когда убеждены, почему-то не умеем быть неуверенными. Вот и все. Люди пролетарской массы». — «Но ведь и я такой же пролетарий умственного труда, как и вы, почему же у меня этого нет?» — «Это ничего не значит. Играют роль социальное воспитание и работа в пролетарской среде. Ленин тоже интеллигент». — «Может быть, может быть... я что-то перестаю понимать и себя и других».

С Чертковым и Телегиным мы ехали на пароходе в качестве межпартийной комиссии для расследования царицынских событий. На пароходе, кроме разговоров, еды и «гонянья чая», делать нечего. Мы и засели пить чай. «Назревают крупнейшие события», — заметил Чертков. — «Да, повидимому, придется нам драться с товарищами-большевиками», — отозвался Телегин. — «А как же вы, Владимир Павлович, в случае, если победят «якобинцы», неужто отправите нас к праотцам?» — «А вы как, в случае, если победит «жиронда»? — спросил я Телегина. — «Наверное, не помилуем». — «Ну, так же и мы». — «Даже Александра (Минина) не пощадите?» — «Что значит «пощадите»? Если нам придется от вас

обороняться — конечно, не пощадим. Коль пошли сравнения, так я вам напомню, что Робеспьер не пощадил своего ближайшего друга Камилла Демулена... При чем тут личные отношения. Мы принадлежим не себе, а пролетариату». — «А я вас все-таки не казню», — задумчиво бросил Чертков. — «Покорно вас благодарю, только едва ли вы будете распоряжаться моей судьбой». — «Давайте-ка заключим соглашение, — улыбнулся Телегин, — в случае победы той или другой стороны не убивать друг друга». — «Ну вас, — отшутился я, — что это загодя торговать головами — сейчас видно эсера...»

Однако вернемся к Совету Р. и С. Д. Мне хочется отметить одну глубочайшую черту этого самого гибкого государственного механизма: органическую связь с рабочими и солдатскими (крестьянскими) массами. Не было, в буквальном смысле, ни одного вопроса, волновавшего массу, который бы не волновал и Совета. Даже тогда, когда политическое руководство в нем принадлежало партиям мелко-буржуазного социализма, он все же чуть ли не ежедневно толкался массами на такие действия, какие выходили за пределы политического credo руководителей. Проследить эту черту — дело специальной, весьма благодарной работы. Здесь я этого сделать вполне не могу, но все же приведу несколько характерных фактов.

В первый период после февральского переворота масса переживала «общенародный порыв». Еще не дифференцировавшаяся, не успевшая «восчувствовать свой обособленный интерес», масса инстинктивно протестовала против борьбы политических организаций. Беспартийный рядовик не мог переварить того обстоятельства, что вот два его приятеля, такие же рабочие, как и он, стоящие чуть ли не за одним станком, из-за партийных споров делаются врагами. «Никак не возможно, чтоб допустить это», — ворчали рядовики. Да и не они только одни говорили так: то же настроение просачивалось и в партийные низы всех массовых группировок. Еще в начале мая массовые собрания рабочих ж.-д. мастерских требовали об'единения всех большевистских и меньшевистских групп и даже избирали комиссии для исследования газет и самих комитетов — кто, мол, из них на деле стоит на «площадке Циммервальд-Кинталя». Эта стихия восходила в Совет и являлась той сдерживающей силой, которая не давала партийной борьбе принимать явно нездоровые формы. Если она и не привела к единству (которое об'ективно было бы вредно), то

позволила известное время более или менее нормально работать всем группировкам социализма. Это был период, так сказать, «благородной лойяльности».

Та же классовая и межклассовая иллюзия «единства» была у массы и по отношению к буржуазии и правительству. Участие в правительстве буржуазии и даже князей способствовало этому: «все ведь за одно, все против старого порядка», — возражал массовик на наши призывы. Но, однакоже, жить надо, а хозяйственная разруха, галопом скачущая дороговизна и своекорыстная «политика» местных предпринимателей ставила жизнь рабочего и его семьи в полуголодное положение. Началась классовая самоорганизация. Рабочие хлынули в профсоюзы, уже существующие, и стали создавать новые. Возникли «центральное бюро профсоюзов» вверху и фабрично-заводские комитеты внизу. Назревающие конфликты из-за заработной платы сперва пытались разрешать через «полюбовные соглашения», через примирительную камеру и т. п. Когда эти методы не привели к желаемым результатам, началась подготовка к более решительным действиям. Печатники, напр., стали заявлять: «отвергая умеренные требования рабочих, предприниматели вызывают нас на крайние меры». Правление профсоюза булочников грозит: «если в дальнейшем господа хозяева будут поступать подобным образом, то правление будет вынуждено принять следующие меры: устранить хозяев и взять ведение пекарен в свои руки, чтобы население не осталось без хлеба» (25 мая 1917 г.). Профсоюз «Игла» поддерживает забастовку и об'являет места бастующих под бойкотом. Рабочие трамвая требуют устранить бельгийскую администрацию. Мельничные рабочие, недовольные волокитой примирительной камеры, бастуют не один месяц. На собраниях принимаются резолюции и выбираются делегации с просьбами и требованиями к Совету Р. и С. Д. вмешаться в конфликт и «обуздать толстопузых». Медленно изменяется психика массы. Начинается осознание своих особых интересов и задач в революции, начинается дифференциация. Настроение «единства», обывательского прекраснодушного доверия к буржуазии переходит в свою противоположность — рост партийных влияний, рост нетерпимости и вражды как к местной буржуазии, так и отдаленному Вр. Правительству. Руководители Совета под напором масс вынуждены вмешиваться в конфликты, становиться на сторону рабочих против своих же политических партнеров, создавать регулирующие органы при Совете, делать внушения предпринима-

телям с применением ареста и привода, конфисковывать трамвай у бельгийцев, вводить рабочий контроль над хозяйничанием промышленников в их же предприятиях, организовывать производство на брошенных заводах и т. п. Это значило, что они своими же собственными руками «развязывали» опасное для них настроение масс и об'ективно работали в сторону нашей политики. Совет шел вровень с массой.

По той же линии классовых противоречий шло развитие отношения к войне. До свержения царизма, в особенности в последние два года перед революцией, масса была настроена пораженчески и принимала наше руководство, как само собою разумеющееся. После переворота она стала «революционно-оборонческой», а вместе с нею и Совет. Однако и в гарнизоне, состоящем в большинстве из крестьян губернии, под влиянием неурожая [1]), реквизиций, разорения хозяйства, отчаянной усталости, неудачного наступления и земельной политики как Вр. Правительства, так и его тупоголовых агентов на месте (губ. комиссар Топуридзе казачьими частями охранял имения помещиков в губернии), «революционное оборончество» стало выветриваться, а когда пошли слухи о том, что Каледин мобилизует казаков против Царицына и Саратова, когда эти слухи подтвердились и подкрепились восстанием ген. Корнилова, масса в несколько дней изжила свои прежние предрассудки. Какие настроения бродили в солдатской массе в течение этого процесса, можно видеть хотя бы из документов, помещенных в нашей газете «Социал-Демократ» [2]). Солдаты 15 роты 90 зап. полка пишут: «Наше правительство должно заставить союзников отказаться от захвата чужих земель, отка-

---

[1]) Министру Пешехонову Губ. Зем. Управа отправила телеграмму: «Хлеба в Сарат. губ. в след. состоянии: озимая рожь в уездах: Аткарском, Вольском, Саратовском, Сердобском — ниже среднего, в Петровском и Хвалынском—плохая, в Царицынском—средняя. Во всех уездах с яровым плохо»,

[2]) Характерным для настроения масс было следующее стихотворение, помещенное в № 30 «С.-Д.»:

Доколе ж, братья, мы, точно звери, штыками будем колоть друг друга?
Доколе будут штыки и пули идею братства от сердца гнать?
Ведь три уж года, три долгих года мы проливаем бесцельно кровь,
Разя друг друга, мы позабыли, что мир прекрасен, что мир для всех,
Во имя чуждых захватных целей, милльоны братьев приняли смерть.
Милльоны женщин, им жизнь открывших, скорбят глубокой тоской души.
Войне проклятье! Проклятье Року, слепому Року проклятье шлем!
Мы так устали! Так истомились по светлой правде, по светлым дням

зaться от денежных вознаграждений. Мы в настоящее время хотим улучшить свое положение; с этой целью мы пред'являем различные требования, а нам отвечают, что наши требования сейчас это — бунт, анархия и т. п., что мы должны ждать созыва Учр. Собрания. Нас стыдят бездействием в окопах, нас гонят в наступление. Кому-то нужно, чтобы мы проливали братскую кровь... но все равно мы не можем, не будем верить сладким и ласковым обещаниям. Нам пишут из дома, что приезжают и отбирают у нас хлеб и скот, вовсе не дожидаясь Учр. Собрания. Если это необходимо для устранения разрухи, то мы требуем немедленной конфискации военной сверхприбыли, перехода земли в руки крестьян без выкупа. Если у бедного мужичка можно брать все: и хлеб, и последнюю корову, и всю жизнь, то у буржуазии можно взять народные деньги и народную землю... Мы не хотим больше кровью рабочих и крестьян способствовать обогащению капиталистов». Из 94 полка письмо гласило: «Мы захлебываемся в своей крови, а если хотите довести войну до победного конца, как это кричат те, которым война дает лишний миллион, так я предлагаю лично стать в защиту своей «родины», а не вести эту бойню на плечах тех, кто уже от этой войны изнемог... Отсрочки следовало бы пересмотреть и господ капиталистов и купцов отправить на фронт». А вот выдержка из резолюции 90 и 91 пехотных зап. полков от 14 июня: «По обсуждении вопроса о получении телеграммы об отправке из Саратовского гарнизона в полном составе—считать недопустимым, ибо это ослабит организацию тыла, а потому собрание пришло к единогласному заключению, что отправка для пополнения действующей армии должна продолжаться только обученными готовыми маршевыми ротами, и мы требуем, чтобы немедленно была взята вся буржуазия, помещики, ювелиры, содержатели дорогих гостиниц и ресторанов и все господа, окопавшиеся в тылу». Под влиянием этих резолюций, подтверждаемых недвусмысленной угрозой штыком, правящие партии Совета создавали комиссии по от-

---

Прозрев на солнце, мы жаждем мира. Кто не согласен—тот против нас.
Долой тиранов! Долой все троны! Довольно рабских цепей и слов.
Ведь мы так сильны, так грозно сильны. Лишь пожелаем—и все падет!
Все то, что ныне в руках немногих, все станет нашим и никого!
О, брат идейный, борьбы товарищ! Возьмем знамена и кинем клич:
Довольно злобы! Довольно крови! Довольно стонов! Довольно слез!
Всех истомленных безумной бойней зовем к знаменам, зовем к борьбе!
К борьбе за братский и справедливый, для всех желанный и скорый мир!

В. Сорокин.

срочкам, комиссию по очистке заводов и учреждений от окопавшихся, посылали от своего имени делегации к военному министру, поддакивая солдатам, пытаясь так формулировать свои резолюции, чтобы они имели хоть относительно оборонческий вид. Но, в конце концов, и это литературное лицемерие им переставало удаваться, и Совет стал на нашу точку зрения.

Величайшая гнусность, которую задумало правительство, — обвинить нашу партию «в шпионаже», — не имела в Саратове особенно грозных последствий, ибо для местной жизни правительство опоздало с своим ходом: масса уже не доверяла правительству, и хотя в первые дни была в колебании, но вскоре пережила эти колебания и отвергла клеветнические обвинения против нас (это, конечно, не относится к обывателю). Попытка местных правящих в Совете групп, в особенности эсеров, использовать клевету в широком масштабе, т.-е. совершить над нами политическое убийство, не удалась. Под влиянием массового настроения Исп. Ком. Совета принял резолюцию, которая в интересующей нас части гласила: «Исполнительный Комитет протестует против той клеветнической кампании, которая поднята буржуазной печатью против большевиков». Лишь эсеровские лидеры (всего 6 чел.) воздержались от голосования. Еще более всколыхнула массы корниловщина — не только рабочие, но и солдаты инстинктивно почувствовали опасность положения и выступили с требованиями передачи власти Советам и организации беспощадной борьбы с контр-революцией. Войска, очень неохотно оставлявшие Саратов не только для фронта, но и для целей местной перегруппировки, с величайшей охотой предоставляли свою вооруженную силу в распоряжение Совета. Состоялся даже ряд вооруженных демонстраций и митингов, на которых слушали главным образом наших ораторов. Совет тотчас же выделил боевое руководящее ядро — прообраз ревкома — Исполнительное Бюро Исполнительного Комитета. Это бюро представляло диктаторскую тройку с поочередным председательством, в составе одного большевика, одного меньшевика и одного эсера. В самой тактике меньшевиков, да отчасти и эсеров, произошло временное изменение по линии настроения массы и некоторого «прижимания» к нам.

Еще до самого восстания Корнилова «корниловщина», в лице казачьего генерала Каледина, стала показывать нам зубы. Каледин об'езжал Донскую область и проводил секретную мобилизацию казаков в конце июня; собрав силы, он должен был ударить

на Царицын и Саратов, обезопасить тем самым себе тыл и двинуться затем на захват Москвы и в помощь Корнилову. Этот план нам сообщили начальник царицынского гарнизона тов. Федотов (по партийности левый эсер, а фактически большевик) и Сергей Минин. Известия эти они получили от большевиков-казаков близлежащих от Царицына станиц и казачьего полковника Голубова, который отчаянно боролся с Калединым на войсковом кругу. Так как Царицын не имел достаточных сил, он запросил от нас. На заседании Исполкома, по нашей инициативе, единогласно было решено отправить в Царицын боевую силу, скомбинировав ее из всех родов оружия, а главное—пехоты, пулеметчиков и артиллеристов. Реквизировав на время несколько пароходов и погрузив отряд, кажется, тысяч до пяти, Исполком выделил в качестве военных комиссаров меня и В. Н. Соколова от большевиков, Павлова и Майзеля—от меньшевиков, М. Диденко, Покровского, Понтрягина и Неймиченко—от эсеров. Солдаты были настроены прекрасно. Наше войско пробыло в Царицыне около месяца и возвратилось обратно. Его присутствие и слух о нем, быстро разнесшийся по станицам, помешали Каледину в этот раз сколотить казачью рать. Он сам чуть-чуть не был схвачен: ускакал на лихом коне. Однако нашими были захвачены: автомобиль Каледина, вооруженный пулеметами, его ад'ютанты и... мобилизационная карта с различными пометками, приказами и воззваниями. Из этой карты и официальной переписки выяснились все планы Каледина, и материал этот был переслан в Президиум ЦИК'а и, кажется, в нашу фракцию. Что с этим материалом сталось, мы так и не узнали. Совет оказался на известной высоте положения и не разошелся с настроениями масс.

Конечно, среди правящих партийных организаций этой эпохи было много колебаний, иногда они пытались тащить Совет назад, задерживать темп его развития влево, но Совет, подчиненный массе, связанный с нею органически, толкал своих вожаков, и они, пока надеялись сохранить свое влияние, хоть и упирались, но часто шли на уступки. Мы же использовали и их упорство и их уступки, делая и то и другое опорными пунктами в дальнейшей борьбе за раскрепощение массы от мелко-буржуазных иллюзий и за сохранение между Советом и массой их великой связи. Лишь тогда, когда организации и вожди мелко-буржуазного социализма убедились, что им не удержать власти над массой и Советом, когда они стали искать для себя новые опорные слои

в городском мещанстве, тогда их попытки разрушить связь масс с Советом имели некоторую опасность. Но в этот момент мы уже были почти безраздельными руководителями масс и легко смогли парализовать все враждебные попытки. Совет третьего созыва был большевистским в большинстве.

Единственный вопрос, и притом вопрос колоссальной важности, — земельный не находил себе достаточно широкого отклика в Совете. Конечно, в «текущих моментах» его касались все группировки, но я не помню, чтобы ему были посвящены специальные заседания или выносились бы самостоятельные резолюции. Эсеры, повидимому, вполне сознательно, отгородив от Совета крестьянство в виде особого Исп. Комитета Крест. Депутатов, уклонялись ставить земельный вопрос на пленумах Совета. Меньшевики и мы, как партийные организации по преимуществу горожан, были больше заняты рабочими и солдатами, находящимися в городе, чем крестьянами губернии. Мы выступали только тогда перед крестьянской аудиторией, когда она нас требовала сама или когда ее, как, например, крестьянские с'езды, организовывали другие. Главной же нашей крестьянской аудиторией был местный гарнизон. Над ним мы работали много и энергично. Здесь же происходили главные бои по земельному вопросу между нами и нашими противниками. Мужички на с'ездах и в солдатских шинелях сперва нас здорово освистывали. Михаил (Васильев), обозленный шумом и свистом на первом крестьянском с'езде, бросил им пророческую фразу: «свистите, свистите, придет время — аплодировать будете». Мне попадало на солдатских митингах. Но по мере затягивания разрешения земельных отношений, по мере усиления наглости помещиков, которые под охраной казаков творили всякие безобразия над крестьянами (вплоть до порки за потраву), по мере увеличивающихся репрессий против волостных комитетов (сотни их председателей были посажены в тюрьмы губернии), наконец, по мере выяснения неурожая на крестьянских землях и урожая на помещичьих, — мужик стал терять доверие к эсерам и все больше прислушиваться к нам. Распропагандированные нами солдаты, уходя домой из тающего гарнизона, разносили «большевистскую бациллу» и в земельном вопросе. В ряде уездов (Аткарском, Сердобском, Кузнецком и Петровском) вспыхивали отдельные бунты, запылали помещичьи усадьбы. Крестьянство начало бороться с политикой соглашателей и правительства старым испытанным методом.

В некоторых местах происходили форменные сражения между крестьянами и казачьей охраной. Начиналось крестьянское восстание в губернии, где всегда, так сказать, испокон веков, авторитет эсеров был непререкаемым. Лишь тогда эсеры заволновались и почти накануне октября предложили создать при Исполкоме земельную комиссию, которая бы разработала от имени Совета и советских партий «обязательное постановление, облегчающее переход земли во временное пользование крестьян до решения Учредительного Собрания». Но было уже поздно. Комиссия не успела ничего выработать, когда разразились октябрьские события. Мы использовали крестьянские требования и изданием местного закона о передаче крестьянам помещичьей земли выбили всякую почву у эсеров и разрушили ту организационную преграду, какую они воздвигли, от'единив исполком рабочий от исполкома крестьянского. Кажется, они все-таки выпустили задним числом такое обязательное постановление, — это было лишь жестом отчаяния промотавших свой старый капитал политиков. В силу об'ективных обстоятельств мы не были наказаны за слабую работу среди крестьянства. Стихия нас вывезла. Октябрь заставил нас пристальнее следить за процессами, происходящими в крестьянской толще, и с этого момента мы уже не делали прошлой ошибки, а, наоборот, развили и в советском и партийном порядке крупнейшую работу.

Влияние Саратовского Совета Р. и С. Д. не замыкалось в узкие рамки Саратова. Через какие-нибудь два-три месяца Совет вызвал к жизни областную организацию Советов — областное бюро, а затем было создано губернское бюро. Правда, обе эти организации в описываемый период носили характер не сильных руководящих центров, а скорее информационных и согласительных бюро. Наши подшучивали над этими бюро, называя их «бюро справок о давно потерянных родственниках». Но как бы там ни было, эти первичные организационные попытки давали указание на жизненную гибкость Советов и на их внутреннюю тенденцию к организации упорядоченной и централизованной власти. Власть Советов нарастала и в сознании масс и во внутренней своей структуре даже еще при эсеро-меньшевистском засилии. Поэтому, когда мы об'явили Советы единственной государственной властью, широкие пролетарские и крестьянские массы приняли это как само собою разумеющееся дело. Плод созрел.

6. ТРАВЛЯ КРАСНОГО ЦАРИЦЫНА

В промежутке между июльскими днями и интригой Керенского с Корниловым реакция наглела с каждым днем. В этот-то период и началась травля нашего Царицына, где Совет мирным путем стал большевистским, где дума имела подавляющее большинство членов-большевиков (городским головой был избран С. К. Минин) и где, наконец, находились революционные части (145 пех. полк и др.), готовые отстаивать Совет от всяких покушений правительства, казаков и своего казанского военного начальства. Особенно красный Царицын мешал планам «корниловцев». Первое нападение было произведено еще в июле, когда, как по уговору, в «Речи», «Русском Слове», «Новом Времени» и др. органах буржуазной прессы стали появляться статьи и телеграммы о том, что в Царицыне «независимая республика», что там анархия, грабежи, убийства, солдатский террор и тому подобное. ЦИК и Керенский потребовали от Саратовского Исполкома снарядить чрезвычайную комиссию, расследовать дело и покарать виновных.

Исполком избрал комиссию, при чем удалось добиться включения в нее большевиков в том же количестве, в каком посылали и другие партии. От нас вошли — я и В. П. Куликов, от меньшевиков — Д. И. Чертков, В. Х. Павлов, от эсеров поехал один М. Телегин. Снабженные разными «страшными» полномочиями, мы выехали в Царицын. Здесь после длительных обследований и форменных допросов мы, конечно, установили всю вздорность и клевету буржуазных писак. Мои партнеры были обескуражены. Они думали, что им удастся подвести большевиков, вынести им осуждение и, может быть, инсценировать дело в «российском масштабе». «Вот, мол, к чему приводит власть большевиков. Смотрите и берегитесь повторять царицынский опыт». Они пытались придираться к мелочам, но тактичная парировка местной большевистской организации во главе с С. К. Мининым не дала им в руки козырей даже по мелочам. В результате было написано обращение «к демократии России», подписанное делегацией, председателями комитетов «социалистических партий» и председателем местного Совета Депутатов [1]). На мою долю выпала самая трудная роль: мне нужно было, с одной стороны,

---

[1]) См. приложение № 2 (ко II части).

добиться уступок со стороны делегатов Саратовской комиссии, а с другой — побудить на некоторые уступки, хотя бы чисто словесного типа, Минина и местную, очень по-боевому настроенную, организацию. Они о «соглашении» вначале и слышать не хотели. Редактор местной газеты «Борьба», экзальтированный тов. Сергеев, готов был скорее на организацию «форта Шаброля», чем на «компромиссы». Сергей Минин, несмотря на свой ум и значительную выдержку, сперва тоже поддался чувству, и только после переговоров он неуверенно склонился к моим доводам и прежде всего к тому, что не следует форсировать события и позволить уничтожить нашу силу в Царицыне без пользы для общего большевистского наступления.

Межпартийная атмосфера в Царицыне была действительно накалена до-нельзя: местные меньшевики во главе с неразбирающимся в средствах Дмитрием Полуяном [1]) и эсеры с И. Котовым [2]) травили наших самым отвратительным образом. Если бы широкие трудовые массы и солдаты не были за нас, несомненно, травля кончилась бы кровавой расправой с нами. От'езд нам устроили торжественный, с митингами, военным караулом и музыкой. Как сейчас помню эффектную картину общенародного митинга на площади близ здания Совета. Для ораторов стояла опрокинутая дном бочка — трибуна. Вокруг — тысячная толпа рабочих и солдат с развевающимися знаменами. Сергей поднимается на бочку и, вынув из кармана красную ленту, машет ею три раза: воцаряется глубокая тишина. Митинг открывается. Каждый из нас приносит привет от Совета и своей партийной организации и говорит подобающую случаю речь. Мои меньшевики и эсеры, склонные к эффектам, млеют, и в них разливается стихия примирения и добродушия. В «душе» я иронизирую над ними, но и сам не могу отделаться от навеянного массовым выступлением настроения. На этот раз наше дело в Царицыне было спасено,—однако не надолго. Мне думается, что и после нашего обращения к демократии и после докладов в Саратовском Исполкоме и Президиуме ЦИК, рисующих царицынскую обстановку в положительном смысле, кто-то еще сделал другой доклад Керенскому, обратного характера.

Вскоре после июльских событий, по приказу Керенского, в Царицын для усмирения «бунтующих солдат» была отправлена

---

[1]) Ныне коммунист.

[2]) Расстрелян за участие в белогвардейском восстании в Царицыне.

саратовская школа прапорщиков под руководством ее начальника, умнейшего контр-революционера, полковника Корвин-Круковского[1]). Ему давались диктаторские полномочия в деле ликвидации «деморализованного царицынского гарнизона, а равно лиц и организаций, способствовавших означенной деморализации». Для нас было ясно, что правительство решило разделаться с нашей царицынской организацией. Саратовские меньшевики и эсеры, повидимому, тоже согласились с этим намерением «центра», ибо на все наши требования послать с Круковским комиссарскую комиссию они ответили отказом. После бурного заседания в Исполкоме, который не принял нашего предложения, мы решили предупредить царицынцев о грозящем им разгроме. В тот же день, по полномочию комитета, я выехал в Царицын. Мой доклад в местной организации вызвал сильнейшее возмущение. Принимались и перерешались решения одно другого утопичнее. Большинство хотело поднять восстание и принять Корвин-Круковского боем. Я предлагал не увлекаться, иметь в виду общие задачи нашего движения, быть тактичными и за время пребывания отряда не давать повода для провокации; на всякий случай подготовить нелегальный аппарат, а руководителю организации, на которого прежде всего падет вся тяжесть репрессии, временно выехать из города. Благовидный предлог для этого имелся — Сергей, как городской голова, должен был ехать на с'езд. Долго длились прения, наконец, комитет согласился и обязал Сергея выехать из Царицына на с'езд. С тяжелым чувством подчинился Сергей — он страдал, что оставляет в тяжелую минуту организацию и солдат. Он просил комитет перерешить вопрос, но комитет твердо стоял на своем постановлении и отклонил его просьбу. Я торопил с выездом, так как с часу на час должен был приехать отряд. Мы выехали из Царицына 24 июля. Через несколько часов пути наш пароход повстречался с пароходом, на котором ехал Корвин-Круковский.

Прибыв в Царицын, поставив у занятой им гостиницы пулеметы и расселив школу, он первым долгом решил арестовать Минина. Ему, конечно, донесли, что Минин выехал пароходом на с'езд. Он дал приказ захватить Минина. Поэтому, когда мы под'ехали к Камышину, нас местные власти в лице нач. гарнизона, полковника Бантыша арестовали и препроводили на гаупт-

---

[1]) Впоследствии был у Деникина начальником укрепленного района Екатеринодара.

вахту. При аресте публика первого класса, состоявшая из офицерства, злорадно хохотала и требовала немедленной расправы с нами. На гауптвахту мы пришли, окруженные ругающейся и плюющейся базарной толпой. Мы негодовали на арест, заставили составить протокол об аресте, послали ряд телеграмм в Саратовский Совет, Президиум Петроградского Совета и Президиум ЦИК, а прапорщика, довольно скромного и конфузливого парня, который производил обыск, я довел почти до слез упреками и насмешками. Сергей лежал на нарах спокойно, я шумел, скандалил, требовал полковника Бантыша и председателя местного Совета меньшевика Фаддеева. На следующий день нас вызвали в Совет, где его председатель извинился за незаконный арест «полномочных представителей революционной демократии» и предоставил нам свободу. Я потребовал письменного удовлетворения, которое и было дано. «Из одной берлоги вырвались, — смеялся я Сергею. — Скорее бы добраться до Саратова». Мои опасения не были напрасными. Только наш пароход подошел к селу Золотому, как вошли местные сельские власти и пред'явили ордер-телеграмму Корвина-Круковского об аресте Минина. Нас снова «замели», посадив в здание волостного правления и приставив здоровенных мужиков в качестве охраны. Вскоре помещение наполнилось селянами, с которыми мы пробеседовали почти всю ночь. Сперва они относились к нам враждебно, а к концу уже были нашими полными сторонниками, и только рабский страх перед военным начальством удерживал их от освобождения. На утро нас раз'единили: меня посадили на пароход, идущий в Саратов, и при отходе об'явили: «вы свободны», а Сергея отправили в Царицын и посадили в тюрьму.

Корвин-Круковский, как мы и ожидали, разошелся во-всю: закрыл «Борьбу», арестовал еще несколько человек, загнал комитет почти в подполье и создал такую обстановку, что запахло кровью. Местные солдаты начали готовиться к восстанию. Были слухи, что Корвин вошел в переговоры с Калединым. Президиум военной секции в лице эсера Диденко и других, узнав о моем аресте в Золотом, помчался нас выручать на автомобиле, но запоздал. Я приехал в Саратов в самом злобном настроении. После бурного доклада в Исполкоме эсеро-меньшевистское большинство решило отправить снова комиссию, но уже для расследования деятельности Корвина. С нашей стороны поехал Илларион (Мгеладзе). Комиссия, убедившись в провокационной деятельности ретивого полковника, телеграфно потребовала его ото-

звания, но он вдруг заболел и некоторое время продолжал сидеть в Царицыне. Наконец, отряд был снова возвращен в Саратов и местная жизнь снова вошла в колею.

Однако дело, начатое Корвином против большевистской организации и С. К. Минина, было слишком лакомым куском, чтобы прокуроры с ним быстро расстались. Мы могли добиться лишь того, чтобы Сергея перевели в саратовскую тюрьму, откуда он вскоре и был освобожден солдатами 145 полка, переброшенными к нам из Царицына. Это освобождение (29 августа 1917 г.), между прочим, произведенное при непосредственном участии членов президиума военной секции эсеров Диденко и Понтрягина, возмутило «гражданских» меньшевиков и эсеров. Они потребовали от нас того, чтобы С. К. Минин снова вернулся в тюрьму. Они клялись, что прокурор тотчас же его выпустит. Некоторые из наших поверили клятвам и убеждали Сергея «добровольно вернуться». Наше большинство понимало, что противники хотят главным образом морально ударить солдатскую массу и осудить при помощи нас «самочинное выступление»; поэтому мы, во-первых, отказались давать такие советы и, во-вторых, выпустили Сергея на ближайшее заседание пленума Совета. Эффект был прекрасный, и удар моральный получился не по массе, а по лукавым эсеро-меньшевистским руководителям: Совет встретил Минина бурными аплодисментами и санкционировал его освобождение. Вскоре при посредстве Васильева, Лебедева, Мицкевича и меня дело Минина было прекращено прокурором за «недостатком улик». Так закончилась первая попытка Керенского разгромить одну из сильнейших наших организаций в губернии.

Вторая попытка была сделана им же незадолго до октябрьского восстания. Совет 3-го созыва 16 октября принял по вопросу об отношении к правительству предложенную мною резолюцию. В ней вся деятельность правительства характеризовалась как контр-революционная и решительно заявлялось, что Совет не будет подчиняться правительству. На эту резолюцию Керенский ответил угрозой — прислать карательную часть. Эта телеграмма подлила масла в огонь. Начались на фабриках, заводах и в войсковых частях митинги, на которых выносились протесты, требования вооруженного отпора и сосредоточения всей власти в руках Совета. Наконец, собрался вооруженный митинг всего гарнизона, на котором при общем воодушевлении был дан ответ Керенскому в том смысле, что на присылку карательных частей

местный гарнизон ответит пулеметным и артиллерийским обстрелом. Грозный жест Керенского, не подкрепленный силой, не только повис в воздухе, но еще сильнее об'единил рабочую и солдатскую массу с нашим Советом. Эсеры после этого ушли из Исполкома и Совета, меньшевики — из Исполкома. Совет и масса ждали сигнала влиться в общий поток завоевания власти. Пролог был сыгран — начиналась драма.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В САРАТОВЕ (ПЕРВЫЕ ДВА МЕСЯЦА)

1. КАНУН ОКТЯБРЯ

Февральская революция, давшая партиям мелко-буржуазного социализма главенствующее влияние над широкими массами рабочих и крестьян, не смогла разрешить ни одной задачи, поставленной ей историей, и удовлетворить трудовые массы. Солдаты, жаждавшие возвращения по домам и скорейшего выполнения обещанных «решительных шагов к миру», увидели кровавое июньское наступление, явно предательское по своим побудительным мотивам, почувствовали глубочайшую обиду за ту нагло-клеветническую кампанию, которую поднял против них «окопавшийся» буржуазный тыл. Крестьяне, ждавшие в течение восьми месяцев «законного» разрешения вопроса о помещичьей земле и дождавшиеся лишь казацких плетей и тюрьмы, стали терять терпение и применять старый способ всех крестьянских восстаний — разгром и поджог помещичьих усадеб [1]); наконец, рабочий класс — застрельщик революции — стал убеждаться на жестоком опыте, что вместо облегчения, вместо экономической свободы он попадает еще в бо́льшую кабалу, в еще бо́льшую удавную петлю буржуазной

---

[1]) Из двухнедельного отчета командующего вооруженными силами Саратовской губ. (к сожалению, сохранившегося лишь в отрывке) видно, что лишь за период 7—21 октября 1917 года по губернии подверглись разрушению (в большей или меньшей степени) до 50 имений, а именно: по Балашовскому у. (нехватает в отчете нескольких страниц)—имения: Суровцовой, Александра Паш, Раевских, Давыдовой, Тимофеева, отрубщиков Инясовского, Романовского обществ; по Вольскому—имения: Ружичко, Розенверт, Зоркина, Заборской, Орлова-Денисова, Шуваловой, «Заветное», отрубщиков по Алаю; по Камышенскому — отрубщиков села Рассош; по Кузнецкому—имение Баищева; по Петровскому—имения: Устиновой, Васильчикова, Гагариных, Худобина, Юматова, хутор Ободима; по Саратовскому — имения А. Л. Киндякова, Исеева, М. Л. Киндякова, Э. И. Борель; по Сердобскому—имения: Арбеневой, Лавринович, Разченко, Найденовой, Алферовой, Бажанова, Похвиснева, Ладыженского, Логвиновой, Щербины, Куприянова, Макарова, Сорокиных; по Хвалынскому—имения: Савицкой, Узбекова и т. д.

эксплоатации. Августовское восстание Корнилова и Каледина еще больше подлило масла в огонь революционного недовольства, еще больше обострило инстинкт самосохранения масс. Пропасть между рабочими и буржуа, пропасть, которую пытались засыпать мешками крикливых слов и кулями добрых пожеланий мелко-буржуазные свахи, разверзалась все глубже и грознее. Политика коалиции банкротилась не по дням, а по часам; вместе с нею также быстрым

(Оторваны сведения о Царицынском, Аткарском, частью Балашовском, Николаевском, Новоузенском, Покровском уездах.)

Вот несколько характерных образчиков из этого отчета: 1) «Имение Раевских. В ночь на 15 октября мною получена от управляющего имением Раевских телеграмма о том, что крестьяне Росташевской и Львовской волостей грабят, жгут корма, рубят и расхищают лес и плодовый питомник, забирают продукты из имения с пятью хуторами. Об этом немедленно же телеграфировал уездному комиссару, предложив ему принять экстренные меры к охране личной и имущественной безопасности, к безусловному прекращению всяких незаконных действий и гарантии представителю суда возможности привлечь виновных к ответственности, пользуясь в случае надобности военной силой. 20 октября, ввиду полученных сведений, что грабеж кормов в имении принимает угрожающие размеры, поручил уезд. ком. срочно установить охрану в имении и прекратить грабеж». 2) «Имение Зоркина. 12 октября, получив сведения, что в имении Зоркина, Кикинской волости, местный земельный комитет отнял имущество, живой и мертвый инвентарь и передал в распоряжение посторонних лиц, предложил уезд. ком. и т. д. ... милиция, с командой солдат». 3) «13 октября мною получена от уезд. ком. телеграмма, что крестьяне сел Покровска и Липовки разгромили хутора по Алаю и что отрубщики бегут; на место командирован нач. милиции с командой солдат». 4) «11 октября А. Л. Киндяков заявил мне, что по постановлению Биклейского сельского о-ва его имение взято под учет, начата перепись имущества какими-то лицами». 5) «В ночь с 17 на 18 октября в имение Сорокиных на 20 подводах приехало не менее 20 вооруженных грабителей, похитили все движимое и недвижимое (?) имущество—одежду, мебель, а также весь хлеб в зерне и муке». 6) «12 октября от землевладелиц Найденовой и Алферовой получены сведения, что в их усадьбе при деревне Михайловке, Воронцовской волости, сожжен дом, разграблены вещи, уведен скот...». 7) «6 октября в с. Верхозиме ночью был произведен поджог дома, принадлежащего члену волостной прод. управы, при чем двери дома снаружи были заперты, очевидно с целью сжечь названное должностное лицо». 8) «12 октября Балашовский нач. уезд. милиции получил телеграмму, что (помещица) Суровцева убита... причины не ясны, полагает—месть вследствие некорректного поведения убитой». К каждому своему сообщению этот «охранитель порядка» прибавляет: «я распорядился уезд. ком. о принятии самых решительных мер к прекращению насилий, к охране личной и имущественной безопасности... отправлены конные части... отправлена надежная рота солдат... послано 50 казаков... 25 казаков и т. д.». Крестьянская волна шла девятым валом к красному Октябрю.

темпом происходило политическое банкротство соглашательских партий. Массы отбрасывали прежних вождей и переходили под руководство нашей партии. Этот процесс полевения масс, процесс разрыва с соглашательскими иллюзиями и признания наших лозунгов, происходя в общероссийском масштабе, нашел свое место и в Саратове и в Саратовской губернии.

Наглядным показателем глубины этого процесса служат нижеследующие данные о составе трех «призывов» Саратовского Совета. В Совете первого призыва большевиков было очень и очень мало. В Совете второго призыва большевиков уже было 90 чел. (40 рабочих и 50 солдат). Меньшевики имели 210 чел. (120 рабочих и 90 солдат), эсеры — 310 чел. (50 рабочих и 260 солдат). В Совете третьего призыва (на который выпала доля совершить октябрьский переворот) большевики имели 320 чел. (164 рабочих и 156 солдат); меньшевики — 76 чел. (72 рабочих и 4 солдата), эсеры — 103 чел. (43 рабочих и 60 солдат), беспартийные имели 34 человека.

При расчете — два делегата от 300 рабочих в среднем и два делегата от роты (250 человек)—получаем приблизительную силу за каждой партией в таком виде: в Совете второго призыва за большевиками — 6.000 рабочих и 6.250 солдат, за меньшевиками — 18.000 рабочих и 11.250 солдат, за эсерами — 7.500 рабочих и 32.500 солдат; в Совете третьего призыва за большевиками — 24.600 рабочих и 19.500 солдат, за меньшевиками — 10.800 рабочих и 500 солдат, за эсерами — 6.450 рабочих и 9.000 солдат. При рассмотрении цифр, указывающих на количество рабочих, стоявших за меньшевиками и эсерами, следует помнить, что хотя группа и называется «рабочие», но для этих партий она по существу будет группой служащих. Рабочие от этих партий переходили к большевикам и опустевшее место заполнялось служащими. Из этих данных видно, что рабочее и солдатское население города, а вместе с ним и состав Октябрьского Совета дали большевикам увеличение в 4½ раза по отношению ко второму составу Совета и почти в 30 раз по отношению к первому; причем и эти знаменательные цифры требуют основательной поправки в том смысле, что как вне, так и внутри Совета чуть ли не каждый день происходило отпадение от меньшевиков и эсеров и передвижка в нашу сторону. Все попытки меньшинства остановить или задержать рост мощного движения, не брезгавшего даже мелкой демагогией и политической спекуляцией на абсентеизме некото-

рой, еще очень мало дисциплинированной части большинства, рассыпались, как карточные домики.

После принятой Советом резолюции против Вр. Правительства меньшевики и эсеры, отозвав своих представителей из Исполн. Комитета, перенесли основную свою работу в городскую думу. Они напрягали все усилия к тому, чтобы вокруг нее мобилизовать «все живые силы города». Противопоставление «всенародной думы» большевистокому Совету стало основным содержанием их политической агитации. Исполком Совета и наша партия платили им не менее звонкой монетой. Трения обострялись. Классовые противоречия становились все более обнаженными и очевидными даже для самых серых элементов массы. Социальная атмосфера накалялась революционной энергией до крайности. Взрыв не сегодня — завтра должен был разразиться. Все ждали. Лозунги «Вся власть Советам» и «Вся власть Временному Правительству» перекрещивались, как клинки, вызывая в дебатирующих уличных толпах взрывы политической ярости, доходящей до серьезных побоищ. Кое-кто из наших ходил с царапинами и синяками — вещественной аргументацией инакомыслящих. Андрюшу Агеева чуть-чуть не разорвали в клочья. Кажется, попало и С. И. Мицкевичу.

Наш партийный комитет, остро следя и углубляя приближающуюся развязку, с нетерпением ждал обещанных руководящих указаний от ЦК. Увы! — их не было, если не считать запроса т. В. П. Милютина, который был в то время членом ЦК, о том, что можно ли, в случае серьезных событий, рассчитывать на поддержку Саратова. Мы ответили, что Саратов во всяком случае поддержит движение.

24 — 25 октября прошли слухи о том, что губернский комиссар Д. Топуридзе получил телеграмму о начавшихся в Питере «волнениях»; где-то состоялось какое-то совещание, которое тщательно скрывается от нас. На все вопросы лидеры меньшевиков и эсеров отзывались незнанием; но было видно, что они что-то знают, крайне растеряны и еще не выработали своей тактики. Между тем, вышедшие телеграммы несколько осветили положение. В них сообщалось, что Керенский в Совете Республики доложил о начавшихся выступлениях, принятых им мерах и потребовал одобрения своему распоряжению об аресте лидеров большевиков, так как «партии, руководящие попыткой поднять чернь против существующего порядка, подлежат немедленной, решительной и окончательной ликвидации».

В 6 часов вечера 25 октября состоялось совещание трех партийных комитетов (больш., меньш. и соц.-рев.). Председателем его был избран меньшевик Чертков. Мы отказались от выборов председателя. Чертков доложил о том, что в Петербурге началось большевистское восстание, которое в данный момент, очевидно, подавляется «демократией» силой оружия. Необходимо удержать от безумных шагов провинцию и, в частности, Саратов. Чертков от имени комитетов меньшевиков и эсеров надеется, что благоразумие возьмет верх у саратовских большевиков и они, осудив петербургскую «авантюру», сохранят единый фронт демократии.

На эту тираду Васильев, отмечая факт полной неизвестности саратовским большевикам о событиях, категорически заявил, что ни политически, ни нравственно местный комитет не может осудить питерцев. С искаженным от злобы лицом выступил тогда Александр Минин и в резкой форме обрушился на нас.

Я поддержал т. Васильева. Третий из наших руководящих товарищей — П. А. Лебедев, солидаризируясь с нами, предлагал не таиться, до конца раскрыть все карты, показать текст телеграммы и выражал сомнение в достоверности сообщенных сведений о событиях. После нескольких ораторов с противной стороны, нам был в упор поставлен вопрос: поддерживаем ли мы петроградское «безумие» — да или нет?!

— Да, поддерживаем и... до конца, — ответили мы.

И тем закончили заседание.

Начались отдельные заседания комитетов. Наш комитет, совместно с активными работниками, заслушав доклад, одобрил нашу линию поведения на межпартийном совещании и принял два решения: 1) беспрерывно дежурить комитету в здании Исполкома, а всем активным работникам — в районах и особо важных предприятиях и полках; 2) созвать экстренное заседание Совета Депутатов вместе с представителями профсоюзов и фабзавкомов на вечер 26 октября.

Только что закончилось наше совещание, началось заседание думы. М. И. Васильев, С. И. Мицкевич, П. А. Лебедев, С. Т. Кавылкин и др. отправились туда, чтобы наблюдать работу врага. Кое-что узнали нового. Вот особенно характерные места думской стенограммы:

> Городской голова Мукосеев [1]): «Управа сегодня уже имела суждение о событиях и делегировала городского голову на совещание к губернскому комиссару. На этом совещании

[1]) Социалист-революционер.

были представители земств и города. Там обсуждалась телеграмма из Петрограда. Было между прочим сообщено нам, что телеграмма из Петрограда пришла комиссару *в 3 ч. ночи*, но ее почему-то передали ему только *в 6 часов утра*, меж тем некоторые организации знали о ней много раньше. На совещании обсуждался вопрос, как нам реагировать на события в Петрограде. Был предложен ряд мер, например, организовать комитет из общественных организаций, т.-е. земства и города, с поправкой — пригласив туда представителей Совета Р. и С. Депутатов, по выяснении, конечно, их позиции по отношению к событиям... Кроме того, говорилось о необходимости обратиться к правительству с заявлением о поддержке его»...

Топуридзе: «На совещание я пригласил представителей города, земства, суда, продовольственной управы»... (С. И. Мицкевич с места: «а представителей Сов. Р. и С. Деп.?».) «Таковых я не приглашал, так как речь шла о захвате власти и свержении правительства определенной политической партией, стоящей во главе Советов» (голоса: «Правильно»).

Майзель: «мы должны быть сейчас выше классовых, профессиональных и партийных организаций. Я призываю думу создать орган для поддержки Временного Правительства».

Чертков: «Как назвать нам комитет? Комитет защиты революции?» (С. И. Мицкевич с места: «от революции». Шум, крики: «долой его... вон...»).

В это время происходили два совещания: 1) с большевиками из военной секции Совета; решено учесть повнимательнее надежные части гарнизона и держать их в боевой готовности, и 2) с железнодорожниками о боевой готовности красногвардейской группы (в общем и целом в нее входило до 700 чел.).

В гарнизоне в количественном отношении мы имели подавляющий перевес, но в качественном мы были несомненно слабее; радовало, по крайней мере, то, что в полках, батальонах и ротах с отчаянной энергией работали военные депутаты Совета. Эти в большинстве безвестные герои, как умели, сколачивали свои части и в решительный момент, в случае отказа офицерства, должны были повести в бой своих «земляков».

* * *

На следующий день вернувшись с собраний в полках в Исполком, я застал там бурное заседание. Вся комната секции была наполнена табачным дымом, людьми и руганью. Михаил (Васильев) с красноватыми пятнами на лице, размахивая руками, носился

по комнате и кого-то нещадно ругал. Напротив него, в воинственной позе, сидя на письменном столе и тоже красный как кумач, срывающимся голосом выкрикивал Володя Соколов.

— Полюбуйся на этого! — встретил меня Михаил, показывая возмущенно на Володю.—Они изволили собираться... они решили... чорт бы вас побрал с вашим решением... выдрать вас надо... мальчишки!

Оказалось, что все наши большевики-офицеры были приглашены на секретное совещание под председательством очень умного авантюриста Неймиченко; на этом совещании, пустив в ход эксплоатацию личных связей («все, мол, мы военные, товарищи») молодости (как в физическом смысле, так и в политическом) наших ребяток, их убедили в необходимости создания «нового военного комитета», об'единяющего «руководителей-офицеров всех политических партий социалистического направления», который бы «был нейтральным хранителем порядка в городе и органом обороны от контр-революции, откуда бы она ни исходила». Конечно, наш молодняк попадал в этот орган в ничтожном меньшинстве и ни с какой стороны не мог определять его политики. Было ясно, что наших чудаков, еще только входящих в политическую жизнь, пытаются обойти: воспользоваться для своих целей их довольно крупным авторитетом в солдатской массе и посадить нам на шею враждебную военную диктатуру.

Страсти распалились до крайности. Взволнованный и оскорбленный до глубины души, Володя тут же сложил полномочия председателя секции. Это обезглавливало секцию в самый острый момент. Отклонить отставку тоже было нельзя, так как на заседании присутствовали некоторые из депутатов-солдат (напр., Шелухин), которые после этого случая не стали бы с полным доверием относиться к военному центру. Отставка Володи была принята[1]); утвердили председателем т. Осипова, в сущности очень и очень не актуального человека.

Как ни странно, меньше попало другому ответственному военному, самому старшему по летам и политическому стажу, Василию

---

[1]) Это было для Володи таким ударом, что он сперва был недалеко от самоубийства, а потом слег в постель. Я очень беспокоился за него, посылал к нему на дом товарищей, даже, кажется, сам выбрал минутку, чтобы навестить и успокоить. Я не мог его жестоко осуждать, как это делали некоторые из товарищей. Если в столь ответственную минуту, как первые моменты Октября, даже опытные местные работники козыряли в разные

Куликову. Он очень решительно поддерживал Соколова и даже, по-моему, влиял на него. Умный, способный организатор, «человек с хитрецой», он боялся неудачи предстоящей борьбы; более того, он просто не верил в победу. Куликов все же переломил свое настроение и пришел к нам с покаянной. Мы приняли его в свою семью снова, но, конечно, у членов Исполкома остался определенный осадок, который очень долго мешал им относиться к нему так же, как до этого случая.

2. 26 ОКТЯБРЯ

Так как на этом заседании выяснилась неуверенность в надежности гарнизона в целом, мы решили, в свою очередь, обойти пытающихся нас обойти офицеров и вступили с ними в переговоры. Военная группа добивалась от нас согласия на следующий проект: 1) организуется революционный штаб, состоящий исключительно из военных, входящих не по партийному признаку, а по личным качествам; 2) штаб берет на себя охрану города и оборону от контр-революции; 3) оберегая интересы революции, штаб не связан ни с думой, ни с Советом, — он нейтрален. Мы, в свою очередь, после длительного торга предложили: 1) штаб организуется при Совете и находится под его контролем; 2) исполняет приказы Совета; 3) составляется по качественному и партийному признакам с преобладающим представительством от большевиков.

Так как этот проект был тем максимумом, дальше которого мы отказались итти, офицерская группа согласилась с нашим предложением. Но так согласилась, что мы тотчас же почувствовали ловушку. Через несколько минут группа представила свой список кандидатов в штаб, при чем там были помещены фамилии особо ненавистных солдатам лиц (напр., народный социалист д-р Максимович, эсеры: М. Диденко, Зайцев и др.); по заслушании этого списка у нас тотчас же сложился план действия; мы полагали, что когда этот список будет оглашен на заседании Совета, то даже та часть его, которая еще находилась под влиянием меньше-

стороны, то мальчику в 18 лет тем более нельзя поставить в большую вину это неправильное выступление. В дальнейшем он выправился и к достоинству искреннего товарища, горячего революционера и смелого бойца он присоединил опыт хорошего партийца и энергичного участника гражданской войны.

вистско-эсеровского блока, поднимет бунт против своих руководителей и создаст благоприятную обстановку для нашей партии. Поэтому мы согласились на список, но с условным добавлением: «если утвердит Совет». Ни мы, ни они не были удовлетворены, конечно, соглашением и напряженно ждали заседания Совета. Предстояла последняя схватка за Совет.

26 октября, с 8 часов вечера, в здании консерватории начались заседания фракций — большевистской, отчасти меньшевистской (многие из них находились на параллельном заседании думы) и социалистических национальных групп. Эсеры, как я уже упоминал, вышли из Исполкома и Совета еще 16 октября, т.-е. после принятия Советом «бунтарской» резолюции против Вр. Правительства. Группа военных эсеров все же фактически не ушла, ожидая результатов и готовая выступить на защиту своего списка.

Наша фракция, включавшая к этому времени подавляющее число членов Совета, расположилась в главном зале. После моей характеристики «текущего момента» и доклада тов. Васильева о «местной обстановке», о переговорах с офицерской группой и о проекте штаба, после горячих прений фракция согласилась с маневром Исполкома. Но когда дело дошло до оглашения списка противников, разыгрался скандал, и фракция решила отводить особо одиозные имена на пленуме.

Интерес масс к этому пленуму был чрезвычайно велик; на заседание, кроме членов Совета и делегатов рабочих организаций, нахлынула громада пролетарской и солдатской публики. Обширнейший в городе зал, поместительные хоры, проходы между рядами, подоконники, коридоры, одним словом, все было забито до отказа людьми. У под'езда стояла многотысячная толпа, сдерживаемая суровыми красногвардейцами. Лица были строго серьезные. Каждый понимал или чуял нутром, что сегодняшнее заседание носит решающий характер, что от него будет зависеть дальнейший путь революции в губернии и судьба каждой человеческой пылинки из этой волнующейся массы. Питерские события передавались из уст в уста.

Один из товарищей, скрывшийся под именем «старого революционера», набросал следующую картину этого настроения:

«...Тревожно и радостно билось сердце. Каждому ясно: теперь или никогда. Или власть Советов, власть неимущих, власть бедноты, или диктатура буржуазии и генералитета»...

«Номер десятый» [1]), ненавистный и буржуазии и соглашателям, шумел как улей... Жизнь била ключом. Связками приносилось оружие, приводилось в порядок; неумелые учились обращению с оружием под руководством солдат; подсчитывали запасы патронов, учитывали наличные силы... Время от времени из типографии приносили свежие, еще мокрые листовки; они быстро разбирались и разносились по рабочим кварталам, по казармам... Приходили солдаты, информировали комитет о настроениях пехотных, пулеметных и артиллерийских частей; приходили рабочие, делились впечатлениями о фабрично-заводских настроениях. И туда и сюда посылались агитаторы. То и дело из Исп. Комитета сообщались новости, которые немедленно подвергались всестороннему страстному обсуждению. Был жестокий спор, громкая гневная речь, но не было ни протестов против действия вождей, ни боязни.

«А гроза надвигалась. Соседи справа, вчерашние господа положения, сегодня оставленные всеми, не хотели добровольно сложить оружие. Дума с высоты своей кафедры метала перлы и адаманты красноречия гнева по адресу покинувшего ее пролетариата и армии... Дух Столыпина и Николая витал под сводами «демократической», «всенародной» думы... Меньшевики и эсеры покинули Исполнительный Комитет. И громко, на каждом перекрестке, хватая каждого встречного за пуговицу, заткнув уши, кричали: «Совета нет. Совет покинут всеми. Там осталась одна большевистская банда, захватчики, ждущие, пока карающая рука Керенского раздавит их»... Да, в Совете остались одни большевики. Да, в Совете остались рабочие и солдаты... И Совет жил и бодрствовал. Об этом говорил каждый патруль, каждый красногвардейский отряд... Был вечер. Предстояло заседание Совета в консерватории. И вот зал, привыкший к нежным певучим аккордам и тонким переходам, наполнился рабочим и солдатским людом; зазвучала простая, порой деланно-грубая речь. Запахло потом, махоркой... А народ все валил и валил... «Эй, товарищ, мандат?!» — кричал, потрясая винтовкой, у входа высокий рябой детина. Товарищи лезли в карманы, за пазуху, в голенище... «Проходи. Стой, куда без билета прешь? Лезь этажом выше — на галерку». — «Но, товарищ»... «Не замай: помалкивай да лезь помаленьку»... Так нашло тысяч до двух с половиною.

---

[1]) Где помещался аппарат большевистского комитета.

«Но вот у председательского стола товарищи Антонов и Васильев. Шум стихает. «Товарищи! — голос товарища Антонова звучит торжественно и гордо. — Товарищи! От имени Исполнительного Комитета об'являю очередное заседание Саратовского полновластного Совета Рабочих и Солдатских Депутатов открытым». Аплодисменты, крики «ура»... Наконец, эта буря, это коллективное из'явление радости и восторга утихают. Снова говорит Антонов: «Товарищи! Я думаю, мне нет нужды подробно говорить о том, что ныне происходит. Величие и значение настоящего момента ясно для каждого из вас... И каждый знает, что сейчас мы должны во что бы то ни стало победить... Власть должна остаться в наших руках»... Настроение нарастает. Вот говорит Васильев: «Товарищи! Я всегда говорил, что должен настать момент, когда мы останемся одни, и что в этот момент будет решаться наша судьба»... [1]).

В час ночи, при крайнем напряжении собравшихся, я, как председатель Совета, открыл пленум и предоставил слово для доклада тов. Васильеву. Он сделал почти тот же доклад, что и на фракции, и предложил от имени Исполкома обсудить проект «группы офицеров». Ряд выступивших беспартийных ораторов высказывается против проекта и призывает нас не итти в «петлю», расставленную всякими «субчиками»; особенно остро критикуется личный список, при чем наше предположение вполне оправдывается, — солдаты, эсеровски и меньшевистски настроенные, с величайшим раздражением нападают на своих лидеров и, при аплодисментах нашей фракции, заявляют, что они пойдут со всеми солдатами «заодно» и «за большевиками».

Представители офицерской группы — Понтрягин, Неймиченко и др. — настаивают на своем, угрожая отказом от командования в случае нападения на Саратов Каледина. Эти бестактные, глупые речи, произнесенные к тому же в тоне высокоградусной истерики, вызывают сильнейшее негодование. Крики «Долой!» — «Мы сами справимся!» — «Стащить с трибуны!..» несутся в лицо злополучных ораторов.

М. И. Васильев с громадным под'емом ставит перед собранием бьющий вопрос: «Товарищи рабочие, вы, солдаты, скажите нам и себе открыто, — сможем ли мы собственными силами, без их помощи (сокрушительный жест в сторону офицеров) от-

---

[1]) «Горнило» № 5, 1918 г.

стоять революцию от черных банд, надвигающихся на Саратов?». В ответ понеслись громовые крики: «Пусть идут к чорту!» — «Предатели!» — «Сами справимся!..».

В свою очередь, я доканываю, отмечая поведение офицерской группы, которая не хочет отказаться от некоторых особо ненавистных солдатам имен списка. «Либо Максимовичи, Диденко и Зайцевы, — говорю я, — либо пусть летит революция к чорту. Президиум Исполкома шел вам навстречу, соглашался на организацию штаба, и вы теперь сами срываете соглашение. Теперь для всех ясно, что не революция вам дорога, не эта волнующаяся масса, не Совет, а контр-революция, корниловщина, керенщина». Штаб провалился бесповоротно.

В это время из думы являются меньшевистские лидеры во главе с Чертковым и Майзелем. Чертков оглашает телеграммы о победах Керенского, о том, что он уже вступил со своими войсками в Петроград (крики: «долой», «ложь»). «Нет, — кричит Чертков, — я не лгу, лгут вам и скрывают истинное положение ваши большевистские руководители (шум); поймите, что вас тянут к пропасти; вы будете в ближайшие дни уничтожены большинством — революционной демократией, которая верит Временному Правительству, верит уважаемому вождю, товарищу Керенскому (крики: «долой!»). Совет должен признать правительство народа, он должен осудить безумную авантюру большевиков» (шум, крики).

Видя, что угрозы несколько подействовали на впечатлительную массу, и возмущенный до глубины души наглостью Черткова, я обрушился на него с бешеной речью. «Товарищи, — говорил я, — вы слышите, что говорят они, эти социалисты, эти вожди. В страшный для нас час, час величайших исторических событий для рабочих России, быть может, всего мира; в час, когда наши братья, наши товарищи — рабочие Петрограда — ломают скрижали прошлого, когда они с оружием в руках восстают против векового врага-угнетателя, против буржуазии... Когда мы здесь, — понимают ли они это!—взволнованы до крайней степени и мучаемся тяжкой неизвестностью... Когда, одновременно с известием о восстании, к нам пришли известия о том, что черные банды Каледина идут на штурм нашего красного Царицына,—эти господа не нашли ничего лучшего, ничего более достойного, как пугать нас Керенским, пугать кровавой баней (бурное негодование)... Они не нашли ничего лучшего, как требовать от нас — послов рабочих и крестьян — гнусного и позорного спокойствия, гнусного и позорного

отказа от поддержки восставших товарищей (крики: «позор», «негодяи»). Мало того, они с наглой издевкой потребовали от нас осуждения рабочих и солдат, льющих свою кровь на улицах Петрограда... потребовали поддержки солдатскому палачу Керенскому... (крики: «убийцы», «предатели... смерть им»). Эй, вы—«социалисты»! Вы, кого мы недавно называли товарищами! Как осмелились вы оскорбить Совет? Как повернулся у вас язык делать такое отвратительное предложение? Как смели вы хоть на минутку подумать о саратовских рабочих, о саратовском гарнизоне, как о предателях, как о людях, ради шкуры, ради жалкого страха способных отказать в помощи бойцам Петрограда? (Бурное негодование, крики: «по себе судят», «сволочи».)

«Вы лжете, вы хотите самым подлым образом обмануть рабочую и солдатскую массу. Это вам не удастся. Солдаты, кто из вас против восставших рабочих и солдат Петрограда? Кто из вас против власти Советов? Кто? (Поднимается не более десятка рук и быстро опускается при общем шуме и резких возгласах.) Кто за Совет? Кто за рабочую и солдатскую власть? (Тысячный лес рук— членов Совета и присутствовавшей рабоче-солдатской публики; громовое «ура»; бурные аплодисменты.) Так я и знал. Вот вам ответ Совета. Да здравствует восставший пролетариат Петрограда! Да здравствуют саратовские рабочие и одетый Керенским в солдатскую шинель, замученный войной крестьянин!» (Бурное, долго несмолкаемое выявление солидарности чувства.)

В общем хаосе Чертков стал выкликивать: «Вы обезумели. Ваши вожди обезумели (крики: «ты сам спятил»)... На что надеетесь? У вас нет организации. Нет командного состава. Вас раздавят... Мы предупредили вас. Мы заявляем, что мы больше не принимаем участия в Совете» («долой», «скатертью дорога»).

После этих слов Черткова меньшевики и эсерствующие офицеры демонстративно стали выходить из зала под хор довольно нелестных эпитетов.

Чтобы подчеркнуть особую важность момента, я снова взял слово и сказал: «Спокойнее, товарищи. Вы, социалисты, остановитесь на мгновение. Я отвечаю вам от имени Совета. Вы уходите, вы, подобно Пилату, умываете руки. Что же, уходите, но знайте и помните, что никогда вам этого ухода не простят рабочие и крестьяне. Из поколения в поколение они будут передавать: в великий момент нашей жизни, когда мы брали власть и выдерживали бешеные удары буржуазии, меньшевики и эсеры покинули нас и

ушли к врагам. Как имя Каина, ваше имя будет вспоминаться с проклятием. Помните эту великую ночь. И знайте — мы победим. Победим всех врагов рабочих трудовых масс» (бурное одобрение) [1]).

Не успел я окончить речь, как ко мне подошли товарищи, прибежавшие с думского заседания; из них С. И. Мицкевич (которого, кажется, чуть-чуть не удушил эсер Канавин), заикаясь от волнения, сообщил мне, что дума только что организовала боевой штаб, и что последним принимаются меры к нападению на Совет. Это сообщение привело в состояние крайнего раздражения меня и всех нас, занимающихся подбадривающими разговорами, в то время как противник проявляет себя самым деловым образом.

В ярости, которую нельзя передать, все собрание вскакивает с мест. Слышатся угрозы и проклятия; у многих в руках сверкают револьверы.

«Товарищи, спокойнее. Нам надо немедленно принять меры. Нужно немедленно избрать надежный штаб, это — во-первых, а во-вторых, нужно немедленно итти в казармы и на фабрики, рассказать о происшедшем и поднять всех на защиту Совета».

Быстро и деловито проходят выборы штаба в помощь президиуму военной секции, и в 3½ ч. утра заседание Совета закрывается. Клокочущая, полная энтузиазма громада членов Совета и публики ринулась в темные улицы, спеша на фабрики, заводы, в союзы и казармы. Члены Исполкома быстро направляются в дом обычных заседаний (б. губернаторский), и в 4 часа утра 27 октября открывается первое заседание исполнительного органа пролетарской власти в Саратове.

3. «ОКТЯБРЬСКАЯ НОЧЬ»

Многие товарищи с глубоким чувством вспоминают «Октябрьскую ночь», но никто из них не дал о ней еще ни одной печатной строчки. Единственным исключением является набросок В. Бабушкина, написанный для № 5 «Горнила» семь лет тому назад и ценный потому, что преломляет события через призму рабочей психологии. Опасаясь, что этот набросок окончательно затеряется,

---

[1]) См. протокол заседания Совета от 26 октября 1917 г., отчетный доклад пленуму Совета 4-го созыва 4 января 1918 г. («Известия Саратовского Совета» от 6 января 1918 г. № 4) и «Соц.-рев. в Саратове» (сборник 1918 г.).

с одной стороны, а с другой, — для иллюстрации переживаний наших рабочих в то время, решаюсь привести его целиком.

«Было жутко и хорошо, — душно. В зале вопли и крики негодования. Три часа утра. Заседание Совета все еще продолжается. Вот небольшая кучка изменников революции, меньшевиков и эсеров демонстративно покидает зал заседания. Нет, мы не могли с ними согласиться. Мы видели, что они нас призывают погубить революцию. Мелькали в голове мысли. В продолжение целого вечера их убеждали, и вот — разрыв... Под свист, крики и угрозы они уходят. Мозг сверлит мысль: «Да как же так? Там есть и рабочие, товарищи. Братцы, ведь обманули вас. Ведь это провокаторы». Вот знакомое, славное лицо друга-товарища. «Ваня, как же? Неужели и ты?» — «Да, я не с вами». — «Ваня, обманули тебя!» — «Не тебя ли?» Толпа их увлекает. Гром и вой продолжаются; но сквозь этот дикий, истерический хаос гремит голос нашего железнодорожного вождя — Дедушки:

«Изменники. Пусть же на вашу голову падет кровь рабочих. Вы их бросили в такой момент, когда все трещит и рушится. Вы нам грозите расправой, предатели. Тов. солдаты, тов. рабочие! Вы слышали, что они замышляют погубить революцию, вы видели, что это — предатели, которые вас сегодня предадут. Солдаты, идите в роты, полки и расскажите товарищам, беритесь за оружие, спасайте революцию! Рабочие идите в заводы и фабрики, организуйтесь и дайте отпор тому, кто посягает на вашу свободу!».

«На душе сразу спокойно и хорошо. Уходят. Скатертью дорога, изменники. «Товарищи, — гремит Дедушка, — члены Исполнительного Комитета — все на работу. Идите на заседание в дом губернатора».

«Быстро и деловито, с суровыми лицами, все идут из зала. Ночь теплая. Идет мелкий дождь. Блестят лужи, освещенные фонарями... Вхожу в дом губернатора. Спешу наверх. Два, три, шесть... Мало. Кто-то предложил подождать. Ждем. Приходят еще бойцы — серьезные. Дедушка открывает заседание. Немного нас; всего четырнадцать-пятнадцать. Секретаря нет. Секретарь-меньшевик ушел. «Корнееву» — крикнул кто-то, и Корнеева огрызком карандаша ведет протокол. Зал громадный весь освещен. В зеркалах отражаются бледно-серьезные лица. Вижу—стол, покрытый зеленым сукном и маленькая кучка дерзающих. Кто-то вбегает и задыхающимся голосом говорит: «товарищи, сюда идут юнкера!». Раздаются голоса: «сколько, много ли?». Однако ни

один не встал со своего стула. Все понимали, что отступление не может быть. Постановили делегировать в железнодорожные мастерские Лебедева и Сергеева, чтобы поднять рабочих.

«Ждем юнкеров. Заседание продолжается. Двое ушли. Время идет незаметно. Мысль лихорадочно работает. Чуть-чуть светает. Шум, топот ног, лязг оружия. — Юнкера?! Невольно хватаюсь за карман. Нет револьвера. Ну, что будет. Сердце бьется учащенно. Все спокойны. Шум приближается. Идут сюда, наверх. «Что нужно, товарищи? Кто прислал?» — «Пулеметная рота пришла защищать Совет», ответили солдаты, угрюмые, невыспавшиеся. Дерзающие улыбаются. «Значит не мне». Солдаты в мокрых шинелях размещаются тут же, на стульях, на полу, закуривают. Заседание идет оживленно. Постановили печатать летучки, воззвания, декрет о земле. Дедушка со смехом об'являет: «вот и землю отобрали. Без Учредилки справили». Солдаты улыбаются. Некоторые спят, другие тихо беседуют. Странно. Не было суеты, не было крику,—даже повышенных голосов. Приходит заблудившийся Куликов, просит у товарищей прощения и желает разделить их участь. Бледный, измученный переживаниями.

Прощаем. «Работай!».

«Меня послали в мастерские. Иду, как пьяный. В комнате коменданта рыдает другой, сбитый с толку говорунами, славный Жебров. Иду по улице. Спешу попасть к свистку, к началу работы. Спотыкнулся, упал, встал весь мокрый и в глине. Спешу дальше. Первый прогудел. Не успею! Но ноги не слушаются, вода внутри ботинок, лихорадит. Еще два квартала. Ревет второй гудок. Опоздал! Чорт бы побрал грязь, ведь если бы не она, успел бы. Вхожу в комитет. Группа товарищей сидит за столом. Тускло горят лампочки. С потолка капает на стол вода. Угощают чаем, хлебом. Спасибо. Теперь еще можно долго держаться. Рассказал. Об'яснил. «Хорошо. Мы уже приготовили винтовки. Мы на-чеку». Я знал: мастерские ж.-д. всегда готовы. Только знать дай, а умирать жена с ребятами проводит.

«Спешу обратно. В губернаторском доме нечто невообразимое. В зале заседание. Идет работа. Разоружают милицию, тащат с постов, отбирают шашки и револьверы. Двое мастеровых в засаленных куртках ведут троих милиционеров. «Поздравляем... двое — троих, да еще вооруженных». «Керенского гвардия, разоружайтесь»,—предлагает сидящий за столом приемщик оружия [1]).

[1]) Приемщиками были В. М. Корнеева и Е. В. Косолапов.

Лица у милиционеров испуганные. Торопливо разоружаются. Шум. Смех. Несмотря на протесты, оружие тут же забирается. Прицепляют шашки, револьверы. Полуаршинный пистолет и мне достался. За одну неделю его носки растер бок до крови, пока не взял трофей у казачьего офицера — браунинг. Утомленный, пристраиваюсь на диване. Сквозь дремоту долетают отрывки фраз: «у думы строят баррикады... гимназисты... юнкера... Значит, будет дело, — хорошо, что в открытую. А вы что от них правды, благоденствия ждали?». Я уснул чутким сном, чтобы проснуться для начала великих событий...».

4. ПЕРЕВОРОТ

Закрыв заседание Совета и прорвавшись через бурливый поток выходившей из консерватории массы, мы опрометью кинулись в здание Исполкома. Оно было ярко освещено, но в момент нашего прихода оказалось почти всеми покинутым. Эхом отдавались наши быстрые шаги и броски сдержанно-скупых слов. Отдав распоряжение членам военной секции (в частности, о выводе надежной части для охраны здания) и назначив домовым комендантом тов. Серегина — расторопного и дельного парня, я отправился в зеркальный зал, где собирались члены Исполкома. Здесь были: Михаил Васильев, Кирилл Плаксин, Петр Лебедев, Варвара Корнеева, Виктор Бабушкин, Наталия Антонова, Михаил Савельев, Ходакова, Алексеев, Стипнек, Тренин; через некоторое время пришли: Радус-Зенкович, М. Венгеров, Василий Сергеев, Цейтлин, Бибикин, Пищик, Тихон Хвесин и... Василий Куликов.

Начавшееся заседание по своей силе и красочности оставило во мне неизгладимое впечатление. Пустой, сверкающий огнями зал. В него брошена маленькая щепотка людей. Как-будто все личное стерлось. Ни волнения, ни страха за свою судьбу... И в то же время колоссальный под'ем. Все об'единены одним настроением, одной непреклонной волей... Боевая дружина... Выброшенные массой на вершину революционной волны, обязанные стать руководящим центром восстания, мы работали с молниеносной быстротой. Несмотря на то, что технику восстания кое-как, с грехом пополам, знали лишь я да Михаил (Васильев), каждая подаваемая мысль была простой, короткой и целесообразной. Каждое решение — немедленный приказ, беспрекословно выполняемый. Прежде всего, по предложению Михаила, мы восстановили так наз. «Исполнительное

Бюро» Исполн. Комитета. Это «Бюро» было, собственно говоря, не больше и не меньше, как революционный комитет, ответственный за свои решения перед Исп. Комитетом. В комитет были выбраны: я, Васильев, Бабушкин, Венгеров, Зенкович, Лебедев, Савельев и — от военной секции — Баранов.

Затем был намечен ряд мер политического и технического свойства. Во-первых, захватить телеграфную и телефонную станцию (вокзал уже был занят железнодорожниками), выключить все телефоны думы (и управы), сохранив ее связь лишь с Исполнительным Комитетом (а затем и все телефоны, кроме необходимых для нас); во-вторых, сместить губернского комиссара Вр. Правительства и назначить Лебедева губернским комиссаром Советской власти, сместить уездных комиссаров и назначить своих (Кукушкин — по Вольскому уезду, Сергеев Василий — по Аткарскому и Ртищеву и т. д.; в-третьих, запретить редакциям антисоветских групп и типографиям помещать и печатать противосоветские статьи, прокламации и воззвания под строжайшей личной и имущественной ответственностью. Кроме того, напоминая, что Парижская Коммуна много потеряла от того, что не сумела накормить население, я предложил немедленно в правление продовольственной управы ввести своих людей из продотдела Совета. Наконец, нужно было об'явить населению о переходе власти в руки Совета и издать декрет о передаче земли крестьянам [1]); последнее было особенно необходимо, чтобы удовлетворить потребность крестьян в земле и политически связать их с рабочим классом, и в особенности в Саратовской губернии, где эсеры, как известно, пользовались огромным и почти безраздельным авторитетом.

Забавно писались эти два важнейших документа. Передав председательствование Плаксину, я примостился на подоконнике и писал на косяке «приказ № 1» о земле, а в это же время Михаил, чуть не стоя, выводил «пункты» о переходе власти. Минут через 20 оба приказа были готовы, одобрены и немедленно отправлены в печать. Михаил писал:

> «Трагическое положение страны заставило петроградских рабочих и солдат устранить от власти Временное Правительство Керенского и Коновалова. Власть в Петрограде перешла в руки Совета Солдатских и Рабочих Депутатов. Саратовский Совет Солдатских и Рабочих Депутатов приказывает: 1) всем служащим в правительственных и общественных учреждениях

---

[1]) Протокол Исполнит. Ком. Саратовского Совета от 26 окт. 1917 г. (№ 1).

оставаться на своих местах и беспрекословно подчиняться распоряжениям Саратовского Совета и его органов; 2) войскам местного гарнизона быть в боевой готовности и подчиняться лишь тем распоряжениям, которые будут исходить от президиума военной секции; 3) рабочим без приказа Совета не оставлять работ; фабрично-заводским комитетам взять надзор за правильным течением жизни на заводах и фабриках в свои руки; 4) население должно соблюдать полное спокойствие. Всякая попытка вызвать погром или волнения будет беспощадно подавляться вооруженной силой. Советом будут приняты самые решительные меры для борьбы с отдельными грабителями; 5) всех, призывающих к неподчинению Совету, погромам и т. п., немедленно арестовывать и представлять в военную секцию Совета; 6) подготовку к выборам в Учредительное Собрание продолжать по-прежнему».

В то время, когда мы начали писать эти приказы [1]), прибежал Куликов и срывающимся голосом сообщил: «Товарищи, мне сказали по телефону, что на нас двигается школа прапорщиков»... Кое-кто побледнел, но все остались работать по-прежнему. Через 15 минут застучали тяжелые подметки многочисленных сапог, забрякали винтовки, зашуршали «самотаской» пулеметы. В наш зал ввалились хмурые и заспанные солдаты. «Откуда?! зачем?!» — «Защищать Совет... пулеметчики»... —«Ага»,—вырвался вздох облегчения и какого-то самодовольства... Солдаты разместились тут же — на скамейках, на полу и на столах. По всему дому загремел шум шагов и оружия. Здание укреплялось. Где можно и где нельзя размещались пулеметы. Когда приказы были приняты, солдаты, внимательно нас слушавшие, начали радоваться, как дети. У многих расплылась по лицу широкая улыбка. По нутру пришлась «передача земли крестьянам». Было видно, что, если бы в этот момент кто-нибудь на нас произвел нападение, они все до одного легли бы, защищая нас. Земля крестьянам! Это — все, и в этом — победа.

Было утро, когда мы закончили работу. Члены бюро и Исполкома перебрались из зала в комнату, ранее занимавшуюся Топуридзе, и расположились на отдых. Улеглись на диванах, составленных стульях, на столах, а кому нехватило — и просто на полу. Лебедев и Сергеев отправились к железнодорожникам за красной гвардией. Чувствовалось большое утомление. Хотелось тоже прикурнуть где-нибудь в уголке. Не тут-то было. Пришли с телефонной станции и сообщили, что телефонистки не хотят

[1]) Мой декрет о земле см. в приложении (№ 1, 3 часть).

работать под контролем большевиков. «Нужно послать своих... потребовать телефонистов из гарнизона». Отправился в президиум военной секции. Что за чушь! Бестолковый спор о мелочах, какие-то укоры друг другу. Оказывается, идет спор, кому быть в штабе — каждый желает войти сам и не хочет своего конкурента. Распушил в пух и прах, утвердил президиум секции, потребовал выделить командующего. «О штабе не думать». Увы!—своего человека, который бы умел командовать в боевой обстановке не только гарнизоном, но даже полком, не нашлось. Наконец, через несколько часов поисков «командующего» нашли революционные солдаты, члены Совета. «Есть, — говорят, — один офицер, боевой и порядочный; солдаты его любят — и за Советскую власть стоит». — «Кто такой?» — «Петр Щербаков»... — «Давай сюда». — «Я знаю, где его найти, — говорит солдат-большевик Сухов, — сейчас приведу».

Явились по вызову солдаты-телефонисты. «Советские?» — «Советские». — «Дело знаете?» — «Знаем, не впервой». — «На вот тебе, — говорю комиссару Тугусову, — и чтобы у меня телефон работал только для нас. Эх, ты — с барышнями не справился». — «Да я с ними по-всякому — и уговаривал, и просил, и грозил... и так и этак... пирожными обещал кормить... А коли не слушаетесь, говорю, на двор не выпущу. Хоть бы что... То плачут, то ругаются, а делать не хотят», — краснея, оправдывается Тугусов. — «Смотри, чтобы солдаты сыты были»... «А, чорт — а наши пулеметчики?» — думаю и снова иду в президиум секции. Председатель секции т. Осипов, схватив голову руками, полуспит. Бужу его: «Осипов! сытый солдат — три четверти успеха. Наших пулеметчиков и вообще части, стоящие на нашей охране, корми во-всю... Пусть думают об охране, а не о том, где бы пожрать». — «Сейчас», — и Осипов звонит, отдавая приказание. Кстати, вызываю Тугусова: «Ну, как ребята работают?» — «Работают», — радостно отвечает он. «А барышни?» — «Часть выгнал, часть согласилась работать»...

В комнате Исполкома оживление: одни пришли, другие встали. Кто-то притащил хлеба и колбасы. Старый швейцар, бесстрастно служивший губернатору, а затем Топуридзе, приготовил нам чай. С волчьим аппетитом, перебрасываясь шутками и впечатлениями, мы уплетали незатейливый завтрак.

Что же делает противник? Наряжается разведка... «Тов. Антонов, — влетает Сухов, — привел Щербакова... Идите смо-

треть, каков товар». Встретились и... впились друг в друга глазами. Среднего роста, широкоплечий, статно одетый в солдатскую шинель; серая солдатская шапка; серые стальные глаза. Рекомендуется. «Вы за Советскую власть?» — «Да». Почуялась несколько форсированная твердость. «Вы знаете, на что идете? Если погибнем мы — погибнете и вы: командующего большевистскими частями не пощадят». — «Да, знаю». — «А знаете ли вы, что если вы нам измените, или если нам покажется, что вы предаете, то вам также не сносить головы?» — «Да, я отвечаю, но прошу и требую, чтобы мне была предоставлена оперативная свобода... Избавьте также от зависимости военной секции». — Общее впечатление хорошее. «Хорошо, — вы все это получаете. Мы образуем военный совет из меня, Васильева и вас. В этой рамке вы будете пользоваться полной свободой. Согласны?» — «Согласен». — «Хорошо. Немедленно принимайтесь за дело. Мы обсудим оперативный план вместе». Очень скоро П. К. Щербаков ориентировался в новой обстановке и, устроившись в комнате «отдела труда», где имелся телефон, стал энергично работать. Исполком тотчас же утвердил «Военный Совет» из трех, и мы поочередно дежурили и работали при «командующем». Своей работой он располагал нас к себе, ибо мы видели человека дела, но все же наши большевистские головы, в противовес нарастающему расположению, усиливали бдительность и осторожность. Зная громадный инстинкт на людей у Корнеевой, я не раз посылал ее, так, между прочим, побыть у Щербакова, «поговорить» и помочь тем или другим.

Между тем дума тоже не дремала. Ее боевой штаб (в составе Понтрягина, Диденко, Неймиченко, Друшлякова и др.) действовал с напряженной энергией. Во-первых, он вызвал в полном вооружении школу прапорщиков (большинство явилось, меньшинство — человек сто — под разными предлогами осталось в «городке»); во-вторых (правда, неудачно), пытался овладеть артиллерией (в последнюю минуту артиллерия отказалась выступить под флагом думы) и, в-третьих, разграбил какой-то небольшой арсенал с винтовками и разоружил какой-то батальон. Дума, с своей стороны, выпустила два зажигательных воззвания. В первом — «Ко всем гражданам, солдатам и офицерам» — она взывала:

> «Граждане! Большевики в Петрограде подняли восстание против Временного Правительства. Их цель сорвать Учредительное Собрание и захватить власть, принадлежащую всему

народу, в свои руки. Своими безумными действиями они предают страну и революцию, содействуя внешнему врагу и открывая дорогу для контр-революции, для восстановления старого строя. Весь фронт, все крестьянство, в лице Совета Крестьянских Депутатов, Центральный Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, почтово-телеграфный и другие союзы, все партии и фракции против безумцев и преступников, посягающих на Учредительное Собрание. Опираясь на всенародное доверие, Керенский двинул из Пскова войска на Петроград, лично став во главе их, чтобы спасти свободу, восстановить порядок, спасти Учредительное Собрание. Саратовская Городская Дума, избранная всем населением г. Саратова и выражающая волю населения, решила поддерживать Временное Правительство и стать на защиту порядка и спокойствия в городе. Саратовская Дума решила организовать армию и население для борьбы с большевистской анархией и контр-революцией, которая наверное воспользуется смутой, затеянной большевиками. Одной из главных своих задач Дума считает охрану выборов в Учредительное Собрание. Совместно с Советом Крестьянских Депутатов и новым демократическим Уездным Земским Собранием, Дума избрала «Комитет Защиты Революции». Дума призывает всех верных долгу граждан, солдат и офицеров сплотиться вокруг нее для поддержания порядка и спокойствия. Дума призывает всех солдат и офицеров, всех способных к ношению оружия рабочих и граждан являться с оружием или без такового в здание Городской Думы. При «Комитете Защиты Революции» образован «военно-революционный штаб» из солдат и офицеров, первыми поднявшими знамя революции в феврале и все время революции стоявших во главе военной секции Совета Солдатских и Рабочих Депутатов, который они ныне покинули, не желая оставаться в одном учреждении с захватчиками-большевиками. Весь гарнизон города Саратова должен исполнять приказы военно-революционного штаба, «Комитета Защиты Революции». Все граждане не должны признавать никакой другой власти, кроме власти Временного Правительства и «Комитета Защиты Революции».

Во втором — «Ко всем гражданам г. Саратова» — она уже приказывает:

«В полном согласии с Городским и Земским демократическими Самоуправлениями, партийными организациями всех социалистических[1]) и демократических партий и организаций,

---

[1]) Вот что пишет об этом «полном согласии с... партийными организациями всех социалистических... партий» член Саратовского Комитета РСДРП (меньшевиков) В. П. Поздняков, вышедший из организации 25 ноября 1917 г.: «Как известно, на заседании Саратовской Городской Думы

за исключением большевиков, Советом Крестьянских Депутатов, революционным элементом армии, оставшимся верным Временному Правительству Российской Республики об'являем к немедленному исполнению:

Для защиты революции и верховных прав народа все граждане города Саратова, способные носить оружие, все воинские части и солдаты и офицеры, не состоящие при частях, обязаны немедленно же явиться в городскую управу и представить себя в распоряжение Комитета Спасения Революции, образованного при городском самоуправлении. Все граждане, верные Временному Правительству, ведущему страну к Учредительному Собранию, обязаны выполнить свой гражданский долг перед революцией и страной и немедленно исполнить настоящий приказ.

Губернский комиссар Временного Правительства Д. Топуридзе.
Городской Голова Мукосеев.
Комитет Защиты Революции, г. Саратов, 27 октября 1917 г.».

Этими воззваниями дума собрала около себя значительную группу (говорили, до 3.000) офицеров, учащихся высших и средних

---

26 октября был образован при Думе пресловутый Комитет Спасения Революции. Созданием этого Комитета было положено начало кровавой драмы 28—29 октября и всей последовавшей за ней злобной распри в среде демократии. В создании этого рокового Комитета приняло участие и большинство гласных членов меньшевистской фракции совместно с с.-р., н.-с. и к.-д. Но, может быть, многим членам организации казалось, что думская меньшевистская фракция действовала в строгом контакте с Саратовск. Ком. РСДРП (меньшевиков). Ошибались. Комитет организации в своем большинстве прежнего состава, в котором и я состоял членом, до 10—11 час. вечера 27 октября, не давал фракции своего согласия на организацию «Комитета Спасения Революции». Мало того, что не давал; на совещании фракции во время перерыва заседания думы 26 октября он, т.-е. мы, большинство партийного комитета, резко восстали против идеи создания «Спасательного» Комитета. Указывалось на опасность для революции вообще и для меньшевистской организации в частности существования «Спасательного» Комитета, этого в сущности центра власти в противовес власти другой, Советской. Несмотря на наши протесты, призывы во-время остановиться, некоторые члены нашей думской фракции делают по-своему, и на возобновившемся заседании Думы того же 26 октября председ. фракции Л. Е. Майзель произносит страстную речь с призывом бороться за Временное Правительство и вносит предложение избрать Ком. Спас. Рев. Предложение принято, Комитет создан, а этот Комитет образует при себе еще военный комитет с боевым центром. С этого момента политическая атмосфера начинает накаливаться. Не считаясь с мнением и решением Комитета меньшевиков, руководители меньшевистской думской фракции и со-

учебных заведений, служащих из разных государственных и общественных учреждений, а также добровольцев из мещанских «горных» поселков. Вся эта разношерстная публика, включая 12—15-летних ребят, вооружалась думским штабом и распределялась по баррикадам, возведенным вокруг думы по значительному радиусу. Несколько оперившись, «повстанцы» начали налеты на отдельные советские квартиры (у бедняги Михаила Васильева разворовали почти всю квартиру), на отдельные казармы и советские автомобили... Это значило, что они не только придерживаются обороны, но и начинают делать «пробу» для наступления. Расхищение арсенала показало нам, что больше медлить нельзя.

Военный совет, рассмотрев оперативный план Щербакова, одобрил его и приказал кольцом окружить «думских озорников». Взято было из гарнизона до 3.000 надежных солдат из разных

зданный при их участии «Спасательный» Комитет с городским головой Мукосеевым и ком. Врем. Правит. Д. А. Топуридзе вкупе считали, однако, полезным для успеха их предприятия ссылаться, где нужно, на авторитет Комитета меньшевистской организации. Вот факты: вечером того же 26 октября мне, состоящему в то время экспедитором газеты «Пролетарий Поволжья», доставили пакет от бывш. комиссара Временного Правительства Д. А. Топуридзе, в котором оказалось знаменитое воззвание ко всем гражданам гор. Саратова за подписями... Всем известно, что это воззвание начиналось словами: «В полном согласии с Гор. и Зем. демократ. самоуправ., партийными организациями всех соц. и дем. партий и организаций, кроме большевиков...». Заканчивалось призывом всех без различия граждан гор. Саратова взяться за оружие на защиту Временного Правительства. От кого? Надо было подразумевать от Совета. Но никому почти не было известно, что согласия на ссылку, между прочим, на нашу организацию ни Топуридзе, ни Мукосеев и Комитет Спасения Революции от Комитета и организации меньшевиков не получали и не просили. Такая ссылка, скажу я, есть обман населения, политический подлог... После событий 28—29 октября я еще надеялся, что общее собрание членов организации меньшевиков отменит политический курс, взятый безответственными деятелями... и вытащит организацию из той лужи, в которую ее втащили. Но на первом же собрании—19 ноября—я увидел резкую перемену в составе собрания: прежних членов организации, главным образом рабочих, оказалось очень мало, но зато появилось много новых лиц...». К этому письму видного комитетчика меньшевиков, помещенному в № 85 «Саратовского Социал-Демократа», имеется приписка: «к изложенному в этом письме присоединяюсь... (тоже член комитета и организации меньшевиков) И. Терентьев». Таков был развал меньшевистской организации накануне Октябрьского боя.

полков [1]). Прежде чем занять позиции, части подходили к зданию Испол. Комитета. Их сопровождали свои полки с музыкой и знаменами. Получилась внушительная вооруженная демонстрация всего гарнизона, который явился засвидетельствовать свою преданность Советской власти. Васильев, я, Плаксин, Осипов и другие приветствовали полки, говорили полные горячего убеждения и энтузиазма речи, воодушевляя, вернее — раздувая огонь, горевший в этой одноцветной, серой, но глубоко прекрасной массе. Каждый полк клялся в верности Совету и с развернутым знаменем или уходил на позицию или домой — в казарму. Под начальством Александра Федорова явилась и рабочая красная гвардия. Здесь была вся своя братия, главным образом рабочие ж.-д. мастерских. Боевое, веселое настроение. Части шли, как на парад. Командовали ими по преимуществу члены военной секции, солдаты-комитетчики, батальонные и ротные командиры и—в лучшем случае — унтер-офицера. Официальное начальство уклонилось или под предлогом болезни, или просто попряталось, а известная часть пробралась в думу. Наши патрули много потаскали у «субчиков» разного рода оружия. Досталось и милиции. Милиционеров, на которых дума также рассчитывала, мы арестовывали, отнимали вооружение и, пригрозив, отпускали во-свояси. К трем часам операция была закончена: наши войска окружили думу плотным кольцом. К пяти часам на Соколовой горе под начальством Кучина была поставлена батарея и взят прицел на думу. Оставалось дать приказ к наступлению... В военной победе уже никто не сомневался.

В ожидании заседания Исполкома мы с Михаилом заслушивали доклад Щербакова. Вдруг зазвонил телефон. Из думы говорил Александр Минин; он предлагал закончить дело миром, для чего просил допустить их делегацию. Мы дали свое согласие и приказали Щербакову пропустить парламентеров. «Эх, товарищи, — заметил этот солдат, — лучше бы без всяких разговоров: мертвые не вредят». Тем временем собрались ребята. К прежним прибавились Кубраков и Ковылкин. Я набрасывал для парламентеров условия сдачи. «Пришла делегация думы», — возгласил Осипов. — «Хорошо, скажи им, чтобы подождали: сейчас начнется заседание Исполкома»... — «Какая делегация?» — «В чем дело?» — посыпались вопросы. Нарисовав общую картину обстановки, я сообщил

---

[1]) В Саратове стояли: 14 пехот. зап. бригада (3 и 4 пулеметн. полки, 90, 91, 92 пех. зап. полки, 141 п. п., 241 п.п.) и 4 зап. артиллерийская бригада.

о происшедших переговорах. «Очевидно, увидав свое бессилие, — под конец заметил я, — дума прислала делегацию, которую и предстоит выслушать Исполкому. Однако прежде чем ее принять, я предлагаю обсудить условия сдачи», — и предложил проект, который сводился к пяти пунктам, а именно: 1) полная сдача оружия с гарантией полной личной неприкосновенности всех сдавших оружие; 2) роспуск военных организаций, штаба и комитета при думе; 3) никаких противодействий мерам и распоряжениям Совета; 4) спокойная оранизация работы городского самоуправления; 5) немедленная отмена всех постановлений Комитета Революции, городского самоуправления и губернского комиссара и призыв населения всей губернии к спокойствию и работе во всех учреждениях.

Все согласились с проектом, один лишь Щербаков неодобрительно покачивал головой. Решили принять делегацию. Вошло человек семь или восемъ. Наши ребята глядели на пришельцев с большим интересом. В делегацию думы входили: от штаба — Друшляков, от меньшевиков — Белавинский и П. Васильев, от эсеров — А. Минин, Телегин, Тугаринов и «не состоявший в числе гласных думы» Н. Мясоедов. Несколько по-актерски Минин произнес речь, в которой заявил, что «дума и партии не хотят кровопролития — они полагают, что распрю можно окончить почетным миром для обеих сторон». От имени Исполкома говорил я. Смысл моей речи сводился к указанию на то, что заявление делегации о нежелании кровопролития звучит лицемерием; вся недавняя деятельность думы и думских партий, наоборот, свидетельствует о желании померяться силами и от словесной критики перейти к критике оружием, поэтому мы не верим хорошим заявлениям и требуем принять наши условия, — которые тотчас же и прочитал. Минин, переглянувшись со своими коллегами, ответил, что наши условия для них неприемлемы.

В этот момент выходивший зачем-то Щербаков вернулся и попросил во внеочередном порядке доложить Исполкому о важнейших обстоятельствах. Слово ему было дано. Отрубая каждое слово, Щербаков заявил, что в тот момент, когда делегация разговорами о мире баюкает Исполнительный Комитет, штаб при думе начал военные действия: на Валовой улице он открыл огонь. Есть раненые. «Если штаб немедленно не прекратит свои преступные действия, я немедленно отдам приказ артиллерии и мы пойдем на штурм».

Заявление производит сильнейшее впечатление и на нас, и на делегацию. Происходит замешательство. Минин «ради бога» просит переговорить со штабом, схватывает дрожащей рукой переданную ему трубку телефона и свирепо допрашивает Понтрягина и Диденко. Те отвечают, что им ничего не известно. Друшляков тоже хватается за телефон. «Передайте, — говорю я ему, — что, если они не прекратят преступной игры, Исполнительный Комитет немедленно отдаст приказ открыть огонь». — «Нет, нет, я сейчас», — и передает мои слова. Последовал ответ, что сейчас же все меры будут приняты. Повидимому, там забегали в панике.

Смотрю на Михаила. Лицо его побледнело. Глаза горят. Ноздри раздуваются. Он обрушивается жестокими словами на «социалистов», которые предали революцию в феврале, которые предали ее в июне и июле, которые предали в эпоху Каледина и Корнилова и которые предали и предают ее в эти страдные дни. Он требует от них, «если осталась хоть искорка социалистического стыда и крупица разума», безоговорочно и немедленно — во имя революции — принять наши условия. Атмосфера накаляется еще сильнее. Я вижу, как лица их тускнеют и делаются отталкивающе злыми... Смягчает Лебедев, который довольно спокойно, несколько даже резонирующим тоном убеждает их принять условия. Они мнутся, заводят длинные «принципиальные» разговоры. «Я жду», — обрывает их Щербаков. Я пользуюсь этим окриком, чтобы, с одной стороны, поставить на место несколько зарвавшегося Щербакова, и с другой, — чтобы подвинуть дело к концу. «Именем Исполнительного Комитета, — говорю я, — приказываю вам, товарищ начальник гарнизона, до особого распоряжения держать оборону и не отдавать приказ о наступлении. Предлагаю делегации в пятиминутный срок обсудить условия и дать нам исчерпывающий ответ. Считайтесь с тем, что наступают сумерки. Нервы напряжены с обеих сторон. Темнота еще более нервирует. Один выстрел может начать кровавую страницу».

Друшляков хватается в отчаянии за голову и как-то странно бормочет: «Необходимо принять все меры... я прихожу в ужас от последствий»... — «Дайте нам место посоветоваться», — просит Телегин. Мы хотим их провести в соседнюю комнату, но она оказывается полной народу, который с нетерпением ждет результатов. Едва я вышел, как все набросились на меня с вопросами. Пришлось вернуться и предложить членам Исполкома временно покинуть комнату, оставив делегацию одну. Мы вышли. Ужасно

долго тянулись эти пять минут. Победа была обеспечена, но мы искренно не хотели кровавых жертв.

По миновении срока мы снова вошли. «К каким результатам пришла делегация?» — «От имени штаба я готов подписать условия целиком», — заявил Друшляков и, взяв лист с условиями, торопливо его подписал. То же сделал меньшевик-рабочий Белавинский и Мясоедов. Минин, а за ним Телегин, как делегаты, также подписали, но «лично», принимая первые два пункта, не согласились с остальными [1]). Нам, конечно, не важно было личное мнение делегатов, мы считались с их официальной подпиской. С нашей стороны подписались — Михаил, Лебедев, Плаксин, Савельев, Осипов и я. Подлинник был немедленно сдан в секретариат, а копия — делегации. У всех свалилась гора с плеч. В соседних комнатах началось ликование; наши рабочие радостно передавали друг другу: «Мир! Мир!».

Для наиболее безболезненного проведения условий сдачи Друшляков, а за ним на перебой и остальная делегация стали просить Исп. Комитет делегировать с ними своих представителей. На мое предложение некоторым товарищам итти в думу они ответили молчанием. Пришлось итти самому, при чем на вторичный вызов ко мне присоединились: солдат Хрущев и комендант Серегин. Впоследствии пошел П. А. Лебедев.

Выйдя из Исполкома, мы уселись на извозчиков и двинулись в путь. Дальше Гимназической улицы нас не пустили. Пришлось слезть. Тотчас же меня окружила группа наших солдат, беспечно стоявших под прямым обстрелом с думской баррикады, которая находилась в саженях пятидесяти. Отрядом командовал член военной секции — низкорослый солдатенка, похожий на сердитого воробья,—т. Окунев. Я указал солдатам на нелепость такого стояния: «Ведь вы даже не винтовочная, а револьверная мишень». — «Ничего, — отвечали беззаботно солдаты, — нешто они решатся тронуть... сопля...» — «А если?» — «Тогда...» — и потекла «словесность». Тем временем мой спутник известил противника о нашей миссии, и я увидел, как, перескочив баррикаду, с белым платком пошел к нам навстречу Диденко. Как хлопотливый хозяин, повел он нас через свои сооружения. Надо признать, что баррикады были построены с знанием дела. От защитников баррикады до меня долетали довольно неприятные словечки: «Чего, мол, смо-

---

[1]) Протокол Исп. Ком. Сар. Совета от 28 октября (№ 2).

треть на эту сволочь... расстрелять его надо», — и в уши липла самая похабная брань. Наконец, мы внутри думского здания. Поднимаюсь по лестнице во второй этаж. Везде валяются мешки, земля, солома, какие-то кипы исписанной бумаги; у окон и дверей стояли шкафы и прочее; повидимому, эти шкафы были чем-то набиты и служили щитами от пуль. В зале думских обычных заседаний нас встретила любопытствующая толпа женщин и подростков. Бывший секретарь Совета — «интернационалистка» Лавлер [1]) набросилась на меня с упреками за тот «ужас», которому мы подвергаем «товарищей» и т. п. Отмахнувшись от истерики, я пошел дальше за своим путеводителем. Он привел меня в самую отдаленную и узкую комнату, где помещались господа «Шаброльцы». У дверей я увидел Хрущева. «Тов. Антонов, они меня арестовали». — «Как так?! Гражданин Диденко, потрудитесь освободить этого товарища — он, как и я, представитель Совета». Хрущев был немедленно освобожден. Как только я вошел, Чертков уселся за стол и высокопарным стилем произнес: «Непрерывное заседание думы продолжается». Удивительное пристрастие к фразе было у этих людей!

Однако всклокоченная, истерически настроенная дума, — если можно было назвать думой эти сорок человек разношерстной публики, — долго не могла успокоиться и подчиниться своему председателю. «Где наши делегаты? Почему их нет?» — «Вы их арестовали?» — кричали они на меня почти хором. «Успокойтесь, они не арестованы... сейчас придут, — насмешливо говорил я, — по просьбе вашей делегации мы уполномочены Советом наблюдать за порядком выполнения условий, принятых вашей делегацией, и обеспечить нормальную ликвидацию сложившейся обстановки». Между тем, приходит их делегация, и настроение присутствующих падает на несколько градусов. Минин делает доклад о переговорах, при чем, сообщая о своем личном мнении, ловко толкает думу на срыв соглашения. Во время его речи прибегает кто-то и истерически кричит: «Товарищи... они наступают... наступают...». Начинается бестолковая суетня и паника. Жалко было на них смотреть в этот момент. Куда девался весь их «фасон»! Чертков и другие просят меня «остановить наступление». Я соглашаюсь и, уходя с Понтрягиным, предупреждаю: «Кончайте быстрее со своим обсуждением... надвигается ночь...».

---

[1]) Ныне коммунистка.

Выйдя из думы, мы пошли к нашим передовым частям. Действительно, солдаты были сильно взволнованы. Им почудилось, что думцы не только арестовали меня, но и расстреляли. Некоторые уверяли меня, что они даже слышали крики о помощи. «Вы видите, — сказал я Понтрягину, — до чего доходит дело... нервы напряжены... уже началась галлюцинация... Тянуть дольше нельзя»... Успокоив солдат, я уговорился с ними, что если я через полчаса не вернусь к ним — это будет значить, что думцы разорвали соглашение и арестовали меня. Затем мы вернулись.

Та же волынка. Опираясь рукою на кольтовскую кобуру, закинув вверх голову, в каком-то шаманском самозабвении, Майзель призывал думу расторгнуть соглашение и осудить делегацию, которая превысила свои полномочия. Сообщив о переговорах с солдатами, я потребовал категорического ответа. Чертков поставил вопрос на голосование. Первый раз—отвергли. Второй раз—приняли. Майзель требовал третьего голосования...

Мое время истекало. В этот момент входит Диденко и зовет меня к телефону: «Вас вызывает спешно Васильев». — «Владимир, иди скорее... солдаты волнуются... нет сил... они опять стреляют...» — «О чем он?», — настороженно спросил Диденко, — «Ничего особенного... ворчит, что долго тянется канитель... Ну, мне пора к солдатам... проводите меня». Я быстро пошел к выходу. По дороге встретил тоже уходящего Лебедева.

Когда я перешагивал неприятельскую баррикаду, ее защитники спрашивали: «К чему пришли?» — «К миру». — «Дай, бог!»... Наши солдаты по-прежнему стояли посреди улицы (на кресте Московской и Гимназической улиц). Я быстро направился к ним. Лебедев уже был там. Не успел я подойти, как с баррикады раздалось шумное «ура», за которым последовал оглушительный залп из винтовок и трескотня пулеметов... Этот залп был крайне неожиданным. Солдаты бросились в рассыпную. Меня увлекли в отрезок Гимназической ул. (между Московской и Царицынской), причем сбили с ног, вдребезги раздавили пенснэ. Таким образом, я оказался полуслепым. Что их побудило к этому сумасшедшему шагу? Скорее этого можно было ожидать от наших солдат, мало дисциплинированных и утомившихся долгим стоянием почти перед носом противника. Единственно, что мне тогда пришло в голову, это то, что некоторые офицеры, возмущенные «принятием позорной сдачи», взбудоражили сидящую за баррикадами молодежь и

Акт договора между Исполкомом и думцами 27 октября 1917 г.

залпом пытались сорвать соглашение. На этот залп последовал ураган залпов с нашей стороны.

. . . .

В Исполкоме толпилась масса народа. Михаил уехал наблюдать за разоружением. Я поехал в военный городок, где солдаты осадили ту часть школы прапорщиков, которая не пошла в думу. И во-время. Они только что сдались солдатам. Приказав их выстроить в колонну, окружить надежным караулом и вести к Исполкому, я пошел рядом, чтобы помешать кровопролитию. Несмотря на то, что солдаты сдерживали себя при мне, они все же не могли окончательно подавить глубокую ненависть к «юнкарям». Нет-нет, да кто-нибудь выделится из караула, протянет руку к плечу прапорщика и, сорвав погоны, начинает с остервенением топтать их в грязь. На погоны солдаты смотрели, как бы на личного своего врага — они видели в них символ своего угнетения. Всю дорогу «юнкаря» шли с поднятыми вверх руками и только у Исполкома солдаты позволили им их опустить. В помещении Исполкома их разместить не удалось: там свободные комнаты были битком набиты приведенными Михаилом арестованными думцами. Пришлось их отправить на гауптвахту.

* * *

«После начала пальбы, — информировал Исполком Михаил, — приходили три делегации. Эти делегации самым отвратительным и трусливым образом торговались с нами. Наконец, условия были приняты. Утром я поехал в думу. Они хотели снова поднять болтовню, но я их оборвал и заявил, что теперь нам будет гораздо труднее спасти им жизнь. Но все же мы слово свое держим, и если даже придется погибнуть, охраняя их, — я погибну. Я сказал им, что пойду впереди. Если бы видели, какие они были жалкие! Тут только они поняли, в какое положение поставили себя своим глупым восстанием. Солдаты и рабочие расположились шпалерами. Я пошел впереди, уговаривая солдат не трогать побежденных. Солдаты слушались, но все же не могли удержаться от того, чтобы не давать тумаков и не срывать погон. Особенно были раздражены пулеметчики. Один так и припал к пулемету. Мгновение, один поворот—и мы все были бы уничтожены. Лишь мое присутствие и мои убеждения удерживали стихийное раздражение. Привели мы их сюда и посадили —

частью здесь, частью в соседнем доме» [1]). Большевики сдержали слово: кровь сдавшихся не была пролита. Солдатская и рабочая масса, на которую с таким презрением смотрели эти господа, сумела даже в такой острый момент удержать себя от расправы над врагом, против которого накипело столько ненависти и обиды...

Не обошлось и без курьезов. Один из них едва ли известен прошлым революциям: наши войска не только «взяли» баррикады, но и... с'ели их. Оказалось, думские баррикады были сложены из мешков, наполненных айвой. «Ничего себе — сладкие баррикады у буржуев», — смеялись солдаты, напихивая в рот и по карманам айву [2]). Этот курьез и победа над думцами вызвали в солдатах благодушное настроение, но все же неудовлетворенный инстинкт мести и самосохранения заставил их рассыпаться по городу и производить обыски, разоружения и аресты командного состава. Целыми толпами в течение нескольких дней с утра до вечера водили арестованных офицеров в военную секцию, при чем мне неизвестно ни одного случая, чтобы кто-нибудь из них был убит. ИК постановил: произвести полное разоружение офицеров и назначить ответственных приемщиков оружия [3]).

Так закончилась первая попытка буржуазных и мелко-буржуазных партий вырвать вооруженной рукой власть из рук Саратовского Совета. Эта попытка и им и нам стоила крови: несколько человек было убито, до десятка тяжело раненых и много раненых легко. Глубоко жалею, что не помню имен этих жертв (кроме одного — коменданта Исполкома т. Серегина, который был контужен в руку).

5. ПЕРВЫЕ ДНИ ВЛАСТИ СОВЕТОВ

На следующий день (29 октября) с раннего утра помещение Исполкома наполнилось женами и всякими родственниками аре-

---

[1]) Протокол Исп. Ком. Саратовского Совета от 29 октября 1917 г. (№ 3); октябрьский № «Известий Саратовского Совета» (1918 г.) с блестящей, но очень суб'ективной статьей М. И. Васильева (перепечатана во 2-м сборнике Саратовского Истпарта).

[2]) Впоследствии наш Совет Городских Комиссаров, «рассмотрев вопрос об уплате 3.665 р. владельцу айвы, употребленной меньшевиками и эсерами на устройство баррикад против Советской власти, постановил: владельцу уплатить и пред'явить иск на соответствующую сумму местным организациям партий меньшевиков и эсеров».

[3]) Протокол Исполн. Комитета Саратовского Совета от 31 октября 1917 г. (№ 5).

стованных. Они ловили каждого члена Исполкома, то умоляя, то требуя освободить арестованных.

Решили поставить в заседании и дать принципиальный бой. На заседании присутствовали: Васильев, Плаксин, Савельев, Кучин, Корнеева, Алексеев, Ковылкин, Бабушкин, Мицкевич, Косолапов, Банквицер, Радус-Зенкович, Левит, Кубраков, Хвесин и др. (Здесь раз навсегда нужно отметить, что состав Исполкома был в то же время составом партийного Комитета с представителями от районов.) После моей и Васильева информаций о событиях истекших суток некоторыми т.т. был поставлен вопрос об освобождении арестованных.

В этот момент является на заседание делегация от меньшевиков во главе с Капитановским и — если не ошибаюсь — Димантом [1]). Капитановский просит дать ответ на три вопроса, которые их уполномочил поставить меньшевистский Комитет: 1) в каком положении находятся арестованные (ходят, мол, слухи, что все они избиты и изувечены до неузнаваемости—почти, при смерти); 2) почему конфискована их газета «Пролетарий Поволжья»— и значит ли это, что в Саратове отменена свобода печати для социалистических партий, и 3) можно ли получить пропуск на свидание с Чертковым и Майзелем? Ответ Капитановскому держал Васильев. Успокоив их, что с арестованными ничего страшного не произошло, что их держат под арестом в их же собственных интересах, он обещал дать немедленный пропуск; газета конфискована за воззвания думы против Совета. Почувствовав, повидимому, уступчивость в словах неуступчивого человека, Капитановский поднял тон и стал упрекать Исполком в нарушении условий сдачи, в нарушении «честного слова» — сохранить неприкосновенность личности сдавшихся. Тут я уже не вытерпел и наложил им по первое число. Отметив, что они сами уже несколько раз нарушили соглашение,—результатом чего был недавний бой и кровавые жертвы, — я обратил их внимание на то, что если бы мы хоть чуть-чуть походили на них, то мы бы так и сделали, как они того требуют: «во имя свободы личности мы бы их не арестовывали, а просто выкинули на произвол взволнованной ими стихии». И предложил: «Хотите, мы это сейчас же сделаем?». Но, конечно, они этого не хотели и ушли из Исполкома, «не солоно хлебавши».

---

[1]) Ныне коммунист.

После долгих и жарких споров было решено отпустить гласных, взяв обязательство от гласных думы и членов управы исполнять пункты 3—5 соглашения, заключенного при сдаче. Решено было также оттянуть освобождение военных впредь до решения по этому вопросу Совета. Заключить «второе соглашение» Исполком поручил Лебедеву и Мицкевичу, но они попали в несколько неловкое положение. Арестованные не пожелали с ними говорить, а потребовали для заключения условия... меня и Васильева. Мы к ним не пошли, и дело протянулось до 31 октября, когда, наконец, это новое соглашение было подписано и имело следующий вид:

> «Обсудив предложение Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов об условиях освобождения задержанных гласных Думы, Городская Дума постановила [1]): 1) Принять предложения Исполнительного Комитета от 31 октября 1917 года, переданные письменно Думе того же 31 октября в копии, засвидетельствованной членами Комитета П. А. Лебедевым и В. П. Антоновым; 2) предложить Комитету освободить вместе с гласными также и трех военных, содержащихся в одном помещении с гласными и, если немедленное освобождение военных по техническим соображениям [2]) не возможно, то перевести этих военных в одно помещение с юнкерами; 3) желательно, чтобы технический план освобождения был разработан представителями Исполнительного Комитета совместно с представителями Думы. Подписали: Председатель Думы Д. К. Чертков, секретарь П. Романенко».

Подлежащие освобождению возбудили, в свою очередь, просьбу, поддержанную теми же нашими товарищами, об освобождении лидера меньшевиков Черткова и лидера эсеров Телегина. Исполнительный Комитет пошел и на это.

> «Обсудив вновь вопрос, — гласит постановление, — о немедленном освобождении Черткова и Телегина, ИК постановляет: указанных лиц, а также оставшихся добровольно гласных освободить и развести по домам. Ответственность за последствия возлагается на всех, кто добивается немедленного освобождения. С своей стороны ИК примет все меры к предотвращению возможных печальных последствий, но требует и от противной стороны немедленного и честного выполнения всех принятых на себя обязательств, согласно договору, заключенному со второй думской делегацией».

---

[1]) Они и под арестом «заседали» как дума, хотя из 113 гласных сидело всего до 30 чел.; остальные или не явились, или, как, напр., Топуридзе и Минин, бежали до сдачи.

[2]) Под техническими соображениями имелась ввиду физическая опасность от разгневанных революционных масс.

Глубокой ночью произошло освобождение людей, ответственных за пролитую кровь,—людей, которые при подписании условий сдачи, а затем освобождения, не только не думали их исполнять, но таили в себе надежду снова попробовать утопить нас в крови при помощи казачьего нападения... Мы же собственными руками восстанавливали против себя боевой центр озлобленного мещанства. Результаты не замедлили сказаться...

Ночью 29 октября мы получили сообщение, что на Саратов двигаются казаки: расквартированная по имениям для их защиты от крестьян вторая оренбургская казачья дивизия стала стягиваться в Баланде, а затем занимать Татищево, Поливановку, Разбойщину и «Немецкий хутор». 30 октября выяснилось, что казаки вызваны «для подавления большевистского бунта» бывшим губ. комиссаром Врем. Правительства Д. Топуридзе, эсерами и некиим купцом Юрьевым. Телеграмма Топуридзе, обращенная к начальнику дивизии, попала в наши руки, но, к сожалению, в копии... Требование Топуридзе впоследствии было подтверждено приказом войскового атамана Дутова. Последний приказывал дивизии «взять Саратов в 24 часа и ликвидировать большевиков, восстановив законную власть и порядок» [1]). Дивизии пришлось долго собираться, и она опоздала почти на два дня. Весь план думских партий стал, как на ладони. Они хотели нас взять в двойное кольцо: от думы своими силами и с черты города силами казаков. Волынка с переговорами была не случайной — они просто хотели выиграть время; опоздание казаков и более или менее быстрые операции с нашей стороны разрушили этот гнусный план, суливший в случае удачи длительные и кровопролитнейшие бои.

Не теряя ни минуты, мы снова восстановили в прежнем составе Военный Совет, назначили начальником обороны Щербакова и лихорадочно приступили к организации отпора. Рылись окопы, строились «гнезда» для пулеметов, расставлялись пулеметы и ба-

---

[1]) В «Известиях войскового атамана оренбургского казачьего войска» от 3 ноября 1917 г. было помещено следующее провокационное сообщение: «Из Саратова. Город в руках большевиков. Офицеры и юнкера в каторжной тюрьме испытывают на себе режим хуже германского: морят голодом, их бьют плетьми, прикладами, на день приковывают к стенам, не дают спать и, убирая нары ночью, позволяют только сидеть, всех одели в арестантскую одежду. В городе грабежи, расстрелы и виселицы. Войсковой атаман (Дутов) отдал приказ Оренбургской дивизии, находящейся вблизи Саратова, освободить город от большевиков».

тареи, протягивалась колючая проволока. Михаил, Щербаков, я, Ковылкин, Бабушкин и Плаксин носились на автомобиле по позициям, как бешеные, везде внося своими выступлениями энтузиазм и желание показать «проклятой казачне», что «пехтура» сумеет постоять за себя и за Советскую власть. Железнодорожники рыли окопы на своем участке. Поблескивая глазами и потряхивая винтовками (которыми, кстати сказать, многие почти не умели владеть), ребята «бахвалились», что «вдрызг» разнесут казаков. То, что рабочие и солдаты после боя под думой снова оказались на одном боевом фронте, связало тех и других сильнее, чем какая бы то ни было агитация. За это, по крайней мере, можно было поблагодарить наших врагов: эта связь и в дальнейшем играла крупнейшую роль.

В военном городке, где находилось большинство полков, был создан «полевой штаб» под начальством малограмотного (из крестьян) прапорщика Плешивина — очень горячего и исполнительного человека. Володя Соколов, как командир роты 3-го пулеметного полка, входил в этот штаб и помогал своими советами. Между прочим, он очень ругался за постройку окопов... По его мнению выходило, что эти окопы были «ловушками», что, повидимому, было недалеко от действительности. В нашем распоряжении была крупнейшая (количественно) артиллерия и до трехсот пулеметов, сила, достаточная для отражения не только дивизии, но и целого корпуса. Одно лишь нас беспокоило—это почти полное падение дисциплины в частях; но и эта беда оказалась не столь опасной; угроза казачьей расправы вздыбливала инстинкт самосохранения, создавала «чувство локтя», т.-е. ту солидарность, которая известна всем, кто бывал в бою. Наш гарнизон, в буквальном смысле слова, ощетинился. Налажена была разведка. Но лучше военной разведки были крестьяне пригородных деревень, которые через ходоков извещали нас о каждой вновь прибывшей сотне, о каждой перегруппировке, о вооружении, настроениях и о каждом подслушанном разговоре казачьих офицеров. С своей стороны Исполком послал в качестве разведчиков, а при удобном случае и агитаторов, Яковлева и Тренина.

Из всех данных мы выяснили, что рядовые казаки не очень-то жаждут покорить Саратов; наоборот, большинству хотелось бы не драться, а уйти домой и заняться своими делами. Но казак со всей «требухой» подчинен офицеру. Прикажут драться—и «ничего не поделаешь — пойдешь». Так как офицерству тоже, повиди-

мому, не улыбалась перспектива лезть на пулеметный и батарейный огонь, то они не очень торопились, даже топтались на месте. Это, конечно, тоже не способствовало внедрению боевого настроения в рядовую казачью массу. Нужно было подтолкнуть извне намечающуюся трещину. Первые учуяли солдаты. Выбрали из своей среды несколько человек и пошли «брататься» с казаками, те, в свою очередь, тоже выделили делегацию, которую и привели на вокзал наши солдатские дипломаты.

В четыре часа утра 31 октября состоялось там же, на вокзале, совещание, которое закончилось самым дружественным образом: делегация нами была сагитирована. В числе делегации не было ни одного командного чина, и поэтому казаки держали себя очень свободно, обо всем расспрашивали и во все вникали. На прощание они попросили прислать к ним «знающего человечка», который бы «надоумил» всю команду. Мы тотчас же послали для этой цели двоих: одного от рабочих — Степана Ковылкина, а другого от солдат — т. Пестряева. Оба, кроме того, члены Совета. На следующий день они вернулись, гордые выполненной задачей и весьма оптимистически настроенные. Ковылкин рассказал следующее:

«По приезде нас отвели в казачий штаб, где подробно стали опрашивать, зачем мы явились. Я на вопрос ответил вопросом: А зачем вы прибыли к нам? — Нам ответили, что прибыли они по призыву губернского комиссара Топуридзе, ввиду беспорядков в Саратове. Я предлагаю для выяснения положения устроить собрание, но офицеры его не хотят. Рядовые казаки соглашаются. На митинге присутствуют сотен до трех, при чем митинг разделился, в конце концов, на две части. Бо̀льшая часть соглашается, что им нечего делать, а надо итти домой, и выражается довольно резко против своего офицерства; другая, меньшая, держится офицеров и готова к наступлению. Некоторые казаки предлагали нам арестовать офицеров, если наши солдаты им помогут. Я указал им, что они сами, без помощи солдат, могут во всякое время арестовать офицеров и доставить их нам. Штаб держится лукаво и предлагает нам убрать фронт, увезти с позиций батареи, тогда-де и они уйдут. Однако нам сочувствующие раскрывают игру штаба и советуют на эти условия не соглашаться. Всего казаков пока прибыло 900 человек».

Товарищ Пестряев в дополнение заявляет: «При прощании с начальником отряда тот заявил, что он не будет наступать, и посоветовал дать ему от нового губернского комиссара соответ-

ствующую телеграмму, которой он и подчинится[1]). Казаки желают от нас получить фураж и требуют освобождения всех арестованных казаков».

Конечно, мы тотчас же приняли меры к освобождению захваченных и арестованных казаков, за исключением двух, подозреваемых в шпионаже. Это освобождение и возвращение станичников к своим частям произвело очень выгодное впечатление.

7 ноября, часов в 12, явилась и была проведена в Исполком новая делегация из 8 человек; она представила нам следующую резолюцию:

> «Общее собрание Комитетов частей 2 Оренбургской казачьей дивизии, сосредоточенных под городом Саратовом, 6 ноября 1917 года, под председательством 15 Оренбургского казачьего полка есаула Пащенко, постановило: послать в г. Саратов делегацию в составе 8 человек с председателем нашего собрания. Избранной делегации завтра в 8 часов отбыть по назначению. Делегации предлагаем: 1) заявить, что части 2 Оренбургской казачьей дивизии прибыли под Саратов по распоряжению Временного Правительства, имевшего в виду беспорядки в нем; 2) проверить спокойствие в г. Саратове, о чем заявили нам две делегации оттуда; 3) решить и выяснить вопрос обо всех арестах в связи с политическим моментом; 4) предложить восстановить прессу на принципах свободной печати; 5) просить собрание, в котором будет наша делегация, вынести постановление на предложения нашей делегации и об отношении к политическому моменту. Председатель собрания под'есаул Пащенко. Секретарь младший урядник Быков».

Делегация, за исключением под'есаула, состояла из рядовиков-станичников. Они проболтались. Оказывается, они не ожидали, что их проведут в Исполком; они намерены были беседовать с солдатами гарнизона. Чтение наказа, взгляд на под'есаула и дальнейшая беседа с ним убедила меня в том, что под'есаул задумал,—повидимому, по поручению офицеров,—остроумную игру. Он думал сразу убить двух зайцев. Во-первых, на наш ход по разложению казаков при помощи агитаторов он хотел ответить таким же ходом и сыграть на разложении нашего гарнизона, а во-вторых, через «наглядное обучение» делегации вернуть настроение казаков в сторону политической ориентации своего офицерства. Большой и, посвоему, сильный плут был этот под'есаул Пащенко. Но он попал на острые зубы. С солдатами ему увидеться не пришлось, а с нами

---

[1]) Протокол Исп. Ком. Саратовского Совета от 1 ноября 1917 г. (№ 6).

в агитации он, конечно, справиться не мог и проиграл. Ему пришлось одному отчаянно бороться против всего Исполкома за влияние на свою же делегацию. Мы шаг за шагом его разбивали и, в конце концов, целиком овладели делегацией. А когда к этому мы ее еще хорошо накормили, наши станичники нас стали называть «братками». Это называется — дальше некуда. В довершение всего, мы составили ответ на наказ, защитниками которого должны были быть (и были) делегаты перед своими частями. Ответ этот гласил:

> «Исполнительный Комитет, обсудив все требования казаков, вынес следующее постановление: 1) предлагается казакам выехать отсюда на свои старые стоянки, где они были до вызова; 2) всем, собравшись на своих старых стоянках, возбудить ходатайство об отправлении их на родину или на фронт, по их усмотрению; 3) делегация должна письменно отказаться от всякого вмешательства в нашу политическую борьбу и от всякого содействия противнику; 4) всем частям, которые под Саратовом, направиться в старые стоянки, для чего дается срок в размере двух суток с момента прибытия делегации обратно; на своих старых стоянках быть не позже утра 10 числа сего месяца; 5) потребовать от казаков ареста и выдачи Топуридзе, как уголовного преступника. По пункту 1-му требования казаков решено поставить вопрос делегации: признают ли казаки власть Советов, декреты о мире и земле? По пункту 2-му решено отказать. По пункту 3-му: арестованных держать, потому что борьба не кончена, и мы держим их лишь в целях безопасности как арестованных, так и города, — во избежание лишнего кровопролития. По пункту 4-му: пресса, которая занимается клеветой и призывает к восстанию против рабочего и крестьянского правительства, против власти Советов, должна быть закрыта. По пункту 5-му: по вопросу о политическом моменте. Совет признает власть рабочего и крестьянского правительства, организует власть Советов на местах, — для проведения декретов о немедленном созыве Учредительного Собрания, о земле, о мире и других декретов. Всех, кто борется против Советов с оружием в руках, Совет рассматривает как врагов рабочих и крестьян и как врагов революции».

Выдачу Топуридзе, как уголовного преступника, мы поместили по следующим основаниям: из бесед выяснилось, что Топуридзе живет при штабе дивизии и все время умоляет (как и делегаты саратовских эсеров — Минин и меньшевиков — Майзель) двинуть дивизию на Саратов. А так как при побеге он не только выписал себе авансом жалованье, но и захватил крупную сумму го-

сударственных денег, то его можно было квалифицировать, как вора. С этим документом и отправилась делегация во-свояси, а 9 ноября они были у нас снова с таким постановлением:

«Собрание дивизионных, полковых, сотенных и командных комитетов 2 Оренбургской казачьей дивизии в заседании 8 ноября 1917 г., обсудив все предложения Исполнительного Комитета Саратовского Совета Солдатских, Рабочих Депутатов, постановило: 1) предложить ИК Саратовского Совета С. и Р. Д. из саратовских вещевых складов выдать отпущенные теплые вещи по наряду окружного интендантства Казанского военного округа, а также и недотребованные для частей дивизии сапоги, — и не препятствовать получению всего потребного для дивизии; 2) потребовать подвижной состав и чтобы этот состав поднял в течение одного дня всю дивизию; 3) на новых стоянках дивизия должна быть обеспечена продовольствием, нарядами на фураж и продовольствие и доставкой их по железной дороге. В этом ИК должен дать письменное обязательство; 4) установить безусловно свободный пропуск казакам, проезжающим по Саратовской губернии. По п. 1-му: не желая вызвать братоубийственного столкновения и призывая граждан и гарнизон города Саратова решить политический момент взаимными соглашениями, дивизия решила вернуться на старые стоянки. По п. 2-му: заявить, что вопрос о дальнейшем нашем направлении и действиях зависит от нас. По п. 3-му: считается выясненным в 1-м пункте. По п. 4-му: так как дивизия не вмешивалась в политическую жизнь г. Саратова и поэтому не желает принимать в этом какое-либо участие, никакого отношения в настоящее время к Топуридзе не имеет. Председатель собрания генерал-майор (подпись неразборчива)».

Устно делегация сообщила, что казаки собирались арестовать Топуридзе, но он, предупрежденный офицерами, бежал из дивизии — как впоследствии выяснилось — в Грузию, где и пресмыкался в качестве дипломата меньшевистского правительства перед немецкими и английскими бронированными кулаками [1]).

На эти предложения Исполком постановил:

«По п. 1-му: отпустить казакам по нарядам, сделанным интендантством, теплые вещи и недотребованные сапоги. Вещи, требуемые по нарядам интендантства, будут выдаваться беспрепятственно при соблюдении казаками принятых ими на себя обязательств. По п. 2-му: технические условия транспорта

---

[1]) В конце 1923 г. Топуридзе сменил гнев на милость и, кажется, считает не вредным вступить в РКП.

дают возможность отправить дивизию в течение двух суток; срок отправления с 10 ноября. По п. 3-му: ИК будет всемерно содействовать правильной доставке довольствия и фуража, но, принимая во внимание современную разруху в продовольственном деле и транспорте, просимого обязательства принять на себя не может. По п. 4-му: ИК предоставляет свободный пропуск казакам, проезжающим по Саратовской губернии не с полицейскими целями. Подписали: Председатель Антонов. Дивизия согласна. Под'есаул. Урядники (подписи)».

Так без боя, на который толкали дивизию партии мелко-буржуазного социализма, мы добились сперва нейтрализации, а затем и ухода казаков из-под Саратова. 12 ноября начальником полевого штаба, по распоряжению Военного Совета, был отдан следующий приказ:

«Позиция под г. Саратовом. По революционному отряду по охране г. Саратова от казаков.

§ 1. Разведка донесла, что казаки уезжают из занимаемой ими местности, но уезжают медленно, а потому Революционный Штаб просит товарищей солдат постоять еще немного; ибо много стояли, — постоим еще немного, дабы ни одного казака вблизи не было.

§ 2. В случае снятия охраны под городом Саратовом, Революционный Штаб приказывает командирам полков выслать каждому полку на свою позицию оркестр духовой музыки и под командой начальников сторожевых участков в порядке привести людей в казармы. Самовольно и согласно телефонограмм не снимать с позиций теварищей-солдат, так как за последнее время контр-революционеры стали злоупотреблять по телефону и могут воспользоваться случаем. Снимать с позиции только по письменному приказанию, за подписью членов и начальника Революционного Штаба. Музыканты должны быть извещены в полках об этом.

§ 3. Революционный Штаб приказывает всем командирам полков и начальникам сторожевых участков внушить тов. солдатам о бесцельной стрельбе из винтовок и револьверов. Приказ этот прочитать во всех ротах, батареях и командах. Нач. Рев. Штаба прапорщик Плешивин. Делопроизводитель (подпись)».

Этот приказ был вызван полным недоверием к казакам. А между тем солдаты, узнав об уходе казаков и потеряв ближайшую цель сидения в окопах, стали манкировать своими обязанностями, и при об'ездах позиций очень часто можно было видеть целые участки, покинутые частями. Те же части, которые продолжали нести службу «скуки ради», поднимали хаотическую пальбу, пугая

окрестное население. Солдаты подчинились этому «деликатному» приказу, снова заняли позиции и проторчали, несмотря на значительный мороз (одеты они были по-летнему), чуть ли не до конца ноября. Последние полки дивизии покинули территорию губернии лишь в первых числах декабря, и за это время мы не раз обменивались с ними разными то мягкими, то острыми резолюциями и «отношениями». Больше всего они беспокоились за свое оружие и медленность отправки. Разоружить мы их, при полном желании, конечно, не могли. Для этого нужно было предпринимать длительный поход с ничтожными в перспективе результатами: пехотой конницу не поймаешь. Но, конечно, ничего не имели, когда их разоружали (как, например, в Петровске) по пути. Оставшиеся сотни, узнавая об этих разоружениях, приставали к нам с «гарантиями» и требовали правомочных провожатых. Мы же, в свою очередь, нажимали на них и принимали разные меры, чтобы разрушить их боеспособность. Это тем более стало необходимым, что в казачьих областях усилилось контр-революционное движение. Не говоря уже о донцах, заволновались оренбургские и уральские казаки. Оренбургский Совет был разогнан [1]).

А самарский делегат тов. Рыкунов на закрытом заседании Исполкома от 22 ноября сообщил не только о том, что «в Оренбурге казаки арестовали большевиков и разогнали Совет», но и

---

[1]) Вот что писали оттуда: «Горячая просьба товарищей солдат всего Оренбургского гарнизона во главе с Советом Солдатских Депутатов. Мы, солдаты Оренбургского гарнизона, просим единогласно принять необходимые меры для регулирования стремления казаков против солдат, которые неоднократно поднимали оружие на беззащитных наших представителей Совета Солдатских Депутатов и которые в настоящее время арестованные сидят в губернской тюрьме. Во главе казачьих войск стоит атаман Дутов, к которому присоединилось все наше офицерство и всецело вошло в подчинение казакам, и вместе с ними школа прапорщиков. В настоящее время солдат всех распустили домой, как эвакуированных, так и сроков службы с 1900 по 1914 г. включительно. Ввиду этого, как солдат остался малый процент, казаки насилием оружия, совместно с офицерами и юнкерами, в ночь на 5 декабря отобрали все оружие у солдат и растащили ротные цейхгаузы, а солдатам приказали не подниматься с постелей и угрожали, бравши на руку винтовки и наставляя револьверы, почему и приходится хоть умирать или сдаваться в подчинение, дабы не допустить этих недоразумениев. Просим вас, ротные представители и весь Совет Солдатских Депутатов, принять необходимые меры для постановления общего правильного порядка; при сем расписался Колякин, Петр, 1917 год, 7 декабря, гор. Оренбург. (Печать 5-й роты 238 пех. зап. батальона)».

о том, что они «наступают на Челябинск». 27 ноября на наказ 15 Оренбургского казачьего полка Исполком дал резкий ответ:

«Саратовскому Совету Солдатских и Рабочих Депутатов стало известно, согласно полученных телеграмм, что атаманы Каледин и Дутов собирают в казачьих областях полки казаков и юнкеров для борьбы с революционной Россией. Оренбургские революционные солдаты обезоружены и представители Совета арестованы. Саратовский Совет обещал предоставить казакам свободный пропуск, если они будут передвигаться не с «полицейскими целями». Ввиду того, что казаки собираются в своих областях даже не с полицейскими, а прямо с мятежными целями, Саратовский Совет не может оказать содействия казакам даже при передвижении их в пределах Саратовской губернии. Не может он содействовать и немедленному возвращению оружия разоруженным в других городах частям. Саратовский Совет предлагает казакам, расквартированным в Баланде, оставаться там впредь до распоряжения Совета. Вместе с тем, Саратовский Совет подтверждает прежнее свое постановление, что будет всемерно содействовать правильной доставке довольствия и фуража находящимся в Саратовской губернии казакам, но, принимая во внимание современную разруху в продовольственном деле и в транспорте, обязательство на себя принять не может. Председатель Исп. Комитета Антонов».

Чем, кроме таких мер, мы могли помочь Пензе и Самаре от двигающихся казачьих эшелонов! В конце концов, агитацией, торможением проезда, частичными разоружениями мы все же достигли значительных успехов. Человек триста под командой полковника (кажется) Орлова ушли на Дон, к Каледину — это самая реакционная часть. Остальные были «разложены», а некоторые полки (напр., 16-й) принимали даже такого сорта резолюции:

«1917 г. ноября 30 дня на общем собрании казаков 16 Оренбургского казачьего полка под председательством вахмистра Шестакова и секретаря ур. Мухина, на котором заслушали делегатов от Совета Р., С. и К. Депутатов о текущем моменте, о действии контр-революции полковника Дутова, единогласно постановили и вынесли следующую резолюцию: 1) Мы, казаки, которые на своих плечах вынесли эту проклятую, кровавую бойню, которая была в интересах капиталистов и приверженцев полковника Дутова, Каледина и Корнилова и ведущая к братоубийственной гражданской войне с солдатами, рабочими и крестьянами; 2) мы, казаки 16 Оренбургского полка, протестуем и посылаем проклятие тем безумцам, которые осмеливаются поднять знамя восстания против истинной народной власти Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Де-

путатов; 3) мы требуем принять суровые, беспощадные меры против холопов, поддерживающих руку буржуазии в лице контр-революционеров — полковника Дутова, Каледина и Корнилова; 4) мы, казаки, обращаемся ко всем угнетенным казакам с призывом протестовать против контр-революции и немедленно на местах выбрать Советы казачества. Да здравствует освобожденное, угнетенное, неимущее казачество! Да здравствует народная власть! Да здравствует Учредительное Собрание! Подписи: Шестаков, Мухин».

Сколько здесь было «военной хитрости»—трудно сказать, но во всяком случае они играли об'ективно положительную роль, создавая подозрение контр-революционных сотен к таким «красным» частям, а с другой стороны, давая нам материал при встрече и разоружении казачьих полков, проходивших через Саратов после демобилизации армии. Одним словом, казаки уехали, не причинив Саратову и Совету никакого серьезного ущерба. А это и требовалось доказать.

6. БОРЬБА С ГОРОДСКОЙ ДУМОЙ

Пользуясь присутствием оренбургских казаков под Саратовом, освобожденная дума открыла энергичную кампанию против Совета. Прежде всего она обратилась с «об'яснительным» воззванием «ко всем гражданам гор. Саратова», в котором излагала ход событий таким «невинным» и маниловски «благородным» тоном:

«Светлое лицо великой народной революции омрачилось братоубийственной гражданской войной... Саратовская Городская Дума, избранная всеобщим, равным... (и т. д.), имеющая в своем большинстве представителей социалистических партий, стоя на страже общественной безопасности и революционного порядка, решила создать Комитет Спасения Революции. По предложению Думы в Комитет должны были войти представители Думы, земства, Совета Крестьянских Депутатов и Совета Солдатских и Рабочих Депутатов. Комитет должен был предохранить Саратов от кровавых схваток, насилий и разгромов и в час решения вопроса о воссоздании и преобразовании центральной власти в России быть оплотом революционного народа против всяких покушений реакционных и контрреволюционных групп на завоеванные права и вольности народа. Комитет образовался. К нему примкнули представители армии, борцы революции с ее первых дней, но в него не вошли большевики, имеющие большинство в последнее время в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов. Сам Совет распался: из него ушли социалисты-революцио-

неры и социал-демократы меньшевики. Верные долгу революции, пришли охранять и защищать правомочных представителей революционного народа воинские группы и военные дружины. За поддержку народной Думы решительно высказались демократические организации, как: почт.-тел., жел.-дор., союз городских служащих и рабочих, собрание пятисот рабочих «Новая Этна» и мн. др. Была надежда, что к народной Думе присоединятся артиллерийские и другие части гарнизона. Верилось, что большевики не посмеют атаковать революционное народное представительство большинства Саратовской губернии, что кровопролитие будет избегнуто. Комитет Спасения Революции и его военно-революционный штаб избрали оборонительные позиции, оборонительную тактику. Но не сбылось то, что ожидала и желала дума. Большевистский Совет пошел против народной Думы, против народного земства, против Губ. Сов. Кр. Депутатов. Под наведенными на Думу пушками, в тесном кольце окружавших Думу большевистских войск начались переговоры о предупреждении вооруженного столкновения. Большевики лихорадочно торопили с окончанием переговоров, не ручаясь за выдержку и дисциплину своих войск. В 6 час. вечера с пришедшими в Думу представителями Исп. Ком. большевистского Совета было достигнуто соглашение. При огромном неравенстве вооруженных сил, во избежание кошмарной бойни, которая могла бы привести к разгрому и разграблению населения города, Дума, стоя на страже интересов населения, решила распустить свои боевые органы и дружины. Вопрос о мерах достижения полной неприкосновенности защитников Думы и отводе недисциплинированных большевистских войск решено было разработать в присутствии представителей обеих сторон. Но не прошло и нескольких минут по уходе представителей Исп. Ком. большевистского Совета, как по защитникам Думы раздались выстрелы не то провокационные, не то со стороны тех же недисциплинированных частей, за настроение и поведение которых не ручались представители большевиков. Началась перестрелка, затрещали пулеметы, загрохотали пушки. Братская кровь пролилась... И всю ночь с короткими перерывами рвалась шрапнель над зданием народной Думы, по которой было пущено более ста орудийных выстрелов. Среди убитых и раненых защитников народной Думы оказались солдат и офицер, студент и рабочий, революционный юнкер и вольный гражданин. Среди трескотни пуль, под орудийным огнем, Дума на своем непрерывном заседании принимала все возможные меры к проведению в жизнь принятого соглашения. Только к утру прекратился огонь. Открылась новая, все еще продолжающаяся смутная страница в истории населения, в истории демократии гор. Саратова».

И в конце заявление, что «дума остается защитницей верховных прав народа».

Узнаю в манере письма этой «об'яснительной записки» руку Черткова. Под внешней формой искренности и правдивости этот способный интеллектуалист умел преподнести самый неправдивый пасквиль и тонкую инсинуацию. Изображая, с одной стороны, «невинно обиженных», дума, как уже было упомянуто, пыталась создать боевую коалицию с казаками. Комитеты меньшевиков и эсеров развили бешеную агитацию вокруг вопроса об освобождении офицеров и юнкеров, «которые выполнили долг чести, прийдя на помощь народной думе». На всех перекрестках они травили наших, упрекая их в том, что большевики не держат слова и не отпускают из тюрьмы юнкеров и офицеров. Упрек этот, конечно, был самой гнусной спекуляцией, ибо антисоветским агитаторам было прекрасно известно, что «под полной личной неприкосновенностью» Исп. Комитет имел в виду сохранение ж и з н и, это—во-первых; а во-вторых, срывом первого соглашения и сложившейся в связи с призванными думой казаками новой ситуации, мы имели даже с чисто мелко-буржуазной точки зрения полное «право» держать «военных» в качестве заложников. Но какое им было до этого дело; главное — борьба с Советом, борьба с большевиками какими угодно средствами. Кроме того, они мобилизовали «общественное мнение» интеллигенции и послали в Исполком с требованием освобождения «думских защитников» несколько «народных» делегаций. Почти всем им было отказано.

Наконец, вопрос дополз до пленума Совета. Доклад делал Михаил. Протокол заседания Совета [1]) так изложил этот доклад:

> «Он (Васильев) напоминает собранию, что Исполнительный Комитет, правильно ли он поступил или неправильно, дал определенное обещание сдавшимся в Думе сохранить полную их неприкосновенность. Но Исполнительный Комитет предупредил их, что для личной их безопасности они должны быть на время оставлены под арестом. С другой стороны, присутствие казаков, вызванных для усмирения, также мешало освобождению юнкеров, ибо было бы безумием, имея на фронте казаков, допускать в тылу их союзников. Но обязательство остается обязательством. И в Москве юнкера по договору получили немедленную полную свободу и — даже необходимое для их обучения оружие. И в Петрограде юнкера отпускались груп-

[1]) Протокол заседания Совета Р. и С. Д. от 9 ноября 1917 г.

пами, если не все, то во всяком случае часть их. И это понятно, ибо мы не можем рассматривать их как преступников, тем более, что многие из них шли только по приказанию, а иные по ребячьему легкомыслию. Теперь, когда у нас появляется некоторая уверенность, что казаки уедут, ИК обязан выполнить условия договора. Но, выпустив юнкеров, мы должны их обезвредить, и так как они прикомандированы к школе прапорщиков от разных частей, то мы их и разошлем по этим частям. Кроме того, среди юнкеров много украинцев, о которых Украинская Рада хлопочет, чтобы они были отправлены на родину, и мы не видим никаких оснований отказать Раде в ее просьбе. Многим солдатам трудно примириться с тем, что на свободу будут выпущены их враги; вкрадывается сомнение — не пойдут ли они снова против нас, но надо помнить прежде всего, что Исполнительный Комитет дал определенное обязательство, и обязательство это должно быть выполнено».

Предложение — сообщает далее протокол — вызвало горячие дебаты и возражения, главным образом со стороны солдат, которые указывали, что сейчас еще, пока неспокойно, было бы большой ошибкой выпустить наших врагов. Иные с горечью говорили о том, что никто из буржуев не беспокоился о наших товарищах, годами сидевших в тюрьмах, а юнкерам, которые каких-нибудь две недели сидят в заключении по самым серьезным мотивам, уделяется так много внимания. Но после долгих прений Совет принял предложение ИК и вынес следующую резолюцию (против одного и семи воздержавшихся):

«Саратовский Совет С. и Р. Депутатов, принимая во внимание данное ИК обещание, постановляет: по уходе из-под Саратова всех казаков — освободить содержащихся в тюрьме юнкеров и офицеров, отправить их по своим частям и уведомить эти части об участии их в борьбе с народом».

Резолюция Совета дала возможность удержать военных еще недели на две, т. е. к тому времени, когда у Саратова действительно не осталось ни одного казака, вызванного думцами. Не получая удовлетворения в этом вопросе, думские партии, для которых освобождение юнкеров действительно было вопросом чести, решили нажать на нас при помощи сильно-действующего средства — всеобщей забастовки служащих самоуправления и всех других правительственных и общественных учреждений. Отовсюду приходили наши комиссары, рабочие, служащие и просто нам сочувствующие и сообщали о происходящих собраниях служащих разных учреждений, на которых принимались постановления о за-

бастовке. Нужно было нанести предупредительный удар. Исполкомом было принято воззвание и 5 ноября оно было распространено по городу.

«...По всей России, начиная с Петрограда и Москвы, власть перешла в руки Советов, — говорилось в воззвании. — В Саратове власть также перешла в руки Совета. Первой задачей Совет поставил охрану нормальной жизни, безопасности и порядка в городе. Однако в проведении этой задачи он встретил препятствия со стороны: 1) казачьих частей, вызванных Городской Думой и бывшим губернским комиссаром г. Топуридзе; 2) самой Городской Думой и 3) со стороны руководителей служащих почты и телеграфа, общественных, частных, казенных учреждений и городского самоуправления. Советские полки грудью отстаивают город и Совет от казачьего погрома... Городская Дума нарушила свое слово и грозит забастовкой, если не будут выпущены задержанные с оружием в руках юнкера и другие военные. Служащие, вернее руководители, указанных выше учреждений требуют тоже освобождения г.г. юнкеров и — тоже грозят забастовкой. Исполком заявляет, что «выпустить задержанных в данный тревожный момент, — в момент, когда под городом стоят казаки, когда внутри города банда контр-революционеров готовит удар, — было бы верхом безумия...». Исполнительный Комитет не пойдет на удовлетворение этого требования... Забастовка служащих, забастовка Думы и Управы грозят для населения неисчислимыми бедствиями... Поэтому Исполнительный Комитет призывает служащих одуматься, не быть предателями революции, не итти за своими изменниками-руководителями и не только не начинать забастовки, но с еще большей энергией приступить к работам. Если же служащие не одумаются, то, возлагая всю ответственность на них, Исполнительный Комитет, при общем сочувствии населения, примет меры, включая самые решительные, дабы восстановить нормальную жизнь в городе и спасти население от последствий преступной забастовки»...

Для усиления впечатления Военная Секция одновременно выпустила воззвание от себя, в котором, обращаясь к тем же общественным элементам, предупреждала, что забастовкой они могут вооружить против себя исстрадавшихся людей под серыми шинелями.

«Вы можете, — писала Военная Секция, — вызвать наш справедливый гнев, ибо когда царское самодержавие угнетало нас, вы спокойно в тепле сидели, и только теперь вы желаете воспрепятствовать нашему возвращению домой. Не делайте же этого. Гоните всех тех, кто вас к этому призывает».

Удар был нанесен правильно и своевременно. Оба воззвания произвели на «оппозиционеров» впечатление разорвавшейся под ногами бомбы. В течение 3-х дней они не могли прийти в себя от досады и ярости, что так неожиданно разбили их замыслы. И только 9 ноября, обретя дар слова, дума пролепетала протест против «попыток восстановить те или иные части населения города против правомощной народной думы» и заявила, «что, несмотря на все тяжелые условия... в интересах всего населения не перестанет его обслуживать до последней возможности». А деньков через шесть появилась на стенах большая желтая афиша с прокламацией стачечного комитета служащих под фирмой «Совет делегатов служащих и рабочих государственных, общественных и частных учреждений г. Саратова». «Распущенный» Комитет Спасения Революции переменил свою вывеску... В этой прокламации, начинавшейся так же, как и наше воззвание, словом—«свершилось», пойманные с поличным плуты открещивались от забастовки и заявляли: «мы, служащие... одушевлены желанием продолжать работы и не помышляем о забастовке. Мы отвергаем заявление большевиков в их погромном листке от 5 ноября с. г. о возможности с нашей стороны забастовки». И, конечно, в конце: «товарищи солдаты и рабочие, сбросьте иго большевиков, предающих свободу». Под прокламацией подпись шестидесяти трех «организаций» [1]).

---

[1]) Все они настолько характерны для определения антисоветских сил и их удельного веса, что я решаюсь их привести в примечании целиком. Вот они: 1) Исполн. Комитет Сарат. Губ. Совета Крестьян. Деп.; 2) Союз городских служащих и рабочих; 3) Служащие канцелярии Гор. Управы; 4) Союз служащих Управления Рязано-Урал. ж. д.; 5) Союз печатного дела; 6) Союз книгопечатников; 7) Союз служащих и рабочих завода «Новая Этна»; 8) Союз раб. завода Макарова; 9) Окружная организация п.-т. союза; 10) Служащие управления п.-т. округа; 11) Служащие центр. п.-т. конторы; 12) Служащие телефонной сети; 13) Служащие городских п.-т. учреждений; 14) Коллектив телеграфа; 15) Союз техников п.-т. округа; 16) Общественный Комитет; 17) Союз учителей народных школ г. Саратова; 18) Общество педагогов; 19) Организация курсисток Высших женских курсов; 20) Союз служащих уездного земства; 21) Союз служащих губ. земства; 22) Союз служащих Губ. Продовольств. Управы; 23) Союз служащих гор. продов. организации; 24) Союз лиц конторского труда; 25) Союз нотариальных служащих; 26) Совет госуд. служащих Сарат. губ.; 27) Союз служащих Управления Земледелия; 28) Союз служащих Казенной Палаты; 29) Союз Податных Инспекторов; 30) Союз служащих канцелярии податных инспекторов; 31) Союз служащих сарат. казначейства; 32) Губ. организация служащих казначейств; 33) Союз служащих 1-ой поволжской партии; 34) Союз слу-

Едва ли составители воззвания смеялись, когда набирали 63 названия — им недоступно чувство смешного. Мы же потешились вдосталь. Ведь вот же изобретатели: одних и тех же людей «подали» под разными названиями, на манер старого анекдота: «курица в супе, курица боком и курица плашмя». Враг обнаружил себя и количественно и качественно. И только. Забастовка нами была провалена. На время — и то хорошо... Мы довольствовались пока малым.

* * *

Провал с восстанием, провал с казаками, провал с юнкерами, провал с забастовкой — это немножко много было даже для этих неунывающих пошехонцев. Вся организованная обывательщина пылала ненавистью к «насильникам», выносила протестующие резолюции и искала новых, менее для нее опасных, форм борьбы. Эту форму дал известный нам руководитель местной к.-д. организации А. А. Никонов. «Необходимо изолировать большевиков от какой бы то ни было культурной поддержки», — советовал он в «Саратовском Листке». Этот лозунг приобрел молниеносную популярность в среде мелко-буржуазных партий и шедших за ними служилых элементов. Начался период интеллигентского саботажа. Исполком сперва пытался ликвидировать саботаж идейным воздействием. Был созван ряд собраний служащих (почтово-телеграфных, банковских, судейских, гор. самоуправления и т. д.), на кото-

жащих 2-ой Поволжской партии; 35) Служащие Управления работ и изысканий в Поволжьи; 36) Служащие в Контрольной Палате; 37) Союз служащих Сарат. Отделения Гос. Банка; 38) Союз служащих Конторы Зернохранилищ Гос. Банка; 39) Союз служащих Сарат. Отделения Крест. Поземельного Банка; 40) Союз служащих Сарат. Отделения Дворян. Земельного Банка; 41) Союз Землемеров; 42) Сарат. Отделение Всеросс. Союза служащих кредитных учреждений; 43) Совет Прис. Поверенных: 44) Служащие Суд. Палаты; 45) Союз служащих Окружного Суда; 46) Союз служащих Мировых Судебных Установлений; 47) Союз служащих Губ. Правления; 48) Союз служащих Гор. Воинского Присутствия; 49) Служащие Губ. Воинского Присутствия; 50) Служащие Дух. Консистории; 51) Союз служащих Сберег. Кассы; 52) Служащие Волготопа; 53) Служащие Волгомета; 54) Служащие Губ. Акцизного Управления; 55) Союз служащих Поволжского Окружного Страхового Т-ва; 56) Служащие Губ. Земельной Управы; 57) Союз служащих Страх. О-ва «Россия»; 58) Служащие Канцелярии Губ. Комиссара; 59) Служащие Варшавского Отд. Крестьян. Позем. Банка; 60) Служащие Гос. Контроля по строительным операциям; 61) Служащие Инспекции мелкого кредита; 62) Губ. Комитет партии социалистов-революционеров; 63) Губернский Комитет РСДР Партии (объединенной).

рых лучшие наши агитаторы доказывали все безумие и всю преступность саботажа против рабочей власти. В ответ раздавались брань, свист и насмешки. «Вы скоро слетите, хамы, вам не удержать власти»,—кричали нам собравшиеся. Все наши попытки разбивались о злобно-тупое, заскорузло-невежественное упорство «пролетариев по положению и буржуа по психологии». Более того, в этих наших попытках идейного воздействия они видели нашу слабость, заподозривали нас в трусости и, воодушевленные подобным самовнушением, усиливали саботаж до безобразных размеров. Таким образом, долго державшаяся легенда о том, что большевики, придя к власти, прежде всего взялись за преследование и насилие над интеллигенцией, представляет или тактический ход контр-революционных элементов, или удобную выдумку для самооправдания. На самом деле произошло так: интеллигентная мелкая буржуазия, не доверяя силе пролетариата, попробовала совместно со старыми господами нанести ему сокрушительный удар. Пролетариат дал отпор и, конечно, в драке не церемонился. В результате пострадали кое-какие туполобые головы...

Наблюдая рост консолидации мелко-буржуазных элементов, как результат попустительства с нашей стороны, мы неоднократно ставили на Исполкоме вопрос о том, что пора от убеждения перейти к более понятным для этой публики мерам. Но часть членов Исполкома оттягивала применение решительных мер. Помню, например, когда еще в первые дни Октября мы хотели закрепить за нами почту и в особенности телеграф, П. А. Лебедев добился согласия «еще раз побеседовать» с чиновниками. Без всяких особенных разговоров они арестовали нашего дорогого товарища и, если бы не нажим Исполкома и не посылка вооруженных людей, быть бы ему с зело помятыми боками. Его так и прозвали «миротворцем». Наконец, убедившись на опыте, что из «разговоров» толку получается мало, Исполком стал принимать более веские решения: под охраной вооруженной силы стали посылаться во все учреждения свои комиссары с широкими полномочиями. Но и это помогало слабовато. Комиссары чуть ли не ежедневно докладывали о том, что служащие больше митингуют, чем работают, расхищают дела, пишущие машинки и ценные вещи; на телеграфе дают возможность переговариваться дутовцам и калединцам; что Главный жел.-дор. Комитет, формально об'явивший себя нейтральным, фактически ведет оживленные сношения с врагами Совета и способствует передвижению контр-революционных отрядов.

Было совершенно ясно, что следует прибегнуть к таким репрессиям, которые бы могли произвести сильное впечатление и внедрить, хотя бы механически, в это «охранное войско» буржуазии сознание, что Совет есть действительная власть, могущая распоряжаться судьбою граждан и проводить свои веления с подобающей непреклонностью. Пока существуют дума и земство,— эти центры политической борьбы мелкой буржуазии,—саботаж будет действовать организованной, и борьба с ним приобретет крайне затяжной и тяжелый характер. Однако большинство исполкома решило повременить с разгоном, считая основной задачей ликвидацию казачьего фронта и некоторую внутреннюю самоорганизацию. Но для того, чтобы ослабить процесс организации буржуазии и прекратить злостную клеветническую агитацию, в прессе, мы добились в Исполкоме закрытия всех враждебных Совету и партии газет. Исполком несколько раз перерешал вопрос. Аргументация, которая проводилась за недопустимость ликвидации буржуазной печати и, наоборот, за ее закрытие, очень хорошо отражается в следующем отрывке из протокола заседания Исполкома от 4 ноября:

> «Антонов, исходя из общего положения об из'ятии из рук буржуазии могучего и крайне ядовитого оружия — печати, ссылаясь на практику Петрограда и Москвы, настойчиво предлагает закрыть всю буржуазную и мелко-буржуазную прессу в городе. «Пусть же, наконец, поймут наши большевики-демократы, что оставлять печать в руках наших врагов — это значит собственными руками губить дело революции, это значит позволить через газету мобилизовать силы буржуазии, в особенности в деревне. Это же преступление! Наконец, наш долг итти в ногу с своим правительством и исполнять его декреты. Я предлагаю прекратить издание: «Известия Крестьянских Депутатов», «Почту», «Вестник», «Листок» и «Пролетарий Поволжья» — и не только прекратить, но и не давать новых разрешений». Корнеева, Бабушкин, Тренин, Венгеров присоединяются к предложению т. Антонова. Тов. Васильев предлагает закрыть газеты до особого распоряжения. Тов. Лебедев настаивает на свободе печати, мотивируя тем, что буржуазные газеты и так понизили тон, что они дают пищу для полемики, да, кроме того, мы таким образом совершенно лишаем губернию телеграмм и других полезных для нас сведений и тем самым даем пищу разным чудовищным слухам. Нужно не закрывать газету, а развить свою прессу до максимальных размеров».

Я все же по секрету отдавал распоряжения Алексееву о торможении выхода буржуазных газет. С большими колебаниями, но все

же газеты были закрыты. Наши газеты «Известия Саратовского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» и «Социал-Демократ» стали монополистами печатного слова. Враги тогда перешли на нелегальную печать, но мы, благодаря надзору Алексеева за типографиями, скоро свели эту попытку почти к нулю. Не обошлось без обысков и арестов. Одна из прокламаций меньшевиков, озлобленно ругая Кирилла Плаксина, писала: «Печать задушена, собрания разгоняются, идут аресты; в Комитете Социал-Демократической Партии меньшевиков производится обыск, и ордер на обыск подписывает рабочий Плаксин... Таких Плаксиных, к несчастию русской революции, нашлось не мало». Больше же всего попало нашему комиссару по делам печати, скромному, но испытанному твердому металлисту Алексееву. Он впоследствии так и погиб на своем посту от руки осатаневшего буржуя-типографщика. Активная часть Исполкома относилась к этим нападкам совершенно равнодушно.

После того, как думу выбили из забастовочного седла, боевая деятельность ее несколько упала. Хотя она по-прежнему и выступала против Совета, но эти выступления носили мелочной характер придирок. Некоторым товарищам даже казалось, что дума начала выдыхаться и что, быть может, нам удастся приручить ее и пользоваться работой «знатоков самоуправления». Напрасная надежда. Эта публика, приняв внешне защитный цвет, вела лихорадочную работу по мобилизации мелко-буржуазных сил и ждала только удобного политического момента, — нового нашего крупного шага, чтобы снова во всеоружии выступить против Совета и ненавистных большевиков. Случай этот им скоро подвернулся, но,—вместо удара по нас, их выпад обратился против них,— дума была разогнана.

Дело было так. Чуть ли не на другой день после ухода первых эшелонов казаков из-под Саратова мы получили известие о том, что местная буржуазия снимает свои вклады из местных отделений банков и переводит их в Ростов-на/Д., Екатеринодар, Ставрополь и Новороссийск, т.-е. в сферу влияния Каледина. Известия шли из двух источников: от служащих банков и от некоторых работников центральной почтово-телеграфной конторы. «Смотрите, — говорили нам, — не пройдет и двух недель, как наши банки крахнут и потянут за собой банк государственный. Ведь последнему они задолжали крупнейшие суммы». Мы решили захватить банки, но как быть с Исполкомом? Получить его санкцию—это значит, что через несколько часов после постановления город будет о нем

знать. Кого это постановление будет касаться, те сделают не только соответствующие выводы, но и произведут соответствующие действия. Мы явимся на пустое место. Это, конечно, не значит, что мы вообще не доверяли Исполкому. Он был не только вне подозрений, но и стоял на высоте положения; это значит, что в Исполкоме были отдельные товарищи, у которых крайне легкомысленно был привешен язык. Этих-то болтунов мы и опасались. «Без всякого злого умысла сорвут все дело»,—думали мы. Решили сделать, а потом доложить. Я вызвал к себе в комнатку трех энергичных ребят—членов Исполкома—Бабушкина, Хвесина и Тренина, предупредил, что я сейчас им выскажу мысль, которая не должна выйти за пределы четырех товарищей; что если завтра кто-нибудь будет знать о ней, это сочтется не только болтовней, но и хуже: предательством интересов революции буржуазии. Ведь только за малейший намек наши тузы с наслаждением отвалят кучу золота. Ребята отнеслись серьезно и заявили, что они перестреляют друг друга, или сами перестреляются, если пойдет такой слух. После этого я развил им мысль Ильича о необходимости захвата банков, как основных цитаделей буржуазного господства. Прочитал им, можно сказать, целую лекцию по финансовому вопросу и приступил к наброску практического плана. Ребята наперебой подсказывали практические меры, и в споре план был детально разработан. Записывала его Н. М. Антонова. В общих чертах он сводился к следующему: 1) банки занять одновременно в 12 ч. дня отрядами не свыше 25 человек; 2) отряды должны состоять из рабочих-красногвардейцев и солдат, дабы не было никаких кривотолков; 3) во главе отрядов поставить наичестнейших рабочих (намечены — Лалов, Кособоков, А. Агеев, Федоров, Бабушкин и др.); 4) при занятии банков никого не выпускать и никого не впускать. В случае налета банд открывать беспощадный огонь; 5) немедленно поставить часовых у банковских телефонов и никого к ним не подпускать, на вопросы по телефону извне отвечать, что телефон испортился; 6) у денежных кладовых и сейфовых комнат поставить немедленно часовых и никого к ним не подпускать; 7) о занятии немедленно сообщать председателю Совета; 8) Бабушкину в госуд. банке осмотреть золотой запас и составить акт осмотра; 9) начальникам отрядов установить наличные суммы банковых касс и составить соответствующие акты; 10) потребовать от директоров: а) списки всех лиц (с адресами), которые сняли с текущих счетов сумму свыше 5.000 рублей за время с 28 октября

по 18 ноября; б) списки с фамилиями и адресами арендаторов сейфов; в) балансы на 18 ноября; 11) подобрать комиссаров банка, без подписи которых не действительна ни одна операция; 12) никакая сумма денег не может быть выдана без разрешительной надписи — до 10.000 рублей — комисcара банка, а свыше — комиссара финансов.

Тут же я заготовил об'явление о взятии под контроль банков и сдал, кажется, Хвесину для напечатания его не позже 10 часов утра 18 ноября, т.-е. за два часа до захвата, при чем было решено заарестовать на все время печатания и до распубликования рабочих типографии (это была, кажется, типография военной секции с военно-обязанными наборщиками).

На следующий день явилась к Исполкому красная гвардия, отряд солдат (кажется из так называемой «военной красной гвардии») и вызванные товарищи на роль начальников отрядов. Их разбили, перемешали, поставили начальников, сообщили задачу и одновременно отправили на работу. Публика смотрела на эти отрядики, строила догадки, но не предполагала, в чем дело. Тайну сумели сохранить до конца. Ровно к двум часам, в полном порядке банки, включая государственный, были заняты, и я извещен об этом. Об'езжая банки, я везде пред'являл требования на списки и балансы. На вопрос служащих: «что будет, если мы не исполним требования?» — я отвечал: «Вы будете находиться безвыходно под арестом до тех пор, пока не выполните указанную работу». Этот ответ действовал на них, как ведро холодной воды на голову. Заносчивость как рукой сняло. Выпустив публику и опечатав советской печатью кассовые и сейфовые кладовые и подчеркнув, что чем скорее будет выполнена заказанная работа, тем скорее служащие попадут обедать, я уехал в Исполком.

Не прошло и часу, как из банков затрещали звонки телефона. Работа, которую — по первоначальному мнению директоров — можно было выполнить минимум в неделю, оказалась выполненной до положенного срока. Через два часа произошел второй об'езд. Управляющие, передавая документы, «убедительно» просили составить акты, с отметкой, что они, управляющие, вынуждены были подчиниться силе. «Помилуйте, — охали они, — это неслыханное дело: мы раскрываем коммерческую тайну наших клиентов». Акты составлялись, я их подписывал, — и наступало любопытствующее успокоение. Особенно много возни и «принципиальных» разговоров пришлось потратить на управляющего (и его помощ-

ника) отделения государственного банка. Бабушкин не выдерживал: пальцы его шевелились, сжимались в кулаки, а выпуклые глаза метали искры. Однако поладили и тут. Только после этого управляющий «заболел» и болел до тех пор, пока мы его не сместили.

Из представленных материалов мы увидели, какую рюху мы дали, не проделав операции раньше. Оказалось, что опытные финансисты и крупные торгаши сумели снять чуть ли не два десятка миллионов рублей, чем и обескровили до-нельзя банковский организм. То наследство, которое мы получили, выражалось в следующих суммах:

В отделении гос. банка: а) остаток кассы оборотной на 1 ноября 1917 года — 11.178.350 рублей 30 копеек; б) задолженность по текущему счету и вкладам — на то же число — 10.475.723 р. 14 к.; по всем частным банкам: а) остаток кассы на 1/XI 1917 г. — 3.440.784 р. 30 к.; б) задолженность по текущим счетам и вкладам на то же число — 72.865.360 р. 65 к.

К 18 ноября положение было совсем катастрофичным. Ничтожные оборотные суммы об'яснялись тем, что банки отправляли деньги от операций в свои центральные учреждения, а подкрепления от центров не получали, т.-е. произошла почти полная выкачка местных средств. Немедленно были подобраны контролеры, рекомендованные Хвесиным и Бабушкиным — т. т. Гаврилов, Рис, Кармаза, Богатырев, Шлиозберг, Пахомов, Розенберг, Муссолин и Куявский — почти все беспартийные и, за малым исключением, мальчики... Часа в 4 было расклеено наше «правительственное сообщение». И в этот и в последующие дни толпы испуганных обывателей собирались около воззвания и с ужасом читали:

«Товарищи рабочие, солдаты и ты — городская беднота — слушайте внимательно! Ваши враги — помещики и капиталисты — не дремлют... Расшатать еще больше хозяйство города, вызвать еще бо́льшую разруху и создать панику в населении — вот их задача... С момента поражения их сил под Думой капиталисты стали с лихорадочной поспешностью вынимать свои миллионные вклады из банка. Пошли слухи о вывозе больших денежных сумм из банков Саратова в Донскую область, к атаману Каледину. Напуганные слухами средняки-обыватели тоже бросились вынимать свои гроши из сберегательных касс. В результате стало наблюдаться безденежье. Банки прекратили размен. Рабочие, все трудовое население не стало получать из банков средств на расплату за работу. Капиталисты подготовляли денежный кризис. Исполнительный Комитет Со-

вета не мог равнодушно смотреть, как плетется для народа экономическая петля... Сегодня, 18 ноября, Исполнительный Комитет берет под контроль все саратовские банки и кредитные учреждения... Исполнительный Комитет примет все меры, чтобы в банках были средства, потребные на правильно понятые нужды народного хозяйства. А от всех капиталистов, которые взяли свои вклады с целью подорвать вконец денежные обороты в Саратове, Исполнительный Комитет потребует возврата в банки этих вкладов. Неподчинившихся он покарает жестоко, вплоть до конфискации всего их движимого и недвижимого имущества. С своей стороны Исполнительный Комитет обращается к мелким вкладчикам сберегательных касс и призывает их не тревожиться... Банк — крепость капиталистов — берется под надзор народной власти».

Эта операция была для буржуазии куда страшнее, чем даже дни шрапнельного и пулеметного огня. Рука пролетарской власти коснулась самого священного и самого чувствительного органа буржуазного существования — кошелька. Собственники толпами носились от одного банка к другому, но всюду натыкались на суровые фигуры часовых. Разыгрывались трагикомические сцены. Собственник готов был на все, — отдать в качестве взятки свое «личное» достоинство, детей, жену, самого себя и вообще все, что считается ценным в жизни, — лишь бы вернуть свои деньги. Сколько самого наглого надувательства и в то же время самого гнусного лакейства пришлось увидеть нашим юным контролерам с первых же дней своей службы. Это выявление «души буржуа» так на них подействовало, что большинство, за исключением прохвостов, стали убежденнейшими коммунистами...

Вполне естественно, что дума не могла спокойно пройти мимо этого акта, тем более, что и ее деятельность (поскольку эта деятельность зависела от финансовых операций городского общественного банка) подпадала под самый неприятный большевистский контроль. Дума также была задета, как собственница. Мобилизация же буржуазного отчаяния могла дать при удаче значительный политический эффект. Ведь большевики вообще долго не удержатся. Чем чорт не шутит, а вдруг думе удастся произвести «почин» в этом отношении, и Саратов станет первым городом, где восторжествует «истинная демократия»? На экстренном заседании 21 ноября дума, после грозных филиппик против «насильников», вынесла протест и расклеила его по городу в виде воззвания «к гражданам»:

«...В оправдание этого грубого насилия большевики говорят, что они захватили банки и поставили свой контроль над ними будто бы для того, чтобы воспрепятствовать выемке вкладов из банков, так как за последние несколько дней из банка взято много денег. Но кто виноват, что граждане бросились в банки и стали вынимать свои вклады? Никто, кроме большевиков, в этом не виноват».

Охарактеризовав значение банков в капиталистическом обществе, отказав большевикам в праве «распоряжаться деньгами, принадлежащими всему народу», воззвание оканчивалось такими патетическими и в сущности призывными к мятежу словами:

«Граждане, Саратовская Городская Дума, избранная всем населением, всеми вами, защищая народные интересы, протестует против нового насилия большевиков. Городская Дума протестует против вмешательства большевиков в деятельность общественного городского банка, так как банк этот принадлежит городу, и за убытки этого банка отвечает город всем своим имуществом... Особенно же, граждане, берегите всенародное достояние — государственный банк, государственное казначейство. Помните граждане, что и в Петрограде и в Москве большевики тоже начали с контроля, а кончили тем, что брали из банков деньги на свои надобности, на какие надобности—неизвестно, ибо они не считаются с народной волей и отчета народу не дают».

Это выступление думы, создавшее еще бóльшую панику в населении, во всем всевеликом саратовском мещанстве, захватившее даже некоторые слои рабочих и ремесленников-собственников, заставило, наконец, Исполком подойти вплотную к вопросу о роспуске думы. За дело снова взялась активная группа членов Исполкома, которую после одобренного шага с банками даже стали называть «инициативной группой». Снова был составлен план роспуска думы, подготовлена группа товарищей, которая должна была заместить управу; при чем, чтобы не было никаких сомнений, что создается особый орган по управлению городским хозяйством и орган советский, было принято его новое название — совет городских комиссаров. Затем был подготовлен приказ о роспуске. В нем говорилось:

«Саратовская Городская Дума, избранная в июльские смутные дни, потеряла всякое доверие в широких слоях саратовского населения. Мятеж против Советской власти, первый залп, начавший кровавую борьбу, преступное вовлечение в гражданскую войну детей и подростков, непрекращающиеся при-

зывы к борьбе и новому восстанию, отказ от честного слова вести нормальную работу самоуправления, злостная организация саботажа во всех отраслях хозяйства,—все это привело к тому, что рабочие, солдаты и городская беднота настойчиво потребовали роспуска противонародной Думы. Исполнительный Комитет, выполняя определенно выраженную волю трудового большинства, постановляет: 1) Саратовскую Городскую Думу и ее исполнительный орган — Управу — распустить; 2) днем роспуска считать 25 ноября 1917 года; дабы хозяйственная жизнь города не пострадала, назначить особых комиссаров. Совет городских комиссаров заступает Управу, впредь до новых выборов Думы; 3) всем служащим Саратовского городского самоуправления оставаться при исполнении служебных обязанностей; самовольно оставивших службу считать немедленно уволенными; 4) новые выборы назначить немедленно особым приказом по составлении правильных списков; 5) виновные в неподчинении настоящему приказу, а также в умышленной порче или уничтожении городского имущества подвергаются немедленному аресту для предания военно-революционному суду. Подписи: Председатель Антонов, товарищ председателя Васильев, секретарь Цейтлин».

Процедура роспуска производилась мною, Васильевым, Мицкевичем и при участии комиссаров, назначенных на места членов управы. Мы явились в здание управы уже после того, когда техническая часть плана была закончена, т.-е. отряд в 35 красногвардейцев и солдат под началом Алексея Яковлева (рабочий-пищевик) окружил управу, арестовал членов управы и сконцентрировал в думском зале служащих. Пока мы туда ехали, служащие, по московскому образцу, вели усиленную агитацию стоявшего в дверях и около председательского места конвойного отряда. Но если этот маневр, как трубили тогда наши противники, удался в Москве, он не оказал никакого действия на наших ребят. Наоборот, они, предупрежденные нами заранее, отнеслись к этой агитации с величайшей насмешкой. «Чего вы нас агитируете, — говорили работники отряда, — мы, чай, не бессознательная масса. Вы лучше поагитируйте промеж себя, авось кто-нибудь войдет в разум и по чести пойдет служить Совету».

За этими разговорами мы и застали собрание. Нас, конечно, встретили сперва криками: «насильники», «немецкие шпионы», даже — «христопродавцы», но затем, когда я на них прицыкнул, они несколько присмирели и дали возможность, во-первых, прочитать акт о роспуске, а во-вторых, произнести соответствующие речи. Говорили Михаил, Васильев, Мицкевич, я и другие. Служащие

ворчали, но слушали. Когда же заговорил С. И. Мицкевич, вся эта публика, считавшая его своим сослуживцем и своим по общим интеллигентским традициям, подняла невероятный вопль: «Изменник... предатель... как не стыдно... большевик»,—кричали они с необычайным ожесточением, мешая ему говорить. На их крики я вдруг, неожиданно для них, стукнул изо всей силы кулаком по столу и заорал: «Молчать... довольно, я вам говорю!». Сразу наступило затишье, в котором Михаил поставил им ультиматум: кто подчиняется Совету — идет направо, кто не подчиняется — идет налево. «Не хотим, не хотим» — заголосили они снова.

В этот момент по направлению к тому месту, где стояли мы, с хор раздались два выстрела. Не успели мы сообразить, в чем дело, как наш отряд дал залп в сторону хоров. Началась отчаянная паника... стоны... рыдания, мольбы о пощаде... некоторые залезли под стулья, другие просто упали на колени и выставили вперед дрожащие руки. Так как нашим отрядцам показалось, что второй выстрел исходил из собрания, то они, щелкнув затворами, направили винтовки на эту ползущую массу. Мы кинулись их удерживать. Удержав отряд от вторичного залпа и поймав на хорах какого-то суб'екта, мы обратились со словом успокоения. Михаил снова повторил ультиматум; тогда от имени служащих выступил не то Гусев, не то кто-то еще и заявил, что служащие подчиняются и с понедельника будут работать.

Члены управы дали письменное удостоверение, что они «под давлением» Исп. Комитета отказываются от своих постов и сдали ключи комиссарам. Как происходил арест членов управы, лучше всего расскажет следующий журнал самой управы:

«1917 г., 25 ноября, в 12 ч. 50 м. дня в здание Городской Управы явились вооруженные люди. В кабинет городского головы явился человек в штатском платье с револьвером в руках [1]). На вопрос городского головы, что ему нужно, он пред'явил бумагу от Саратовского Исполкома Совета Раб. и Солд. Депутатов, в которой ему предлагается занять здание Управы, служащих собрать в думский зал, а членов Управы в «соответствующее помещение». Бумага — за подписью Антонова. В кабинет гор. головы поставлен вооруженный человек в штатском платье. Одновременно вооруженные люди заняли все кабинеты членов Управы и служащих. На вопрос членов Управы — в чем дело, поставленные в кабинетах вооруженные люди ответили, что им приказано никого не выпускать, «а там увидите».

[1]) Это был Алексей Яковлев *(В. А.)*.

В кабинет гор. головы собрались гор. голова Мукосеев, члены Управы — Гусев, Добрейцер, Шамет, Гордов, Канавин и Иовлев, а позднее Феофаров. В кабинет вошел второй вооруженный винтовкой человек и оба стали у дверей. Им отдан был одним из красногвардейцев приказ никого не впускать и никого не выпускать. Членам Управы по телефону разговаривать не разрешили. На звонки в телефон красногвардеец подходил к телефону и передавал звонившим: «говорить нельзя, телефон арестован». Позднее в кабинет вошел служащий Борисовский и сообщил, что служащих силой заставляют итти в думский зал» [1]).

Ключи от «форта» были сданы, и Совет городских комиссаров (в составе председателя И. Мгеладзе, тов. председателя С. И. Мицкевича и членов — Ананьева, Е. Богдановой, В. Кармаза, Л. Золина, С. Мининой, Я. Мизеркевича, П. Логинова, А. Павлова, Е. Романенко и Т. Хвесина) приступил к работе. Однако дума попыталась не сдаваться: на следующий день она собралась в каком-то театре на чрезвычайное заседание. Протокол этого заседания рассказывает:

«26 ноября состоялось чрезвычайное заседание Городской Думы при исключительных обстоятельствах, которым предшествовали следующие события: накануне в здание Городской Думы явились вооруженные солдаты и красногвардейцы, заняли все кабинеты, арестовали всю Управу и городского голову, а служащих, угрожая револьверами (это, конечно, сказано для большего фасона. *В. А.),* согнали в главный зал, где главари большевизма Антонов и Васильев прочли приказ Исполнительного Комитета С. Р. и С. Д. о роспуске Думы и назначении новых выборов без указания срока, предложив служащим подчиниться власти городских комиссаров. При этом со стороны большевиков (ну, конечно! *В. А.),* с целью запугать служащих, началась стрельба в самом здании. Многие служащие заявили, что они останутся на службе только две недели для сдачи всех дел. После этого служащих отпустили домой, а членов Управы... перевели в тюрьму, куда к следующему утру были доставлены арестованные ночью гласные: А. А. Гольдштейн, М. Е. Розенблюм, А. А. Никонов и С. П. Красников. Заседание открылось оглашением приказа большевиков (он был расклеен по городу. *В. А.)* о разгоне Думы и о назначении новых выборов; вместе с тем сделано сообщение об арестах Управы и некоторых гласных и об обысках у других гласных Думы. После обмена мнений Городская Дума постановила:

---

[1]) Цитирую протокол по «Голосу Думы» № 1. К сожалению (теперь!) конца этого протокола «Голос Думы» не успел напечатать.

1) выразить глубокий протест против клеймящего позором большевиков возмутительного ареста Управы, некоторых гласных и требовать немедленного освобождения арестованных; 2) разгон Думы считать актом грубого насилия над народной Думой, избранной всем населением города; 3) не признавать себя распущенной и продолжать по мере возможности свою деятельность впредь до окончания своих полномочий; 4) признать назначенные новые выборы в Думу незаконными; 5) призвать население не участвовать в этих выборах по приказу большевиков; 6) обратиться с воззванием к населению и служащим городского самоуправления и призвать их к протесту. Для ведения текущей работы Городская Дума избрала исполнительную комиссию».

Воззвание не преминуло появиться рядом с нашим приказом, и, конечно, протестовало и, конечно, призывало сознательных граждан «поднять свой голос в защиту вами избранного городского самоуправления». Протест думы повлиял в двояком направлении: на наших «демократов», которые устроили бучу в Исполкоме, и на служащих разных учреждений, которые устроили забастовку. Наши «демократы» негодовали на аресты и указывали, что разгон нас лишь скомпрометировал: дума продолжает существовать и даже избрала исполнительную комиссию — это, мол, с одной стороны, а с другой,—наши комиссары, при общей оппозиции служащих и при своей неопытности, не справятся с делом. «Провал»,— каркали они [1]). Мы лишь посмеивались над ними. Без аппарата, а главное, без средств, ни дума, ни ее комиссия, как бы ни хорохорились они, ничего сделать не сумеют и обречены на естественный распад.

Так оно и случилось. Дума устроила еще несколько конспиративных заседаний, вынесла несколько резолюций и — «тихо скончалась». С мелко-буржуазным центром было покончено, и его лидерам — членам управы, сидевшим в тюрьме, ничего другого не оставалось делать, как на стенах камеры меланхолически вывести: «Тише, с жизнью покончен вопрос — больше не нужно ни песен, ни слез».

7. САБОТАЖ СЛУЖАЩИХ

В то время, когда члены управы, сидя в тюрьме, предавались меланхолической каллиграфии, а дума с управой умирали, мелко-

---

[1]) См. отголоски этих споров в протоколе Исполкома от 25 ноября 1917 года (№ 30).

буржуазные элементы «окопались» в «делегатском совете служащих». Туда же ушли самые непримиримые из бывших гласных. На роспуск думы «совет делегатов» решил ответить забастовкой. Получив об этом сведения, мы решили разбить вдребезги и этот центр. Нужно было расчистить поле так, чтобы не было ни одного кустика сорной травы. Прежде всего, конечно, бросили на собрания служащих своих агитаторов. Отложив другие работы, Васильев, Лебедев, Мицкевич, Мгеладзе, я и другие товарищи выступали перед враждебной аудиторией. Некоторое значение эти выступления имели — везде мы высекали из общего серого камня искорку сочувствия. К примеру возьмем хотя бы резолюции служащих Саратовского губ. земства. Общее их собрание постановило:

«1) Никаких подписок большевикам не давать и ни в какие об'яснения с ними по этому поводу не вступать; 2) настоящее постановление обязательно для всех служащих Саратовского губернского земства».

А в ответ на эту резолюцию часть служащих земства (земской больницы) заявила:

«Заслушав резолюцию собрания служащих С. Г. З., мы, часть служащих земской больницы, считаем для себя вышеприведенную резолюцию отнюдь не обязательной».

Так как подобные результаты «убеждения» не сулили внутренней самоликвидации забастовки, то Исполком постановил дать «решительный бой чиновникам». Однако прежде чем применять крутые меры, Исполком обратился ко «всем служащим правительственных и общественных учреждений» с предостережением.

«До сведения Исполнительного Комитета,—гласило предостережение, — дошли слухи о готовящейся демонстративной забастовке служащих. Исполнительный Комитет настойчиво рекомендует всем служащим, чувствующим какую-либо связь с революционным народом, не слушать и не исполнять призывов врагов народа и их лже-социалистических приказчиков. Вместе с тем Исполнительный Комитет предупреждает служащих, что те из них, которые дерзнут принять участие в забастовке против народа, будут немедленно уволены без права на пенсию; занимающие казенные квартиры —выселены из таковых и имена всех забастовщиков будут опубликованы. По отношению же к руководителям и зачинщикам забастовки Исполнительный Комитет будет действовать беспощадно».

Это предупреждение внесло в чиновничью среду большие колебания. «Совет делегатов служащих» счел себя вынужденным выступить с воззванием, в котором по существу отказывался от длительной забастовки, которая им предполагалась вначале. «В знак нашего протеста против издевательства партии большевиков над волей народа, мы оставляем нашу работу на один день. Пусть этот день будет спазмой горя и слез у края вырытой большевиками могилы русской свободы», — писал «совет» в этом воззвании. В переводе на житейский язык это значило, что «совет» со «спазмой горя и слез» отменяет широко задуманный план и просит «товарищей» побастовать хоть один денек.

Первого декабря забастовка началась и довольно недружно. Самыми упорными забастовщиками были банковские чиновники, руководимые фанатически ненавидевшим нас М. Эпштейном [1]), и почтово-телеграфные служащие. Те и другие, помимо местной поддержки, имели сильнейшую поддержку своих всероссийских центров и потому действовали смелее остальных демонстрантов. В особенности нам «в'елись в печенку» (как говорил Плаксин) почтовики и телеграфисты. Они не только «волынили», но и в буквальном смысле изменнически боролись с нами с первых дней Советской власти. Впоследствии оказалось, что около 2.000 телеграмм нашего Центрального Правительства, среди них много экстренных и оперативных, были положены под сукно и не доведены до нашего сведения. Не имея возможности выезжать в центр, мы были целиком от него отрезаны, и лишь редкие оказии давали нам оттуда кое-какой, весьма незначительный, материал. Поэтому-то на них и на банковиков мы и обрушили нашу репрессию. Разбить их значило для нас — разбить «совет делегатов» и иметь, наконец, связь с центром. Первого декабря, в ночь, в центральную почтово-телеграфную контору был введен вооруженный отряд, посланы комиссары Акимов и Синицын с широкими полномочиями — с правом ареста и привода под конвоем нужных служащих. Кроме того, решено пропускать к работе тех из служащих, которые дадут подписку всецело подчиняться Советской власти и ею поставленным комиссарам. При осмотре аппаратов в телеграфе оказалось, что служащие перед началом забастовки разрушили связь: схема была похищена, провода перерезаны, аппараты испорчены, многие части их просто унесены, соединения

---

[1]) Ныне коммунист.

в коммутаторах перепутаны и т. д. На почте все ключи от столов, шкафов, касс, денежных ящиков унесены, — одним словом, был учинен самый безобразный разгром.

После забастовки служащие, придя к зданию и узнав, что там комиссары, которые их будут контролировать политически, что они должны дать обязательство честно работать на Советскую власть, с криком и шумом ушли обратно. Мы об'явили, что начнем увольнять, лишать пенсии, вышибать из казенных квартир. Арестовали нескольких особо злостных саботажников. Вызвали из рот военных телеграфистов. Стали набирать новый штат. Тогда вмешался ЦК областной и всероссийской организации потельсоюза. Последний прислал своего представителя в лице злостного контр-революционера Данилова. ЦК заявил, что Саратов будет изолирован до тех пор, пока Исп. Комитет не отменит целиком своих постановлений. Мы отказались подчиниться ЦК потель-союза и завернули гайку еще туже.

Борьба приняла крайне страстный характер. Население стало волноваться. Рабочие, в особенности солдаты, не имея возможности сноситься со своими семьями, собирались кучами около почтово-телеграфных контор и грозили расправиться с чиновниками по-свойски. Впервые я услышал крылатое словечко: «нечего миндальничать с этими предателями». Так как чиновники пытались вести агитацию среди этих возбужденных толп, то начались отдельные избиения. Видя, что дело принимает скверный оборот, что начинают недвусмысленно вмешиваться массы, представители почтово-телеграфных организаций вступили с нами в переговоры.

> «В заседании Исполнительного Комитета 4 декабря с. г. явилась делегация от почтово-телеграфных служащих, в составе которой находились представители Окружного и Центрального Исполнительного Комитета Почтово-телеграфного союза. Делегация заявила, что все служащие признают власть Совета, подчиняются ей и считают забастовку первого декабря печальной ошибкой. Делегация просила, если возможно, ликвидировать безболезненно создавшееся положение. Исполнительный Комитет, заслушав заявление и просьбу делегации, постановил: предать забвению факт столкновения почтово-телеграфных служащих с Советской властью на следующих условиях: § 1. Служащие и их руководящие органы выносят резолюцию, подтверждающую заявление делегации, т.-е что служащие признают и подчиняются Советской власти. § 2. Совет комиссаров почты и телеграфа продолжает работу. § 3. Впредь до разрешения общего вопроса об управлении

почтово-телеграфным ведомством увольнение, прием и перевод служащих производится с ведома и утверждения Исполнительного Комитета. Примечание 1. § 3 вводится временно. По сближении почтово-телеграфной демократии с Советской властью параграф этот будет отменен. Примечание 2. Все принятые за время забастовки Исполнительным Комитетом служащие как на телеграфе, так и на телефонной станции остаются на службе сообразно их профессиональным знаниям» [1]).

Получив такое постановление, делегаты испросили разрешения устроить общее собрание своих служащих, на что и было дано согласие Исполкомом. На следующий день помещение театра б. Очкина было битком набито почтово-телеграфными саботажниками. Делегация сообщила о результатах своих переговоров с Исполкомом, доложила его постановление и «убеждала» (но как!) подчиниться этому постановлению. Делегат Данилов предупреждал, что «конечно, ЦК потель-союза считает забастовку без его директивы ошибочной, но, конечно, он будет охранять интересы своих членов». Выступал и я, разоблачая, между прочим, лисью тактику Данилова, который так двусмысленно ставил вопрос, с одной стороны, осуждая, а с другой,—обнадеживая и тем толкая служащих на дальнейшее сопротивление. После пятичасового радения служащие вынесли следующую, очень характерную резолюцию:

«Ввиду того, что п.-т. и телефонные служащие никогда не шли против Советской власти, состоящей из представителей всех социалистических партий, и принимая во внимание то, что мы, п.-т. и телефонный пролетариат, всегда эту власть поддерживали и являлись верным орудием ее укрепления, служащие п.-т. учреждений и телефона г. Саратова, обсудив предложение Совета Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов от 4 декабря с. г., постановили: 1) требовать от Совета С. Р. и К. Д. немедленного освобождения арестованных п.-т. служащих, так как этот арест связан с забастовкой 1 декабря с. г.; 2) требовать немедленного допущения к занятиям всех служащих без всяких подписок, так как снятие служащих с работы было произведено насильственным путем и дальнейшее бездействие столь важного народного аппарата, как почта, телеграф и телефон, является преступлением, и вина за насильственное недопущение служащих к занятиям падает на тех, по чьему распоряжению служащие не допускаются к работе; 3) требовать полного снятия цензурного контроля над всеми отраслями п.-т. и телефонной службы, так как контроль над народной мыслью оскорбляет самый народ

[1]) Протокол Исп. Ком. от 4 декабря 1917 г. (№ 39).

в свободной стране; 4) если насильственное снятие служащих с работы и все обвинения, возводимые на тех же служащих Советом С. Р. и К. Д., вызваны были однодневной забастовкой, которая была произведена в знак протеста против нарушения всех свобод, добытых революцией, и преждевременного роспуска демократической Городской Думы, то просим передать этот вопрос, как важный исторический акт, на решение Учредительного Собрания; при чем во время забастовки все телеграммы по продовольствию и особо важные передавались по назначению; 5) впредь до разрешения кризиса власти избрать коллектив по управлению местными п.-т. учреждениями и телефона г. Саратова; 6) согласно постановления Всероссийского п.-т. с'езда в Нижнем-Новгороде в Совете Р., С. и К. Д., а также в Исполнительном Комитете Совета должны быть отведены места представителям п.-т. учреждений и телефона г. Саратова для защиты своих профессиональных интересов; 7) для исполнения настоящая резолюция должна быть пред'явлена Совету С. Р и К. Д.; 8) в случае неудовлетворения этих требований Советом и вынужденного дальнейшего прекращения работ все места п.-т. и телефонных служащих г. Саратова об'являются под бойкотом.

Примечание. Все сношения Исполнительного Комитета Совета С. Р. и К. Д. с п.-т. и телефонными служащими должны производиться только через коллектив.

5 декабря 1917 г.

Почтово-телеграфные и телефонные служащие г. Саратова».

Вся эта резолюция, сотканная из уверток, лжи и наглости, очень сильно возмутила Исполком. Поддержанный грозной резолюцией против чиновников третьего крестьянского с'езда [1]), ИК

[1]) Резолюция эта имела след. содержание: — «Заслушав сообщение Исполнит. Комитета о деятельности Саратовской Городской Думы и других общественных организаций во время второй революции и в настоящий момент, Губ. С'езд предст. от волостей постановил: 1) одобрить все действия Саратовского Совета С. и Р. Деп. и его Исполнительного Комитета; 2) выразить негодование и решительное осуждение всем учреждениям, организациям, партиям и лицам, дерзнувшим поднять оружие против рабочих и солдат; 3) осудив преступную забастовку служащих правительственных и общественных учреждений, как недопустимую борьбу против городской и деревенской бедноты и народной власти, предлагает Исполнит. Комит. возможно скорее реформировать правительственные и общественные учреждения, беспощадно выметая все ненужное народу и всех врагов народа; 4) С'езд подтверждает решение Исполнит. Комит.: забастовавших служащих увольнять без права на пенсию, занимающих казенные квартиры выселить из таковых и имена забастовщиков опубликовать».

остался на прежней позиции. В ответ же на резолюцию, для ознакомления населения с истинным положением дела, было опубликовано специальное воззвание.

В этом воззвании говорилось, что 1 декабря значительная часть чиновников и служащих госуд. и обществ. учреждений устроила демонстративную забастовку. Только низшие служащие и рабочие гос. и общ. учреждений, «крепко связанные страданиями с рвущимся к свободе народом», «не примкнули к преступной забастовке». Исполком вынужден был арестовать некоторых виновников забастовки; «ныне они предаются революционному суду». «Ныне продолжает бастовать лишь большинство чиновников и высших служащих почты, телеграфа и телефона». «...Они испортили некоторые аппараты на телеграфе и отрезали Саратов от остальной России», «мечтают о мести тем из своих сослуживцев, которые честно примкнули к народу». Отказываясь от работы, «они стараются свалить вину на Совет Р., С. и К. Д., распуская ложные слухи, что мы не допускаем их к работе».

> «...Сами руководители забастовки признали, что забастовка была ошибкой, что она начата вопреки воле почтово-телеграфного Центр. Комитета, что она даже с профессиональной точки зрения является преступной. Исполнительный Комитет вновь предупреждает служащих почты, телеграфа и телефона оставить преступную и безнадежную борьбу против народной власти. Ныне, когда народу приходится проливать кровь в борьбе с Корниловым, Калединым, Дутовым и их кадетскими вдохновителями, всякий, протестующий против власти Советов, будет рассматриваться нами, как союзник этих откровенных врагов народа. А с врагами народа мы будем беспощадны и во избежание кровопролития не остановимся перед самыми суровыми репрессиями».

Борьба продолжалась. С затаенным волнением следила за этой борьбой вся мелко-буржуазная фаланга. Кто выйдет победителем — Совет или п.-т. служащие? Мы продвигались медленно: набирали штаты, восстанавливали аппараты и прочее.

Мучительнее всего было восстанавливать связь с другими городами. Чиновники этих городов отказывались работать с нашей станцией. Иногда они включались и осыпали наших работников самой безобразной бранью, провоцировали ложными сообщениями и снова выключались. Положение становилось нестерпимым. Тогда мы решились на отчаянную меру: завоевывать станцию за станцией. Посылали в другие города (сперва своей губернии) отрядики из

вооруженных красногвардейцев, техников и комиссаров, которые и восстанавливали связь. Этим способом была восстановлена связь с Аткарском, Покровском, Ртищевым, Царицыном, Кузнецком и т. д. Каждое такое завоевание вызывало в нас упругое чувство торжества. Чуть не плясали наши ребята, когда на станции начинал «тикать» тот или другой дотоле мертвый аппарат. «До Москвы дойдем», — говорили воодушевленные успехом техники-большевики. Наши победы уже начали вносить дезорганизацию в ряды саботажников; тогда их организационный центр, для под'ема настроения, решил сорвать нашу работу другим способом, имевшимся в его распоряжении.

Нищенские крохи, доставшиеся нам при национализации банков, отсутствие обычных банковских подкреплений из центра при крупнейших расходах на выплату заработной платы и жалования, да еще к традиционному празднику «Рождества», ставили нас на край серьезной катастрофы. Если бы рабочие и служащие, в особенности железнодорожники и солдаты, остались без средств к празднику, — все наши боевые действия, вся практика Советской власти в Саратове потерпела бы жестокий урон во мнении этих масс и мы могли бы повиснуть «в воздухе», окруженные общим негодованием и раздражением. Из атмосферы рабоче-солдатских симпатий и преданности мы сразу бы могли ухнуть в пропасть стихийных волнений, быть может — восстаний. Учитывая эту опасность, мы послали в Москву, а затем в Питер членов Исполкома (т. Ковылкина и др.) за подкреплением. Почтово-телеграфные чиновники, прекрасно информированные банковскими служащими о нашем стесненном финансовом положении, несомненно понимая его значение, задумали (а затем и выполнили) план задержания денежного подкрепления, поскольку это зависело от почтового аппарата. План этот свелся к следующему. В первых числах декабря в адрес государственного банка центром было прислано денежное подкрепление в сумме 8.700.000 рублей. Забастовочный коллектив почтово-телеграфных служащих, получив уведомление о прибытии на ст. Саратов баула с этими деньгами, секретно распорядился немедленно отправить его в г. Тамбов «на хранение». Ни местное отделение государственного банка, ни его комиссар (Племянников), ни Исполком не были поставлены в известность об «операции» коллектива потельчиновников.

Между тем приближались дни расплаты по жалованию и заработной плате. Мы терялись в догадках, почему центр не обращает

внимания на нашу просьбу и почему Ковылкин не возвращается обратно.

По городу пошли слухи о близком крахе большевиков на почве невыплаты за работу денег. Начался преждевременный наплыв денежных ведомостей. Что тут делать?

Совершенно случайно, через схваченного саботажника из почтовой конторы, при помощи револьвера, приставленного к виску, удалось узнать о том, что какой-то баул с деньгами был прислан и куда-то отправлен. Пришлось нажать на комиссара банка т. Племянникова (левый эсер), и мы совместными усилиями к 23 декабря распутали весь клубок. 24 декабря деньги вернулись в Саратов и началась выдача, которая длилась, если память не изменяет, и первый день Рождества. Провокация сорвалась, а мы, выйдя из катастрофы, нанесли сильнейший моральный удар противнику, опубликовав в 116 и 117 №№ «Известий» Совета ряд документов, освещающих эту провокацию. Коллектив потель-чиновников пытался оправдаться, но его письмо в те же «Известия» (№ 120) и наш ответ на него еще более дискредитировали саботажников.

С этого момента разложение среди работников связи пошло быстрым темпом и, наконец, после двухмесячной фактической приостановки работы, завершилось нашей победой. И Центральный Комитет потель-союза, и местные его отделения, и стачечный коллектив, и сама масса служащих склонились перед твердостью Исполкома и на его условиях приступили к нормальному выполнению функций связи.

Это поражение столь сильной организации вызвало крупное уныние в общей городской массе служащих и явилось переломным моментом в их отношении к Советской власти. Они убедились, что пришел новый хозяин, который шутить с собою не позволит.

8. ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС

На-ряду с думой и «советом делегатов служащих» существовало еще целых пять боевых органов мелкой городской буржуазии, которые наносили нам крупнейший вред каждым лишним днем своей жизни. Это—губернская и городская продовольственные управы, губернское и уездное земство и Исполнительный Комитет Советов Крестьянских Депутатов. Во всех них главными заправилами были эсеры, ненавидевшие нас тупой, бычачьей ненавистью. Наибольшую опасность, конечно, представляли продор-

ганы, выполнявшие важнейшую функцию обеспечения населения продуктами основного питания и опиравшиеся на очень разветвленный аппарат в городе и губернии. Мы это понимали с самого начала. Однако овладение этими органами было нелегкой задачей. В самом Исполкоме на этот счет не было единомыслия. Некоторых товарищей страшила ответственность. Опасаясь, что мы не справимся с делом, они предлагали сперва не трогать продорганов («пусть, мол, «они» будут отвечать за продовольственный кризис, но не «мы»), а когда представители были посланы и столкнулись с упорным игнорированием и саботажем, они стали уговаривать «под предлогом саботажа, мешающего работать, уйти». Другие предлагали организовать управление этих органов на паритетных началах. Третьи настаивали на том, чтобы сразу же разогнать «головку» и поставить своих; если забунтует аппарат, двинуть в него новых людей «нейтрального и сочувствующего нам типа». Эти товарищи исходили из того взгляда, что все эти уклонения от обязанности кормить население в конечном счете обрушатся на наши же головы. В «голоде» все равно будут винить не старую власть, а нас, ибо конкретное ухудшение продовольственного положения будет связываться в голове обывателя и даже рабочего непосредственно с существованием Советской власти. А враги будут использовывать это настроение против нас самым энергичным образом, поэтому нельзя терять времени и давать врагам окончательно доконать продовольственное дело.

Так оно, собственно, и случилось. Сперва, когда мы послали в продуправы своих политических комиссаров, служащие и эсеровские «управители» решительно отказались от работы под их контролем. 30 октября мы получили от городской продуправы следующее отношение:

«Саратовская Городская Продовольственная Управа и все ее служащие, признавая необходимость беспрерывной работы, особенно в настоящий тяжелый момент, все же не могут приступить к работе впредь до того, пока Исполнительный Комитет Совета не издаст распоряжения о том, что все работники продовольственной организации пользуются полной неприкосновенностью, а вся работа ее протекает вне сферы влияния и подчинения отдельным группам (читай большевикам. *В. А.)* и отдельным организациям (читай Совету Р. С. и К. Депутатов. *В. А.).* Таким образом Саратовская Городская Продовольственная Организация, избранная на строго демократических началах, мыслит свою работу лишь при полном невмешательстве в ее деятельность и при неуклонном выполнении ее рас-

поряжений. Сообщая об этом, Продовольственная Управа и ее служащие приступают к работе по получении подтверждения настоящему заявлению.

И. о. председателя управы Н. Арефьев. Член управы (подпись). Исполнит. комитет служащих управы (подпись)».

Исполком сперва большинством голосов постановил снять контроль и согласиться с требованиями руководителей и служащих продорганов. Но уже через несколько дней Исполком стал перед последствиями своего согласия. Продовольственники мелко-буржуазного социализма сразу же повели политику продовольственной дискредитации Совета. Во-первых, поступившие партии сахара, предназначенные для распределения населению, они задержали выдачей, ссылаясь на вмешательство большевиков. А когда истомившиеся и изозлившиеся «хвосты» населения, в особенности женщин, дежуривших за сахаром и день и ночь, получили возможность разбирать сахар, то цена его, с прежде об'явленных 32 коп. за фунт, неожиданно была поднята до 1 руб. 50 коп. за фунт; при чем надо отметить, что одни продлавки получили приказ продуправы о повышении цены во-время, а другие — нет, поэтому в некоторых лавках продавали по старой цене, а в большинстве — по новой. Это внесло еще бо́льшую путаницу и озлобление. Рассвирепевшая публика напала на заведующих и служащих районных лавок; те, чтобы спасти свою шкуру (а может, и по политической директиве), стали заявлять, что ни они, ни продуправа тут не причем, что таково распоряжение большевиков и большевистского Совета.

С проклятиями и угрозами повалили толпы исступленных женщин в Исполком. Вся улица перед зданием Исполкома и его вестибюль кишели погромно настроенной толпой. Выходившие члены Исполкома ничего не могли поделать. Их даже не слушали, а провокаторы предлагали разгромить помещение «грабителей-большевиков». По прекращении невероятного воя пришлось заявить, что Исполком не принимал никаких решений о поднятии цены на сахар, что все это — дело провокаторов из эсеро-меньшевистской продуправы, и что, наоборот, Исполком тотчас же пошлет в лавки своих представителей и заставит продавать сахар по ранее об'явленной цене в 32 к. за фунт. Взволнованная толпа несколько успокоилась, когда увидела группу членов Исполкома, отправившихся выполнять это заявление. Погромное настроение против Совета сменилось погромным настроением против продуправы.

Толпа ворвалась в продуправу и кое-кому «наклала по загривку». Председатель продуправы Арефьев умолял меня по телефону прислать вооруженную охрану и «защитить их» от толпы. Таким образом первая провокация продуправы поднять против нас население на продовольственной почве сорвалась. На этом деле продуправа проиграла не только тем, что толпа побила несколько человек из ее среды, но и политически, потеряв доверие населения. Мы же выиграли — наш авторитет поднялся даже в обывательщине. «Ишь ты, какую штуку удумали... Совет, слышь, виноват... нешто Совет это позволит... наша бедняцкая власть не станет удорожать продукты... мало бить эту самую буржуазию... убить их надо, кровопийцев»,—удовлетворенно говорила толпа, получая сахар по прежней расценке.

Второй шаг продуправы того же порядка заключался в постановке вопроса о сокращении хлебного пайка. В свое время я упоминал о том, как цензовая, а затем эсеро-меньшевистская городская дума и управа боролись за сохранение саратовскому населению нормального пайка. Все средства для этого пускались в ход. В деревнях производились реквизиции хлеба и скота под угрозой вооруженного воздействия (ведь по всей губернии были расквартированы казаки); реквизировалось на саратовских мельницах зерно и мука, предназначившиеся по нарядам в голодающие районы и даже (о, патриоты!) в армию. Конечно, вследствие общей разрухи от войны и неурожая снабжать население городов губернии — и в первую очередь Саратов — делалось с каждым месяцем, неделей, днем все труднее и труднее. Собственно нужно было сократить паек еще в первые месяцы существования Временного Правительства, но это местным руководящим партиям было невыгодно политически, и они тянулись изо всех сил, близоруко откладывая сокращение пайка до «следующего раза». Им, этим романтическим мещанам, казалось, что, когда соберется Учр. Собрание, моментально начнется благорастворение воздухов, чудесным образом появится хлеб, и они таким образом избавятся от невыгодной операции с сокращением пайка. Впрочем, более серьезные и опытные из представителей указанных партий, да и к тому же работающие в продорганах, понимали губительность такой «страусовой» политики и не раз предупреждали об ее опасности.

Перед Октябрем положение совсем стало аховым. Очень часто зерновые склады очищались «под метелку». Поэтому, с этой

стороны, для руководящих продорганами партий Октябрьская революция была как нельзя во-время. Они могли недостачу хлеба свалить теперь на «захватчиков»-большевиков. Эту политическую аферу приходилось также ликвидировать и требовать напряжения сил для сохранения пайка. Под давлением этого опыта Исполком перешел к проекту реорганизации верхов продорганов на коалиционных, паритетных началах: 4 человека от старого состава и 4—от Совета. Из старого состава вошли: Крюков, Бауман, Трошкин и, в качестве якобы нейтрального председателя, меньшевик группы «Единства» — Стечкин; от нас: Банквицер, А. Ежов, Садаев и Морозов Фома.

К первому декабря выяснилось, что «продовольственная коалиция» имеет те же последствия, как и всякая тогдашняя политическая коалиция: или губительное топтание на месте, или заговорщическая, саботажная работа за спиной наших делегатов. Получалось то идиотское положение, при котором наши ребята об'ективно были ширмой для козней наших врагов; враги же подняли энергичную кампанию за срыв всего продовольственного дела. Почти ежедневно получались сведения и от наших «продуправцев» и от делегатов с мест, что агенты продуправ ведут среди крестьян гнуснейшую агитацию, призывая последних не давать большевистскому Саратову хлеба. Так как хлеб в это время имелся по преимуществу у кулаков, которые, с одной стороны, горой стояли за эсеров, а с другой, — берегли хлеб для своей выгоды, то эта агитация имела крупный успех: ссыпные пункты оставались без зерна. Подвоз почти прекратился совсем. Голод в самой грозной форме нависал над нами и грозил перемолоть нас на своем жернове.

Под влиянием создавшегося положения Исполком принял решительные меры:

> «Исполнительный Комитет, обсудив вопрос о демонстративной забастовке председателя Губпродуправы и члена той же Управы М. Н. Крюкова, и принимая во внимание, что следствием забастовки явилась задержка в важнейшем деле продовольствия целой губернии, постановил: означенных лиц от занимаемых ими должностей отстранить; дела, чеки, документы и печать сдать тов. председателя Губпродуправы Ф. М. Морозову. Банкам не выдавать сумм по чекам за подписью Стечкина, Баумана, Крюкова и Трошкина. Верить подписям Морозова и М. И. Садаева. Исполнить приказ поручается Венгерову».

В связи с этим постановлением, как его основа, было принято другое постановление, которым упразднялись гор. продов. и губ. прод. управы и отдел по продовольствию при гор. управе; все дела этих органов передавались Совету губернских комиссаров по продовольствию (следует перечень избранных в это учреждение товарищей), который должен немедленно приступить к работе. Так Исполком силою вещей должен был взять целиком в свои руки дело продовольствия, перепробовав все планы и потеряв на этом порядочно драгоценного времени. Несколько интеллигентов, крестьян и один рабочий, еле-еле разбирающиеся в продовольственных вопросах, вынуждены были принять разваленный противниками аппарат, набитый сверху донизу, за малым исключением, паразитами, взяточниками и ворами, в самый тяжелый момент. Посылая их на продовольственную голгофу, мы знали это, но тем не менее мы относились к ним без всякой пощады. Кажется, ни одна группа работников, посылавшихся Исполкомом на ту или другую отрасль деятельности, не подвергалась с его стороны такому «гонению», такой жесточайшей критике и таким требованиям, как эта группа. Не раз председатель этого нового «Совета губ. комиссаров по продовольствию» т. Морозов, яростно мигая своим единственным глазом, вопиял: «Помилуйте, товарищи! Повернешься — бьют и недовернешься — бьют... чорт знает, что за проклятое положение!». А нервный импрессионист Ахилл Банквицер закатывал истерики и десяток раз «слагал полномочия». Но мы за эти «фокусы» еще сильнее трепали наших бедняг, и они, развивая колоссальную энергию, чуть ли не матерно ругаясь на всех и вся (в том числе и друг на друга), принимали все возможные и невозможные меры, чтобы Саратов не остался без продовольствия.

Первое время мучительнее всего было то, что новый продорган не имел своих организационных баз ни в городе, ни в губернии. Те, что были, шли против него, тормозили всякое начинание, в корне извращали всякую по существу целесообразную мысль-распоряжение и, пользуясь своею безответственностью, занимались безудержным хищением. Несколько раз продовольственники совместно с Исполкомом обсуждали сложившееся положение и всегда приходили к двум основным положениям: 1) реорганизовать все местные продовольственные аппараты и 2) изымать хлеб у кулаков при помощи: а) крестьянской бедноты и б) вооруженных отрядов. Начальной попыткой провести первое положе-

ние был «приказ ко всем гражданам г. Саратова и Саратовской губернии», который намечал следующие практические меры: продовольственные комитеты и прод. управы Саратовской губернии (губернские, уездные, городские, районные и волостные) упраздняются, и функции их переходят к соответствующим Советам Раб., Кр. и Солд. Деп. и назначаемым последними Советам комиссаров по продовольствию; все продовольств. запасы и товары должны быть переданы в распоряжение Губ. Совета комиссаров по продовольствию; прод. грузы, адресованные в частный адрес, реквизируются; «продов. органы имеют право реквизировать труд учащихся высших и старших классов ср.-уч. заведений и нтеллигентных работников др. категорий для работ в продовольственной организации».

Этот «принципиально-бумажный приказ» начал приводиться в исполнение только тогда, когда мы взяли из гарнизона сотни две солдат, синструктировали их и послали по уездам. Впрочем, и после этого организационное дело в этом вопросе еще долго хромало на обе ноги... Что касается «из'ятия хлебных излишков», то к нему подошли на основании опыта. Сперва вопрос разрешался в плоскости убеждения и призыва к революционному сознанию крестьянства и к попыткам установить товарообмен фабрикатов города на сельско-хозяйственный продукт деревни. Для образца способа убеждения привожу в приложениях (№№ 2 и 3) два воззвания к крестьянам, относящиеся ко второй половине ноября и к первой половине декабря. Первое было написано Ф. Т. Ивановым по поручению Исполкома.

Потом некоторые эмиссары мне рассказывали, как плакали мужики при чтении этого воззвания, но... хлеба или вовсе не давали, или давали очень туго. Второе воззвание было издано за подписью Сарат. Губ. Совета комиссаров по продовольствию. Наши продовольственники сочетали приятное с полезным для мужика — они ударили его тоже по нервам и в то же время предложили товарообмен. Последние слова второго воззвания, внося классовый мотив в деревню, знаменовали тот вывод, к которому мы пришли, не добившись простыми призывами почти никаких реальных результатов. Кроме того, этот же вывод подсказывали многочисленные ходоки от бедноты, которые советовали посылать вооруженную силу, чтобы отнимать хлеб у кулаков, при чем ходоки обещали полную помощь бедняков деревни, если и им перепадет известная толика из обнаруженных у кулаков запасов. Так, на-

пример, в заседании Исполкома делегация села Сокур, Сокурской волости, Саратовского уезда, дакладывала, «что кулаки их села не дают излишек своего хлеба везти на ссыпной пункт, несмотря на то, что есть еще излишек в 2.400 пудов; они вывозят ночью хлеб и продают по 12—15 рублей за пуд». Делегаты просили Исполнительный Комитет «дать им помощь для того, чтобы получить хлеб у кулаков, которые не дают его для голодных, замыкают в своих складах, говорят, что лучше умрут, но муки не дадут. Это мол, их хлеб. Им нет дела до бедняков».

В том же направлении шло давление на нас из Совета Р., С. и К. Депутатов, в особенности от его солдатской части. «Кулака надо пощупать... мироед все дело портит... беднота поможет справиться с кулаком... для умного доброе слово, а для глупца трехплетный кнут. Они хуже глупца. Приходится взять винтовку в руки и смести их с пути. Мы заставим их подчиниться. Слово — словом, а штык сильнее подействует», — говорили выступавшие на заседании Совета солдаты. Созревал классовый поход на кулака. Борьба за хлеб стала мобилизовывать и организовывать деревенскую бедноту.

Однако Исполком колебался прибегать к столь сильно действующему средству, как посылка вооруженных отрядов. Но обстановка заставила. Разосланные эмиссары вернулись из поездок по уездам и принесли крайне неутешительные сведения. Хлеб есть, но его и нет. Целые волости в некоторых уездах (напр., Кузнецком) пухнут с голода. Вспыхивают голодные бунты. Это — с одной стороны, а с другой, — вот что, например, докладывал один из энергичнейших продовольственников, рабочий, левый эсер Садаев:

> «Те, кто борется с нами, ушли — не работают, но систематически ставят нам препятствия. Эти господа усиленно агитируют среди крестьян за то, чтобы не давать хлеба. Хлеб задерживается на местах под предлогом, что он нужен там... Из Новоузенска не было дано 250 тысяч пудов хлеба; когда открылся там с'езд и пришлось разоблачать лживые пропаганды, нашлись люди, называющие себя социалистами-революционерами и говорящие, что не следует давать хлеба Саратову, чтобы проучить большевиков... Может быть, нам с оружием искать хлеба? И мы имеем на то право... Мы не должны умереть с голоду, мы должны умереть с оружием в руках и со славой... Надо войти в соглашение с Покровским, Балашовским и Аткарским Советами и совместными усилиями уничтожить препятствия,

поставленные лжесоциалистами... Нужны не воззвания, а живое слово, товарообмен и реальное воздействие»...

Наконец, с третьей стороны, встал грозный факт: хлеба в Саратове осталось всего 60.000 пудов и ниоткуда не предвиделось его получения. Исполком тогда предпринял еще одну отчаянную меру — «реквизицию продовольственных излишков у самого городского населения».

В особом воззвании (от 29 ноября) Исполком уведомил население, что с 9 ч. утра до 5 ч. вечера 31 декабря будет производиться повальный обыск; мука будет оставляться по 5 пудов на человека, а остальная реквизируется по твердым ценам; всякий обыск, произведенный не уполномоченными Исполкомом лицами, будет рассматриваться, как грабеж, и повлечет применение к виновным самых жестоких мер.

Свыше тысячи солдат гарнизона, вся красная гвардия и почти все члены Совета приняли в этом обследовании участие. Результаты оказались положительными, но не на столько, чтобы прокормить город в течение хотя бы месячного промежутка. После этого ничего уже не оставалось делать, как снаряжать вооруженные экспедиции в деревню за хлебом. И поход начался. Как он проходил в описываемый период может дать следующая выдержка из доклада члена Совета Р., С. и К. Депутатов т. Венатовского:

«Тов. Венатовский был с отрядом в 9 чел. делегирован в Сокур для распределения излишка хлеба между беднотой. На общем собрании села Сокур выяснилось, что есть недоверие к волостному земству. Сход заявил, что зажиточные крестьяне отказываются дать хлеб бедноте, и если дают, то с трудом по 18 руб. за пуд. Тов. Венатовский решил оставить кулакам определенное, нужное количество хлеба до нового урожая, а остальное передать крестьянам. Для этой цели была выбрана комиссия, но кулаки все-таки не везли хлеб. Тов. Венатовский действовал смелее: приходил с отрядом, приказывал открывать амбары, при несогласии открыть их — ломал замки и вез хлеб на ссыпной пункт. Хлеб от кулаков был взят. Волостное земство общим сходом было переизбрано. Был организован Совет крестьянской бедноты; такие же организации были созданы и в других деревнях, которые будут сноситься с волостным комитетом села Сокур. Была организована т. Венатовским красная гвардия... суд из пяти человек... беженский комитет из трех человек... созван районный с'езд семи деревень Сокурской волости, на котором решили продавать хлеб по твердой цене» и т. д.

Однако бывали случаи и иного порядка:

«Крестьяне Березовской волости, Петровского уезда докладывают, — повествует один из протоколов, — что к ним прислали солдат из Петровска для из'ятия хлеба; солдаты, несмотря на заявления крестьян, что они согласны дать хлеб, но просят подождать до выяснения излишка, чинят безобразия — ломают замки. Исполнительный Комитет, выслушав делегацию, постановил: послать туда своего делегата выяснить, и если солдаты действительно бесчинствуют, то из волости их удалить и предать революционному суду; если же сведения о том, что крестьяне занимаются спекуляцией, вывозят хлеб и продают по 30 р. за пуд, окажутся верными, то к крестьянам будут применены суровые меры. Делегат должен следить, чтобы весь излишек хлеба был направлен к ссыпным пунктам в распоряжение Саратовской Губернской Продовольственной Управы».

Выяснилось, что там «действовал» и даже «стрелял» в крестьян «эмиссар Временного Правительства» Крейсеров. Его постановили арестовать, но он скрылся... Продовольственная крепость, в которой так-было глубоко окопались мелко-буржуазные партии, хоть и с великим трудом, но была нами взята. Первый этап борьбы за хлеб окончился, наметив методы дальнейшей борьбы по линии классового расслоения крестьянства. Испытанные работники продовольствия выдержали тяжесть работы. Горшки, оказалось, обжигают не боги.

9. БОРЬБА ЗА ВЛИЯНИЕ НА КРЕСТЬЯНСТВО

Органы главным образом эсеровского влияния на деревню, как ранее упомянутые губернская и уездная земские управы и Исп. Комитеты Крестьянских Депутатов, были последним окопом, к которому мы подошли после ликвидации городских органов. Было два пути их ликвидации: сверху — по постановлению Исполкома Совета Р. и С. Депутатов и снизу — через крестьянский с'езд Советов. Мы избрали последний, хотя был большой соблазн прихлопнуть их поскорее. Уж очень отвратительную и злостную агитацию вели они через свои местные органы против нас. Вот кусочек для иллюстрации из их воззвания, подписанного Аткарской уездной земской управой, комитетом партии эсеров и уездным Советом Крестьянских Депутатов:

«Святые слова великой русской революции: «Земля и Воля», зовущие нас к светлому будущему, к свободе и

братству, заменили грубыми криками: «хлеба и земли, земли, земли во что бы то ни стало, немедля ни минуты». А там что бы ни случилось. Из многих мест поступают уже печальные и ужасные вести. Происходят погромы, поджоги, грабежи, самосуды. В Козловском уезде, Тамбовской губернии жгут и громят не только помещиков, но и крестьян, в особенности хуторян и отрубщиков... Кому это на пользу?.. Куда приведут вас те, которые много сулят и сейчас же призывают брать на учет всю землю и распределять ее во владении крестьян—судите сами. Большевики: Ленин, Зиновьев, призывающие кончить войну, оказались агентами Германии!!».

Ведь в сущности под такой «революционной агитацией» подписался бы самый мохнатый зубр-помещик. Но... мы все-таки воздержались. Рассказывая о периоде февральской революции, я отмечал, что мы никакой планомерной работы среди крестьянства не вели и в деревне о нас было самое дикое представление. Единственным проводником наших взглядов были солдаты, утекавшие из гарнизона и понимавшие большевизм очень часто в самом уродливом виде. Мне передавали, что в некоторых деревнях на сходах «большаки-солдаты», защищая нас от обвинения в шпионстве и распродаже немцам страны, договаривались до чудовищно нелепых вещей. Конечно, за такую «агитацию» «ораторам» попадало, как следует, и были даже случаи самосуда над ними, как над «конокрадами». Поэтому нужно было попытаться, хоть и поздновато, завоевать крестьянство. Первый шаг в этом отношении мы и сделали, издав «приказ № 1» о земле и при помощи солдат распространив его по всем уездам. Эсеры поняли нашу тактику и свою грубейшую ошибку с затяжкой разрешения земельного вопроса. Чтобы продемонстрировать свое влияние на крестьянство, с одной стороны, а с другой,—закрепить его в новой обстановке, они спешно созвали губернский с'езд представителей волостных комитетов.

С'езд открылся в Саратове при наличии ста делегатов. Как следовало ожидать, эсеровский с'езд выбрал эсеровский президиум: председатель — Б. Н. Черненков, тов. председателя — А. Бейлин и Ганжинский [1]) (из Петровска). Докладчиками выступали эсеры: А. А. Минин, Ганжинский, Бейлин, Альтовский и другие. В тот момент, когда открылся крестьянский с'езд, открылось заседа-

---

1) Ныне коммунист.

ние Совета Р. и С. Депутатов. Залы обоих заседаний были переполнены по преимуществу солдатской публикой, следившей с напряженным вниманием за работой этих важных для массы учреждений. Президиум Совета предложил пленуму пригласить крестьянский с'езд к себе на заседание, «дабы рассеять все недоразумения между отцами и детьми». Пленум единогласно принял предложение при захлебывающемся восторге присутствующей публики. Немедленно была избрана делегация, в которую входили рабочие и солдаты — с «бородами» и наиболее развитой речью. Наша делегация явилась на с'езд с приглашением и близким для крестьян языком, в страстных выражениях упрашивала своих «отцов» притти на заседание Совета. Мужики были тронуты, заколебались, а некоторые не выдержали и начали «брататься», т.-е. друг друга обнимать и целовать. Перепуганный президиум старался всеми средствами рассеять это настроение, и, в конце концов, ему удалось с грехом пополам протащить постановление о том, что с'езд принимает предложение, но явится только после того, как «обсудит текущий момент, выработает наказ для членов Учредительного Собрания и установит условия совместной работы с Советом Р. и С. Депутатов». Однако делегация сумела утащить с собой человек сорок пять, которые при громовой овации (члены Совета встретили их стоя) прошли в первые ряды. Председатель Совета произнес приветствие, которое закончил так: «Добро пожаловать, наши родные хлеборобы... наши отцы... Ныне снова вы встретились лицом к лицу с вашими детьми, и теперь никакая сила не увлечет вас друг против друга. Да здравствует союз рабочих, солдат и крестьян, да здравствует великая Российская трудовая семья!».

После председателя выступало с десяток ораторов рабочих и солдат, которые в необычайно красочных выражениях модулировали ту же тему. Крестьяне, в свою очередь, растроганные до слез (а ведь это были кулацкие и середняцкие элементы деревни), клялись «порушить всякую ссору и отныне жить душа в душу». Задержанные эсерами на с'езде крестьяне, конечно, приняли все резолюции, которые им предложили. Ввиду их особой характерности привожу их целиком:

«Мы, крестьянские депутаты, с'ехавшиеся со всей губернии, обсудили текущий момент и приняли ряд постановлений. Мы полагаем, что властный голос представителей крестьянства должен быть услышан, и с мнением нашим должны счи-

таться товарищи рабочие и солдаты, члены общей с нами трудовой семьи. Постановления наши следующие:

1) О вооруженном захвате власти большевиками. Губернский с'езд Советов Крестьянских Депутатов Саратовской губернии твердо осуждает вооруженный захват власти большевиками накануне выборов в Учредительное Собрание и считает, что вся власть в стране должна принадлежать не одной какой-нибудь партии, но всему народу.

2) Об образовании Центрального Временного Правительства. Губ. с'езд считает большой ошибкой в прошлом то, что Временное Правительство было правительством, состоящим не из одних только социалистов, но и из представителей буржуазных, враждебных народу партий (партии «Народной свободы», помещиков и капиталистов). Новое правительство должно быть однородным и социалистическим. Буржуазные партии не должны входить в него. Из большевиков в правительство должны входить лишь те, кто открыто откажется от захватной власти меньшинства над всем народом и признает, что власть должна принадлежать Учредительному Собранию.

3) О свободах гражданских. Губ. с'езд полагает, что одной из задач всякой власти в Росс. Дем. Республике должно быть обеспечение всех гражданских свобод (свободы слова, печати, собраний, союзов, стачек, совести, неприкосновенности личности и жилища).

4) Об Учредительном Собрании. Губ. с'езд полагает, что вся полнота власти в Росс. Дем. Республике должна принадлежать Учредительному Собранию. Учредительное Собрание установит все новые порядки — земельные, государственные, денежные (финансовые) и др. Всякий, кто посягнет на власть и на права Учредительного Собрания и помешает его работам, будет врагом трудового народа.

5) По вопросу о мире. Губ. с'езд стоит всецело за скорейший всеобщий демократический мир без порабощения одних народов другими и за перемирие на всех фронтах в согласии со всеми союзниками. Заключение такого мира совещание[1]) ждет от Учредительного Собрания и считает заключение мира безусловно необходимым. Попытка заключать перемирие отдельными воинскими частями совещание порицает и считает гибельным для дела демократического мира.

6) О власти в Саратовской губернии. Для того, чтобы положить конец в Саратовской губернии насильственной захватной власти большевиков, с'езд считает необхо-

[1]) Это словечко «совещание» вместо «Губернского С'езда Крестьянских Депутатов» вскрывает подлинное настроение с.-р. в тот момент: они считали свой Крестьянский С'езд лишь совещанием, а не авторитетным с'ездом.

димым, чтобы власть в губернии была передана особому временному комитету из представителей от земских и городских самоуправлений, выбранных правильным народным голосованием, от Совета Кр. Депутатов, от Совета Солд. и Раб. Депутатов на основании пропорционального представительства по количеству избирателей. В комитет могут также войти представители п.-т. союза и ж.-д. союза. Приступить к организации этого комитета с'езд поручает Исп. Ком. Губ. Сов. Кр. Деп. немедленно».

Когда мы читали эти резолюции, нас разбирал смех. Кто-то, обращаясь к Мгеладзе, который от нашей партии выступал на с'езде и очень бесцеремонно обошелся с Учред. Собранием («Мы, большевики, Советы ставим выше Учредит. Собрания... если советы найдут, что Учр. Собрание их не удовлетворяет, мы пойдем против него»), шутил: «Илларион, это ты напутал так эсеров... смотри, как они жалко лепечут...». Но, конечно, тут дело не в этом. Из резолюций видно, как пришлось местным эсерам жертвовать постановлениями своего Центрального комитета, как смягчать выражения, как уступать стремлению к об'единению, лишь бы сохранить свой расползающийся политический авторитет. Впрочем, весьма вероятно, что на резолюции положил также свой отпечаток тот раскол, который чуть не накануне с'езда произошел в их организации. Левое крыло, которое уже давно несогласно было с правым, наконец, не выдержало и вышло из организации, образовав группу левых эсеров. Кстати в нее входили: Садаев, Покровский, Элькина, Курносов, Позднев, Соколов и др. Направо остались: А. Минин, Черненков, Альтовский, Тиванов, Ткачуковы и др.

Как бы там ни было, но с'езд знаменовал сумерки для эсеровской партии. Сведения о влиянии «приказа № 1», а затем и декрета о земле центрального правительства [1]), расслоение в связи с голодом, самоорганизация деревенской бедноты и захват ею власти на местах дали достаточные указания на то, что нужно делать. Решено было созвать свой с'езд, при чем выборы производить не от комитетов, а прямо от сходов. Работа по организации с'езда была поручена Федору Трофимовичу Иванову, приехавшему из своей Двоенки в качестве делегата от районного крестьянского с'езда. Кандидатура Иванова на организатора с'езда возникла неожиданно. Тут нужен был знаток деревни. Найти под-

[1]) Впервые мы получили декреты центрального правительства о земле, мире и т. д. от делегата (матроса) Петроградского Совета 4 ноября 1917 г.

ходящего человека было нелегко. Приходит однажды Васильев и заявляет, что нашел «человека по мужицким делам». Нас свели. Перед мной стоял товарищ небольшого роста, худой, бледный с выпирающими скулами и с насмешливыми, глядящими как-то сбоку, глазами. Разговорились. Стали напоминать события и

Федор Трофимович Иванов.

клички товарищей по подпольной работе. Я предложил ему комиссарить по земельным делам. Он нехотя согласился, но чуялось, что работа ему по душе. Вот он-то и развернул план кампании.

Через военную секцию и гарнизонный Совет Крестьянских Депутатов было подобрано человек 200 — 300 солдат с таким расчетом, чтобы попал один солдат на волость и именно местный,

из этой же волости. Сынструктировав их и снабдив декретом, приказами, соответствующей инструкцией, написанной им же, и другой литературой, Иванов разослал их по местам с таким расчетом, чтобы с'езд состоялся 30 ноября. Пока инструктора-агитаторы работали в волостях, Федор тщательно, с педантичной размеренностью подготовлял всю техническую сторону с'езда, начиная от членского билета и кончая общежитием для делегатов. В помощь ему были даны Корнеева, Шварц и еще кто-то. За это же время он разработал «дополнение» к «приказу № 1». Явившись лишь недавно из деревни, он внес этим дополнением ряд поправок, соответствующих сложившейся там обстановке.

> «В дополнение и подтверждение приказа № 1 Саратовский Совет Солдатских и Рабочих Депутатов предлагает: 1) Ввиду перехода власти к Советам немедленно избрать в каждом селении, там, где они не были избраны, Советы Крестьянских Депутатов; 2) средства для содержания сельско-хозяйственных рабочих в экономиях, а также взятого на учет сельско-хозяйственного живого и мертвого инвентаря и усадебных построек, впредь до решения губернского с'езда Крестьянских Депутатов от волостей, можно извлекать из самого хозяйства; расходам этим вести точный учет; 3) при ликвидации помещичьих хозяйств должно сообразоваться с тем, чтобы посевная площадь волости не сократилась; 4) из взятых на учет в экономиях запасов хлеба и фуража всю свободную наличность, за исключением необходимого количества для весеннего сева (на оставшихся после помещиков запашках) и содержания сельско-хозяйственных рабочих и живого с.-х. инвентаря — должно немедленно доставить в ближайшие ссыпные пункты. Примечание. Стоимость хлеба и фуража должна быть оплачена получившей их продовольственной организацией на общих основаниях; 5) ненужный инвентарь (как, напр., свиней, птицу и т. п.), в случае обременительности его содержания, продать; 6) средствам, вырученным от продажи ненужного инвентаря и т. п., вести точный учет. Расходуются они исключительно на нужды, вызванные содержанием взятого на учет хозяйства.
>
> Исп. Ком. Саратовск. Совета Солд. и Раб. Депутатов. Председатель Антонов».

Основанием к этому приказу были два обстоятельства: во-первых, мужики вышибали с.-х. рабочих, а во-вторых, живой инвентарь (если не разбирали) оставляли без кормежки, выметая под метлу весь хлеб и фураж на свои нужды, — живность гибла без толку. Я сперва этого не понял и заупрямился. «Не подпишу...

Ты хочешь, чтобы я отдал живой инвентарь без всякого плана на поток и разграбление». — «А ты хочешь, чтобы он с планом подох?» — и он привел мне ряд примеров. «Ничего не поделаешь, скареда-мужика не проймешь». — Подписал. Но я и теперь не не знаю, спасли ли мы батрака?

Накануне с'езда мы втроем — Федор, Михаил и я — прорабатывали резолюции. Интересный обмен мнений произошел о конструкции власти в губернии в связи с предстоящим с'ездом. После некоторых споров была принята следующая мысль: выбранных на с'езде членов Исполкома ввести в состав Исполкома Саратовского Совета, дабы сразу же взять крестьянских представителей в атмосферу пролетарской среды, и Совет после этого об'явить губернской властью. «Пусть, — говорил я, — рабочие Саратова руководят крестьянской массой губернии».

С'езд по количеству превзошел наши ожидания. Свыше 200 делегатов [1]), буквально из всех уездов, прибыло к установленному времени (с'езд открылся 2 декабря). С первых же заседаний стало ясно, что Исполнительный Комитет не ошибся. С'езд почти целиком был большевистски настроенным. Пролетарская революция сделала свое дело. Она отдала крестьянам долгожданную землю и превратила даже кулацкие элементы в «большаков». Резолюции, вынесенные этим с'ездом, представляют, по сравнению с вышеизложенными резолюциями эсеровского с'езда, целую эпоху [2]). Трудно верилось, что так говорят почти те же самые социальные эле-

---

[1]) С'ехалось 239 делегатов от 120 волостей. По уездам они распределялись так: Аткарский — 25 в. — 43 дел.; Балашовский — 40 в. — 80 д.; Саратовский — 15 в. — 26 д.; Камышинский — 13 в. — 24 д.; Петровский — 11 в. — 21 д.; Царицынский — 9 в. — 14 д.; Сердобский — 6 в. — 13 д.; Вольский — 6 в. — 10 д.; Хвалынский — 2 в. — 3 д.; Кузнецкий — 2 в. — 3 д. Разница в представительстве по уездам определяется, приблизительно, следующим образом: 1) количеством помещичьих имений (чем больше их в уезде, тем озлобленнее крестьянство); 2) участием в аграрном движении 1905 года и силой самодержавной репрессии (например, значительная часть аткарских мужиков была «поротыми»); 3) эсеровским засильем; 4) недостаточной посылкой наших эмиссаров; 5) дальностью расстояния от Саратова (напр., Хвалынский уезд).

[2]) Идя в резолюциях навстречу демократическим предрассудкам крестьян, мы без всяких опасений вносили в них ряд привычных крестьянам терминов февральской эпохи. Большее опасение вызывало в нас существо двух резолюций, принятых нами под давлением стихии — это резолюции об организации крестьянской красной гвардии и о сельско-хоз. рабочих. Вообще вооружать крестьян, при их обычных колебаниях, нам абсолютно не

менты, которые были всего неделю тому назад на враждебном нам с'езде. Прибывшие делегаты, несмотря на общий большевистский налет, все же делились на три направления: три четверти делегатов об'явили себя большевиками; одна четверть — левыми эсерами и человек с десять были определенно выраженными правыми эсерами. Вся тяжесть по руководству с'ездом выпала на Ф. Иванова и М. Васильева.

В результате работ с'езд вынес резолюции, в которых прежнее, безраздельное влияние эсеров на мысль саратовского крестьянства сказывалось лишь очень отдаленным эхом [1]).

Новый крестьянский губернский с'езд не только одобрил политику партии большевиков и Исполкома Саратовского Совета, но и об'явил местный Совет органом губернской власти. Кроме того, выборами 40 депутатов [2]) в Исполком Саратовского Совета он признал гегемонию революционного пролетариата губернского города.

хотелось. Мы уже тогда инстинктивно учитывали будущие кулацкие восстания. Но, во-первых, мы оказались перед фактом: крестьянство уже отобрало оружие у милиции, из помещичьих экономий и вообще, где было можно, а во-вторых, оружие в тот момент просила беднота для борьбы с кулаком. Организация бедняцкой красной гвардии значило в то время фактическое разоружение кулака. На это мы пошли, но с большой осторожностью. За весь период этих красногвардейских настроений деревни Саратовский Исполком снабдил оружием два или три крестьянских отряда. Больше он давал сельско-хоз. рабочим Новоузенского уезда, отряды которых сыграли значительную роль в последующий период гражданской войны с уральским казачеством. Что касается второй резолюции, то мы опасались, что она не будет осуществлена. Крестьяне, после выгонки из имений помещиков, стали смотреть на с.-х. рабочих, как на «лодырей» и «дармоедов». Наши опасения отчасти осуществились: крестьяне стали «вышибать» и даже «избивать» с.-х. рабочих. Исполкому не раз приходилось вмешиваться в конфликты и защищать с.-х. рабочих от их жестокой кулацкой жадности.

[1]) Полный текст резолюций см. в приложении к III части этой книги.

[2]) Список депутатов от крестьян в Исполком Саратовского Совета Р. С. и К. Д.—от Аткарского у.: 1) Сергей Загуменный, 2) Ал. Кревенков, 3) Петр Иванов, 4) Мих. Носачев; от Балашовского у.: 1) Ив. Максимов, 2) Ал. Шустов, 3) Семен Клинаев, 4) Петр Палеев; от Вольского у.: 1) Тимофей Волков, 2) Григ. Спиридонов, 3) Никита Сергеев; от Камышинского у.: 1) Максим Сухов, 2) Алексей Дмитриев, 3) Андрей Спрунов, 4) Андрей Берет; от Петровского у.: 1) Андрей Юматов, 2) В. Самышкин, 3) Петр Филаткин, 4) Илья Голубушкин; от Саратовского у.: 1) Тимофей Храмов, 2) Алексей Щербаков, 3) Алексей Мумрин, 4) Григ. Латышев; от Сердобского у.: 1) Герасим Черкунов, 2) Логин Доянов, 3) Федор Баскаков, 4) Вас. Стеклов; от Царицынского у.:

И если предыдущий эсеровский с'езд оставил в рабочих и солдатах все же некоторый осадок горечи и досады, чувство раз'единенности «отцов и детей», то этот с'езд, демонстрировавший не только резолюциями и выборами, но и личным присутствием в полном составе на торжественном заседании Саратовского Совета, крепкую солидарность крестьянства губернии с рабочими и солдатами, вызвал неподдающийся описанию взрыв энтузиазма и еще больше укрепил авторитет Совета. То, чего мы не могли и не умели достигнуть десятки лет, пришло к нам в результате нескольких революционно-сознательных взмахов по волнам аграрной бури, — мы завоевали на свою сторону крестьянство и, уничтожив авторитет эсеров подвели базу под диктатуру пролетариата в нашей губернии.

Глубоко интересен был момент встречи членов Исполкома Совета (рабочих по преимуществу) с новыми, избранными крестьянским с'ездом, черноземными депутатами.

Заседания ИК носили важно-степенный и строгий характер. Члены Исполкома чинно сидели за большим, покрытым зеленым сукном, столом, записывали свои заметки на листах, специально для этого приготовленных, выдержанно брали слово, не перебивали друг друга (как это случалось раньше) и говорили речи, обдумывая каждое слово и имея все время в виду новых членов Исполкома. Крестьянские депутаты сразу же подобрались, восчувствовали уважение к Исполкому и усвоили примерный урок поведения, который им дали рабочие. Они очень гордились своим званием члена Исполкома, и когда их посылали по деревням с специальными поручениями, они старались их выполнить самым добросовестным образом. Конечно, привыкать к строгому режиму заседаний Исполкома им было все-таки довольно трудновато. Но зато они вознаграждали себя, отводили душу, когда оставались одни в специально для их воспитания образованной крестьянской секции. Тут они были без стеснений, в своем натуральном виде... Тут они были только «свои» и тут их заседания носили все традиционные черты мирского схода. Бывало, зайдешь их проведать — стон стоит: все говорят разом, ругаются тоже разом... стучат пудовыми кулаками по столу... того и гляди — драка. И в этой своеобразной атмо-

---

1) Павел Тарасов, 2) Степан Мордвинцев, 3) Федор Задорожный, 4) Федор Демидов; от Сарат. гарниз. Совета Крестьян. Деп.: 1) Алексей Елистратов, 2) Конст. Голодов, 3) Мих. Усанов, 4) Алексей Аряжкин, 5) Иван Галаганов.

сфере, уснащенной терпким махорочным и каким-то особливым духом, бесшумно витает «деревенская беднота», крестьянский пестун — Федор Иванов. С китайской терпеливостью и настойчивостью направляет он в правильное русло взбудораженную мысль и жестко, в корне, пресекает вспышки кулацких аппетитов. Любили его наши крестьяне, но и побаивались. «Больно он колючий... язык у него чижолый... яд, а не человек», — ворчали обиженные насмешками Федора.

Чтобы разредить громоздкость Исполкома, с одной стороны, а с другой, — чтобы наши крестьяне не засиживались и «не привыкали», мы, внимательно расценивая каждого, давали им поручения и рассылали по уездам. Оставшимся давали соответствующую работу в учреждениях. Во-время поставленные рамки дали свои положительные результаты. Рабочая группа членов Исполкома пользовалась несомненно крупным авторитетом у крестьян. Но тут же нужно сказать, что если крестьянские депутаты «обтесывались» рабочими депутатами, то и обратно — крестьяне «обтесывали» рабочих. Нередко можно было слышать, как члены Исполкома — рабочие — перекидывались между собою такими замечаниями: «Ты полегче... Это надо обдумать, а то бухнешь... Мы ведь не одни... Не забывай мужиков... Надо, брат, так сказать, чтобы и их не зацепить и свое провести». В процессе совместной работы вырабатывались не только политическая тактика, но и политический такт... [1]).

Получив колоссальную поддержку крестьянского с'езда (кстати, произведшего большое впечатление и смятение в стане наших врагов), зная теперь наверняка, что роспуск земских учреждений и старого крестьянского Исполкома (эсеровского) не вызовет в низах абсолютно никакого волнения, имея даже формальное основание (столь значимое для городских мещан) для этого роспуска в виде определенных директив с'езда, мы и приступили к ликвидации. 15 декабря последовали сразу два приказа и одно «постановление»:

«Исполнительный Комитет Саратовского Совета Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов, — гласил первый приказ, — на основании постановления Губернского с'езда представителей от волостей от 2 декабря 1917 года, поста-

---

[1]) Из первого призыва крестьянских депутатов выделились своею активностью и впоследствии не были потеряны для партии: С. Загуменный, Япишин-Слепышев, Усанов, Голодов, Дмитриев, Сергеев, Окунев, Шустов и др.

новил: 1) Саратовскую Губернскую Земельную Управу упразднить; 2) учредить Совет комиссаров по земельным делам, передав ему все дела, средства, имущества, печати и т. п. Губернской Земельной Управы. О служащих упраздненной Управы будет вынесено особое постановление по обсуждении доклада комиссаров по земельным делам».

Вторым приказом увольнялись с 9 декабря члены и должностные лица губернского и Саратовского уездного земельных комитетов; утверждались избранные крестьянск. секцией Исполкома члены губернского и Сарат. уездного Совета комиссаров по земельным делам, члены товарищеского крестьянского суда (для решения вопросов между отдельными обществами и лицами, возникших в связи с земельной реформой); бывшим членам и должностным лицам губ. и Сарат. уездного земельных к-тов предписывалось: вернуть неправильно полученную часть жалованья за декабрь, сдать все имущество и подотчетные суммы комитетов—Советам комиссаров; обязат. постановление общ. организаций Сарат. губ. от 26 окт. и инструкция губ. земельной управы от 27 окт. 1917 г. (относительно взятия земли с.-хоз. значения на учет земельными комитетами, организации этих комитетов и т. д.) о т м е н я ю т с я; Советы Крест. Деп. и земельные к-ты должны сообразоваться в своей деятельности с законом Раб.-Крест. Правительства о земле, резолюциями губ. с'езда представителей от волостей и приказом № 1 (с дополнением к нему) Совета Раб., С. и Кр. Деп.

«Постановлением» упразднялась «за ненадобностью» уездная земельная управа и заменялась уездным Советом комиссаров по земельным делам. Так спокойно скончались эти органы последнего влияния эсеров. На место эсеровских интеллигентов и кулаков стали сами мужики бедняцкого и средняцкого типа. Крепкие, ядреные, с пропитанными «на веки» землею руками и с неукротимой, «нутряной» жаждой «всей земли», они принялись за свое дело. Малограмотные, а то и совсем неграмотные, они в поте лица корпели над бумагами, судили земельные споры и являлись незаменимыми регуляторами стихии. Без них трудно (пожалуй, совершенно невозможно) было бы справиться с тем сонмом вреднейших стремлений, которые кружились в общем стихийном крестьянском водовороте. И хотя бывали случаи, что они мешали свои личные дела с общественно-государственными, урывая кое-что (вроде пары новых сапог) для себя, то что, в сущности, значит эта мелочь по сравнению с той крупнейшей важности работой,

которую они проделывали под нашим руководством в самый острый момент революционной волны.

Стихийный процесс внизу завершился соответствующей организационной перестройкой наверху.

Колесо истории повернулось и провело неизгладимую межу между прошлым и настоящим.

10. ВЫБОРЫ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Первое время (как и все партии) мы придавали крупнейшее значение Учредительному Собранию. Какую бы мы ни вели агитацию, она всегда заканчивалась апелляцией к будущему «хозяину земли русской». Поэтому немудрено, что наша организация по мере сил готовилась к предстоявшим выборам. Намечен был список кандидатов, при чем при его составлении мы снеслись со всеми своими уездными организациями. Список был составлен так, что в него вошли все те товарищи, которые пользовались широкой популярностью и влиянием в массах губернии. Самым требовательным из уездов был Царицынский. Представители от нашей организации этого уезда приехали чуть ли не с повелительным мандатом требовать от нас включения в список всех намеченных ими кандидатов и притом «на первых местах». После длительных споров нам удалось их ограничить, поставив на первых местах действительно ценных товарищей (С. К. Минина и Ермана) и разбросав других в конце списка. Я привожу этот случай с Царицынским уездом, как типичный для настроений тогдашнего момента. В этом «местничестве» сказывался тот наивный партикуляризм, который был свойственен в то время массам. Каждая волость, рота, часть завода (цех) во что бы то ни стало хотели иметь в командующих органах «своих», «тутошних», «знаемых» людей.

Этот период характерен доверием масс к лицам, а не к организациям. Психика своеобразной революционной атаманщины и батьковщины... Центр. Комитет нашей партии, с своей стороны, предложил нам возглавить список двумя тогдашними его членами — Л. Б. Каменевым и В. П. Милютиным, что мы и сделали.

Вооруженные этим списком (он шел под № 10), мы развили к началу выборов энергичную агитацию как через печать (газета, листовки, брошюры), так и через уходивших в деревню солдат. Кроме того, по городам губернии раз'езжали с тою же целью наши агитаторы и кандидаты в члены Учр. Собрания (я был в Ат-

карске, М. Васильев—в Вольске, Аткарске и другие — в прочих городах). Конечно, как мы ни старались, мы все-таки главную работу вели среди городского населения, а не среди крестьянства. А между тем, именно оно должно было определить политическую физиономию Учр. Собрания. Это обстоятельство стало вызывать во всей нашей организации вполне естественное беспокойство. «Подведет мужик... медведь бестолковый», — поговаривали с тревогой наши ребята. Октябрьские события сперва технически, а затем и в силу настроения организации как-то отодвинули избирательную кампанию далеко в сторону. По инерции мы еще составляли резолюции, издавали декреты, писали статьи и воззвания с непременным упоминанием Учр. Собрания, но все эти упоминания носили какой-то мертвенный, формальный характер и вызывали скуку.

По мере развития событий стали чувствовать и сознавать, что дело собственно уже не в «хозяине земли русской», а кое в чем другом; что если Учр. Собрание не признает Советской власти, Совета Народных Комиссаров и его декретную и организационную работу, то не миновать решительного столкновения.

Особого разнобоя в том, что делать тогда с Учр. Собранием, в нашей организации не было. Когда же появились соответствующие статьи Владимира Ильича, то мы и совсем охладели к этому учреждению. Да и не только мы, — рабочие, солдатские и отчасти ремесленные массы стали очень и очень иронически относиться к «хозяину». В их прямолинейном мышлении не могло уже уместиться это кричащее своим противоречием положение: Советская власть, Рабоче-Крестьянское Правительство и вдруг еще... Учредительное Собрание. «Есть один хозяин, чего же еще рожать? А вдруг он, новый-то младенчик, неудашным выйдет? Овчинка выделки не стоит», — разговаривали они между собою.

Накануне выборов Совет Р., С. и К. Депутатов издал очень холодное, официальное обращение к населению:

> «Исполнительный Комитет, напоминая, что 12 ноября начинаются выборы в Учредительное Собрание, призывает всех рабочих, солдат, крестьян и прочих граждан к самому деятельному участию в голосовании. Ни один голос не должен пропасть. Все на выборы! Все к урнам!».

И все. Свобода печати, собраний и агитации была предоставлена в полной мере и всем группам. Этой свободой, конечно, воспользовались и использовали в самой широкой степени все враждебные

нам элементы населения. Начиная с меньшевиков, эсеров, «Единства» и кончая «союзом землевладельцев», все вели против нас самую яростную борьбу. Чего только не сваливали на нашу голову! Мы оставались невозмутимыми. Это их приводило буквально в неистовство и в своих нападках они теряли все разумные границы. Наши журналисты потирали руки от удовольствия, смакуя допущенные противником гомерические нелепости. Рабочие и солдаты ворчали на нас за допущение столь широкой свободы «для тех, кто их держал в тюрьме».

Выборы прошли довольно вяло в рабочих кварталах, и лишь буржуазные кварталы жили лихорадочной жизнью. Каждый из обитателей этих кварталов нес свою избирательную записку, как булыжник или как пулю в голову проклятых большевиков. «Выборы в Учредительное Собрание,— рыдал некто Д. в «Голосе Думы»,— были тихие... не было в городе того оживления, которое мы помним в дни выборов в демократическую думу. Не было радости на лицах, радости в душе»... И далее, сравнивая цифровые итоги выборов в думу и Учр. Собрание, он замечал: «Любопытно отметить, что на выборы в городскую думу жители окраин явились в большей массе (от 50 до 68% всех голосов), чем на выборы в Учредительное Собрание (от 33 до 56,2% голосов)». В этом абсентеизме окраин (рабочих кварталов) оказалось пренебрежительное отношение трудовых масс к «хозяину земли русской», чего и не видел г. Д. В дополнение к жалобам г. Д. «Саратовский Вестник» (№ 253, 1917 г.), ставший органом группы «Единство», отмечал другую сторону выборов, а именно, что «социалисты за 4 месяца потеряли 10.983 голоса». Вернее, социалисты имели не потерю (хотя, конечно, была и она) голосов по сравнению с прошлым, а рост буржуазных голосов, т.-е. интенсивнейшее выступление на выборах противо-социалистических элементов, для которых Учр. Собрание было тем же, чем соломинка для утопающего.

В общем и целом по городу из 60.691 чел. голосовавших (на 115.540 чел., имевших право голоса) получили: мы — 22.700; меньшевики — до 4.000; эсеры — 8.600; кадеты — 12.000 и прочие— мелочь.

Для нас имели существенное значение цифры голосования гарнизона. Из его состава, который насчитывал к этому моменту 30 тысяч чел., имевших право голоса, голосовало лишь всего 12.600 человек. При чем голоса поделились так: за нас голосовало

8.992 человека; за меньшевиков — 200; за эсеров — 1.900; за кадетов — 500; за Украинскую Раду (смесь) — 700. Выборы показали нам, что даже в нашем гарнизоне мы имеем не менее 3.000 человек, принадлежащих определенно к лагерю контр-революции. Они-то и вели впоследствии свою разрушительную работу в солдатской массе, спекулируя уже не на политических мотивах, а на шкурничестве и провокации.

С голосованием в деревне было очень плохо. События города еще только-только стали проникать в крестьянскую толщу, которая еще не раскачалась и не отбросила привычную для нее эсеровскую сермягу. Там же, где крестьяне уже знали об Октябре и сочувствовали ему, на них обрушивался эсеро-кулацкий террор. «Во время выборов в Учредительное Собрание, — докладывали Исполкому ходоки-делегаты села Сокур, — общество устроило сход и поставило урны. Начальник станции вместе с кулаками настаивал на том, чтобы все голосовали за список № 12 (эсеров). Брали карточки и против воли крестьян бросали их в урны. Крестьяне возмущались, кричали, что надо голосовать за список № 10, так как это самая правильная партия; но кулаки кричали, что большевики — это грабители, разрушители, кто пойдет за ними, того побьют нагайками, как в 1905 году». Нередки бывали случаи избиения кулаками тех крестьян, которые осмеливались голосовать за наш список.

И все же, несмотря на столь тяжелую для крестьян обстановку выборов, результаты превзошли всякие, даже самые оптимистические предположения; из общего числа в 644.908 голосов (по г. Царицыну и пяти уездам — цифр по всем уездам губернии у меня под рукою нет) наш список получил 165.967 против эсеров, получивших 361.266 голосов, т.-е. мы шли в деревне на втором месте после эсеров и на первом — в отношении к прочим партиям.

По данным пяти уездов и г. Царицына голоса между нами и эсерами распределялись так: по г. Царицыну — № 10 (мы) — 16.554; № 12 (эсеры) — 4.978; по Царицынскому уезду — № 10 — 19.333, № 12 — 18.318; по Саратовскому уезду — № 10 — 25.350, № 12 — 49.057; по Аткарскому уезду — № 10 — 47.315, № 12 — 69.054; по Петровскому уезду — № 10 — 15.582, № 12 — 60.384; по Хвалынскому уезду — № 10 — 7.767, № 12 — 50.128; по Сердобскому уезду — № 10 — 11.355, № 12 — 100.586.

Эти данные показывают с несомненной очевидностью, что если бы политически представлялась возможность отсрочить выборы еще хоть на один месяц, то крестьянская масса, ознакомившись с мероприятиями Советской власти, дала бы первый мандат в Учр. Собрании никому другому, как большевикам. Но как бы там ни было, сверх ожидания, мы приобрели почти четыре места в Учр. Собрании. К выборам персональный состав наших кандидатов видоизменился. Л. Б. Каменев, выставленный у нас «про запас», прошел по другой губернии; снята была также кандидатура и В. П. Милютина. Мандаты получили лишь следующие местные работники: М. И. Васильев, С. К. Минин, я и Яков Ерман (оспоренный по голосам).

Учитывая сложность положения на месте, требование организации, которая не хотела меня отпустить, и будучи глубоко убежден, что Учр. Собрание — не жилец на белом свете, я решил не ездить на открытие. М. И. Васильев и С. К. Минин все же поехали и имели счастье видеть историческую картину разгона высокого собрания. Михаил (Васильев) даже остался в Питере, заделавшись там членов коллегии Народного Комиссариата внутренних дел.

В одном из своих пленарных заседаний наш Совет Р., С. и К. Депутатов определенно заявил, что Учр. Собрание должно быть выразителем воли Советов или его не должно быть вовсе. Поэтому разгон его был принят Советом, как само собою разумевшаяся необходимость. Он приветствовал этот разгон, как акт политической мудрости, как акт своевременной самозащиты Рабоче-Крестьянского Правительства, пролетарской диктатуры от посягательства контр-революционных элементов и классов. Рабочие удовлетворенно обсуждали разгон и торжествующе говорили: «Ага, господа буржуи, сорвалось. Не удалось вам обыграть нашего брата». Солдаты были еще более довольны. Они уже давно волком смотрели на Учр. Собрание, а тем более с того момента, когда выяснилось его эсеровское большинство. «Неужто опять Керенский воцарится?» — тревожно спрашивали они.

Лишь из деревни шло «сумление»: «Как же, мол, так. Хозяина, да вдруг из дома вон. Что-то не гоже». Но так как, в конце концов, земля-то была уже в распоряжении мужика, то он и пальцем не пошевельнул в защиту высокого собрания.

Иное дело партии мелко-буржуазного социализма. Они хотя и знали, что у нас «нет ничего святого», но все-таки, повидимому,

где-то в глубине их демократических душ теплилась надежда на то, что авось большевики не осмелятся дотронуться до такой святыни, которая признавалась всеми революциями «от сотворения мира до наших дней».

Еще до разгона они проявляли наивысший градус кипения. По призыву питерского «Союза Защиты Учредительного Собрания» они решили устроить демонстрацию. Из прокламации, подписанной комитетами меньшевиков, эсеров, бундовцев, народных социалистов, а равно столь апокрифическими учреждениями, как разогнанные городская дума, губернский исполком крестьянских депутатов и проч., и озаглавленной — «Все на мирную демонстрацию», мы узнали, что 17 декабря 1917 г. в 12 ч. дня должна произойти демонстрация «в защиту прав Учредительного Собрания». Прокламация была нам доставлена на заседание фракции перед пленумом Совета Р., С. и К. Д. Фракция решила (а комитет санкционировал) на мобилизацию сил за учредилку ответить мобилизацией сил за Советскую власть и устроить вооруженную демонстрацию. Об этом решении было об'явлено пленуму, который обеими руками подписался под этим решением. Тогда учредиловцы свою демонстрацию отменили, а наша состоялась, дав яркую картину отношения трудовых масс и гарнизона к Советам. После этого урока мы думали, что наши противники утихомирятся и откажутся от своих демонстративных затей. Не тут-то было. Они перенесли свою демонстрацию на 31 декабря, о чем оповестили в новой прокламации.

Гарнизон взбаламутился. Он еще не забыл думских баррикад, казаков, почтово-телеграфной забастовки и служебного саботажа. Поэтому, когда количественно жалкая демонстрация учредиловцев, состоящая почти исключительно из служащих, совершала свой променад, она скоро наткнулась на группы солдат, вышедших из «военного городка» проучить буржуев. Началась перебранка, потом свалка, а потом — стрельба. Демонстрация разбежалась, оставив двух-трех раненых и одну убитую женщину (с.-д.). На этом печальном случае инициаторы демонстрации попытались нажить некоторый политический капиталец, пред'являя обвинение в «убийстве» не больше и не меньше, как к Совету Р., С. и К. Д. и нашей организации. Советом была создана специальная комиссия, которая, расследовав детально это дело, установила с непреклонной очевидностью, что виновниками столкновения были демонстранты и их руководители.

Так, еще не родившись, Учр. Собрание потребовало кровавых жертв. Когда же оно родилось — жертвы умножились. Идол мелкой буржуазии оказался крайне кровожадным. Осиновый кол его памяти!

11. ЗАХВАТ РЯЗАНО-УРАЛЬСКОЙ ЖЕЛ. ДОРОГИ

То отступая, то нанося быстрые, короткие удары противнику, мы, наконец, добрались до последнего крупного учреждения, которое все время играло крупнейшую роль в общей сумме противосоветских сил. Это учреждение — управление Рязано-Уральской железной дороги, насчитывавшее в своем составе более 1.500 служащих. «Управленцы», «железнодорожная интеллигенция», игравшие крупную революционную роль в 1905 году, приняли октябрьскую революцию, что называется, в «штыки». Впрочем, это и немудрено. Прочищенный и перетасованный после пятого года, подобранный по способу знаменитой «рухловщины», управленец пришел к Октябрю под руководством в лучшем случае к.-д.

Это «качество» управленцев еще задолго до революции привело к разрыву между ними и железнодорожными рабочими. В процессе февральской революции разрыв углубился до взаимного непонимания, а в Октябре перешел в упорную борьбу. Для рабочих борьба осложнялась тем, что управленцы в свое время захватили все руководящие места в дорожной профессиональной организации. Все эти Ореховы, Воробьевы, Бровцины, Игнатьевы и прочие заправилы главного и местных комитетов союза были избранниками служащих и, в первую очередь, управленцев. Борьба с ними началась с первых же дней пролетарской революции. Они отказались следовать политике даже своего ультраумеренного высшего органа — Викжеля, не желая «викжелировать», т.-е. «пытаться примирить непримиримые стороны». Отмежевываясь от него, они устами своего представителя Игнатьева на ноябрьском с'езде председателей местных комитетов (в Саратове) заклеймили политику Викжеля самыми последними словами. «Со стороны Викжеля никогда не было стремления определить мнение всего нашего союза, — говорил Игнатьев, — он являлся фиктивным представителем масс... Мнения их не совпали бы. Для большинства из нас позиция его выяснилась давно. Если Викжель вступил на точку зрения торговли нашими интересами, чтобы вырвать для нас поблажки, то здесь он принципиально неправ и морально несостоятелен.

Игра зашла слишком далеко. Доверие ему не может быть оказано». А председатель главного комитета М. Д. Орехов прямо заявил: «Викжель зарвался. Он не остался на своем посту». Само собою, что такая позиция, враждебная даже виляюще-злобной позиции Викжеля, не могла оставаться лишь пассивной декларацией. Она «требовала действия против большевиков» и эти действия не замедлили последовать. Можно было бы составить длиннейший обвинительный акт, в котором фигурировали телеграммы за подписью членов главного комитета с вызовом казаков «для освобождения думы от большевиков», делегации к казачьей дивизии, когда она подошла к Саратову, шпионаж для контр-революционеров, саботаж военных и продовольственных перевозок, секретки о передвижке белых карательных частей, способствование переговорам калединцев и дутовцев и т. д. и т. п.

После упомянутого с'езда председателей комитетов (было представлено 49 из 53), дышавшего непримиримой ненавистью к захватчикам-большевикам, саботаж служащих управления принял грандиозные размеры и стал угрожать существованию дороги. Было видно, что противник хочет не мытьем, так катаньем привести дорогу к полному развалу и остановке всякого движения. Мы следили за этой работой через свой глаз — Революционное бюро Саратовского узла. Это бюро, имея за собою массу рабочих узла, оказывая влияние на рабочих всей дороги, упорно боролось, при нашей поддержке, с злостными махинациями противника. В течение всего ноября и декабря товарищи из бюро добивались от нас согласия на разгон Главного Комитета. Неистовый Андрей (Агеев), сперва принимавший нашу осторожную тактику по отношению к управленцам, наконец, не выдержал и стал ругаться. «Чего вы церемонитесь с этим барахлом, — орал он, — забастовки боитесь? Дорога станет?! Ни черта не станет... масса за нами. Дождетесь, что масса сама возьмется за дело. Ух, держись тогда! Разнесет ко всем свиньям управление... да и вам мимоходом по шее зачерпнет». Чуткий к настроениям массы Андрей говорил правду. Масса рабочих действительно стала волноваться. Она видела весь саботаж, видела, как все меньше и меньше поступает в мастерские и депо материал для работы, видела, как иссякает и не пополняется запас топлива, как систематически останавливается движение (речь идет о сокращении движения пассажирского и грузового). Рабочие стали шпынять большевиков: «Вы что, не видите куда гнут саботажники? Дело станет. Куска лишимся. Этак

и нас с вами задавят. Ослепли, что ли? Чего Совет смотрит? Гнать саботажников! В тюрьму! Расстрелять!».

А те, как в огонь масло.

Дня за четыре до нового года управление об'явило, что за отсутствием топлива движение на дороге будет приостановлено. Слух этот облетел моментально всю массу и она вздыбилась от гнева. Глухари забили тревогу, загудели тревожные гудки, собрался трехтысячный митинг в мастерских. «Давай председателя Совета, — кричали рабочие, — пускай об'яснит»... — «Чего там председателя, — возражали анархисты, — пойдем к собору и расправимся по-свойски с управленской сволочью».

Ко мне примчались: Марциновский, Ерасов и еще кто-то, не то в качестве делегатов от митинга, не то просто для предупреждения о нарастающем волнении. «Скорее в мастерские, митинг... рабочие волнуются... тебя требуют... анархисты призывают к погрому...»—«В чем дело»?—«Управление дорогу останавливает»...—«Ого! — едем».

Когда я приехал в мастерские, митинг был в полном разгаре. На помосте стоял оратор-рабочий и, бия себя в грудь, зычным, страстно-захлебывающимся голосом кричал: «Анафемы! Ироды, — доносились до меня отдельные всплески слов. — При царе кровь из нас пили... при Керенском вшой кормили... а теперь хотят без хлеба оставить... бить их собак... поставить к забору да пулеметом... не соси... не соси... не соси»... Последние слова встречались грозной бурей страстных аплодисментов и исступленными выкриками.

«Кто говорит?» — «Рабочий Файфель».

Больше десятилетия я не видел железнодорожников в таком состоянии. Длинно-широкое помещение мастерских казалось очень небольшим и до чрезвычайности узким от переполнивших его рабочих. Духота, махорочный угар, жара от накалившихся гневом тел еще более усиливали нервозное состояние массы. После речи Файфеля, отражавшей ее собственное настроение, масса была готова на все. Наросла стихия бурелома. Малейшая неправильность, ошибка в выборе слова — и все полетит к чорту. Заразившись общим настроением, но не теряя холодного рассудка, я выступил с обширной речью, при напряженном внимании всей массы. Выяснив причины саботажа, заклеймив его, как предательство интересов рабочего класса, я отметил путь, по которому пойдет отныне по отношению к управленцам Советская власть.

«Саратовский совет, — говорил я, — исчерпал все меры не только товарищеского, но и просто человеческого воздействия. Управленцы продолжают травить нас, рабочую массу, и разрушать хозяйство дороги. Настал конец этой безумной игре. Совет теперь не остановится ни перед чем. С полным сознанием ответственности я заявляю вам, что Совет возьмет в свои руки управление дороги и на те места, где сейчас сидят обезьяны буржуазии—господа саботажники, он посадит людей из этой волнующейся массы, рабочих с мозолистой рукою, в которых горит немеркнущий свет любви к своему классу и к хозяйству пролетарского государства. Дорога не остановится. Работа будет продолжаться. Рабочие и их семьи не лишатся трудового куска хлеба».

Вздох глубокого облегчения вырвался из тысячи грудей. Волнение и гнев как рукою сняло. Люди стали совсем иными, чем были минут двадцать тому назад. Заискрилось обычное добродушие, переплетенное шутливым сарказмом и уснащенное словесными коленцами ядреного типа. Все ясно. Масса двинулась к выходу. Молодежь засвистала, возбужденно шныряя в тесно сгрудившихся рядах старших...

После собрания мы с ребятами из районного комитета условились приступить к выполнению данных массе обещаний. Ребята должны были разработать технический план овладения зданием управления, подготовить руководящий личный состав и наметить к аресту наиболее активных и злостных «саботеров».

Работа по подготовке затянулась до вечера 1 января 1918 года. Наступил новый год.

Накануне мы провели среди рабочих и солдат кампанию, в которой подвели итоги нашей борьбы за истекший год. Эта кампания была для нас незабываемым праздником, ибо мы были окружены любовью и доверием масс. Веселые и счастливые, мы решили собраться тесным октябрьским кружком на чашку чая. Завхоз Исполкома — коряво скроенный кровельщик, лукавый Кубраков — грозился «напороть нас, как следует, за все время революции». В отношении принятия пищи мы жили действительно из рук вон плохо. «Как бездомные псы», — формулировал Кубраков.

И в самом деле, когда мы собрались вечером 1 января в угловой комнате Исполкома (рядом с нею был склад с оружием, динамитом и пироксилиновыми шашками, отобранными у казаков), Кубраков поразил нас своим старанием. В первый раз за целый год мы увидели широкий стол, покрытый белоснежной скатертью, а на нем

всевозможная закуска! Товарищи за стаканами чая отдались дружественной беседе, непринужденной шутке, воспоминаниям и пению революционных песен. Было просто и хорошо. Кто-то затянул: «Вниз-из по матушке по Во-о-о-о-олге...». Все оживленно подхватили. «Там пришли железнодорожники... Ерасов... тебя требуют...». Отрываюсь от романтики и иду наверх. Восемь человек [1]). Все вооружены до зубов. Лица похудевшие, жесткие. Волнуются. Под скулами ходят желваки.

«Выручай,—говорит Ерасов,—все подготовлено... пришли посоветоваться... как бы рюхи не сделать...».

Обсудив план до деталей, наметив товарищей, которые должны были стать немедленно во главе управления (временно председателем нового органа был назначен после долгих отнекиваний (из скромности) т. Ерасов) и написав два воззвания (одно от имени Совета, а другое от имени нового управления) к рабочим и служащим дороги с призывом поддержать почин рабочих Саратовского узла, я отправил их на штурм. Условились, что воззвания они тотчас же по окончании дела пошлют по телеграфу по всей линии. Со мною будут держать связь.

Не успел я отправить железнодорожников, как с вокзала мне сообщили о том, что к Саратову подходит целый эшелон вооруженных казаков. Час от часу не легче. Мигом захватив с собою, кажется, Щербакова и Рассомахина, поставив у телефона вместо себя Корнееву, я кинулся во вторую гимназию, где были расквартированы части. Быстро подняв роту, мы бегом бросились к близ-находящемуся вокзалу и заняли его. Подошедший эшелон тотчас же был окружен готовыми на бой солдатами. Казаки оказались мирно настроенными и на требование сдачи оружия ответили полным согласием. Через час наш склад ломился от винтовок, карабинов и прочего военного снаряжения.

Вернувшись с разоружения, я узнал о том, что управление занято благополучно и что ряд управленских тузов отправлен в тюрьму [2]).

---

[1]) Ерасов, Живодеров, Файфель, Никитин, Горбунов, Синицын, Кузнецов и Санинский.

[2]) Начальник дороги Т. И. Акоронко, пом. нач. дороги Федоровский, 2-й пом. нач. дор. Жалан де ля-Кроа, нач. эксплоатации Клементич, нач. тяги Бенишевич, пом. нач. службы эксплоатации Пейрос, нач. отд. вспом. предприятий Н. А. Виноградов и др.—человек 15.

Набитый до-верху новостями, я снова вернулся к товарищам и сообщил им о событиях. Рассказ вызвал огромный под'ем энтузиазма, вылившийся в особо волнующее пение нашего боевого гимна — «Интернационала».

Оперативная группа железнодорожников и членов И. К-та Совета по ликвидации управления Р.-У. жел. дор.

Первый ряд (слева направо): 1) Редькин, 2) Кособоков, 3) Бабушкин, 4) В. Сергеев, 5) Ковылкин, 6) Антонов-Саратовский, 7) И. Ерасов, 8) А. Агеев; второй ряд (справа налево): 9) В. Букин, 10) Синицын, 11) Марциновский, 12) А. Федоров, 13) В. Корнеева.

На следующий день весь город и вся линия (проходящая через 11 губерний) говорили о новом шаге большевистской власти.

Тем временем вернулся из командировки намеченный нами в качестве председателя нового управления Степа Ковылкин и

энергично взялся за работу. Денька через два новый орган управления, названный «Советом Комиссаров Ряз.-Ур. жел. дороги», окончательно сорганизовался в следующем составе: президиум: председатель — С. Т. Ковылкин, товарищ председателя — И. П. Ерасов, секретарь — А. М. Санинский; комиссары: сл. эксплоатации — В. Я. Горбунов, сл. тяги — В. Я. Живодеров, сл. пути — В. В. Никитин и Ф. К. Файфель, хозяйств. — И. Т. Кузнецов, финанс. — А. Н. Евстафьев, отчетного отдела — А. В. Бутов, сл. от. вспом. отд. — А. И. Ануфриев, телеграфа — Назаров, милиции — В. З. Егоров.

Дорога не забастовала и не остановилась.

Служащие бастовали около 17 суток и, в конце концов, стали на работу. Ряд арестованных в первые дни был освобожден. Настроение рабочих было великолепное. К сознанию, что кусок хлеба не будет вырван саботажниками, присоединялось горделивое — «дорога наша».

Мы получили в свои руки крупнейшую дорогу, важную как своим военным значением, так и тем, что она связывала голодные центры революции с производящим хлебным районом. Это был, кажется, первый случай, когда Советская власть, согнав прежних хозяев, взялась сама за управление и хозяйствование сложным делом дороги.

Наши комиссары не ударили в грязь лицом. Мы обязаны им тем, что движение не разрушилось окончательно, а наоборот, усилилось и служило интересам пролетарской революции в самый острый период гражданской войны. Крупную роль в этом акте, помимо указанных выше товарищей, играли А. Агеев, В. Сергеев, А. Федоров (наш начальник красной гвардии), В. Корнеева...

Так взята была еще одна вражеская баррикада.

12. РАСПАД СТАРОЙ АРМИИ

Каждый день борьбы приносил нам все новые и новые препятствия и трудности. Не успевали мы покончить с одним врагом или враждебным явлением, как на их место становились другие, еще более опасные.

В первую очередь такая новая опасность выросла из разложения гарнизонных частей, размещенных по всем уездным городам губернии и в самом Саратове. Наш славный гарнизон, гроза для контрреволюции на широком территориальном радиусе, сыгравший столь

крупную роль в качестве боевой революционной силы и в качестве превосходного проводника «большевистской бациллы» в деревенскую толщу, стал необычайно быстро разваливаться. Причины этого коренились, с одной стороны, в прямо ужасающих условиях казарменного быта, а с другой, — в том запутанном клубке революционных и контр-революционных влияний, которые привели и без того колеблющуюся психику солдат-крестьян в состояние крайней неуравновешенности.

Обследование жизни солдат, произведенное по нашему поручению президиумом военной секции вскоре после переворота, нарисовало нам убийственно мрачную картину этой жизни. Без окон и дверей, с тонкими, насквозь промерзшими стенами, с разваленными печами и крышами, с загаженными, промозгловонючими полами (а то и без полов) — бараки «военного городка». Это — казармы. Тухлая «баланда», во сто раз худшая, чем давали нам в царских тюрьмах, осклизлая каша, редко политая даже сквернейшим постным маслом, закалистый, сырой и часто заплесневелый хлеб, в полном смысле «собачий обед». Это—пища солдата. И ко всему этому всеобщее, явное и равное воровство, начиная от кашевара и кончая начальством, близким к хозяйству и полковому сундуку. Наследство от двух эпох — самодержавия (особенно в период войны) и «керенщины» с ее «военными гражданами Государства Российского». Невольно сжимались кулаки и непреодолимо хотелось стрелять... стрелять «до победного конца» всех виновников такого кошмара.

С обычной энергией, вдохновляемые глубоким чувством к солдату, мы принялись за улучшение быта его жизни. Но что мы, бедные, почти нищие, могли исправить в чудовищном безобразии, созданном в течение ряда лет?

Мы починили кое-какие бараки, перевели некоторые части в городские реквизированные помещения, достали некоторое количество топлива, провели электрическое освещение, улучшали паек, следили через особых уполномоченных президиума военной секции за варкой пищи и доставкой продуктов, наблюдали за выпечкой хлеба, арестовывали воров, привлекали к контролю самих солдат и рабочих, одним словом, делали все возможное и даже невозможное. Увы! — вся эта работа была каплей в море по сравнению с зияющей нуждой. Когда же наступил продовольственный кризис, то и та доля положительной работы, которую мы проделывали, свелась к еще более мизерным величинам.

Попробовали было мы собрать средства на улучшение солдатского положения с имущих слоев города. Вызвав нескольких видных представителей буржуазного «общества», я предложил им добровольно взять на себя проведение единовременного военного налога в соответствующих ставках с валового дохода (с дохода на капитал от 16.000 до 20.000 р. — 2%, от 21.000 до 40.000 р. — 4% и далее на каждые 20.000 р. по 2%). В общем и целом мы рассчитывали получить миллионов восемь-девять. Для нашей торговой буржуазии эта сумма была собственно сущим пустяком. Представители созвали два совещания с денежными людьми: одно в помещении биржи, а другое в консерватории (28 декабря). В результате прений была вынесена резолюция, в которой говорилось, что торгово-промышленный класс г. Саратова даст деньги только Учредительному Собранию, но отнюдь не «захватчикам», «государственным преступникам» и «политическим каторжникам». Ярыми помощниками в формулировке этой резолюции были представители партий мелко-буржуазного социализма. Не получив денег в порядке «мирных переговоров», Исполком решил прибегнуть к методу контрибуции. Выбрав адреса особо крупных дельцов, мы послали в ночь под новый год красногвардейцев для ареста заложников. Предупрежденные кем-то дельцы во-время скрылись и тем избежали ареста. Попытка улучшить положение солдат при помощи кошелька буржуазии провалилась с треском. А вместе с тем рухнули и все планы по более или менее радикальному переустройству быта казармы. Долго потом ворчали ребята на Хвесина, который взялся проводить эту операцию, и предлагали повторить ее через месяц. Я решил отложить попытку до более благоприятной обстановки.

Солдаты, знавшие о всех наших мерах и заботах о них, помогали нам с величайшим рвением. Некоторые работы по ремонту они выполняли сами, не требуя оплаты затраченного труда. Стойко вынося каторжные условия жизни, они первые месяцы радовали нас своим героизмом. Однако и героизм имеет свои пределы. Постепенно они начали «сдавать». Гарнизон все больше и больше расхлябывался, чувство солидарности исчезало, революционная дисциплина выветривалась, солдаты стали превращаться в голодных, распущенных и хищных мародеров, от которых особенно сильно страдали приезжавшие на базар крестьяне и базарные торговки с'естными припасами. Усилилось дезертирство. Солдаты из местных крестьян сперва уходили лишь на побывку, а потом махали на

гарнизон рукою и оставались дома. Для дезертирства даже была изобретена особая легальная форма: отпуск по болезни. Солдаты нажимали на врачебные комиссии, и те, не желая наживать себе лишних неприятностей, с одной стороны, а с другой,—по политическим мотивам (чем скорее разойдется гарнизон, тем скорее большевики останутся без вооруженной силы), раздавали отпуска сотнями и тысячами.

Контр-революционеры и вообще любители половить рыбку в мутной воде получили широкую возможность для своей гнусной работы среди этой деградирующей массы. Но так как и в этом состоянии солдаты все же не поддавались на открытую и прямую агитацию против Советской власти, то наши противники задумали направить массу на такие действия, которые неминуемо должны были столкнуть ее с нами. Умело пользуясь противобуржуазным настроением солдат, темные агитаторы стали разжигать их пристрастие к алкоголю и толкать на разгром винных складов. Расчет был ясен: споить гарнизоны и в пьяном состоянии бросить их на погром буржуазии, т.-е. фактически на погром городов. Большевики погрома не допустят, — значит произойдет столкновение, в результате которого авось они и падут. Агитация возымела свое влияние. В ряде уездных городов начались разгромы винных складов и пьяная вакханалия. Наиболее безобразна пьяная стихия была в Петровске и Камышине. Местные Советы пытались утишить стихию, но, за отсутствием реальной силы, им почти-что ничего не удалось сделать. Наконец, пьяные банды их просто разогнали, и широкая волна пьяного безвластия разлилась по уездам. Ясно понимая причины и последствия этого явления, мы отчаянно с ним боролись. В Петровск мы послали для ликвидации безобразий отряд под начальством Ермощенки и Загуменного, снабдив их следующим характерным приказом:

«Вследствие совершающегося в городе Петровске разгрома винного склада, повального пьянства во всей Саратовской губернии и участившихся на этой почве грабежей, Военный Совет при Исполнительном Комитете, сознавая, что дальнейшее продолжение погромов и пьянства угрожает всем завоеваниям революции, окончательно расстраивает продовольственное дело, железнодорожное сообщение и терроризует граждан: 1. Об'являет город Петровск и его окрестности на 40 верст на военном положении. 2. Приказывает всем приехавшим в г. Петровск за водкой немедленно раз'ехаться. 3. Приказывает революционному отряду немедленно выступить в город

Петровск для ликвидации беспорядков. Начальником отряда назначается солдат, член Учредительного Собрания — Ермощенко, помощником начальника отряда председатель крестьянской секции Саратовского Совета Раб., Солд. и Крест. Депутатов—Загуменный. 4. Солдатам революционной армии и всем гражданам вменяется в обязанность оказывать начальнику отряда и его помощнику всемерное содействие, сознавая, что их действия направлены исключительно для подавления пьяных погромов — лучших средств контр-революции. 5. В случае вооруженного сопротивления или нападения на революционный отряд, последнему вменяется в обязанность не останавливаться перед самыми строгими мерами вплоть до применения ружейного, пулеметного и артиллерийского огня. 6. Начальнику отряда и его помощнику предоставляются самые широкие полномочия для ликвидации беспорядков, восстановления Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, уничтоженного контр-революцией во время погрома. 7. Граждане и солдаты, не исполняющие настоящего приказа, немедленно арестовываются и предаются Военно-Революционному Суду, как враги народа и защитники контр-революции.

Гор. Саратов, 24 ноября 1917 г.

Военный Совет при Исп. Ком. Сарат. Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов».

К сожалению, соблазны «зеленого змия» оказались сильнее революционной стойкости. Отряд перепился и лишь обманом был увезен из злачного Петровска [1]). Второй отряд, под начальством Б. Молдавского, постигла та же участь. Перед «водочным разливанным морем» дрейфили, казалось, самые твердые солдаты. Наконец, посланный в Петровск член крестьянской секции Усанов придумал следующий трюк. Он задумал украсть заправилу пьянки—местного начальника гарнизона полковника Петрова. Этот явный белогвардеец натравливал очумевших солдат на Совет и на саратовские отряды. Для Усанова было ясно, что, пока Петров не из'ят из местной среды, без кровопролития пьянку не ликвидируешь. Совместно с председателем местного Совета А. Костериным Усанов тайком арестовывает Петрова и увозит его в Саратов. Снаряженная за Усановым погоня чуть-чуть его не настигла и не отбила у него полковника-прохвоста. Лишь после этого караульная команда, во главе с Мачавериани, смогла навести порядок в Петровске. Полковник Петров впоследствии случайно был выпущен разгрузочно-тюремной комиссией и, конечно, скрылся...

---

[1]) Тов. Ермощенко горячо утверждает, что его николаевцы, входившие в отряд, не перепивались и выдержали с честью искушение.

В Камышине обстановка была еще хуже. Туда мы бросили маленький отряд человек в сорок, под началом М. Венгерова (его помощником был А. Яковлев). Конечно, с таким отрядом против двух с половиною тысяч разгулявшихся солдат, что называется, не попрешь. Власти же, которая бы могла содействовать отряду, фактически не существовало. Местный Солдатский Совет весь перепился и не пользовался авторитетом. Однако Моисей (Венгеров) не пал духом. Ловким приемом (ночным захватом казармы) он сумел разоружить весь камышинский гарнизон. Уничтожив вино и захватив отобранное оружие, Моисей вернулся в Саратов. Доклад его об операции, проникнутый его обычным меланхолическим юмором, вызывал в нас взрывы хохота, заставляя забывать о всей опасности, которой он подвергался вместе со своим отрядиком. Скромнейший товарищ, по нынешним временам получивший бы орден Красного Знамени, он всегда умалял свою по существу решающую роль в целом ряде боевых операций...

С большими усилиями нам удавалось ликвидировать пьяную эпидемию по губернии. Особенно напряженно мы следили за саратовским гарнизоном. Запах водки, несущийся из уездов, нестерпимо щекотал обоняние наших солдат, и они начали, облизывая губы, похаживать мимо местных водочных и спиртовых хранилищ. Наконец, застарелый порок вырвался из сдерживающих его уз и вылился в ряд попыток повторить летнюю попойку. Мы мобилизовали все надежные силы, привлекли партийную организацию и поспешили частью скрыть, частью переработать в денатурат, а частью спустить в землю наши запасы спирта. Этим город был спасен от массового пьянства и погрома. Ставка врагов была бита.

Второй опасностью явились национальные военные группировки. Белогвардейское офицерство украинского происхождения повело агитацию за об'единение солдат-украинцев в одно военное целое под руководством Военной Рады. Сколотив до тысячи солдат, Военная Рада, недели через три после октябрьских дней, обратилась к нам за легализацией. Зная политическую физиономию руководителей Рады и являясь противниками национального дробления армии, мы решительно отвергли ее просьбу. Не получив от нас желанного ответа, Рада обратилась к существовавшей еще тогда городской думе и предложила ей свои услуги в качестве особой части городской милиции по охране города. Дума ухватилась за это предложение обеими руками и даже ассигновала из город-

ских сумм миллион рублей на содержание якобы милиции, что при отчаянном дефиците было явной попыткой купить себе тысячу враждебных большевикам штыков. Исполком, быстро учтя опасность такой «самоохраны», постановил распустить Раду. Военная секция более или менее безболезненно провела это решение: украинцы были отправлены на Украину. Попытка белогвардейцев укрепиться под национальным флагом и стать преторианцами думы — была сорвана...

Наконец, третья опасность — это возникновение так называемого «Союза фронтовиков». Еще в дооктябрьский период в гарнизоне образовалась ячейка «военного профессионального союза», куда входили солдаты, бывшие до войны рабочими и служащими разных профессий и квалификаций. При посредстве президиума военной секции этот союз поставлял своих членов на заявленные вакансии в предприятиях и учреждениях. С «Биржей труда» было заключено соглашение, по которому военные получали преимущество перед гражданскими или, как тогда говорили, «штатскими» безработными. «Союз» держал себя очень скромно, согласовывал свою деятельность с правильно действующими профессиональными организациями и не вызывал никаких подозрений. Однако, по мере ухода частей с фронта, кадр безработных стал катастрофически расти. Люди, возвращаясь с фронта, находили прежние места своей работы занятыми другими; новой работы не находилось, а следовательно, не находилось куска хлеба. Началось брожение и поиски выхода из порочного круга голодной смерти. «Как, — говорили военные безработные, — мы проливали кровь... страдали, а теперь в награду нам могила? Не бывать этому. Пусть потеснятся те, кто всю войну провел в тылу. Пусть Совет выкинет вон всех «тыловиков». Мы имеем право на труд». Мы направляли их по профсоюзам, но те, имея на себе груз местных безработных, оказались бессильными разрешить проблему обеспечения работой все новых и новых безработных, текущих бесконечной рекой с фронта. На почве этой ужасающей безработицы «фронтовики» и ухватились за форму прежнего военного союза. Как грибы стали возникать по губернии «Союзы фронтовиков». В Саратове создалась самая сильная организация, насчитывавшая до 10.000 человек. Члены этих союзов, вооруженные винтовками, револьверами и бомбами, принесенными с фронта, доведенные голодом до отчаяния, готовы были итти на что угодно и за кем угодно, лишь бы иметь уголок под солнцем, лишь бы жить. Тем

более, что инстинкт жизни после войны обострился до чрезвычайности...

Первое же организационное собрание союза, состав избранного правления показали нам всю опасность народившейся организации. Было ясно, что если мы не сумеем так или иначе распределить на работу или поддержать этих голодных людей, то белогвардейцы бросят их против нас. Однако так думали не все. Я, Иванов, Сергеев и др. настаивали на немедленной ликвидации этого союза, предвидя, что в дальнейшем, когда он достаточно окрепнет, борьба примет характер восстания. О том, чтобы рассосать членов союза по предприятиям и учреждениям, нечего было и думать. Рынок труда буквально задохнулся. Другие товарищи, наоборот, считали, что при наличии союза будет легче влиять на него и тем устранять конфликты. В Исполкоме была принята вторая точка зрения. Мы возмущались этим решением и готовили план ликвидации союза. «Миротворцы, — иронизировал Василий Сергеев, — фронтовики хлеба требуют, а они думают отделаться словами».

Наши опасения оправдались. Правление союза очень скоро стало пред'являть нам требования то выдачи такого-то количества сапог, то белья, то шинелей, то денег. Мы, что могли, отпускали, но этого, конечно, было очень мало. Между профессиональными союзами и Союзом фронтовиков начались недоразумения, переходившие в острые конфликты.

Белогвардейщина торжествовала и вела усиленную агитацию, призывая разогнать профсоюзы, выгнать рабочих и служащих с заводов, показать «кузькину мать» Совету, который-де только и делает, что нянчится с рабочими, а их, «фронтовиков», и за людей не считает.

Вся эта клеветническая демагогия падала на благоприятную почву.

Общие собрания союза все более и более превращались в контрреволюционные, вооруженные митинги. На заводы приходили группы вооруженных фронтовиков и выгоняли из цехов рабочих... Стали поступать сообщения об избиении рабочих... Запахло кровью. Наши «умеренные» мудрецы перепугались. Отказались от своего решения и перескочили на самый левый фланг — «левее здравого смысла». Много сил и крови пришлось потратить на ликвидацию союза, но так как она относится к 1918 году, я не буду о ней рассказывать здесь, а временно поставлю точку.

Вот все эти явления подорвали в нас прежнее доверие к гарнизону. А между тем на границах губернии все более и более сгущались грозовые тучи. В Донской, Астраханской и Уральской областях, охватывающих нашу губернию с трех сторон, заволновались казаки. Белогвардейские элементы, бежав в эти области из пролетарских центров, напрягали все усилия, чтобы поднять казаков против «изменников», «германских шпионов-большевиков». Каледин, Бирюков, Дутов подготовляли удары на Астрахань, Царицын и Саратов. Корнилов со своими юнкерами вел бои с нашими отрядами, которыми командовал Антонов-Овсеенко. Понимая значение Саратова, который с отдаленных времен был крепостью, защищавшей от казаков и монгол подступы к Москве, я обратил внимание наших Военного Совета и военной секции на это обстоятельство. «Положение, — говорил я, — нас обязывает снова стать оплотом Москвы среди казачьего бунта». Обсудив вопрос, мы пришли к единогласному решению, что нам необходимо не только сколотить боевую силу, которая бы могла служить задачам обороны, но и способствовать разгрому белогвардейцев за пределами губернии. Совершенно естественно возникла мысль о создании на место распадающихся частей гарнизона вполне боеспособной регулярной армии. Уже в первой половине ноября мы решили приступить к осуществлению этой мысли, положив в основу будущей армии отборный отряд красной гвардии и такой же отборный отряд из лучших солдат гарнизона. Для организации последнего военная секция повела агитацию среди солдат за создание «военной красной гвардии». Сперва гарнизон возмутился. Солдаты на своих собраниях решительно протестовали против такой организации на том основании, что все они являются защитниками революции и что создание военной красной гвардии является оскорблением их революционной чести. Стоило больших трудов и такта сломить это обще-солдатское настроение. Самым веским аргументом для них оказалось указание на то, что гарнизон явно тает, а контр-революция явно усиливается; для защиты завоеваний революции, для защиты тех же солдат, разбредшихся по своим избам, нужна такая часть, которая бы во всякий момент была готова дать вооруженный отпор врагам Советской власти.

В самый разгар военно-организационной работы приехал из Царицына Сергей (Минин). Это было, кажется, 18 ноября. Изложив нам обстановку, которая складывалась около Царицына, и указав на почти полное отсутствие боевой силы, он настаивал на

реальной помощи. После некоторых колебаний Исполком постановил отправить в Царицын отряд в составе 250 пулеметчиков при сорока пулеметах и одной батарее. Отряд благополучно прибыл на место назначения и стал тем ядром, вокруг которого стала строиться оборона Царицына.

Эта отправка нанесла нам чувствительный урон, ослабив только что сколоченную военную красную гвардию. Пришлось в спешном порядке затыкать пробоину. Когда в Саратове была получена известная речь т. Зиновьева об организации армии, мы очень гордились тем, что изложенные в ней мысли почти целиком совпадали с нашими и что мы уже делаем полезное для революции дело. «Мы тоже не лыком шиты», — горделиво говорили наши военные организаторы, из которых настоящих военных было три-четыре человека. Довольно дельный организатор секретарь военной секции Б. Молдавский, еще больше стал выпячивать грудь и еще больше стал походить на «шпанского Наполеона». Ведь он первый выполнил задание Военного Совета и сорганизовал, под началом бесстрашного Бондарева, отряд красной военной гвардии в сотню бойцов при десяти пулеметах.

Работая над созданием армии, мы зорко следили за операциями Корнилова, который представлялся нам самым опасным врагом. Имея удовлетворительный тыл (казачий), Корнилов не только оказывал довольно удачное сопротивление Антонову-Овсеенко, но и расширял сферу своего влияния. Обдумывая по карте положение наших и вражеских частей, мы пришли к выводу о необходимости зажать Корнилова в клещи с тыла и решили (это было 10—11 декабря) сорганизованный отряд бросить по линии Царицын-Лихая и ударить в самую луковицу Корнилова — на ст. Лихую. В то же время 37 пехотная дивизия, прорвавшаяся с Кавказа и отдыхавшая в районе Великокняжеской и Ставрополя, должна была, с одной стороны, охранять подступы к Царицыну, а с другой,—ударить на Ростов. План «клещей» при правильном проведении сулил быструю и полную ликвидацию корниловских полков. Так, по крайней мере, нам казалось.

Нужно было сговориться предварительно с Антоновым-Овсеенко и с 37 дивизией. К Овсеенко в Харьков был послан нами Б. Молдавский, а в 37 дивизию—член крестьянской секции солдат Максимов. Овсеенко, по словам вернувшегося Молдавского, заинтересовался нашим планом и прислал нам до десятка тысяч винтовок и до трех сот тысяч патронов. 37 дивизия также приняла наш

план. Известив об этом Царицын, мы принялись за организацию с утроенной энергией. На пленарном заседании Совета Р., С. и К. Д. совместно с представителями фабрично-заводских комитетов и профсоюзов было принято решение мобилизовать все обученные резервы красной рабочей гвардии и некоторые более или менее здоровые части гарнизона и двинуться походом на Корнилова.

Теперь покажется несколько диким — как это можно мобилизовать части гарнизона, т.-е. «мобилизовать мобилизованных». Но тогда это было вполне нормально и естественно.

Работа по мобилизации и дальнейшие наши военные операции относятся уже к следующему периоду, о чем будет рассказано в соответствующем месте. Здесь же лишь следует отметить, что мы шли к этому новому периоду (гражданской войне) не слепо, не теряясь в стихийной обстановке, а вполне сознательно, отчетливо представляя конкретных врагов и методы борьбы с ними. Этим и только этим можно об'яснить то, что развернувшийся контр-революционный шквал не застал нас врасплох и не опрокинул в кровавую лужу белого террора.

13. СТРОЕНИЕ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Организационный процесс революции развертывался с необычайной быстротой. Как во всех революциях, он шел через разрушение к созиданию... Вся тонкая идеологическая паутина общественных отношений, сотканная командующими классами в течение долголетнего их управления, была сметена в несколько дней, и процесс классовой борьбы предстал во всей грозной наготе. Стихийное движение крестьянства, казалось, не оставит камня на камне от помещичьих усадеб, буржуазных предприятий и самодержавно-либеральных (февральских) государственных и общественных учреждений. В этой стихии отразились не только сдвиги в экономике страны, но и тот гнет, который давил мужика столетиями. Потомок «беглых» от московско-боярской кабалы, потомок поколений, бурно катившихся за Степаном Разиным и Пугачевым, начинатель аграрных движений со времен освобождения от крепостной зависимости, жертва свирепых репрессий после 1905 года—саратовский мужик, что называется, осатанел. И хотя наш декрет о земле, передававший все земли и сельско-хоз. имущество крестьянам, запрещал разрушение народного достояния, ко-

торым отныне становились и помещичьи имения, мужик не везде и не всегда мог совладать с своею стихийной ненавистью.

Там, где помещик особенно «натрудил жилу», крестьяне окрестных деревень, выпив для храбрости, врывались в помещичью усадьбу с исступленными криками: «жги... ломай... чтобы вдрызг... чтобы пеплу не осталось... ни синь пороха от чертова отродья». И начинался жестокий разгром. Дробились огромные венецианские зеркала, коверкалась до неузнаваемости роскошная мебель заповедных гостиных, все эти «рококо» и «ампиры», рвались в клочья холодные полотна фамильных галлерей, в бриллиантовый дождь рассыпался итальянский и французский хрусталь, мололся тяжелыми ногами в придорожную пыль севрский фарфор; тончайший батист шел на онучи, и лебяжий пух из подушек и перин носился в комнатах густыми снежными хлопьями. Уничтожив все с исступленно-прилежным бешенством, мужики с «четырех концов» запаливали усадьбу, и через несколько часов от колончатого дома, мимо которого раньше крестьяне не решались проходить, оставались груды пепла и жалких обгорелых обломков... Мужики после расправы возвращались довольные, глубоко убежденные, что «ежели помещик одолеет, как в пятом году, то все одно—ничего не получит». Массовому разгрому подверглись дома земских начальников, камеры судей, избы урядников и прочей полицейской охраны [1]).

Та же стихия вздыбила и наших рабочих.

Правда, в отличие от крестьян, рабочие не громили имущества и учреждений, но они с величайшей ненавистью к буржуазии требовали от нас полной ликвидации старых правительственных и общественных учреждений и организаций. Впрочем, эта ненависть проявлялась иногда и в крестьянских формах. Один пример. Как сейчас помню, в ярко залитом электрическим светом здании губернаторского дома в разных позах и комбинациях отдыхают ребята. В углу стоит роскошный, стильный, покрытый золотистым атласом, диван. На нем устраивается спать наш друг Агеев, рабочий,

---

[1]) Мне рассказывали, что при разгроме имения в Балашовском уезде крестьяне вытащили из фамильной галлереи портрет отца помещика, отличавшегося особой жестокостью при крепостном праве, положили портрет на скамью и все по очереди били его, приговаривая: «ты нас порол при жизни, а мы тебя после смерти». Когда подходили последние, то от портрета оставались одни клочья, но и тогда от «порки» не отказывались и продолжали бить по «обличью Ирода окаянного».

прекрасный товарищ и революционер. Его высокие сапоги покрыты комьями липкой грязи. «Слушай, Андрей,—возмущаюсь я,—ты испортишь своими лапами эту прекрасную штуку». — «И чорт с нею! — отвечает он, заблистав злобно глазами. — Тут губернатор со своими мамзелями... а теперь я, рабочий, попираю эту сучью шкуру...» На атласе отпечатался большущий рабочий сапог. «Да, ведь, нам же пригодится, болван». — «Сам ты болван. Что мы об'едки, что ли, будем собирать? Вот они — руки-то... рабочие для себя еще получше сделают, а это дерьмо пусть пропадает». И он еще раз с остервенением пхнул диван ногою. Стихия разрушения, стихия ненависти катила свои бурные волны и захлестывала все старое на своем пути.

Однако процесс разрушения шел не только по линии слепой стихии, но и по линии сознательного отношения к развернувшейся титанической борьбе. Исполком Саратовского Совета Р., С. и К. Д., за малым исключением, вполне сознательно стремился к разрушению старого государственного аппарата, помятуя директиву тов. Ленина.

Кроме того, в процессе борьбы мы убедились в сугубой необходимости разрушить то сцепление чиновнического материала, которое десятками лет сложилось в старом государственном аппарате. Нужно было разорвать бытовую паутину, связывающую служащих незримой цепью, нужно было выбить из привычных ячеек чиновников и, перетасовав их, взяв в иных соотношениях, построить, увы!—пока из них же, другой, приспособленный к нашим интересам аппарат. Без этого о выполнении государственных функций нечего было и думать. Для многих членов Исполкома — помимо этих соображений — являлся сильным аргументом тот довод, что нужно разбить государственную машину на случай поражения, чтобы победители белые не смогли сразу воспользоваться готовым аппаратом. Между прочим, под влиянием этой мысли были уничтожены все дела дворянского поземельного банка. Когда один из ликвидационной тройки (кажется, Макс Дейч) при докладе Исполкому заикнулся было о том, что документы банка следует сохранить, как исторический материал, рабочие и, в особенности, крестьяне Исполкома дыбом поднялись против этого предложения и единогласно голосовали за уничтожение этих документов.

За описываемые два месяца были разрушены почти во всей губернии старые полицейские учреждения, милицейские участки, канцелярии губ. и уездных комиссаров Вр. Правительства, канцеля-

рия губернского присутствия, разогнаны городские думы и управы, все старые земские и землеустроительные учреждения, камеры следователей, судей, суды, включая суд окружной и судебную палату [1]), ряд старых военных учреждений, органы управления Рязано-Уральской железной дороги, органы управления народным образованием и т. п.

И чем более нам удавалось организационно охватывать стихию разрушения, тем более случаев уклонения ее в сторону, вредную для революции, мы успевали ликвидировать. Мне кажется, что эту задачу наш Исполком выполнил с значительным успехом и, разрушив то, что разрушить было абсолютно необходимо, спас большое количество общенародных ценностей.

Стихия разрушения по ряду линий и направлений переходила в стихию созидания нового. К строительству этого нового толкала практическая необходимость: настоятельно требовалось удовлетворить те потребности населения, которые удовлетворялись так или иначе старыми органами власти.

К проблеме новых учреждений мы подходили ощупью, так как здесь мы не имели никакого исторического наследства. Весь Исполком напряженно работал над этой проблемой. На почве определения правильной организационной формы для той или другой функции происходили горячие споры. Прежде чем сообщить о них,

---

[1]) Перед ликвидацией старых судебных учреждений у нас произошел политически интересный казус. Недельки через две-три после октябрьского переворота приносит мне Михаил (Васильев) бумажку, содержание которой сводилось к следующему:

«Так как присяжные поверенные Антонов, Лебедев и Васильев стоят во главе Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, предпринявшего «ряд преступных и насильственных действий против печати, учреждений, общества и лиц» и т. д. и т. д., то Совет присяжных поверенных округа Саратов. суд. палаты постановил 14 ноября 1917 г. возбудить против названных лиц дисциплинарное производство и потребовать от них об'яснений».

Через некоторое время мы, «обвиняемые», явились к адвокатам «на суд». Знакомое помещение. У стола и вокруг стен плотно засело «сословие», все во фраках. Они пытались начать судебную процедуру. Мы заявили приблизительно слудующее: «Мы с вами стоим на разных сторонах революционной баррикады. Друг друга мы не убедим и морально друг друга не оправдаем. Вопрос поставлен так, что или вы нас вычеркнете из жизни или мы вас. А вы толкуете об исключении из сословия. Это смешно!..». И наша троица покинула судилище. Они так и не решились нас исключить. Мы же, когда настало время, распустили сословие, и тем навсегда поставили точку над возникшим спором.

я, однако, коснусь общей структуры новых советских органов и ее изменений, происшедших до 1 января 1918 г. Вкратце она представлялась в следующем виде:

1. Основными избирательными ячейками были: а) для рабочих — фабрики, заводы, мастерские, профсоюзы, больничные кассы, б) для служащих — учреждения и профсоюзы служащих, в) для солдат — роты, г) для крестьян — волостные сходы, районные с'езды, а затем сельские и волостные советы. Из этого видно, что в основу избирательной системы полагались не права отдельных граждан, а права классовых коллективов. Выборы депутатов и делегатов внутри этих коллективов происходили по системе простого большинства, открытым голосованием, при чем при представлении депутатских мест количественное преимущество устанавливалось за рабочими коллективами.

2. Саратовский Совет Рабочих, Солдатских (а затем) и Крестьянских Депутатов, сперва представлявший высший орган Советской власти г. Саратова, а впоследствии губернским с'ездом крестьянских представителей от волостей признанный органом общегубернской власти и переименованный в Саратовский Губернский Совет Р., С. и К. Депутатов. В его состав с решающим голосом входили: 313 депутатов от рабочих и служащих, 220 депутатов от солдат и 40 депутатов от губ. крестьянского с'езда (эти 40 крестьянских депутатов входили также в Исполком Совета на правах его членов), а всего 570—600 депутатов. Кроме того, на пленумах Совета обязательно присутствовали с совещательным голосом (в отдельных заседаниях по решению Совета и с решающим) делегаты от правлений профсоюзов, фабрично-зав. комитетов и больничных касс. Таких делегатов было до 300 чел. Следовательно, пленум Совета состоял из 800 — 900 чел.

3. Секции Совета. Отражая исторические моменты сближения органов рабочей, солдатской и крестьянской революционной борьбы, Саратовский Совет делился на три секции: а) рабочую, б) военную и в) крестьянскую. Каждая секция имела свой президиум и могла собираться отдельно от пленума Совета. Впоследствии эти секции были упразднены. Дольше других продержалась крестьянская секция.

4. Исполком Сарат. Совета избирался в составе: а) 40 членов от пленума Совета (в это число входили члены

президиумов рабочей и военной секции), б) 5 членов от гарнизонного Совета крестьянск. депутатов и в) 40 членов от губ. с'езда крестьян, — а всего в количестве 85 чел.

5. Исполнительное Бюро Исполкома (революционный комитет), избиравшееся в составе председателя Совета и Исполкома и 8 членов Исполкома. Вскоре «Бюро» было ликвидировано и заменено Военным Советом.

6. Президиум Исполкома (он же президиум Совета Р., С. и К. Д.), избираемый в составе 6 членов Исполкома и председателя, избираемого пленумом Совета Р., С. и К. Депутатов.

7. Комиссары. Так назывались те члены Исполкома, на которых последним были возложены те или другие функции по управлению. В качестве образца приведу то распределение функций управления, которое сложилось уже к 2 ноября 1917 года.

А именно: 1) председатель Совета Р., С. и К. Д. и председатель Исполкома—В. П. Антонов, 2) комиссар финансов и образования—В. П. Антонов, 3) губ. комиссар и комиссар юстиции — П. А. Лебедев, его помощник — Е. В. Косолапов, 4) тов. председателя Совета и Исполкома, комиссар по парт. и обществ. делам—М. И. Васильев, 5) комиссар земледелия и руководитель крест. секции — Ф. Т. Иванов, 6) комиссар труда — К. Плаксин, его помощница — В. Корнеева, 7) комиссар по военным делам — П. К. Щербаков, 8) председатель военной секции — Осипов, 9) комиссар по делам продовольствия — Садаев, 10) комиссар по делам печати — В. А. Радус-Зенкович, 11) комиссары почты и телеграфа — Тренин и Тугусов, 12) комиссар речной и внутренней охраны — М. Венгеров, 13) комиссар торговли и промышленности — Т. С. Хвесин, 14) комендант здания и охраны Исполкома — Серегин.

Это распределение интересно, между прочим, тем, что показывает, на какие стороны управления прежде всего было обращено внимание. Значительное количество членов Исполкома от крестьян было командировано в качестве эмиссаров в уезды для организации там органов Советской власти.

8. Секретариат Исполкома, ответственный личный состав которого, включая секретаря, утверждался Исполкомом. Первыми секретарями были: В. Корнеева, Рая Цейтлин и др.

9. Военный Совет при Исполкоме, назначавшийся в составе председателя Исполкома и 8 членов (вначале была лишь «тройка»). В Военный Совет входили—комиссар по военным делам

(он же начальник гарнизона, он же командующий вооруженными силами губернии), члены президиума военной секции и представитель внутренней охраны, впоследствии отдела по борьбе с контрреволюцией.

10. Совет городских комиссаров при Исполкоме, поставленный последним на место городской думы и управы для заведывания городским хозяйством. В состав этой коллегии входили: а) председатель, б) товарищ председателя и в) 10 членов. Все назначались Исполкомом.

11. Совет губ. комиссаров по продовольствию при Исполкоме, поставленный последним на место губ. и гор. продовольственных управ. В состав этой коллегии входили: а) председатель, б) два тов. председателя и в) 10 членов. Все назначались Исполкомом.

12. Губернский и Уездный Советы комиссаров по земельным делам при Исполкоме, поставленные последним на место губ. и уездной земельных управ. Состав их назначался Исполкомом.

13. Совет народного хозяйства при Исполкоме, учрежденный для заведывания промышленностью. Состав утверждался Исполкомом. Первое время Совет Нар. Хозяйства работал с некоторым отрывом от Исполкома, обращаясь к нему лишь за утверждением крупнейших мероприятий.

14. Совет комиссаров по управлению Р.-У. ж. дороги, поставленный на место старого управления дороги Исполкомом. Состав утверждался последним.

15. Совет комиссаров почты и телеграфа при Исполкоме, поставленный последним на место старых органов управления связью. Состав назначался Исполкомом.

Из этого перечня видно, что многие коллегии и отделы, как, например, медико-санитарный, народного образования, социального обеспечения и др., еще не были организованы. Очередь до них дошла только в 1918 году.

Теперь несколько слов об отдельных комиссарах.

1. Губ. комиссар при Исполкоме имел функции, сходные с функциями впоследствии образованного отдела управления. В частности, в его ведении находился Совет комиссаров милиции. Впоследствии Губ. комиссар был упразднен, и его функции сперва перешли к президиуму Исполкома, а затем, по распоряжению центра, к отделу управления.

2. Комиссар финансов при Исп. Комитете, опираясь на финансовую комиссию и комиссаров банков, ведал всею организационной и операционной стороной финансового дела и казначейства.

3. Комиссар по народному образованию в этот период не имел аппарата, если не считать подготовительной комиссии, и руководил организационным почином.

4. Комиссар труда, имея небольшой аппарат, оставшийся от комиссариата труда Вр. Правительства, вел главным образом организационную работу.

5. Комиссар по земельным делам, опираясь на Советы комиссаров по земельным делам и крестьянскую секцию, руководил работой по проведению декретов о земле и организацией крестьянских с'ездов.

6. Прочие комиссары не имели аппаратов, кроме военного, который пользовался аппаратом президиума военной секции.

Кроме этих органов, более или менее развернутых, были органы, находившиеся еще в эмбриональном состоянии.

Сюда относились комиссии: а) финансовая, по сборам отчислений на содержание Совета Р., С. и К. Д. с рабочих и служащих, некоторых налогов (напр., с напитков, зрелищ и т. п.), контрибуции с имущих слоев города; б) культурно-просветительная, имевшая задачей клубную работу среди рабочих и солдат, а также работу по проведению выборных кампаний; в) реквизиционная, в которой сосредоточивалась исполнительная работа по постановлениям Исполкома о реквизициях имущества; г) церковная, по учету и передаче общинам верующих церковного имущества и храмовых помещений; д) организационная, по организации с'ездов и выборов; е) «тыловая», по очистке заводов и учреждений от окопавшихся в тылу; ж) оружейная, по охране оружейного склада при Исполкоме, з) тюремная, по периодической разгрузке тюрьмы; и) по борьбе с контр-революцией; к) хозяйственная; л) комендатура при доме Исполкома.

* * *

Наши организационные взгляды встречали порою очень сильную оппозицию со стороны некоторых членов Исполкома; причем эта оппозиция имела в виду не только темп проведения организационных мероприятий, но и существо их.

Первым вопросом, по которому произошла схватка, был вопрос о том, какой принцип положить в основу строящихся органов

власти — централизм или демократизм. Часть товарищей считала, что управлять вообще и в частности крестьянской губернией можно только на основе централизма. Поэтому они выдвигали план всесторонней централистической увязки всех органов управления при Исполкоме и его президиуме. Каждая функция управления должна была быть поручена определенному лицу, назначаемому Исполкомом и целиком перед ним ответственному. Для технического облегчения работы каждому такому лицу — «комиссар» — придавалась коллегия — «совет». Эта коллегия, повторяю, должна была носить лишь подсобный, совещательный характер. Другие, наоборот, стояли за принцип демократии, который «присущ духу рабочей партии», и решительно восставали против назначения руководителей органов управления «исполнительными органами». Они делали ударение не на ответственном руководителе, а на ответственной коллегии. По их мнению, коллегия каждого органа должна избираться и притом исключительно Советом Р., С. и К. Депутатов. Избранная таким образом коллегия ответственна лишь перед Советом Р., С. и К. Д. Она самостоятельно распределяет между собою работу и избирает себе председателя по принципу «первого между равными». Таким образом каждая коллегия по источнику полномочий приравнивалась к Исполкому и являлась по отношению к нему как бы самостоятельной державой. Эта попытка создать ряд «демократических», «автономных» органов управления, в порядке соглашения по существу с Исполкомом устанавливающих линию управления, была сорвана нашими рабочими, которые трезво рассудили, что при таком порядке не только губернией или городом, но и «собственной избой» управлять нельзя.

Тогда была выдвинута идея создания Совнаркома. Внешняя аргументация сторонников этой идеи сводилась, во-первых, к тому, что нам следует брать пример с центра, где создан Совнарком, а во-вторых, — к утверждению, что таким образом можно правильнее вести «государственную работу». По существу же за требованием Совнаркома скрывалось все то же желание эмансипироваться от твердой руки Исполкома. Мы бросились в атаку, указывая, что создание двух правительственных однохарактерных органов — Исполкома и Совнаркома — противоречит единству управления и приведет на практике к борьбе за компетенцию, т.-е. самому вреднейшему расщеплению власти в критический период революционной борьбы, что проблема власти у нас разрешена положительно уже тем, что в состав Исполкома входят все комиссары крупней-

ших отраслей управления и что, наконец, Совнарком, созданный в центре, должен быть правительством общереспубликанским, а не повторяться в каждой «деревне Нееловке». Напор с нашей стороны был настолько силен, что предложение было снято. Мы же ревниво следили за тем, чтобы в губернии не возникали эти пресловутые Совнаркомы, и принимали ряд ликвидационных мер против уже существующих (в городах Вольске и Петровске).

Следующей серьезной свалкой был спор о единстве работы Совета Р., С. и К. Депутатов. Еще до октября нам стоило больших трудов сломить организационную политику мелко-буржуазных партий, заключавшуюся в организационном раз'единении рабочих, солдатских и крестьянских масс. Эсеры не хотели сливать Советы Солдатских Депутатов (а тем более Советы Крестьянских Деп.) с Советами Рабочих Депутатов. Меньшевики, в свою очередь, обособлялись с Советами Рабочих Депутатов. Наша борьба против этой политики, которую мы называли дезорганизацией единого фронта революции, и стихийное стремление самих масс к единству привели, в конце концов, к тому, что в Совет вошли представители всех трех революционных сил. Однако исторически сохранились внутри Совета деления на рабочую, военную и крестьянскую секции и даже со своими отдельными президиумами. Создание сильного Исполкома, а затем и органов управления при нем фактически лишало секции первоначально имевшейся у них органической работы. Военная секция явно вымирала, отражая процесс разложения гарнизона. Чтобы устранить последние остатки организационных стенок внутри Совета, органически спаять депутатов от рабочих, солдат и крестьян, мы предложили уничтожить секции и их президиумы. Это предложение, кроме того, значило, что все депутаты Совета попадали в орбиту непосредственного влияния и руководства Исполкома. После внутренних трений, в конце концов, удалось добиться постановления Исполкома о ликвидации секций. Эта ликвидация произошла уже в новом, 1918 году и не сразу, а через несколько месяцев...

Но самым крупным вопросом, который разделил нас очень сильно, это был вопрос об организации губернской власти.

Учитывая силу и специфические особенности нашего крестьянина, количественную слабость пролетариата, вкрапленного маленькими островками в крестьянское море губернии, равной трем государствам типа Бельгии, мы очень рано стали задумываться над теми опасностями, которые грозят у нас пролетарской власти. Как

разрешить проблему губернской власти, как построить ее таким образом, чтобы она и по социальному составу и по способу организации зависела от пролетарской массы? Как сделать так, чтобы и конституционная форма, выражающая диктатуру пролетариата, была пригнана к этой диктатуре без недовольства мужика? Наши «демократы» разрешали вопрос просто: «Нужно образовывать губернские органы управления на губернском с'езде Советов крестьян и рабочих», — говорили они. Мы выдвинули следующий план организации: 1) об'явить Совет Р., С. и К. Д. г. Саратова и его Исполком органами губернской власти; 2) провести одобрение этому на губ. крестьянском с'езде; 3) установить связь между Советом и губ. крестьянским с'ездом в форме: а) включения в Совет и его Исполком специально для этого избранных на губ. крестьянском с'езде членов в количестве, не превышающем членов Исполкома, от рабочих и служащих г. Саратова; б) отчетности Исполкома перед губ. с'ездом крестьянских депутатов.

И Михаил (Васильев), и Федор (Иванов), и многие другие члены Исполкома признали такой план организации губернской власти наиболее приемлемым. Этот план оба названных товарища с успехом и провели на губернском с'езде представителей от волостей 2 декабря 1917 г.

Остальные вопросы были менее значительными, но также существенными для того времени. Из них я отмечу лишь более или менее крупные, а именно: 1. Следует ли ликвидировать губернского комиссара? С того момента, как Исполком, управившись с местными делами, обратил внимание на губернию, он наткнулся на параллелизм своей работы с работой губ. комиссара. Мы разрешили это противоречие в пользу президиума Исполкома, и должность губ. комиссара была уничтожена.

Конспиративная работа меньшевиков, а в особенности правых эсеров, белогвардейских и шпионских иностранных организаций, а также и развившийся авантюризм требовали органа, который бы следил и в корне пресекал все попытки нанести вред или чувствительный удар Советской власти. Работа в этой сфере была сперва поручена М. Венгерову, потом М. А. Дейчу, потом комиссии из пяти [1]). Это и было зародышевой формой «отдела по борьбе с контр-революцией», а затем грозной Саратовской ЧК. Не-

---

[1]) В комиссию вошли: М. Дейч, М. Васильев, М. Венгеров, О. Генкин, П. Алексеев.

которые товарищи были против «восстановления охранки» и, исходя из предположения о возможной совместной работе с меньшевиками и эсерами, считали «охранку» не нужной по существу.

Наконец, последним примером споров можно привести спор о милиции и самоохране. Часть товарищей предложила ликвидировать милицию и охрану порядка в городе передать самому населению, организовав его по принципу самоохраны. Мы возражали, указывая на то, что эта самоохрана может стать самоохраной против нас, организационной формой для заговора и восстания. Победа в Исполкоме по этому вопросу сперва осталась за сторонниками самоохраны. Рабочая часть Исполкома, отражая настроение рабочих, уставших от красногвардейской повинности (несение патрулей и караулов по городу), голосовали за самоохрану. П. А. Лебедевым был разработан очень стройный план самоохраны.

Самоохрана продержалась что-то месяца полтора и была ликвидирована, так как мы получили бесспорные данные того, что белогвардейцы начинают великолепно использовывать ее для своих целей. В частности, у одного арестованного офицера, участника военной белогвардейской организации, был найден план создания отрядов «дружинников», приуроченный к районам и районным комитетам самоохраны.

Как бы там ни было, но организационные вопросы были разрешены более или менее удовлетворительно. При этом необходимо отметить, что вся эта работа происходила за наш собственный риск, ибо из центра, по совершенно естественным причинам, организационных директив в этот период не поступало и не могло поступить.

Впоследствии оказалось, что в своих построениях мы не разошлись с центром, а в некоторых вопросах нашли даже более правильное разрешение.

Так старая гвардия пролетарской революции везде почти одинаково учитывала основные линии организационных процессов революции и везде почти одинаково строила государственный аппарат Советской власти.

14. НАША ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В ОКТЯБРЕ

Совместно со всей партией наша организация стала у власти. Этот факт произвел крупнейшее изменение в содержании работы организации и глубокую перегруппировку ее составных элементов.

Агитационные задачи вчерашнего дня превратились в задачи овладения и удержания власти. И если первая задача, в силу об'ективных условий, была разрешена сравнительно легко, то вторая, включавшая в себя не только борьбу с противо-большевистскими силами, но и в тысячу раз труднейшие организационные мероприятия, потребовала от организации нечеловеческого напряжения ума, воли и энергии. Советский аппарат, как насос сильного нагнетания, стал выкачивать из организации все мало-мальски пригодные силы. Члены Сарат. комитета и комитетов районных почти целиком перенесли свою работу в Исполком и другие советские органы. Партийная организация захирела. «Районы влачат жалкое существование, общие собрания не созываются, члены партии работают и выступают лишь как агенты Исполкома, партийные взносы почти прекратились, комитет партии не собирается, как комитет, и превратился в Исполком Совета, средств у партии нет, планомерное распространение партийной газеты совсем свелось к нулю, «Маяк» прекратил свою деятельность, кружки распались...»,—так жаловался секретарь комитета Раппопорт в демонстративном письме ко мне во второй половине ноября.

Эта картина состояния партийной организации (в тесном смысле слова) довольно верно изображала действительное положение дела в первые месяцы после Октября. Но здесь ничего поделать было нельзя. Ситуация была такова, что нужно было или свернуть борьбу за пролетарскую диктатуру через советский аппарат или свернуть временно обычный партийный аппарат. Мы, как и по всей стране, пошли по второму пути, надеясь при более благоприятных условиях снова поставить чисто партийную работу. Единственным партийным органом, который не был облечен в советскую оболочку и демонстрировал существование чисто партийной организации, был наш «Социал-Демократ», редактируемый в этот период тов. В. А. Радус-Зенковичем. Следует, однако, отметить, что номера «Социал-Демократа» на $^{9}/_{10}$ были наполнены советским материалом и лишь на $^{1}/_{10}$—материалом партийным. Разница в материале между ними и номерами «Известий Саратовского Совета» была крайне незначительной. И лишь долго спустя выкристаллизовалось содержание обеих газет по их назначению.

Вся масса членов партии, достигавшая к этому времени (по г. Саратову) 4.500—5.000 человек, — в зависимости от политического уровня и технических навыков, — не покладая рук работала в различных массовых организациях, как, напр., в цеховых и

заводских собраниях, фабрично-заводских комитетах, профсоюзах, больничных кассах, секциях Совета и т. п.

Однако настроение этой массы не было единообразным. В зависимости от социального происхождения бытовой среды, профессии и квалификации членов партии, с первых же дней Октября наметились особые оттенки отношения к переживаемым событиям, порождавшие борьбу внутри партийной организации.

Однако эта борьба, при наличии во всех секторах крупного большинства старых, дисциплинированных партийцев, не выходила за пределы партийной организации. Более того, в большинстве случаев она не выходила даже за пределы партийного комитета и его советской оболочки — Исполкома Совета Р., С. и К. Депутатов. Каждое принятое решение было абсолютным велением, боевой командой, нарушение которой каждый счел бы за измену революции.

Разногласия, порой достигавшие значительной страстности, не ослабляли единства нашей организации, а, наоборот, сплачивали ее, заставляя изощрять мысль и пытливо углубляться в туманные дали развертывающихся событий. Несомненно, что этой сплоченности, глубочайшей моральной спайке помогало, во-первых, то, о чем я только что говорил, — т. е. наличие в организации старых партийцев-подпольщиков, а во-вторых, преобладающее большинство пролетарских элементов, которое достигало не менее $^8/_{10}$ всей организации.

Эта спайка давала колоссальнейший импульс каждому члену партии. Она увеличивала энергию, революционное вдохновение, способность к самому чудесному героизму. Она как бы заряжала товарища всей силой боевого коллектива и превращала самого психически невзрачного человека в гиганта, способного штурмовать небо...

В этот период наша организация была действительно стальной когортой революции и к ней целиком подходили золотые слова Ильича о большевистской партии:

«Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам почти всегда приходится итти под их огнем...».

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ К I ЧАСТИ

СТАТЬИ ИЗ САРАТОВСКОЙ «НАШЕЙ ГАЗЕТЫ» (1915 г.)

Приложение № 1.

М. Ольминский. Новые взгляды.

(Ст. в № 6.)

Как известно, среди русской интеллигенции, когда-то примыкавшей к пролетариату, обнаружилось за последний год течение, резко разошедшееся с линией, например, социал-демократической фракции Гос. Думы. В самой фракции к этому течению примкнул бывший ее член Маньков; из видных литераторов взгляда Манькова придерживаются: Плеханов, Алексинский, а также редактор журнала «Современный Мир»—Н. Иорданский. Чтобы понять новую точку зрения,—точку зрения Манькова, Плеханова, Алексинского и других,—лучше всего ознакомиться с статьями Н. Иорданского. В № 5 «Современного Мира» он дает свое новое понимание демократизма и народа. Относительно демократизма Н. Иорданский говорит: «Всеобщая воинская повинность даже в сословном государстве представляет в высшей степени демократическое установление... Она придает современной армии демократический характер». И как пример демократизации, Иорданский рассказывает такой случай: «В ополченской дружине, где было много помещиков и состоятельных обывателей, обязанности ротного командира временно исполнял прапорщик, в мирное время занимавший должность урядника». Что же касается нового понимания народа, то и оно сильно отличалось от прежнего. Народ, в новом понимании, прежде всего среднего класса: артист Императорского театра, режиссер оперы, чиновник особых поручений при градоначальнике, старшина купеческого собрания, домовладелец, кандидат в вице-губернаторы, землемер, торговец, учительница, зубной врач, адвокат, инженер, земский деятель. Все это—граждане «первого сорта», проникнутые широкой и гуманной идеологией; они—«новые граждане великой России»; все они настроены в том же духе, что и Иорданский, Плеханов, Алексинский. Иорданский в восторге от них, солидарен с ними и является выразителем их интересов. Далее Н. Иорданский переходит к описанию солдатской массы: «Очень и очень многие запасные, бывшие двадцать лет тому назад молодыми деревенскими парнями или фабричными рабочими, в настоящее время возвратились в армию зрелыми представителями мелкой и средней городской и сельской буржуазии, т.-е. людьми с гораздо более высоким экономическим и культурным уровнем, чем рядовое крестьянство. Среди солдат много мелких торговцев, владельцев различных

промышленных заведений, мастеров, домовладельцев, служащих в общественных и частных предприятиях». На вопрос, согласуется ли настроение солдатской массы с настроением Плеханова, Алексинского и Иорданского, Иорданский отвечает: «я затрудняюсь передать настроение солдатской массы, но и оно, в общем и целом, очень приближается к настроениям офицерского состава». Н. Иорданский надеется на это, потому что, «во-первых, среди нижних чинов очень много представителей того же среднего класса, которые являются проводниками распространенных в обществе взглядов на войну и солдатские низы; во-вторых, даже принимая во внимание некоторую безучастность крестьянства к политическим вопросам, необходимо признать, что между крестьянством и средним классом существует несомненное идейное взаимодействие». То-есть г. Иорданский надеется на влияние торговцев, промышленников, мастеров и домовладельцев, интересам которых он теперь и служит. Что же касается пролетариата, то он теперь уже для Н. Иорданского вне «народа»: в статье, озаглавленной «Народ на войне», рабочим вовсе не нашлось места. Мы изложили словами самого Иорданского его новые взгляды на демократизм и на народ. Чтобы хорошенько понять новую позицию Плехановых и Алексинских, необходимо внимательно прочитать статью Иорданского—она хороша своей откровенностью.

Приложение № 2.

М. Ольминский. Обход левого фланга.

(Ст. в № 8.)

В истории борьбы за власть между землевладельческим дворянством и буржуазным блоком развертывается новая страница. Уволен министр внутренних дел Щербатов и на его место назначен крайний правый Хвостов. Домогательства блока потерпели крушение. Но этим еще не все сказано. В борьбе политических партий за власть бывают иногда интересные случаи, так сказать, обходных движений. Оппозиция, надеясь подладиться к верхам, до крайности суживает программу своих требований. Тогда старая власть берется сама проводить в жизнь требования оппозиции и тем вырывает из-под ног противника почву для агитации. Тотчас по вступлении в министерство Хвостов опубликовал основы своей будущей политики. И его речи невольно наводят на мысли, что правительство сейчас предпринимает именно обходное движение. Хвостов обещает быть если не либеральнее блока, то и не хуже его. «Я—человек твердый,—заявил он,—твердый человек не боится уступок, он дойдет до 99 процентов, а затем скажет: стоп». Другими словами, Хвостов как бы говорит буржуазии: «я сумею осуществить 99 процентов требований вашего блока, а один последний процент оставляю себе. Этот процент—власть; она должна остаться в старых руках». Отношение Хвостова к отдельным вопросам подтверждает мысль, что он назначен именно для обходного движения против оппозиции: по большинству вопросов он идет в ногу с либералами. Либералы выставили требование смягчить национальные стеснения,—Хвостов проповедует терпимость ко всем народностям, населяющим Россию, и единение всех народностей именует «священным настроением». Либералы кичатся деятельностью

городского и земского союзов, а Хвостов отвечает: «я с ужасом думаю, что вышло бы из всего этого дела (ведущегося союзами), если бы оно целиком было поручено чиновникам»,—но ... эти союзы не должны вести борьбу за власть. Либералы говорят о расстройстве хозяйства и транспорта, а Хвостов смотрит дальше вперед и уже озабочен тем расстройством, которое наступит по окончании войны. Много бы еще можно было привести примеров, когда Хвостов повторяет или даже превосходит требования либералов. Не отстает он от них и в вопросе об отношении к рабочим, но об этом мы будем говорить в особой статье. Затем Хвостовым выдвигается против блока два козыря. Он упрекает блок в том, что в его программе забыто о борьбе с дороговизной и борьбе с «немецким засильем». Хвостов обещает проявить в этих двух вопросах самую энергичную деятельность. Он готов на все, на все уступки, кроме отдачи власти в руки буржуазии, да еще вопрос об амнистии он обходит молчанием. Если бы правительство действительно захотело и сумело осуществить то, что обещает новый министр, то, в самом деле, осталась бы на мели буржуазная оппозиция, так далеко шагнувшая вправо, что Хвостову ничего не стоило предпринять обходное движение с левого фланга. Мы сказали: «если бы правительство захотело». Дело в том, что от слов еще очень далеко до осуществления. Россия знает и «пропавшую грамоту» 17 октября и избирательный закон в Гос. Думу, тоже пропавший 3 июня 1907 г. Тем больше права имеет она сомневаться в осуществлении обещаний, данных новым министром. И потому речи Хвостова интересны не столько в смысле каких-нибудь надежд, сколько в качестве любопытного эпизода из истории борьбы за власть между двумя имущими слоями населения России.

Приложение № 3.

М. Ольминский. Самозванные прокуроры.

(Ст. в № 9.)

В буржуазных газетах появилось воззвание, подписанное Плехановым, Алексинским, Бунаковым, Авксентьевым, Дейчем, Вороновым и другими. Говорить об этом воззвании в целом и нет возможности, да, пожалуй что, и не стоит: в нем лишь повторяется то, что мы уже более года читали в буржуазных изданиях всех оттенков. Мы остановимся здесь лишь на одной частности, имеющей, однако, большое значение для рабочих. Сами авторы воззвания признают, что в настоящее время предприниматели в сношениях с рабочими блюдут свои интересы ничуть не меньше, чем во всякое другое время. Авторы воззвания делают уступку своим старым, ныне уже полузабытым взглядам, когда говорят, что рабочие будут правы, возмущаясь поведением хозяев. Но далее Плеханов и компания спешат убедить рабочих воздержаться от отстаивания своих интересов теми способами, которые обычно находятся в распоряжении пролетариата. Отстаивание рабочими своих интересов и сохранение ими своей старой тактики авторы воззвания презрительно называют вспышкопускательством, тактикой анархической. Но они идут и дальше. Не очень давно мы рассказывали, как министры Шаховской и Щербатов завели речь об излишних арестах рабочих, и как

охранные отделения ответили, что арестуются будто бы только рабочие, подкупленные германцами. Плеханов и его друзья не говорят прямо того, что ответили министрам охранные отделения; но они тонко намекают, что германцы «радостно приветствовали бы», «готовы были бы оказать поддержку» и т. д. Во всяком случае, в данном вопросе честь первенства и смелости принадлежит не авторам воззвания. Осенью прошлого года охранное отделение пыталось организовать процесс против пяти рабочих депутатов Гос. Думы по обвинению их в государственной измене. Обвинение это не удалось, измены не нашел даже суд. Но прошлогодняя попытка охранного отделения, повидимому, осталась не без влияния на Плеханова с товарищами. Уже в письме к Бурьянову Плеханов писал, что «голосование с.-д. фракции, согласно с всегдашней ее тактикой, было бы изменой по отношению к народу». А теперь авторы воззвания с Плехановым во главе пишут, что всякое «вспышкопускательство» «по своему значению равнялось бы измене». Такого толкования понятия измены до сих пор, кажется ни в одной стране не делали правительственные прокуроры. И в новом понимании «измены» заключается все то смелое и новое, что сумели сказать самозванные прокуроры, подписавшие воззвание.

Приложение № 4.

В. Ан. (Антонов-Саратовский). Рабочая повинность.

(Ст. в № 2.)

Чем дальше, повидимому, оттягивается решительная развязка колоссальной борьбы за мировое господство между двумя мощными союзами буржуазно-капиталистических государств, чем настойчивее и упорнее командующие классы стремятся победить и уничтожить вражеский милитаризм, тем сильнее им приходится напрягать свои организаторские способности дома и усиливать свой собственный милитаризм до грандиозных размеров. В настоящее время, не довольствуясь уже достигнутым небывалым напряжением всех социально-экономических сил, они готовятся еще более натянуть вожжи так наз. милитаризацией промышленности. Под последней они разумеют такую организацию промышленных сил, при которой вся страна превращается в один сплошной завод по изготовлению предметов, необходимых для дальнейшего ведения войны. Самым важным вопросом при создании подобной организации является вопрос о положении рабочих. Ниже мы и приводим некоторые сведения о постановке и разрешении этого вопроса в воюющих странах. Начнем с Англии. В связи с вопросом о введении в Англии всеобщей воинской повинности, там был поставлен вопрос о «национальной службе» на заводах. Консервативная и либеральная печать, в особенности та, которая обслуживает интересы финансовых тузов, умалчивая о предпринимателях, подняла решительный поход против рабочих: она упрекала их за забастовки, за нерадивость в работе и приходила к заключению, что «для того, чтобы дождь бомб лил беспрерывно сорок дней и сорок ночей на немцев», необходимо предоставить правительству право принудительно распоряжаться рабочим трудом. В не-

которых газетах даже появился план соответствующего законопроекта, по которому рабочие прикреплялись к фабрике и отдавались во власть правительства; последнее могло переводить рабочих с фабрики на другую, определять рабочий день и плату, вводить военную дисциплину и судить провинившихся по законам военного времени. К счастью, подобный законопроект оказался неприемлемым для большинства парламента, который устами одного из вождей ирландской партии потребовал от министерства «гарантий, что рабочие не будут отданы под военное диктаторство». Однако правительство на этом не успокоилось. Через министра Ллойд-Джорджа оно вошло в переговоры с рабочими тред-юнионами и, воспользовавшись настроением и застарелой беспринципностью последних, убедило их, будто бы только на время войны, отказаться от многих прав рабочего класса. В результате соглашения в парламент недавно внесен законопроект, который, хотя и в смягченной форме, проводит все ту же принудительность и закрепление, но только для добровольцев. Если принять во внимание, что этому законопроекту министерство имеет право брать для своих целей любой завод, а также вспомнить, что значит свобода безработного, то мы поймем всю соль добровольческой работы. В Германии, которой принадлежит почин в деле милитаризации промышленности, пока нет всеобщей рабочей повинности, так как ее решительными противниками выступают сильные профсоюзы. Однако первые шаги в этом направлении уже делаются. Так, напр., в Баварии сельско-хозяйственные рабочие, а в Берлине металлисты прикованы распоряжением военной власти к определенным занятиям. Во Франции этот вопрос разрешен с крайне резкой последовательностью в смысле проведения военно-принудительного принципа. Все рабочие, подлежащие мобилизации и в то же время признанные необходимыми для нормального хода производства на заводах, работающих на военное ведомство, зачисляются в армию, а затем, как военнослужащие, командируются на заводы. Здесь они подчиняются военной дисциплине, лишаются права самовольно уходить с завода на другую работу, лишаются права стачек и других прав, добытых тяжелой борьбой рабочего класса. Даже заработная плата и рабочий день определяются правительственными контролерами. Наконец, у нас, в России, милитаризация также поставлена в ближайший порядок дня. Вначале наша милитаризация выразилась в издании правил, по которым промышленники могут ходатайствовать за оставление тех из призванных рабочих, которые необходимы в предприятии по условиям производства. Таким образом создавалось закрепление рабочих, но только не за военным министерством, а за отдельным частным предпринимателем. Угроза «отправить на фронт» делала рабочего бессловесным и ставила его в столь подчиненное положение, что оно граничило с кабальной зависимостью. Несколько дней тому назад газеты сообщили некоторые данные о законопроекте, выработанном в министерстве торговли и промышленности. Существо этого законопроекта сводится к следующему: «в целях обеспечения правильного течения работ, личный состав предприятий лишается права оставлять или прекращать работу или службу; заводоуправлениям предоставляется право вводить обязательные сверхурочные работы и привлекать на ночные работы лиц, не достигших 18-летнего возраста, а равно и женского пола». Рассмотрение и свидетельствование расценок,

утверждение табелей, взыскания и т. д. возлагаются на военно-заводские советы, куда входят представители министерства торговли и промышленности, военного и морского, с одной стороны, а с другой, — представители заводоуправлений. Любопытно, что законопроект составлен после того, как на с'езде военно-промышленных комитетов была принята резолюция, предлагающая «обратить внимание подлежащих ведомств, занятых ныне разработкой вопросов о милитаризации промышленности, на деликатность и сложность» вопроса о рабочих. В связи с выработанным проектом и речами о деликатности невольно вспоминаются слова одной английской газеты: «Настоящий момент менее всего удобен для введения на заводах крепостного состояния в какой бы то ни было форме и под каким бы то ни было названием. Сторонники прикрепления твердо должны помнить, что мы—демократия и что свобода нам необходима, как воздух».

Приложение № 5.

Антонов-Саратовский. Дума и амнистия.

(Ст. в № 3.)

В тот самый момент, когда в толще народной жизни происходят глубокие сдвиги, когда назревают события величайшего размаха и величайшей важности, взоры многих обращаются к Таврическому дворцу, где заседает Гос. Дума. Что там делается? Слышит ли Дума народный голос и ставит ли в порядок своего дня те вопросы, которые особенно сильно волнуют умы широких слоев демократии? Ответ на этот вопрос для тех, в ком еще теплилась смутная надежда на Думу, будет тот же самый, который давно уже дан рабочим классом. Четвертая Дума, рожденная в муках третьеиюньского режима, явная соучастница реакционной вакханалии и всевозможиых авантюр, не может быть выразительницей народных нужд и желаний. Правильность ответа может быть подтверждена подавляющим количеством фактов, но мы, для примера, возьмем один из самых последних. С некоторых пор, в связи с ростом общественных настроений и в особенности с ростом определенных настроений в рабочем классе, стали поговаривать об акте, который бы «покрыл забвением прошлое». Господа, стоящие у кормила правления, даже сделали в этом отношении некоторые шаги. Сначала произошло помилование некоторых «потемкинцев», потом, после больших колебаний, освободили Бурцева, наконец, заговорили об осужденных в ссылку пяти рабочих, с.-д. депутатах (Бадаев, Петровский, Шагов, Муранов и Самойлов). По сообщению «Речи» от 16 августа — «все министры единодушно признают, что следовало бы ликвидировать «это дело» хотя бы для того, чтобы устранить возможность конфликта», тем более, что осуждение депутатов признается ими за «ошибку». Но пока они этой «ошибки» не исправляют, очевидно, ожидая, когда произойдет очередное выступление влиятельных сил. Между тем по инициативе уцелевших в Думе рабочих депутатов перед нею был поставлен ребром вопрос об участи сосланных. Что же Дума? Дала ли она ответ на этот вопрос? Потребовала ли она возвращения истинных народных представителей, загнанных в дебри Туруханского края? Да, она дала ответ, но — какой ответ? Устами кадета Маклакова большинство

Думы, об'единившееся в националистско-октябристско-прогрессистско-кадетский блок, заявило, что «ставить этот вопрос не только бесполезно, но и опасно... Дума может ждать, должна ждать и показать, что она ждет». Вместо того, чтобы потребовать немедленного исправления «ошибки», Дума услужливо сказала, что она «может ждать». Ну, а если Дума «может ждать», то «они» тем более могут повременить. Так наносит Дума удар в спину тем, кого она считает невинно-осужденными, а через них — и всему рабочему классу. Этот факт настолько ярок, что после него, сколько бы Дума ни об'являла себя «народным представительством», ей никто не поверит даже из самых малосознательных элементов населения. Рабочие же сделают определенный вывод: они поймут, что их горячее желание видеть свободными не только депутатов второй и четвертой Дум, но и всех тех своих товарищей, которые гибнут в каменных мешках и в ссылке, осуществится только тогда, когда требование амнистии будет поддержано более вескими аргументами.

Приложение № 6.

А. Л—ов (Оппоков-Ломов). Цена войны.

(Ст. в № 7.)

Второй год продолжается кровопролитнейшая мировая война. Население 11 государств истекает кровью, и, кажется, в недалеком будущем новые народы рукою правящих классов будут кинуты в пекло войны. Для пролетариата важно знать, какие финансовые тяготы для населения несет с собою война... (вычеркнуто цензурой). Но, несмотря на это, бо̀льшая доля всех военных расходов упадет на пролетариат, городскую и деревенскую бедноту., Ведь если сейчас расходы покрываются новыми займами и выпусками денег то по займам придется платить проценты звонким золотом, а усиленный выпуск бумажек ведет к их обесценению, к возможности острых финансовых неурядиц. Откуда же, как не у мужика и рабочего, достать нужные деньги? Ведь недаром у наших «государственных мужей» сложилось убеждение, что у мужика всегда в запасе остается «последняя копейка», и, введя новый налог, можно собрать нужную сумму денег... Не мы первые пытаемся вычислить приблизительную стоимость войны. Немецкий министр Гельферих, французский ученый Гюйо, русский марксист Ст. Вольский и др. трудились над разрешением этого вопроса. В дальнейшем мы пользуемся добытыми ими данными при освещении сложных финансовых вопросов. Что стоит современная мировая война? Мы знаем, что война Англии с бурами в 1899—1902 г.г. обошлась для Англии приблизительно в 2.000 милл. руб., русско-японская война стоила для обеих сторон около 2.500 милл. руб., франко-прусская война в 1870—1871 г.г. стоила для обеих держав около 4.300 милл. рублей. Каковы же расходы современной мировой войны? Если мы возьмем 9 воюющих государств (Россия, Франция, Англия, Германия, Италия, Австро-Венгрия, Бельгия, Турция и Сербия), то окажется, что при общем количестве в них населения более чем в 416 милл. численность их действующих армий достигает 20.200 тысяч человек. Если мы, вслед за Гюйо, примем стоимость содержания одного солдата в 5 р. (во

время войны), то общий годовой расход на содержание армии в 9 государствах выразится в сумме не менее, чем в 36.360 милл. руб. На душу населения придется за год расхода 87 р. 40 к. Но это далеко не все. Каждый призванный потерян для производства этого года. До войны он вырабатывал известный продукт и получал за это некоторый заработок. Если мы допустим, что средний заработок (годовой) одного призванного в воюющих странах равняется 400 р. и составляет половину стоимости выработанного продукта, то сумма потери на производстве будет равна 50.000 милл. руб. Кроме того, в настоящей войне, как и во всех других войнах, много народа гибнет от пуль, шрапнелей, от болезней и лишений. Если мы примем годовую убыль убитыми в войсках воюющих держав в 15% ко всей армии, т.-е. в 3.030 тыс. чел., то, считая вслед за статистиком Бартиолем стоимость вырабатываемую одним человеком не менее чем в 5.000 руб., цена погибших за эту войну выразится в сумме 15.000 милл. руб. Семьям убитых, увечных, беженцев — всем приходится выдавать известные пособия, и тут человечество потеряет не менее 3.000 милл. руб. Но не одни воюющие страны несут военные расходы. Война угрожает непосредственно и многим нейтральным странам; некоторые из них также произвели или частичную, или полную мобилизацию своих армий. Считая, что в нейтральных странах мобилизовано около $1^1/_2$ милл. солдат, и принимая сумму расходов, приходящуюся на одного солдата в мирное время, равной 1 р. 70 к., нейтральные страны за год понесли до 9.000 милл. руб. расходов по мобилизации. Все же потери от войны за год выразятся в сумме не менее чем 113.360 миллионов руб., или на душу населения 282 р. 50 к. Если мы приблизительно примем самодеятельных (живущих собственным заработком) граждан в 20% всего населения, то на одного самодеятельного придется военных потерь за год войны 1.412 р. 50 к. Для перевозки всей денежной массы военных потерь в 113.360 милл. руб. по железным дорогам потребовалось бы 3.538 товарных поездов по 40 вагонов в том случае, если бы деньги были в серебряной монете, и 141 поезд по 40 вагонов, если бы они были в золотой Таковы некоторые финансовые итоги года мировой войны. Какими детскими игрушками кажутся все расходы и жертвы прошлых войн! Только современное «культурное» человечество, создавшее свою науку, утонченную буржуазную культуру, смогло кинуть сотни миллиардов рублей и миллионы человеческих жизней в кровавую пасть войны. Только «великий носитель прогресса», командующий миром капитал мог в угоду своими интересам— замыслам о мировом владычестве — опустошить огнем и мечом цветущие страны, затопить плодородные равнины, народы превратить в об'ятых ненавистью и человеконенавистничеством жалких рыцарей насилия.

Приложение № 7.

А. Л—ов (Оппоков-Ломов). Из прошлого.

(Ст. в № 8).

В войну вовлечены новые страны Балкан с славянским населением, и теперь со страниц буржуазных и правых газет не сходят призывы вспомнить общеславянские интересы. В связи с этим мы приводим маленькую

историческую справку о так называемой освободительной русско-турецкой войне 1877—1878 г.г., полагая, что это поможет установить правильную точку зрения на происходящие события. Семидесятые годы прошлого столетия для России были годами быстрого развития ее промышленности, чему особенно способствовала протекционистская политика. Русские фабриканты производили на своих фабриках все больше товаров, которые не могли быть проданы в России. Им приходилось искать для сбыта их внешние, иностранные рынки, а это вело к столкновению с буржуазией других стран. Крупное помещичье хозяйство, производившее хлеб на рынок, испытывало сильные затруднения, ибо дешевый заокеанский хлеб понижал европейские хлебные цены, а это приводило к тому, что свободные капиталы чаще и чаще затрачивались в фабричное и заводское дело... (вычеркнуто цензурой). Русские дипломаты действовали не всегда с согласия Германии, но, во всяком случае, при ее попустительстве Горчаков—русский министр иностранных дел—даже писал: «для поддержания наших претензий Пруссия представит в наше распоряжение германскую армию». Пруссия, Австрия и Россия заранее столковались о своих шагах, и перед самой войной на свидании австрийского и русского императоров в Рейхштадте (в 1876 г.) было выработано соглашение, по которому Австрия должна была получить Боснию и Герцеговину, а Россия—Бессарабию и Батум в Азии (т.-е. области, ничего общего с братушками-славянами не имеющие). О других славянах позаботились таким образом: было решено, что славяне ни в каком случае не могут образовать в Балканском полуострове одного большого славянского государства в ущерб неславянским народам... (вычеркнуто цензурой). После окончания войны России не только не удалось водрузить «православный крест» на св. Софии в Константинополе, но и добиться свободного выхода в Средиземное море. Теперь, почти через 40 лет, правящие круги снова от времени до времени возвращаются к мечте о проливах и захвате Константинополя; снова на страницах казенных и либеральных газет появляются статьи о «братушках-славянах». Кадеты же вместе со всей буржуазией России прямо выставили на своем знамени проливы и Константинополь... (конец вычеркнут цензурой).

Приложение № 8.

М. Фабричный (В. Ногин). Борьба за колоний.

(Ст. в № 3).

I. Было бы величайшей ошибкой думать, что война 11 стран, считающая свои жертвы миллионами, могла быть вызвана по капризу какого-либо отдельного человека. Так же ошибочно считать, что за благородными заявлениями о бескорыстности в борьбе за справедливость не скрывается более обычных для современного общества побуждений. Для понимания людских поступков и отношений лучше всего обращаться к исследованию их экономической природы. В нем же надо искать об'яснения и этой войны. На современных фабриках и заводах работа происходит без учета того, сколько может все человечество потребить товаров. Владельцы предприятий интересуются другим: им надо знать — сколько товара они смогут продать

с возможно большей для себя выгодой,—им важно то, чтобы у них были покупатели. Кто и где будет покупать их товары—им безразлично, лишь бы это давало наиболее высокую прибыль. И если они видят, что в их стране большинство покупателей слишком мало обеспечено, то и они отправляются в поиски за новыми в другие страны. Они знают, что в противном случае будут чаще наступать моменты, когда им придется снова сокращать производство, а потом и закрывать свои предприятия, так как, несмотря на непрекращающуюся потребность в товарах необеспеченной части населения, их нельзя будет продавать. Предприниматели знают, что в такой момент рабочим становится особенно ясной ненормальность их положения и необходимость борьбы с капиталистами. Они знают также и то, что развивающаяся техника, стоящая у них на службе, лишает самостоятельного положения все большее число людей. Мелкие собственники не выдерживают борьбы с крупным капиталом и обращаются в пролетариев, которые далеко не все получают работу на фабриках и заводах. Создается избыточное население, и чем больше растет его число, тем грознее оно для господствующих классов. И они ищут места, куда можно было бы отправить этих лишних людей. Так создается в капиталистических странах потребность в колониях. Колонии — это предохранительный клапан капиталистических стран. В них буржуазия этих стран отправляет свои «излишние» товары и «избыточное» население, а потом и «излишний» капитал, укрепляя этим свое положение и отодвигая день расплаты с пролетарием. II. Колониями служат те страны, население которых недостаточно развито и богато, чтобы самому выработать необходимые товары, или же те страны, население которых не в состоянии отстоять свои земли от пришельцев, которые стремятся уничтожить туземцев, занять их место. В так называемых «культурных» странах капитализм развивался не одновременно. Первой страной, вступившей на эту ступень промышленного развития, была Англия, которая и захватила громаднейшие колонии во всех частях света. Вступившая за ней Франция смогла удержать некоторые из своих старых владений вне Европы и обратить их в свои колонии, когда капитализм сделал это необходимым. Германия, вступившая на путь капиталистического развития позднее других западно-европейских стран, только за последние тридцать лет успела захватить кое-что в Африке, на Тихом океане и в Китае. Английская буржуазия была обеспокоена этими захватами. Одновременно с этими захватами шло быстрое развитие германской промышленности и богатства. 20 лет тому назад общая ценность немецкого национального богатства определялась в 200 миллиардов марок. Перед войной некоторые знатоки определяли его 300, а другие—в 350 и 400 миллиардов. Все это заставляло буржуазию других стран смотреть на Германию, как на опаснейшего соперника III Все колонии Германии лежат далеко от нее, и ей было необходимо обеспечить путь к ним. Таким образом самой важной, неотложной задачей для германской буржуазии явилась борьба за дороги в колонии. И она подчинила все остальное этой борьбе. Путей в германские колонии два: западный и восточный. Западный идет из Балтийского и Северного морей в Атлантический и Великий океаны, а восточный—через Балканский полуостров, Малую Азию, Персидский залив и Индийский океан. Они оба по преимуществу морские, и Германия стала тратить миллиарды на создание

флота. Меньше чем в 20 лет она стала морской державой. Но для флота нужны угольные станции, а на всем пути по выходе из Северного моря у Германии никаких станций не было. И вот начинается борьба за Марокко, государство, лежащее на северо-западе Африки, где имеются два наиболее подходящие порта на юге атлантического берега—Могадор и Агадир. Но здесь интересы германских купцов столкнулись не только с интересами английских, но и французских и итальянских купцов, давно уже решивших между собою вопрос о дележе северной Африки. Незначительное само по себе требование какой-то угольной станции вызвало величайшую тревогу Англии, Франции и России. И едва не вспыхнула общеевропейская война уже тогда. В 1911 г. Франция послала экспедицию для захвата Феца, при чем, согласно франко-испанскому договору 1904 г., западный берег был отдан Испании. Германия послала корвет «Пантеру» занять Агадир. Опять в воздухе запахло войной, но у Германии не был готов Кильский канал, Англия не закончила постройку дредноутов, а Франция с Россией—своих вооружений. И дело кончилось компромиссом. IV. Обратимся теперь к восточному пути. Внимание германской буржуазии и правительства было сосредоточено на нем еще с начала восьмидесятых годов. В 1898 г. император Вильгельм отправился якобы на поклонение святым местам в Палестину. Там он говорил: «мы не ищем здесь ни блеска, ни власти, ни славы, ни чести, ни каких земных благ; мы плачем, мы молим, мы заботимся только о единственном высочайшем благословении, о спасении душ наших». Но он позаботился и о том, чтобы получить у турецкого султана согласие на постройку железной дороги от Константинополя на Багдад, через всю Малую Азию. В 1903 г. германский Багдадский синдикат получил концессию на продление этой дороги к Ковейту на Персидском заливе. Проведение этой дороги затрагивало интересы английской и русской буржуазии. Багдадская дорога, находящаяся в руках Германии, грозила английскому господству в Индии и в Египте. Более того: англичане давно уже считали своим город Ковейт, который должен был стать конечным пунктом дороги. Малая Азия и Персия издавна служили рынком для русских товаров, и русские фабриканты давно стремятся к господству там. Развитие промышленности в России совершалось быстрее, чем поднималось благосостояние населения, поэтому, помимо внутреннего рынка, для русской промышленности стал нужен и внешний. Перед войной персидский рынок был всецело в русских и английских руках: в 1911—1912 г.г. в Персию ввозилось из России товаров почти на 50 миллионов рублей. Для германских купцов не могла быть приятной перспектива вытеснения из Турции их товаров русскими товарами так же, как они были вытеснены из Персии. Занятие же русскими Армении, которое должно было последовать в результате торговых отношений, особенно пугало их. Заняв Армению, Россия могла бы провести в ней железные дороги, а это сделало бы ее неприступной крепостью, командующей в Малой Азии. Таким образом долго лелеянная Багдадская дорога теряла свое значение. Опять Германия лишилась бы пути к своим колониям. Все миллиарды, затраченные на флот, на развитие самих колоний, на постройку Багдадской дороги, оказались бы затраченными напрасно. Необходимо было бы оставить надежду и на колонизацию Малой Азии. Должно было произойти крушение всей мировой политики. Германия спешила укрепляться

в Малой Азии. Она получила согласие султана на обращение Александреты (на Средиземном море) в германский порт. Потом добилась разрешения постройки железной ветви на Дамаск, а также вдоль Мертвого моря и Синайского полуострова на Мекку. Теперь германская дорога уже подходила к Суэцкому каналу и Египту чуть не вплотную. А потеря Суэцкого канала и Египта для английской буржуазии равняется смертельному удару; с их потерей она не смеет защищать ни Индию, ни свои владения в центральной и восточной Африке. Перед русской же буржуазией вырисовывалась перспектива оставить свои мечты о проливах и потерять персидский и турецкий рынки... Было ясно, что подходит время для решения многолетнего спора европейской буржуазии, и опять весной 1912 г. мир едва избег общеевропейской войны, но только на несколько месяцев. Все страны Европы спешили закончить свои долголетние вооружения и ждали подходящего момента. Убийство австрийского эрцгерцога послужило сигналом И кровопролитнейшая из войн началась.

Приложение № 9.

В. Ан. (Антонов-Саратовский). Плеханов и война.

(Ст. в № 10.)

В журнале «Современный Мир» появились две статьи Г. Плеханова. Эти статьи дают вполне законченную сводку взглядов нашего маститого теоретика на остро волнующий вопрос об отношении социалистов к войне. Так как Плеханов, будучи одним из первых начинателей марксизма в России, пользуется большим влиянием в известных кругах, то его мнение приобретает особое значение и требует к себе особого внимания. Ведь если Плеханов прав, то влиятельность его личности придаст только еще больший вес высказанной им правде. Ну, а что если он неправ, что если он ошибается и незаметно для себя «обработан» как раз теми, против кого он боролся всю свою жизнь? Тогда его влиятельность может причинить огромный вред, затемняя сознание тех, кому особенно нужно быть зрячими в переживаемый нами момент. Все эти соображения заставляют нас взяться за разбор вышеуказанных статей и, насколько позволяют внешние условия, рассмотреть те положения, которые он выставляет в качестве руководящих. Коротко говоря, положения Плеханова сводятся к следующему: 1) социалисты должны различать войну оборонительную от войны наступательной; 2) если война оборонительная, то социалисты должны принять участие в обороне, не смущаясь тем, что им приходится бороться совместно и под началом господствующих классов; если же война наступательная, то они должны принять все меры к ее прекращению, не считаясь в этом случае со своим отечеством. Применяя эти положения к практике, Плеханов находит: а) что в современной войне повинна Германия и только она, б) что, вследствие этого, все социалисты, включая и германских, должны осудить ее выступление и бороться с нею «до конца», в) что социалисты всех стран должны бороться против нее еще и потому, что германский милитаризм и империализм грозят политическим и экономическим рабством тем странам, «на которые она напала», г) что, в частности, русские социалисты должны самым

решительным образом выступить на путь вооруженной борьбы с германскими войсками и голосовать за все кредиты, потребные на войну, ибо победа Германии грозит превратить Россию в германскую колонию и навязать ей убийственный торговый договор; то и другое самым гибельным образом отразится на производительных силах России, задержит экономическое развитие, а вместе с ним развитие и победу освободительного движения. «Победа Германии—конец России».

Как видите, ни во внешней стройности системы, ни в ее остроумии Плеханову отказать нельзя. Но... «не все то золото, что блестит». — Присмотримся поближе к его построениям.

Сгоряча кажется, что нет более простых понятий, чем «оборона» и «нападение». Чего тут сложного? — Иду я по лесу. Вдруг из-за кустов выскакивает на меня грабитель.—Жизнь или кошелек! — требует он. Я выхватываю револьвер и грожу: уйди или я убью тебя. В свою очередь грабитель выхватывает тоже револьвер и без всяких разговоров стреляет в меня. Я отвечаю тем же. Что делает грабитель? Нападает. Что делаю я? Обороняюсь от грабителя. Или вот еще пример, предлагаемый Плехановым: «эксплоататор угнетает, следовательно, нападает; эксплоатируемый стремится освободить себя от угнетения; следовательно, — обороняется. Как же не различать обороны от нападения?». Слов нет, различать можно и должно, но дело-то в том, что простота и кристальная ясность этих понятий существует лишь или в области чисто умственных (логических) построений или же в самых наипростейших отношениях. При столкновениях же государств эти простейшие понятия мгновенно теряют свою простоту и очевидность и распознание того, которое из государств нападает и которое обороняется, становится невозможным. Особенно это относится к широким народным массам. При существующем их общественном положении они совершенно лишены возможности распознать истинный характер войны; ведь не они ведут внешнюю политику, не они знают до тонкости дипломатическую игру, не они посылают хитроумных дипломатов. Все это делается «господами положения» за спиною и в глубочайшем секрете от народных масс. Скажут: — обязанность распознавания лежит на вождях массы, которых она выдвинула, чтобы они были на страже ее интересов. Но и они, «красные бандиты», по крылатому выражению Вильгельма, очень и очень мало могут добыть из ревниво оберегаемых тайников дипломатии. На это Плеханов с пренебрежительным жестом замечает: «кто неспособен разобраться в интересующем нас вопросе... тому следует заняться химией, белой магией, китайской грамматикой,—всем чем угодно, но только не мировой политикой».

И тут же автор приводит справку из истории франко-прусской войны 1870 года, которая может служить ярким возражением против него самого. В самом деле, из этой справки видно, что Бебель и Либкнехт (отец) были в то время жестоко обмануты Бисмарком. Весь мир, а вместе с ним и оба закаленных бойца демократии были глубоко убеждены, что в франко-прусском конфликте нападающей стороной была Франция, и только тот, кто подделал депешу прусского короля (т. н. Эмсскую), знал, что не Франция, а Пруссия повинна в войне. Только через много лет мир узнал эту тайну. Думаем, что Бебель, как бы ни бранился Плеханов и как бы ни посылал к китайской грамматике, мог и умел заниматься «мировой политикой» и все-таки ока-

зался «неспособен» дать правильный ответ на «интересующий нас вопрос». Если даже Бебель, несмотря на всю свою гениальность, несмотря на значительную осведомленность в междугосударственных делах, не мог правильно установить характер указанной войны, войны только между двумя государствами, то тем более трудно, вернее, совершенно невозможно это сделать теперь, когда воюют не две, а целая дюжина и даже больше, если считать автономные колонии, держав. Чем располагаем мы, какими данными, чтобы дать верный, исчерпывающий ответ на вопрос, кто в современном, страшном, мировом столкновении обороняется и кто—нападает? Может быть, Плеханов предложит обратиться к той пестрой кучке дипломатических книжек, которые были изданы в свое оправдание и в посрамление противника воюющими державами. Но ведь это как раз тот кривой путь, на котором заплутался покойный Бебель. Ведь у нас нет средств проверить всю эту уйму документов и быть твердо уверенными, что среди них нет пресловутых Эмсских депеш. Поэтому, в отношении этих документов, остается одно из двух,—или все их отвергнуть, или же принять на веру, но тогда нужно принять на веру дипломатическое оправдание той или другой группы держав. Думается, что последнее совершенно недопустимо для честного марксиста-демократа. Может быть, обратиться не к официозным документам, а к более свежему источнику, т.-е. к социалистическим органам разных стран, и посмотреть, что они писали непосредственно перед войной. Плеханов очень сильно напирает на то, что писали германские с.-д. «накануне». Насколько мы, внутри России, могли следить за этими органами, мы вынесли определенное впечатление, что каждая с.-д. партия в пределах «своего» государства решительно протестовала против надвигающейся катастрофы и заявляла, что вина за войну падет именно на «свои» господствующие классы. Германские социалисты писали, что в случае, если разразится война, то виновниками ее они будут считать своих юнкеров и свою буржуазию; французские социалисты то же самое говорили о своей буржуазии и т. д., и т. д. Таким образом и здесь, кроме знакомства с тактическим ходом, которым пытались удержать свою страну от войны, мы ничего не узнаем и ничего не почерпнем? Может быть, следует дипломатическую переписку проверить при свете исследования экономики воюющих стран? Может быть, тогда станет все ясным и мы выведем на свежую воду зачинщика? Однако и это исследование, если, конечно, оно сделано беспристрастно, без уклона в сторону национальных симпатий, несет нам разочарование. Ибо разве может быть признан ответом для ищущих виновника тот вывод, что экономика капиталистических стран вела их к столкновению, что все они повинны «во грехе».

Но тогда остается остановиться на формальном признаке: об'явлении войны. Увы!—тут сам Плеханов постарался выбить из-под нас почву. Он приводит следующие слова Либкнехта (отца): «не всякая формально оборонительная война является такой в действительности. Нередко тот, кто делает вид, что защищается, на самом деле нападает». Золотые слова! Мы с ними всецело согласны, тем более, что у нас есть очень близкий исторический пример: русско-японская война. Таким образом мы перебрали всевозможные способы проникнуть под завесу дипломатических махинаций и пришли к заключению, что при существующих условиях, когда важное

дело мира и войны находится отнюдь не в народных руках, у нас нет и не может быть ни одного достоверного способа, при помощи которого мы могли бы безошибочно определить, кто из воюющих нападает и кто обороняется. И до той поры, пока... не поможет даже «белая магия» Плеханова.

Но допустим на минуту, что нам известен зачинщик. Вы думаете, что мы тогда свободно выйдем из того порочного круга, который выражается известной фразой: где начало того конца, которым оканчивается начало. Ничуть не бывало.—Пустое!—скажет Плеханов, — раз мне известно точно, что мое отечество ведет по существу оборонительную, «справедливую» войну, я без разговоров становлюсь на его защиту. — «Мы нравственно обязаны защищать родину, если она подвергается нападению». Прекрасно. Но вот что вызывает недоумение. Возьмем для примера две страны: Гогию и Магогию. Магогия, будучи зачинщицей, напала на Гогию. Руководствуясь Плехановым, социалисты страны-зачинщицы протестуют против действия своего отечества, а социалисты Гогии вступают в ряды войск и прогоняют с родной земли врага. Однако вопреки обороне гогские войска, по приказу господствующих классов, не только вытесняют противника, но и сами вторгаются в пределы чужой страны. Тогда, в свою очередь, социалисты Магогии, признавая, что их страна стала на положение обороны, прекращают свой протест и тоже идут в армии. Гогские социалисты протестуют против захвата и требуют, чтобы оборонительная «по существу» война не переходила в войну наступательную, но—увы!—их не слушают «организаторы обороны». Тогда они (предположим такой фантастический случай) складывают оружие и уходят из армии. Но пока они производят сдачу оружия, счастье меняется. Магоги вытуривают гогов и снова наступают «вглубь страны». Положение обязывает. Социалисты Гогии снова берутся за только что сданные ружья, а социалисты Магогии снова протестуют и отказываются воевать. Получается своеобразная кадриль из обороны и нападения. Нам не до шуток. Мы этим хотим сказать, что в процессе войны истинная, «справедливая» оборона при существующих общественных отношениях может превратиться и фактически превращается в истинное, но, во всяком случае, несправедливое нападение. Оборона переходит в нападение и обратно — нападение переходит в оборону. Трагическая диалектика жизни, против истинности которой, мы думаем, не будет спорить и сам Плеханов. Каково же при такой «диалектике» положение социалистов? Далеко не завидное. Им предоставляется оборонять свою страну, но без надежды, когда кончится оборона, прекратить войну и не дать стране покатиться по наклонной плоскости нападения. Пошел для обороны, использован для нападения. Вот тут и сохрани «автономию разумного существа», за которую так ратует Плеханов... (Продолжения статьи не последовало, ибо газета была закрыта.)

ПРИЛОЖЕНИЯ КО II ЧАСТИ

ОТДЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Принят Военным Комитетом на заседании 18 марта 1917 г.

Приложение № 1.

Наказ.

Военный Комитет есть военная политическая организация.

Саратовский Военный Комитет ставит себе цели:

1) Всеми силами поддерживать и укреплять новый строй и проводить в жизнь начала, об'явленные в декларации Временного Правительства. (См. примечание.)

2) Ввиду того, что Россия ведет войну с сильным и упорным врагом и что победа его есть и устранение одной из главных причин, могущих вызвать контр-революцию,—Комитет считает своей священной обязанностью направить все усилия на поддержание порядка и дисциплины в войсках, дабы укрепить и увеличить действующие на фронте боевые силы.

Для достижения поставленных целей Комитет:

1) Организует вокруг себя солдат и офицеров в ротные, батарейные и т. п. комитеты, организует группы пропагандистов, агитаторов и т. п. и руководит их деятельностью.

2) Развивает гражданское самосознание солдатских масс: для чего Комитет устраивает собеседования и лекции по различным вопросам политической жизни, устраивает ротные, батарейные и т. п. библиотеки, издает листки, брошюры, периодические издания и другую литературу, устраивает митинги и вообще предпринимает все то, что, по мнению Комитета, может служить для развития гражданского и политического самосознания масс.

3) Для поддержания порядка и дисциплины в войсках Комитет организует казарменную жизнь, определяет взаимоотношения между самими солдатами, выслушивает всякого рода заявления солдат, их жалобы и претензии и по мере надобности устраняет таковые.

4) В отношении начальствующих лиц, в частности начальника гарнизона, Саратовский Военный Комитет принимает на себя обязанности регулировать совместно с начальником гарнизона отношение командного состава к воинским чинам. Назначение же, увольнение и перемещение лиц командного состава происходят с одобрения Военного Комитета подлежащим начальством.

5) Принимая во внимание, что в создании нового строя, кроме армии, состоящей главным образом из крестьянских масс, принимали активное участие рабочие и другие общественные слои Государственной Думы и что в укреплении нового строя участвуют армия, рабочие в лице Совета Рабочих Депутатов и Исполнительные Общественные Комитеты, как органы нового правительства на местах, — Комитет считает необходимым, в видах согласованности действий, установить тесную связь между Общественным Исполнительным Комитетом, Советом Рабочих Депутатов, Военными Комитетами других городов и другими общественными организациями; для чего

Комитет посылает своих представителей в эти организации на равных правах с членами этих организаций.

6) Регулирование бытового и хозяйственного порядка в жизни армии Военным Комитетом производится в полном согласовании с приказами Военного Министра.

7) Комитет состоит из выборных офицеров и солдат в пропорции, указанной в приказе по гарнизону города Саратова.

8) Лишение членов Комитета своих полномочий может быть произведено или по предложению большинства избирателей, или по инициативе самого Комитета, но в том и другом случае не иначе, как по постановлению Комитета, принятому большинством не менее $^2/_3$ голосов всех членов Комитета закрытой баллотировкой.

9) Каждый член Комитета действует в пределах, определенных настоящей инструкцией и указанных в решениях Комитета.

10) Каждый член Комитета обязан в пределах решений Комитета стремиться к поддержанию порядка в своей части, раз'ясняя солдатам и офицерам их обязанности в настоящую тяжелую для родины минуту, для чего члены Комитета каждой части организуются в группу и вокруг себя организуют выборщиков, а те в свою очередь в каждой роте, батарее и т. п. организуют вокруг себя комитеты, группы и т. д.

11) Комитет должен быть осведомлен об истинном положении дел в гарнизоне, для чего члены Комитета, по мере надобности, сообщают подробно о положении дел в своей части и в экстренных случаях немедленно, донося президиуму о всем происшедшем.

12) Комитет выделяет из себя комиссии, по мере надобности, определяя их обязанности и права в особых инструкциях.

13) Члены Комитета (солдаты—обязательно, а офицеры—по их заявлению) освобождаются от несения служебных обязанностей на все время состояния их в звании членов Комитета; кандидаты же только в случае фактического замещения членов Комитета.

14) Собрание Комитета считается законным, когда присутствует не менее $^1/_2$ членов его.

15) Средства Комитета составляются взносами из частей, участвующих через представителей в Комитете, в размере, установленном Комитетом.

Примечание. В своей настоящей деятельности Комитет будет руководствоваться следующими основаниями:

1) Нужна немедленно полная амнистия по всем делам политическим, религиозным, в том числе террористических покушений, военных восстаний и аграрных выступлений и т. д.

2) Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политической свободы на военно-служащих в пределах, допускаемых военными техническими условиями.

3) Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений.

4) Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего равного, прямого и тайного голосования Учредительного Собрания которое установит форму правления и конституцию страны.

5) Замена полиции народной милицией и выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

6) Выборы в органы местного самоуправления на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

7) Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении.

8) При сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении военной службы—устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам.

Временное Правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления в осуществлении вышеизложенных реформ и мероприятий.

Члены президиума Комитета:

Председатель подпоручик *Понтрягин.*

Товарищи председателя: *М. Диденко.* капитан *Станкевич.* *В. Куликов.* врач *Максимович.*

Секретарь *Магарицкий.*

Товарищи секретаря: *Д. Колостов.* *С. Никитин.* *Я. Василисков.*

Приложение № 2.

К демократии России.

За последнее время буржуазная печать открыла поход против революционного Царицына: в Царицыне независимая республика, в Царицыне анархия, на население налагается контрибуция, в Царицыне грабежи, убийства, непрерывный террор, буйствуют солдаты и направляют пароходы и поезда по собственному произволу, совершаются насилия над свободой личности, совести, слова, неприкосновенности жилищ и т. д. Разрисовывая яркими красками царящие в городе ужасы, буржуазная печать ведет систематическую травлю представителей революционной демократии, с особенной яростью обрушиваясь на царицынскую большевистскую организацию и ее руководителей (С. К. Минина и др.). В последние дни начаты выступления против Царицынского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, распоряжения которого ведут, якобы, к лишению армии продовольствия.

Вся эта кампания буржуазной печати, создавая панику среди граждан, вызвала тревогу и в рядах революционной демократии России; это побудило Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов обратиться с телеграфным предложением к Саратовскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов выяснить положение в Царицыне.

Прибывшая саратовская делегация, ознакомившись с положением дел путем опроса представителей местных общественных организаций и осмотра документов, находящихся в распоряжении Совета, Городского Исполнительного Комитета, Комитета Общественной Безопасности и Биржевого Комитета, считает необходимым, вместе с представителями революционной демократии Царицына, поставить в известность демократию России о действительном положении дел в городе.

1) В первые дни революции значительная часть командного состава местного гарнизона оказалась не на высоте положения, не подошла к солдатской массе, заняла на время выжидательную позицию по отношению к революционным событиям. Это усилило отчужденность, а порою и враждебность солдатской массы к соответствующей части командного состава. Полковое хозяйство оказалось в крайнем расстройстве как в отношении финансов, так и в отношении продовольствия и аммуниции солдат. Были случаи, что в самый день отправки маршевых рот командиры обращались в Городской Исполнительный Комитет с просьбой немедленно доставить аммуницию (сапог, белья и пр.) для удовлетворения пищевого (?) довольствия солдат (?), для помощи кредитом (?) также обращались к Городскому Исполнительному Комитету; все это вызвало сильное возбуждение среди части гарнизона. Опасаясь возможных эксцессов, местные торгово-промышленные круги решили путем самообложения образовать «Военный фонд» для «улучшения быта солдат и попутно для удовлетворения острой нужды по улучшению быта семейств призванных, призрению инвалидов, детей и сирот воинов». Этот фонд, образовавшийся при Исполнительном Комитете, затем перешел для удовлетворения указанных нужд в распоряжение Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

В связи с начавшейся кампанией в буржуазной печати, превратившей «Военный фонд» в «контрибуцию» местного гарнизона на население города, и при отсутствии официального опровержения этого со стороны самих создателей фонда, Царицынский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов постановил прекратить дальнейшее пользование этим фондом, передать все средства фонда обновленной Городской Думе для оказания помощи жертвам войны, о чем довести до сведения Петроградского Совета.

2) Ненормальная жизнь в гарнизоне вызвала отдельные случаи замедления в отправке маршевых рот и общее понижение уровня дисциплины.

3) Особенно крайние формы извращения приняли сообщения буржуазной печати об убийстве приказчика Бояринцева. Представители царицынских социалистических организаций, Царицынского Совета и Саратовской делегации единогласно установили, что а) вина за это убийство никоим образом не падает ни на одну из революционных организаций; б) убийство произошло вне митинга: как о самом факте, так и подробностях убийства организаторы и ораторы митинга узнали лишь по окончании митинга; в) что защитить Бояринцева от самосуда толпы пытались случайно находившиеся члены социалистических и в частности большевистской организаций, и г) дикая расправа над Бояринцевым была заклеймена особыми постановлениями всех местных организаций.

4) Царицынский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов разделяет платформу Всероссийского Совещания Советов Рабочих и Солдатских Депу-

татов и в своих действиях руководится постановлениями Всероссийского Совещания. Ни формально, ни фактически особой независимой Царицынской Республики не устанавливал, и сообщение об этом является досужей фантазией. Совет принимал все меры к ликвидации дезорганизаторских выступлений отдельных групп, издавал постановления о недопустимости обысков без ордеров соответствующих правомочных органов власти, установил дежурства членов Совета для охраны порядка на пароходах и железной дороге и принимал вообще все меры к установленню нормального течения жизни в городе. Телеграфное сообщение буржуазной печати о реквизиции Советом ста вагонов масла, предназначенных, якобы, для надобностей армии и подлежащих продаже, якобы, спекулянтам и в пользу Совета, совершенно не соответствует действительности и является преступной клеветой: во-первых,—масло минеральное и не предназначенное для нужд армии, во-вторых, масло вытекало и, в-третьих, на об'явленные торги приглашены кооперативы и заводы, работающие на оборону, и вырученные деньги подлежат выдаче отправителям.

Мы констатируем, что Совет Рабочих и Солдатских Депутатов стоит на страже революционной демократии Царицына и идет в ногу со всей революционной демократией России.

5) Ожесточенная кампания, ведущаяся буржуазной печатью против революционного Царицына, значительно усиливает дезорганизацию хозяйственной жизни города, угрожает городу бестоварьем и вызывает озлобление в отдельных и в особенности малосознательных частях населения.

Все эти преувеличения и искажения отдельных фактов, нелепые измышления на революционную демократию Царицына льют воду на мельницу контр-революции.

6) Определенный ряд фактов ненормального течения жизни в Царицыне является в значительной степени наследием старого режима: несознательности и неорганизованности массы населения, анархическими элементами, воспитанными всем прошлым города, и сеянием смуты контр-революционными силами, а также необыкновенно быстрым ростом города, вовлекшего в свою черту многочисленные кадры мало-дисциплинированных групп населения.

7) Совещание представителей социалистических организаций Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и Саратовской делегации констатирует ненормально обостренную междупартийную борьбу среди социалистической демократии Царицына, отразившуюся на единстве и прочности революционного фронта демократии города. С целью оздоровления атмосферы междупартийных отношений, укрепления позиций революционной демократии в городе и сплочения ее сил вокруг Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, совещание представителей социалистических организаций издало обращение ко всей демократии города с братским призывом внести в русло товарищеских споров борьбу мнений между социалистическими течениями.

Мы надеемся, что общими дружными усилиями социалистических организаций и Царицынского Совета нам удастся встать несокрушимой стеной против контр-революционных попыток и вопреки ведущейся буржуазной печатью травле, дезорганизующей хозяйственную и общественную жизнь города, наладить и укрепить в нем нормальный строй жизни.

Царицынский Комитет РСДРП (большевиков), по полномочию Комитета подписано: председатель С. Минин, тов. председателя А. Григорьев, секретарь Каценельсон.

Организационный Комитет РСДРП (меньшевиков), по полномочию Комитета подписано: председатель Д. Полуян, тов. председателя Л. Е. Минц, секретарь Погребецкий.

Царицынский Комитет Партии социалистов-революционеров, по полномочию Комитета подписано: председатель И. Котов, тов. председателя А. Гейер, секретарь Силин.

Царицынский СД Комитет «Бунда», по полномочию Комитета подписано председатель Танхельсон, тов. председателя Белькаид, секретарь Озерян

Царицынский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, по полномочию Комитета подписано: председатель С. Шевченко, тов. председателя А. Длугач, члены президиума: В. Ивашкевич, А. Генькин и Н. Цицианов.

Делегация Исполнительного Комитета Саратовского Совета Солдатских и Рабочих Депутатов: Д. К. Чертков, В. М. Телегин, В. Х. Павлов, В. П. Антонов и В. П. Куликов.

(Сарат. «Социал-Демократ» № 33 от 18 июня 1917 г.)

Приложение № 3.

Совещание представителей социалистических организаций.

(29 апреля 1917 года.)

Как у нас уже сообщалось, 29 апреля состоялось совещание представителей местных социалистических партий и организаций. Председательствовал Н. М. Мясоедов, секретарем был избран А. А. Гольдштейн.

В порядке дня конференции были поставлены два вопроса: о борьбе с контр-революцией и о муниципальной кампании. Обсуждению совещания подвергся лишь первый вопрос.

Первым говорит Д. А. Топуридзе. Оратор констатировал рост контр-революционного движения и указал, что в данном случае мы имеем дело с факторами сознательными и несознательными. Необходимо выяснить силы контр-революции, необходим блок всех социалистических организаций, чтобы обессилить сознательное контр-революционное движение и оказать должное воздействие на бессознательные контр-революционные выступления.

Васильев (с.-д. большевик) говорит, что прежде всего нужно выяснить, кто составляет армию конт-революционеров. По его мнению, главным и опаснейшим контр-революционером является финансовая и торгово-промышленная буржуазия. Если она накануне революции и будировала, требовала «ответственного» министерства и некоторых реформ, то только из страха перед революцией, желая предупредить ее, отсрочить, потушить.

Ведь смены министров и их «ответственности» требовало даже заведомо реакционное дворянство. Вопреки желанию буржуазии революция вспыхнула и продолжает развиваться. Она внушает серьезные опасения и международ-

ным хищникам. В Америке и Западной Европе, во всех капиталистически азвитых странах, русская революция может зажечь пожар социального переворота. И международные хищники приложат все усилия, чтобы задушить русскую революцию. Война—лучшее средство для того. Но и сама по себе даже русская буржуазия — опасный, серьезный противник. В его руках огромная сила—деньги. На службе у буржуазии целая армия интеллигенции, говорящей, пишущей и действующей в пользу нее и против революции. Печать—колоссальная сила и широко используется в контр-революционных делах. Итак, самые главные контр-революционеры — это господствующие классы, т.-е. буржуазия и помещики. Сторонники самодержавия сами по себе теперь не опасны. К прошлому, в полном об'еме, возврат немыслим. Выходки погромщиков старого покроя подавить не трудно. Но буржуазия в своей контр-революционной борьбе воспользуется, несомненно, и ими, как своими союзниками. Ясное дело, что перед лицом такого опасного врага необходимы сплочение и организация всех сил демократии. Для такого сплочения и об'единения сил демократия создала прекрасный, могучий и своеобразный аппарат в лице Советов Раб. и Солд. Депутатов. Об их дальнейшем укреплении и расширении сферы их деятельности всем социалистам и нужно думать.

Чертков (с.-д. меньшевик) доказывает, что опасность контр-революции в настоящее время нам угрожает со стороны черной сотни. Буржуазия сегодня не контр-революционна. Может быть, завтра она и станет в лагерь противников революции, но сегодня она в общем и целом выполняет волю народа. Поэтому все свои силы мы должны направить на борьбу с дворянской контр-революцией.

Телегин (с.-р.) полагает, что против революции вооружились не только слуги свергнутой царской власти, но и представители буржуазных классов, которым явно невыгодно дальнейшее развитие революции.

Мгеладзе [1]) (с.-д. большевик) заявляет, что он совершенно несогласен с тов. Чертковым и разделяет взгляды, высказанные тов. Телегиным. Буржуазия наша была до революции контр-революционна, делала во время революции все возможное для ее заторможения и чем дольше, тем с большей энергией она будет бороться с революцией. Переговоры с Николаем в дни баррикадной борьбы в Петрограде, цепляние сначала за Алексея, а затем за Михаила, присяга Временному Правительству, натравливание солдат на рабочих, кампания против Советов, отвратительная травля тов. Ленина,— все эти и десятки подобных фактов говорят о том, что наша буржуазия не «завтра» может выступить против революции, а уже давно выступает.

Останавливаясь в частности на вопросе о травле Ленина, оратор констатирует, что буржуазной печати в этой травле немалую услугу оказывали и некоторые «демократические» органы. Перепечатывая всякую ложь и клевету, направленную против тов. Ленина, эти органы творили дело врагов революции, ибо ясно для всякого, что дело не в личности Ленина, а в том классе, одним из идеологов которого является Ленин.

Опасность нам угрожает не только со стороны помещиков и черной сотни, но и со стороны банкиров и промышленников.

---

1) И. Вардин. *Прим. Антонова-Саратовского.*

Н. Н. Мясоедов считает, что в целях борьбы с контр-революционной опасностью необходимы организация «красной гвардии», сознательных рабочих и устранение самых представителей старого чиновничества.

Розенблюм (с.-д. меньшевик) признает, что революции опасность угрожает как со стороны черной сотни, так и со стороны буржуазии.

Фенигштейн [1]) (с.-д. большевик) считает контр-революционными как буржуазные партии, так и Временное Правительство. Борьба буржуазных партий против революции и его творческих сил общеизвестна, Временное Правительство контр-революционно, и мы не должны бояться сказать это. Оно само сознательно не ведет борьбы с остатками старого строя и нам на местах мешает. Оно до сих пор ничего не сделало по самому важному делу, которое возложила на него революция—по продовольственному вопросу; оно, наконец, и сейчас признает только за собой, в противовес всей демократии и армии, право распоряжаться военной силой внутри страны. Заявление Врем. Прав. по поводу приказа Корнилова — доказательство очевидное. А нота Милюкова? Ведь это их платформа, их программа, признанная официально под давлением силы революционной демократии. Нам необходимо будет бороться с хулиганами и погромщиками и т. п. Но ведь это—контр-революционные силы, покровительствуемые самыми важными противниками нашими, самыми сильными. Сплочение наших сил для борьбы с ними необходимо. И здесь нечего бояться «ленинцев», «большевиков» воплощающих в самой кристаллической форме все чаяния и стремления революции, самых ревностных ее защитников. Большевики считают, что классы, которые русскую революцию провели, должны расширять свое влияние, опираться на все большие массы народа, не боясь стать большинством. Стремление быть самому большинством должно быть нашим девизом, и идя по этому пути, борясь со всеми противостоящими нам силами контр-революции, мы выполняем ту заветную задачу, которую на нас возлагает настоящий исторический момент.

Ракитников (с.-р.) предлагает побольше внимания уделить вопросу о том, на какой почве могут вспыхнуть контр-революционные движения. Это главное, а будут ли старые полицейские и жандармы сидеть в тюрьме или нет — это дело второстепенное. Остались неразрешенными основные вопросы жизни страны: продовольствие и транспорт. Продолжается разорительная война. Оратор согласен с тов. Фенигштейном, что в области продовольствия правительство сделало очень мало, оно занималось каким-то пересаживанием с места на место.

Оратор считает, что необходимо заняться органической работой как в центре, так и на местах. В частности, необходимо коалиционное министерство.

Чертков (с.-д. меньшевик). Революция политически в значительной степени сделана буржуазией, технически она проведена буржуазией. Поэтому нам следует быть поскромней... Политической культурой мы очень бедны. Не будем строить иллюзий, будто в наших рядах уже находится весь рабочий класс и крестьянство. Вообще не следует ставить иллюзорных целей.

---

[1]) Долецкий. *Прим. А.-С—го.*

В ближайшем будущем нам не предстоит борьба с буржуазной контр-революцией. Как класс, буржуазия сделается контр-революционной тогда когда будет угрожать непосредственная опасность ее существенным классовым интересам.

В дальнейшей части своей речи тов. Чертков возражает против участия в коалиционном министерстве.

Васильев (с.-д. больш.). Меня результат нашего собеседования вполне удовлетворяет. Ясно обнаружились различия в нашем понимании сущности революции и контр-революции и роли различных классов в великом столкновении. Наметились среди нас левое, правое и центральное течения. Я рад, что большевики не оказались одинокими. Некоторые представители с.-р., в частности Ракитников и Телегин, одинаково с нами понимают позицию и цель буржуазных классов. Солидарен с нами повидимому в т. Розенблюм. Мы составляем левое течение. Не могу не отметить одной явной несообразности в рассуждениях наших противников, совершенно недопустимой, особенно для марксистов. Нам говорят, что буржуазию могут сделать контр-революционной некоторые лозунги и приемы борьбы. Разумеется, это вздор. Не лозунги, а противоположность, столкновение классовых интересов и соотношение сил создают революции и контр-революции. Это—социальная аксиома, азбучная истина, которую, казалось бы, нечего и доказывать.

Но, несмотря на наши разногласия, я думаю, мы могли бы если не об'единить, то сконцентрировать наши силы. Для этого не нужно создавать особого органа. Мы, пользуясь опытом 1905 года, уже создали в самом начале революции орган, предназначенный для организации и концентрации всех сил демократии — это Сов. Р. и С. Деп. Нужно еще теснее сплотиться вокруг него, ввести в него все свои лучшие силы, привлечь новые демократические силы, расширить и развить свою деятельность. Нужно привлечь туда и крестьян.

В этом наша главная опора для борьбы с контр-революцией, как бы сильна ни оказалась она.

Ракитников (с.-р.). Буржуазия все время совершает внутреннюю измену революции. С первого же дня революции она готовится, чтобы уничтожить силу демократии, освободить себя от ее давления. 21 апреля она вышла на улицу, чтобы померяться силами. Попытка не удалась, и она отошла на прежние позиции...

Заявление тов. Ракитникова было сочувственно встречено со стороны представителей большевиков. Речь его неоднократно прерывалась возгласами одобрения.

Обсуждение вопроса о борьбе с контр-революцией прервано.

В заключение рассматривался вопрос о создании межпартийного об'единенного органа. Особенно настаивали на этом меньшевики. Большевики, высказываясь против создания подобного органа, считали необходимым сплочение вокруг Совета Раб. и Солд. Депутатов.

В конце концов, была единогласно принята следующая резолюция, предложенная т.т. Мгеладзе и Васильевым:

«Практическая об'единенная работа по пропаганде, агитации и организации народных масс происходит вокруг Совета и под флагом Совета.

Для обмена мнениями и возможно большего об'единения деятельности отдельных социалистических партий по различным вопросам дня периодически собираются представители партий».

Слова: «и возможно большего об'единения деятельности отдельных соц. партий» были вставлены в резолюцию по предложению тов. Ракитникова,

Кроме того, совещание постановило «для созыва таких совещаний избрать межпартийное бюро». Большевики от голосования этого предложения воздержались.

(Сарат. «С.-Д.» № 12 от 5 мая 1917 г.)

ПРИЛОЖЕНИЯ К III ЧАСТИ

ОТДЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ.

Приложение № 1.

Саратовский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Приказ № 1.

Во имя спасения Революции, во имя сохранения от стихийных погромов и хищений народного достояния, во имя неот'емлемых прав крестьянства на всю землю, во имя хлеба для рабочих, измученной, голодной армии и прочего населения, Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов постановляет:

§ 1. Вся помещичья, монастырская, церковная и удельная земля немедленно должна быть взята на учет и в распоряжение крестьянских земельных комитетов или заменяющих их крестьянских демократических организаций.

§ 2. Все хлебные и кормовые запасы во взятых имениях и экономиях не могут быть продаваемы частным лицам. Ответственность за сохранность несут перед Советом означенные комитеты или организации.

§ 3. Живой инвентарь, как-то: лошади, рогатый скот, крупный и мелкий, и прочее должны быть использованы в степени потребной для нужд крестьян, но каждый раз с разрешения комитетов или организаций и под их ответственностью за целость перед Советом. Племенной скот не должен употребляться на работы.

§ 4. Мертвый инвентарь (плуги, жнейки, веялки и прочее) подлежит использованию для работ; по окончании работ в сохранном виде передается на хранение в имение под контроль комитетов и организаций.

§ 5. Усадьбы, дома и дворцы со всем внутренним убранством, книжными хранилищами, картинами и прочим принимаются по тщательной описи и строго сохраняются. Ответственность возлагается на комитеты или организации перед Советом.

§ 6. Комитеты обязаны организовать охрану и не допускать до расхищений, поджогов и погромов взятых на учет и распоряжение имений и экономий

§ 7. Комитеты обязаны немедленно доставлять Совету описи имущества движимого и недвижимого, взятого на учет и в распоряжение.

§ 8. Споры и недоразумения между комитетами и организациями разных обществ разрешаются между этими комитетами; если они не придут к соглашению, то обязаны свой спор передать Совету, постановление коего обязательно впредь до решения Учредительным Собранием.

§ 9. Получив и исполнив означенный приказ, крестьянские комитеты обязаны немедленно донести Совету о том, какое количество хлеба они могут представить в распоряжение Совета для питания рабочих, армии и прочего городского населения. Исполнительный Комитет Саратовского Совета Раб. и Солд. Депутатов. Председатель В. П. Антонов.

Дан 26 октября 1917 года.

Приложение № 2.

Саратовский Совет Солдатских и Рабочих Депутатов.

К крестьянам Саратовской губернии.

Деревенская беднота и вы, товарищи солдаты и инвалиды!

В продолжение целых восьми месяцев после свержения кровопийца-царя помещики, купцы, фабриканты и кулаки-мироеды всеми средствами задерживали переход земли в руки народа.

Их правительство во главе с изменником Керенским дошло до того, что, подобно царскому правительству, стало посылать на охрану помещичьих имений казаков. Казаки же, как и в 1905 году, стали насильничать над деревней, над вами, наши отцы, сыновья и братья, матери и жены.

Мы, солдаты и рабочие, находящиеся в городах, мы — плоть от плоти вашей и кость от костей ваших, не могли допустить надругательства над вами.

Мы поднялись и сбросили с народных плеч правительство помещиков и купцов, правительство Керенского. На место его мы создали свое Рабоче-Крестьянское Правительство, мы через Советы сами взяли власть в свои руки и первым долгом издали закон о передаче земли, инвентаря и усадеб Крестьянским Комитетам. Затем мы немедленно отозвали казаков.

Теперь мы заняты введением самого строгого контроля над производством товаров, борьбою с спекуляцией и правильным распределением между городом и деревней фабричных товаров.

Но помещики и капиталисты нам оказывают отчаянное сопротивление: они закрывают заводы, сокращают выработку нужных товаров, расстраивают железно-дорожное движение.

Они ведут нас к голоду.

Они надеются, что изголодавшаяся армия бросит фронт и пойдет на тыл в поисках хлеба, уничтожая все на своем пути, превращая свою же страну в пустыню.

Они надеятся, что мы, вооруженные, погибнем от голода, и тогда они вас, безоружную деревню, снова заберут в свои хищные лапы. И расчет их правильный.

Без вашей помощи мы не сможем бороться с ними, не сможем бороться с голодом.

А он идет.

Голодают города, голодает армия, голодаем все мы.

Каждый день с фронта приходят к нам телеграммы одна другой тревожнее: фронт просит спасти его от голода.

Везите хлеб!

Как можно больше должно свозиться на ссыпные пункты. Только героическими усилиями всего трудового крестьянства можно спасти от голодной смерти миллионы русских солдат, уже свыше трех лет проливающих свою кровь.

Только немедленный подвоз хлеба на ссыпные пункты спасет рабочих городов от той же участи.

Везите хлеб!

Саратовский Совет Солдатских и Рабочих Депутатов, принимая все меры к учету продуктов в городах, призывает вас помочь и содействовать ему скорейшим подвозом хлеба из бывших помещичьих имений и запасов кулаков на ссыпные пункты.

Везите же хлеб!

Отдайте все, что можете, на спасение страны, поделитесь последним, помогите: мы, крестьяне и рабочие, мы, солдаты, погибнем, и восторжествуют угнетатели наши, помещики, купцы и фабриканты, если хлеба не будет. Они снова отберут у вас землю и волю, ибо выпадет из рук голодных страшное для них оружие.

К тебе, деревенская беднота, обращаемся мы: призови на сход всех богатых односельчан и всех имеющих хотя небольшие запасы хлеба, скажи им, что страна гибнет от голода и ее нужно спасти, что всякий, могущий дать хоть один пуд хлеба и не дающий — преступник перед народом, преступник перед всею страной.

Во все ссыпные продовольственные пункты мы пошлем своих эмиссаров и ни одно хлебное зерно не попадет в руки спекулянтов.

Мы вырвали из рук паразитов землю и волю.

Мы заплатили за них своей кровью, с оружием в руках стоим мы на страже блага народного.

Дайте нам хлеба!

Дайте нам хлеб, чтобы укрепить за народом, за вами, землю.

Ныне от вас зависит спасение трудового народа.

Или не слышите вы нашего голоса?

Или сердце ваше окаменело и недоступна ему жалость к самому себе и к нам, вашим детям?

Из холодных окопов, из казарм, с фабрик и заводов, мы протягиваем вам руку за помощью, услышьте нашу смертельную просьбу:

Хлеба нет, дайте хлеба!

Исполнительный Комитет Сов. Раб. и Солд. Деп.

Председатель *Антонов.*

Приложение № 3.

Об'явление к крестьянам Саратовской губ.

Товарищи-крестьяне!

Население города Саратова и некоторых уездов губернии накануне голода.

Нет хлеба. Все саратовские мельницы остановились за отсутствием зерна. Подвоза зерна нет. Запасы муки также отсутствуют. Встает страшный призрак величайшего народного бедствия — голод.

Товарищи-крестьяне! Не допустите, чтобы в крови голодного бунта, самого страшного из всех народных волнений погибла свобода— величайшее завоевание Русской Революции. Вы не захотите потерять с таким трудом добытые землю и волю. Вы не допустите, чтобы из моря крови снова встал царский режим.

Враги народа—помещики и капиталисты в борьбе с народной властью не останавливаются ни перед какими средствами. Они хотят задушить революцию голодом. Уездные продовольственные управы умышленно препятствуют и тормозят доставку хлеба и работу Губернского Продовольственного Комиссариата. Задержка же в доставке хлеба грозит голодной смертью рабочим и солдатам городов и крестьянам неурожайных волостей и уездов.

Товарищи-крестьяне! Везите сейчас же, немедля ни одной минуты, хлеб на ссыпные пункты. Знайте, что каждый пуд привезенного вами хлеба спасет от голодной смерти городского рабочего с его семьей, солдата или голодающего крестьянина. Саратовский Губернский Совет Комиссаров по продовольствию организует по всей Саратовской губернии ссыпные пункты для хлеба, при чем при каждом пункте будет склад товаров, необходимых для деревни, как-то: мануфактуры, керосина и проч. Взамен привозимого крестьянскими, сельскими и волостными комитетами на ссыпной пункт хлеба, будут выдаваться названные товары по твердым ценам, часть же будет доплачиваться деньгами. Итак, товарищи-крестьяне, везите хлеб для голодных уездов и городов в ссыпные пункты. Не доводите население как Саратова, так и всей России до голода. Ваш гражданский долг спасти своих братьев, живущих в городах и селах,

Товарищи-крестьяне! Во имя спасения революции, земли и воли ведите беспощадную борьбу с кулаками.

Спешно реквизируйте у них все хлебные излишки.

К тебе, крестьянская беднота, взывают твои голодные братья. Они уже заставили фабрикантов дать тебе необходимые в деревне предметы, заставь же и ты своих кулаков-мироедов отдать голодающим свои излишки.

Саратовский Губернский Совет Комиссаров по продовольствию.

Приложение № 4.

Резолюции, принятые на Саратовском губернском с'езде представителей от волостей, происходившем 30 ноября—4 декабря 1917 г.

I. Резолюция об организации власти, принятая при 8 воздержавшихся.

Обсудив вопрос о текущем моменте и власти, Саратовский Губернский С'езд представителей от волостей постановляет:

1. Победоносно начатая городской и деревенской беднотой вторая революция должна быть доведена до конца и завоевать новой России действительное народовластие.

2. В исключительно серьезных случаях при решении важнейших вопросов как общегосударственного значения, так и местных воля народа должна выявиться всеобщим голосованием (референдумом).

3. Вообще же власть и воля народа осуществляются через выборные всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием органы учреждения и должностные лица.

4. Народ имеет право отзывать, сменять и заменять другими лицами всех выбранных им депутатов и должностных лиц, которые все ответственны перед своими избирателями.

5. В настоящее переходное время, когда неограниченная власть народа ожесточенно оспаривается различными господствующими и привилегированными классами, повсеместно должны быть организованы Советы Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов, как органы власти беднейших, наиболее угнетенных классов населения.

6. Исполнительными органами Советов являются Исполнительные Комитеты, при чем и депутаты Советов и члены Исполнительных Комитетов в любое время могут отзываться и заменяться другими. Через определенные промежутки времени (не более 3—5 месяцев) Советы и органы переизбираются целиком.

7. Таким образом повсеместно должны быть организованы Сельские, Волостные, Уездные и Губернские Советы Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов, как органы революционной власти победившей демократии.

8. Советы имеют право контролировать и реорганизовывать все общественные и правительственные учреждения и перестраивать, сообразно интересам большинства населения, всю экономическую и политическую жизнь своей области или ее части.

9. В частности, Советы, в полном согласии с декретом Совета Народных Комиссаров, имеют право назначать новые выборы во все органы самоуправления и распускать существующие, раз они не соответствуют интересам и воле большинства революционной демократии, об'единяющей наиболее угнетенные классы.

10. Населению должно быть предоставлено также широкое право отзыва и перевыбора депутатов как Учредительного Собрания, так и той

единой палаты, которая должна возглавить Российскую Народную Республику.

11. Признавая власть, образованную в Петрограде, мы призываем всю городскую и деревенскую трудовую демократию об'единиться и составить однородную демократическую власть из Советов Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов и всех политических партий, которые признают образованную в Петрограде власть и изданные ею декреты.

II. Резолюция об организации революционной власти в Саратове, принятая единогласно.

Обсудив вопрос об организации народной революционной власти в Саратове, как центре губернии, Губернский С'езд представителей от волостей постановляет:

1. Избрать из своей среды Губернский Исполнительный Комитет Крестьянских Депутатов в количестве 40 чел.—по 4 чел. от каждого уезда и 5 чел. от Саратовского Гарнизонного Совета Крестьянских Депутатов.

2. Этот Исполнительный Комитет, избранный из крестьян всех уездов, входит в состав Исполнительного Комитета Саратовского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и вместе с ним проводит революционные реформы по всей губернии.

3. Саратовский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов переименовывается в Саратовский Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

4. Вся полнота власти в губернии принадлежит этому Совету. Старый Исполнительный Комитет Губернского Совета Крестьянских Депутатов об'является лишенным полномочий и обязывается сдать все дела и средства вновь избранному Исполнительному Комитету.

III. О земельной реформе.

Заслушав и обсудив доклад Исполнительного Комитета Сов. Рабочих и Солд. Депутатов о земельной реформе и о мерах к проведению ее в жизнь, Сарат. Губ. С'езд представителей от волостей постановляет: одобрить деятельность Исполнительного Комитета по осуществлению земельной реформы в Саратовской губернии. В целях немедленного проведения в жизнь декрета Рабоче-Крестьянского Правительства от 26 октября 1917 года о земле С'езд поручает избранному им Исполнительному Комитету:

1) Выделить специальную земельную комиссию для дальнейшего руководства земельным переустройством.

2) Организовать товарищеские крестьянские суды для решения всех спорных вопросов, появившихся в связи с земельной реформой между отдельными обществами и лицами.

> Примечание. Руководство работами земельной Комиссии и товарищеских судов принадлежит Исполньнительному Комитету Крестьянских Депутатов.

3) Губернскую Земельную Управу, ввиду оказываемого ею сопротивления проведению в жизнь декрета о земле, распустить, приняв от нее все дела и средства.

IV. Об отношении к отрубщикам, немцам-колонистам и казакам.

Относительно отрубщиков, немцев-колонистов и казаков, живущих в Саратовской губернии, С'езд представителей от волостей постановил:

1. Во всех деревнях и селах, в которых часть крестьян выделилась на отруба, земли отрубщиков возвращаются в заведывание всего общества и бывшие отрубщики пользуются землей по трудовой норме на общем основании.

2. Немцы-колонисты, занимающиеся земледелием, пользуются землей по трудовой норме на общем основании.

3. Казаки, находящиеся в пределах Саратовской губернии, пользуются землей также на общем основании по трудовой норме.

V. По продовольственному вопросу.

Принимая во внимание, что продовольственное дело находится в состоянии, угрожающем населению и армии бедствиями стихийной силы;

что продовольственная разруха угрожает целости всех завоеваний революционных народных масс;

что противонародная продовольственная политика коалиционного правительства вообще и в частности сохранение этим правительством бюрократического характера продовольственных организаций, привели не к улучшению, а, наоборот, к полному краху продовольственного дела, вызвав со стороны широких масс населения недоверие и озлобление;

что только полная демократизация продовольственной политики и продовольственных органов может спасти население и революцию от гибели.

Саратовский Губ. С'езд пред. от вол. постановляет:

1. Для поднятия на должную высоту продовольственного дела и организации заготовки и распределения продуктов для населения заменить чиновничьи продовольственные управы—Губернскую и Уездную—Советами Комиссаров по продовольствию.

2. Принять скорейшие меры к приспособлению промышленных предприятий для выработки продуктов мирного времени и к снабжению деревни необходимейшими продуктами и товарами (керосином, солью и т. п.).

3. Потребовать от Правительства скорейшего введения старых, твердых, цен на хлеб с одновременным введением, в зависимости от них, твердых цен на остальные продукты и товары.

4. Обязать все местные продовольственные организации и сельские, волостные и уездные Советы Крестьянских Депутатов принять самые энергичные меры для немедленной сдачи излишков хлебных и кормовых продуктов на ссыпные пункты продовольственных организаций. Одновременно с этим обязать Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов реквизировать все предметы фабрично-заводской промышленности для немедленной сдачи Городским и Уездным продовольственным управам для распределения между населением, удовлетворяя в первую очередь нужды армии и голодающих.

5. Хлеб и фураж, взятые на учет в помещичьих имениях, за исключением потребного количества для содержания сельско-хозяйственных рабочих, а также для обсеменения полей и корма скоту, необходимого по усмотрению местных Земельных Комитетов,—оказавшийся излишним также должен быть немедленно сдан на ссыпные пункты.

6. Ссыпные пункты по указанию Исполнительного Комитета и его Комиссаров по продовольствию должны в первую очередь удовлетворять голодающее население губернии и армию.

7. Вся торговля на местах, все торговые предприятия, со всеми находящимися в них продуктами и товарами, должны немедленно перейти от частных лиц в ведение народных волостных и сельских Комитетов на основах реквизиции. У спекулянтов скрытые продукты и товары отбираются без всякой оплаты.

8. Предложить Советам принять решительные меры по борьбе с курением самогонки и пьянством, беспощадно карая виновных в этом страшном преступлении пред народом и революцией.

VI. О крестьянской красной гвардии.

Сознавая необходимость вооружения для защиты и укрепления завоеваний—земли и воли—Губ. С'езд постановляет:

1. Советам Крестьянских Депутатов на местах организовать Крестьянскую красную гвардию.

2. Для ее вооружения бесплатно отобрать все оружие у населения, а также взять таковое из принятых на учет помещичьих экономий и у ныне упраздненной милиции.

3. Предложить Исполнительному Комитету Саратовского Совета Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов озаботиться, по возможности, снабжением крестьянской красной гвардии оружием.

VII. О пайках.

Обсудив вопрос о пайках семьям призванных в армию, Губ. С'езд постановляет:

1. Выдачу пайков сосредоточить в руках сельско-хозяйственных Советов Крестьянских Депутатов.

2. Оказывать помощь лишь действительно нуждающимся семьям призванных, не различая льгот, разрядов и т. п.

3. Для более правильного оказания помощи привлечь к делу распределения пайков самих солдаток и вообще семьи призванных, образовав везде комитеты из представителей от них.

4. Желательно помощь оказывать не деньгами, а натурой — хлебом, платьем, трудовой подмогой и т. д.

5. Привлекать к ответственности перед народным революционным судом тех, кто, заведывая раздачей пайков, творил злоупотребления, а также тех, кто, не имея права на помощь, пользовался таковой.

VIII. О сельско-хозяйственных рабочих.

Обсудив вопрос о с.-хоз. рабочих, Губ. С'езд постановляет:

1. Рабочих до весны ни в каком случае не удалять и предоставить им все необходимое для пропитания.

2. На месте совместно с этими рабочими обсудить вопрос об их дальнейшем устройстве и выработанные предложения сообщить Саратовскому Исполнит. Комитету.

Председатель С'езда *М. Васильев.*

Товарищи председателя { *С. Загуменный.* *Ф. Иванов.*

Секретари { *Тр. Пахомов.* *П. Яковлев.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

2 руб.

